

А.В. Кутищев

А.В. Кутищев

**Армия Петра Великого:
европейский аналог
или отечественная
самобытность**

**Армия Петра Великого:
европейский аналог
или отечественная
самобытность**

Москва 2006

Рисунки и репродукции
С.А. Токарева

Кутищев А.В.
К 95 Армия Петра Великого: европейский аналог или отечественная самобытность. – М.: Компания Спутник+, 2006. – 408 с.

ISBN 5-364-00291-8

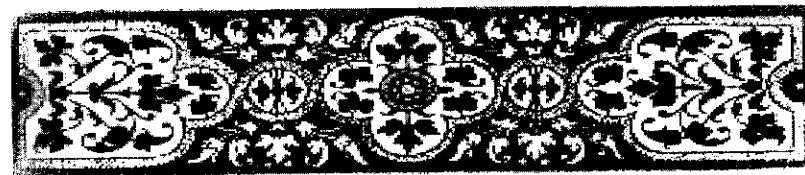
Книга посвящена одному из наиболее интересных этапов российской военной истории. Опираясь на архивный материал, мемуары и документы, автор рассуждает над далеко не простой судьбой Вооружённых Сил. В центре повествования извилистый, подчас противоречивый путь, пройденный российскими регулярными полками в XVII–XVIII веках. Трудный путь проб и ошибок, освоения прогрессивного военного искусства и переосмысления самобытного военного опыта, горьких поражений и громких побед предстоит преодолеть молодой армии Петра Великого, прежде чем она стяжает славу непобедимой.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, кому небезинтересна российская военная история.

ББК 63.3(2)511-35

ISBN 5-364-00291-8

© Кутищев А.В., 2006

ВВЕДЕНИЕ

Исторический путь нашего Отечества своеобразен и самобытен. Однако, эти особенности не исключают Россию из семьи европейских народов. «Мир» для России всегда оставался, в первую очередь, миром Европы, во всяком случае, с конца XVII – начала XVIII веков. Сегодня многие важные события в истории Отечества рассматриваются в фарватере мировой или европейской истории. Такая трактовка является отражением социально-политических процессов конца XX века, важнейшим из которых стало преодоление искусственно созданной самоизоляции той части Европы, становым хребтом которой многие десятилетия выступала советская Россия. Читатель теперь может проследить историю развития нашей государственности, экономики, социальной структуры российского общества, русской культуры и искусства в конкретных проявлениях отечественных и общемировых тенденций. Может быть где-то здесь, на стыке цивилизаций и культур, учёные смогут найти ответы на вопросы, так до сих пор и не разрешённые современными политиками. Может быть для того, чтобы увереннее и динамичнее двигаться по пути преобразования общества, стоит решительнее осваивать ещё не тронутые пласты исторической науки и отдельных научных отраслей и там, в глубинах исторического небытия, искать решение наболевших вопросов.

В этом контексте сегодня рассматривается и военное прошлое нашего Отечества. В научной литературе уже были освещены многие важные проблемы отечественной военной истории. Об эволюции вооружённых сил и войнах России, о роли

российских монархов и выдающихся полководцев, обогативших теорию и практику военного искусства, писали С.М. Соловьёв, В.П. Ключевский, В.Д. Греков, М.Н. Тихомиров, К.Б. Базилевич, В.В. Мавродин, военные историки П.А. Жилин, А.А. Строков, Л.Г. Бескровный, П.П. Елифанов, Н.И. Павленко и другие. На их фундаментальные исследования автор книги опирается, рассматривая общие и особенные тенденции в развитии военного искусства в рассматриваемый период.

Эта книга обращается к одному из наиболее драматических периодов в истории Отечества – к эпохе Петра Великого. По мере того, как петровская Россия всё дальше и дальше отдаляется от нас, интерес к ней не только не спадает, но, наоборот, становится насущнее и актуальнее. Актуальность эта определяется, прежде всего, непрекращающейся борьбой вокруг выбора путей дальнейшего развития России. Политическая конъюнктура время от времени выплёскивает эти злободневные вопросы из парламентско-правительственных кабинетов на улицы и площади. В эпицентре бьющих через край эмоций и политических страстей превалирует всё та же традиционная тема. Если очистить её от модернистских наслоений нашей бурной эпохи, этих различных курсов и уклонов, научных и псевдо-научных учений, общественно-политических программ и социально-экономических концепций, то её первоначальный вид будет таков, каким он был сформулирован русской думающей интеллигенцией полтора столетия назад: кто мы есть, охвостье западной цивилизации или наследники самобытной культуры? И кого избрать себе наставником в трудном деле общественного преобразования, на кого уповать в сложной круговерти исторических аномалий? Трудно отрицать, что в современных реформах в значительной мере содержится западный, международный по своему истоку импульс. Вместе с тем, в споры о дальнейшей судьбе Отечества включаются широкие массы неискущённых простых людей. Свежие, не всегда созидательные и конструктивные политические силы, спекулируя на патриотических настроениях определённых кругов общества, рвутся

потеснить у властного пирога сильных мира сего. К политике пробуждается молодое поколение, вооружаясь подчас национал-патриотическими лозунгами. Вопрос о соотношении европейского и отечественного в нашей исторической судьбе – это не просто культурно-просветительский вопрос, это вопрос существования, процветания или угасания нашего государства, наших народов и нашей многогранной самобытной культуры. Поэтому, обращение к нашему историческому опыту не может не способствовать созданию оптимальной модели восприятия Россией международных норм и стандартов, важных для трансформации страны в русле соединения либерального и национального начал в российском обществе

Безусловно, любые попытки отыскать прямые аналогии современного положения с петровской Россией будут выглядеть наивными. Но, тем не менее, нельзя не увидеть в положении России рубежа XVII–XVIII веков и современном положении много похожего. Так же приходилось преодолевать искусственную изоляцию от мировой цивилизации, застой в социально-политической жизни, отсталость экономики. Пристальное внимание к этому периоду объясняется и тем, что усилия Петра буквально преобразили государство. Из задворков цивилизации Россия становится активным субъектом европейской политики, полноправным членом мирового сообщества, применяя современную терминологию.

Именно в рассматриваемую эпоху наиболее рельефно проявились роль и место Запада в истории нашего Отечества. Анализ участия Европы в петровских преобразованиях должен подсказать, в какой степени стоит уповать на её помощь, какова истинная роль европейских стран в реформировании России, результаты и последствия переноса европейских стандартов на русскую почву, отдать ли предпочтение ориентации на отечественные традиции и самобытность или на цивилизованный Запад, как отыскать между ними разумную середину. Социально-исторической науке ещё предстоит ответить на эти вопросы. В этой же книге рассматривается военно-исторический ас-

пект этого сложного явления нашего развития. В центре внимания книги находится только один элемент российского государства – его армия.

Рассуждать о России, как о части Европы, и обойти вниманием Петра Великого – значит лишить работу серьёзного исторического анализа, заведомо обрекая её на роль дешёвой пропагандистской брошюры, изданной на потребу сиюминутной политической конъюнктуры. Невозможно говорить о взаимосвязи двух культур, не упоминая о родоначальнике западного направления нашего исторического пути. Автор включается в полемику о судьбах России, как о части европейского дома, акцентируя внимание на деятельности Петра по созданию Российской армии. Процесс этот прослеживается в преломлении применения в военном строительстве отечественного и западноевропейского опыта.

Петр и его время всегда привлекали к себе пристальное внимание исторической науки. Им посвящено более 200 исторических и военно-исторических трудов. Для большинства этих трудов, монографий, исследований характерно следующее:

1. Основной своей задачей исследователи видели накопление фактов, отражающих объект поиска, их обработка по хронологическому основанию, чёткая систематизация по временному признаку. При громадном разнообразии объектов научного поиска, будь то сухопутные войска или флот, отдельные рода войск или категории «служилых людей» данной эпохи, судьбы воспитателей или история кампаний, методика исследований выдерживалась неукоснительно: изыскание и сбор фактов, по возможности не опубликованных ранее, и выстраивание их в хронологической последовательности. Необходимо отметить глубокое проникновение в источниковую базу данных исследований, причём, чем позднее появлялись эти работы, тем основательнее подкреплялись они архивными материалами. Наиболее всеобъемлющими являются труды Л.Г. Бескровного, В.В. Верхолубова, П.П. Епифанова, более ранние работы П. Гудима-Левковича, Г.А. Леера, Н.П. Михневича, Д.Ф. Масловско-

го, П.О. Бобровского, А.К. Пузыревского и др. Только в 1917–1991 годах по вопросам военных и военно-морских преобразований было издано и опубликовано более 150 монографий, книг, сборников, учебных пособий и брошюр, более 250 учёных статей и публикаций. В 40–80 годах XX века отдельные аспекты военной реформы исследовали более 30 докторских и кандидатских диссертаций. Можно твёрдо сказать, что тема петровских военных преобразований отличается тщательностью проработки фактологического материала, глубиной исследования как общих, так и частных вопросов.

Между тем, большинство вышеперечисленных исследований не выходили за рамки пассивного хронологического фиксирования исследованного материала. Академик Л.В. Черепнин когда-то отмечал, что простое накопление фактов ещё не создаёт историю, как науку. Другой, не менее известный учёный, А.Я. Гуревич, меткое назвал такие методы изучения истории «ползучим эмпиризмом». Настоящая работа рассматривается, как попытка выйти за рамки привычных концептуальных схем, предписывающих исследователю творить историю-повествование. Цель работы – всё многообразие как уже опубликованных, так и ещё неизвестных фактов проанализировать по содержанию в них традиционно-русских и заимствованных начал. Именно с этих позиций, а не со строго хронологических, взглянуть на петровские военные реформы, дать их периодизацию по новому основанию – такова задача, поставленная перед автором этой работы.

2. Пытаясь проникнуть в суть процесса строительства регулярного войска начала XVIII века, редко кто из историков ушёл от участия в традиционной дискуссии, касающейся оценок реформ и их роли в поступательном развитии государства. Тон в ней задавали великие историки XVIII века М.В. Ломоносов, В.Н. Татищев, М.М. Щербатов. Расцвет историография петровской эпохи достигла в трудах С.М. Соловьёва, В.О. Ключевского. Диапазон оценок реформаторской деятельности Петра был достаточно широк: от восторженных патристически-панегири-

ческих взглядов М.В. Ломоносова до критических оценок Н.М. Карамзина и В.О. Ключевского. Пик полемики пришёлся на последнюю четверть XIX века, время бурного социально-экономического развития России, расцвета духовной жизни общества, проснувшегося от феодально-крепостнической спячки. В военной истории основным предметом полемики выступали петровские военные преобразования, в которых многие видели начало современной военной организации. Военные историки разделились на сторонников так называемых «академической» и «русской» школ. Большинство военных историков стояли на позициях противопоставления. «Академисты» противопоставляли допетровскую Россию послереформенной. Рубеж XVII–XVIII веков рассматривался как грань, отсекавшая традиционно-бытовые, военно-экономические уже сложившиеся начала от явлений, определявших лицо новой России. Прозападнические концепции отрывали новации от национальной почвы, видели прогрессивные новшества детерминированными только внешними системами. Московское государство они лишали потенциальных возможностей адекватно реагировать на прогрессивные веяния эпохи. Только Запад, с их точки зрения, был способен поднять из небытия закосневшую в своём дремучем невежестве Русь. Отсюда, всё, что носило на себе печать традиционно-русского, было осуждено. Наоборот, все достижения России в военной области 1-ой четверти XVIII века преподавались как преобразования по европейскому варианту. Прогрессивность новшеств доказывалась победоносным завершением Северной войны. Генезис военного строительства искусственно разрывался на два слабо связанных друг с другом этапа: допетровскую Русь и Россию Петра Великого. Серьёзных попыток найти точки соприкосновения не предпринималось. Постольку, поскольку Петра совершенно справедливо считали решительным и последовательным западником, военное строительство в интерпретации «академистов» имело прозападническую окраску. Другие составляющие общественно-исторического процесса или не принимались во внимание или принижа-

лись. Примечательно, что приостановка активного заимствования европейского опыта в связи с началом Северной войны некоторыми историками этого направления характеризовались как прекращение реформы вообще. Так Г.А. Леер утверждал, что с началом Северной войны в 1700 году дальнейшие меры Петра по устройству регулярной армии были временно приостановлены¹. Ф. Ласковский настаивал, что с началом боевых действий «снова и надолго отдалилось приведение в исполнение улучшений по инженерной части»². «Русская школа» была представлена не менее видными военными историками, наиболее известными из которых являлись А.З. Мышлаевский, Д.Ф. Масловский, Н.П. Михневич. Для данного направления характерна попытка взглянуть на XVII век не только как на исторический фон для деятельности Петра I, но и как на самостоятельный этап развития государства и Вооружённых Сил. В последней четверти XIX века появляются работы, в которых, не абсолютизируя роли царя-западника в создании регулярной русской армии, предпринимаются попытки усилить в этом процессе традиционно-русские начала. Вопрос о сопоставлении заимствованного и традиционного представителями «русской школы» также не ставился.

Советская историография существенно углубила и расширила наше представление о петровских военных преобразованиях. В 40–50 годы XX века вышли в свет серьёзные обстоятельные исследования, которые внесли существенные коррективы в освещение данной проблемы. Канонизация диалектико-материалистического подхода к изучению истории сопровождалась отсутствием широкомасштабных дискуссий, догматом в освещении различных вопросов, преобладанием сталинского толкования истории и крайней идеологизацией. На совершенно иной методологической основе возобладала точка зрения, близкая ко взглядам «русской школы».

Для советской историографии этого периода характерны переоценка национальных начал и традиций, замалчивание негативных сторон этой тенденции. Роль западноевропейского во-

енного дела в строительстве русской армии принижалась. «Прогрессивное» русское военное искусство противопоставлялось «реакционному» европейскому. Позиция советской историографии в идеологической борьбе отличалась высокой активностью и наступательным характером. Одним из объектов её нападков стали дореволюционные авторы военно-исторических трудов. Их критиковали за приверженность к западноевропейской модели в оценках петровских военных преобразований. Так Н. Устрялов, автор «Истории Петра Великого...» обвинялся в том, что он был сторонником данной концепции и тем самым «... извратил историю вооружённых сил Русского государства» П. Гудима-Левкович подвергался критике за то, что история русского войска до XVIII века рассматривалась им лишь как введение к военно-преобразовательной деятельности Петра I. Не удалось избежать разгрома и автору двухтомной «Русской военной истории» Н.С. Голицину: «Работа Голицина является отражением реакционной политики дворянского правительства конца XIX века и не даёт правдивого освещения истории русских вооружённых сил»³. Основным пороком всей работы виделось отрицание самостоятельного пути развития вооружённых сил Русского государства: «Автор пытается доказать, что русский народ заимствовал военное устройство у других народов (у норманнов, потом – у азиатских народов, позднее – у западноевропейских). Он искажал историческую действительность и преклонялся перед иностранной военной организацией»⁴. В целом, делается вывод, что «дворянские и буржуазные» историки не верили в творческие силы русского народа и отрицали самостоятельный путь развития русского военного искусства. Вместе с тем, вполне справедливо делался упрек в слабом использовании первоисточников, в отставании от общеисторической литературы, базировавшейся на глубоком анализе архивного материала и других источников.

Наиболее резкие негативные оценки встречаются в работах 30–50 годов, но влияние данной традиции заметно и в более поздних трудах. Европейские наёмные армии этого перио-

да рисовались совершенно не способными к решительным инициативным действиям, наёмные солдаты – сплошь грабителями и насильниками. Иноземные офицеры – потенциальными изменниками, готовыми в первом удобном случае перебежать на сторону противника. Тактика и стратегия европейских армий представлялась набором реакционных шаблонов и догм. Факт строительства петровской армии по лучшим европейским образцам не мог не признаваться советскими историками 30–50 годов, настолько это было очевидно. На этот тезис не принято было заострять внимание. Как правило, он терялся среди дифирамбов о передовом русском искусстве, о национальном характере молодого русского регулярного войска и его неоспоримых преимуществах перед наёмными армиями Европы. Многие из исследователей, которым навязывали «принцип партийности», предполагавший готовность вкрявь и вкось трактовать историю, искали выход в погружении в необъятное море ещё неизученных фактов, в их скрупулезное изучение. Таким образом они надеялись уйти от действительности. Может быть, это объясняет то, что именно в эти годы историография петровских реформ пополнилась работами, отличающимися тщательной проработкой архивных материалов, глубоким проникновением в источниковую базу. К ним относятся исследования Л.Г. Бескровного, М.Д. Рабиновича, В.Н. Автокротова и др.

Для работ современного периода, наиболее значительные из которых принадлежат перу П.П. Епифанова, Н.И. Павленко, Е.В. Анисимова, свойственен более взвешенный подход к оценке преобразований Петра I, общие формулировки свободны от ярко выраженных идеологических штампов. Последний крупный научный труд, на который ориентировался автор настоящей работы, близкий ей по кругу затрагиваемых вопросов, вышел более трети века назад. Он принадлежит перу известного исследователя Вооружённых Сил и военной истории петровской эпохи П.П. Епифанову. Учёный придерживался нейтральной позиции, утверждая, что так и не было выработано единого взгляда на отношение Петра к западной военной культуре.

Общим для историографии военно-преобразовательной деятельности Петра Великого было то, что она так и не смогла преодолеть описательного характера, Над историками довлела приверженность к пересказыванию исторических фактов. Выявление существенных признаков, тенденций и закономерностей, как правило, подменялось историей-повествованием.

В этой книге представлен взгляд на строительство русской регулярной армии на рубеже XVII–XVIII веков, основанный не на противопоставлении двух тенденций этого процесса, а на их взаимопроникновении и взаимодополнении. Сам по себе этот тезис ничего оригинального не содержит. Если существуют две исключаящие друг друга точки зрения, то нетрудно выработать третью – нейтральную. В той или иной постановке эта мысль встречается у многих исследователей. Наиболее последовательно она отражена у П.П. Епифанова. Среди последних работ можно отметить исследования В.В. Гаврищука. Он подчёркивал: «... военные преобразования конца XVII–XVIII веков проводились как с учётом национальных особенностей развития военного дела в России, так и с широким использованием наиболее передового опыта ведущих военных держав Западной Европы»⁵. Для большинства авторов приверженность этой точке зрения – не более чем дань традиционному спору двух направлений в русской истории и историографии. Ни на миг не отвлекаясь от своих исследовательских задач, они обозначали свои позиции, как правило, двумя-тремя фразами. В этой книге вопросы привлечения европейского опыта и учёта национальных особенностей в процессе военного строительства на рубеже XVII–XVIII веков стоят в центре внимания.

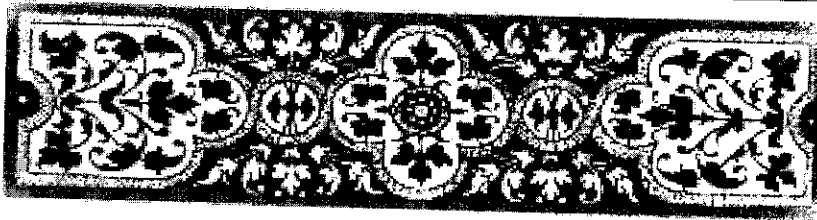
¹ Леер Г.А. Обзор войн России от Петра Великого до наших дней. – СПб., 1885. Ч. 1. С. 8.

² Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. – СПб., 1858–1864. Т. 1–4.

³ Чернов А.В. Вооружённые силы Русского государства в XV–XVII веках. – М., Воениздат. 1954. С. 4.

⁴ Чернов А.В. Указ.соч. С. 5

⁵ Гаврищук В.В. Военные реформы Петра I в отечественной историографии (1917–1991 гг.). Дисс. ...канд.ист. наук. – М., 1993. С. 58.

ГЛАВА 1: РУССКИЕ ВОИНСКИЕ ТРАДИЦИИ В ВОЕННО-РЕФОРМАТОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

1.1 ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ ДЕРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ

Так как зашёл разговор о регулярном войске, нелишним будет пояснить любезному читателю тайную хитрость слова «регулярный», и отчего именно к нему будет приковано его драгоценное внимание. Потому как для современника, обитающего в стремительный век информационных технологий, навязчивой телерекламной жизнерадостности и апельсино-искрящихся разливов «Спрайта» оно мало о чём говорит. Само по себе вышеупомянутое понятие можно переиначить на русский, как «упорядоченный» или «приведённый в порядок». И чаще упоминают его, во-первых, когда обсуждаются темы, с петровской эпохой связанные, а конкретнее – с армией Петра Великого. Во-вторых, интерес к нему возрастает, когда разговор перетекает в плоскость исконной военной составляющей Запада и Востока. Эпоха Просвещения, пришедшая на смену религиозной ожесточённости, провозгласила приверженность терпимости, умиротворённости и человеколюбию. С изяществом, присущим эпохе барокко, она произвела переворот в сознании человека XVII–XVIII веков. Она явила миру блестящие произведения Лопе де Вега, и Расина, загадочные шедевры Веласкеса, озорное остроумие Мольера, мудрёные раздумья Гроция, хитроумные приспособления механических

выдумщиков Ньютона и Деламбера. Отголоском эпохи всеобщих преобразований в военном деле стало его регулярное переустройство. Военные видели в «регуляторстве» шаг вперёд в развитии армий. Оно, это устройство, сменило наёмные военные отряды в XVI–XVII веках. Чем же регулярное войско отличалось от предшествующего? Полистаем учебник по военному искусству и отыщем там по-военному сухую и лаконичную, но исчерпывающую дефиницию: «Основными признаками регулярных армий являлись: несение военной службы как во время войны, так и в мирные дни, единство штатной организационной структуры войск, их вооружения и военной формы, постоянно действующая система пополнения войск личным составом, единая система обучения и боевого применения войск, определённая уставами, наличие централизованного управления и снабжения»¹. Становление регулярной армии в России обычно связывают с именем Петра Великого. На самом же деле процесс её утверждения хронологически охватывал около столетия. Он пришёлся на правление как предшественников, так и преемников Петра на российском троне.

Пожалуй, начнём нашу запутанную историю со второй половины XVII века. Могли бы заглянуть и дальше в глубь веков, да, боюсь, у читателя терпения не хватит разбираться в ратной премудрости давно минувших времён. Итак, преобразования начались задолго до воцарения на престоле Петра I. Важным этапом на этом пути стало создание стрелецкой пехоты Иваном IV. Брал ли Грозный царь пример с «нечестивой» Европы? Или, исполненный презрительной надменностью к «папешкам и луторам», следовал исконным росейским обычаям? С одной стороны, всё чаще русским ратям приходилось сталкиваться в бою с профессиональными европейскими отрядами. Всё чаще в Кремлёвских палатах сказывались приязненные речи о западных «ратных ополчениях» и великой нужде нашей об ихних военных хитростях. Вскоре от пересудов перешли к делу. И стрелецкое войско было учреждено. Вместе с тем, в его устройстве было очень мало общего, например, с немецкими ландскнехта-

ми, классическим европейским наёмным войском и современниками стрельцов. Настолько мало, что стрельцов можно смело считать проявлением российского военного обычая. На наш взгляд, в данном случае преобладала здравая сметка московских воевод, а не благосклонность к заморским опытам. Шагом вперёд можно считать появление отрядов наёмников на службе московских царей в конце XVI – начале XVII века. Было ли это продиктовано необходимостью совершенствования оборонных стран? В первую очередь, эти меры преследовали цели охраны августейшей персоны государя. Наёмные формирования, несколько рот солдат, несли караульную службу в Кремле, время от времени принимая участие в походах московского войска. Подобная лейб-охрана, преимущественно из швейцарцев, шотландцев, не имевших родственных корней среди национальной аристократии, постоянно интригующей против монархов, состояла и при многих европейских дворах. В этих формированиях в той или иной мере проявлялись признаки не только постоянных, но и регулярных войск. Но ядром для массовой армии нового образца эти лейб-роты так и не стали. Наконец, решительные шаги по созданию регулярной армии были предприняты в XVII веке царём Михаилом Фёдоровичем. Переломным этапом в ратном деле стало царствование Алексея Михайловича. Надлежащий порядок, не смотря на болезненность организма, поддерживал в войске царь Фёдор Алексеевич.

Отчего же среди царей, императоров и императрицистики питают пристрастие именно к личности Петра? Во-первых, потому как он, в отличие от иных, наивящую решительность и изрядность в военном созидании выказывал. К сожалению, деловитость и энергичность странным образом уживались в нём с чертами, выразить которые возможно только самыми мрачными тонами. Время от времени его порывистая энергичность сменялась приступами яростной бесноватости. И тогда лютой ненавистью к людям наполнялась его душа, чело страшно искажалось в судорогах, рука тянулась к палке, кнуту, топору. Его упорство бок-о-бок соседствовало с болез-

ненной маниакальностью, требовательность была неотделима от жестокости. Беспощадность к себе и к своим подданным стала обыденностью его царствования. Такие термины, как последовательность, расчётливость вряд ли подойдут для истинного отражения его трудов на военном поприще. Да, он отличался почти нечеловеческой целеустремлённостью и упорством. К достижению цели он стремился со всей неистовостью и испуганностью своей неуравновешенной натуры. Лихорадочная деятельность Петра – это зачастую сплошная череда сумбурных, поспешных решений. Спонтанные и торопливые, они нередко противоречили друг другу. И всё-таки субъективность человеческого фактора в истории не всегда адекватна его значимости в историческом процессе. Не смотря на нелюбимые, подчас шокирующие качества личности царя, военное строительство его эпохи носило действительно революционный характер. Революционный – по темпам, последствиям, ну и, конечно, по методам. Результаты его деятельности выглядели наиболее впечатляющими для современников и, особенно, для последующих поколений. Во-вторых, армия Петра добилась наиболее блистательных успехов в борьбе с могущественным неприятелем. Таких громких викторий не знавала ни армия его родителя, ни, тем более, брата. Да и вообще, колоссальная фигура первого российского императора заслоняла своим угрожающим величием маловыразительных правителей той эпохи. Как не связать с его именем устройство победоносных ратей, предводительствуемых им же на бранях, ставших символами славы и доблести российского оружия. Вместе с тем, историческое полотно выткано бывает не только яркими пёстрыми нитями, бескрайнее его поле представлено более серыми спокойными тонами. Созданное неспешным трудом истории, это полотно служит матрицей, надёжной основой, на которой с лёгкой руки талантливого художника расцветает причудливый красочный узор человеческих страстей, честолюбивых поступков и живописных подвигов. История создаётся не столько яркой, впечатляющей, сколько кропотливой, неприметной для неискущённо-

го глаза работой. Результаты такого усердия вероятнее всего скажутся нескоро, может быть, спустя десятилетия, может – ещё позднее. Но деятельность эта важна тем, что она закладывает начала будущих громких свершений, заранее определяет направление преобразований.

Именно таковыми для истории нашей армии стали царствования Алексея Михайловича и Фёдора Алексеевича. По своей значимости их «блеклые» царствования не менее важны, чем блистательные военные подвиги и непрестанные созидательные усердия Петра I.

Во второй половине XVII века войско России неторопливо, но основательно переходило от древнерусского к европеизированному порядку. Кое-что в нём уже отжило свой век и безнадежно устарело, кое-что – только нарождалось, вызывая ненависть ревнителей старины. Вместе с тем, не всё в старых структурах окончательно утратило своё значение. Оно требовало переосмысления, реорганизации и дальнейшего развития.

Итак, что же представляли собой рати Московского государства накануне петровских реформ. За исчерпывающими глубокими исследованиями отошлём уважаемого любителя древностей к трудам известных российских и советских военных историков П.О. Бобровского, А.В. Чернова, Ф.И. Калинычева, П.П. Епифанова и других. Мы же попытаемся скромно разобраться, что было предано забвению в стародавних бранных обычаях, а что обрело дальнейшую жизнь в петровских регулярных полках.

Вооружённая сила России к середине XVII века состояла из двух почти автономно друг от друга существовавших частей. Первая – уходила своими корнями в глубь столетий, зиждилась на древних обычаях и традициях, которые помнили ещё «стену» червлёных щитов Святославовой дружины, половецкие подвиги Мономаха и дикий вой наступающих Батыевых туменов. Русское войско сложилось в бесчисленных бранях за утверждение Московского государства, одерживая славные победы, терпя уничтожительные поражения. Оно развивалось настойчивым к ратному

уложению размыслом царей и сметливой хваткой воевод. Совершенствовались ратное мастерство, техника боя, военная хитрость. Многие достойные перенимались у грозных неприятелей, коварных соседей и, вообще, у всякого, имеющего прилежание к бранному делу. Самым взыскательным и строгим учителем ратной науки была, конечно же, Золотая Орда и её наследники, Казань, Крымская, Ногайская орды. Менее восприимчиво русское войско долгое время было к далёкой Европе, своими нечестивыми ересями и двоедушием вызывавшей искреннюю ненависть у истового православного. Когда же, наконец, стало ясно, что религиозная нетерпимость препятствует прогрессу, и на Русь стал проникать европейский военный промысел, то прежнее войско так и стали называть – «русский строй».

«Русский строй» со стародавних времён славился дворянским конным войском. Из разных земель шёл служить московскому царю всякой породы люд. Будь-то важный вельможа из Литвы или Орды. А-то – захудалый князёк, мелкий осколок некогда многолюдной фамилии Рюрика, Гедемина или самого Чингиз-хана. Или опальный княжий служебник, или простой ратник, ищущий покровительства. Всех милостиво принимал Белый царь под свою высокую руку. Знатных да родовитых сажал на Москве, приближал к своей персоне. Служилый люд подлой породы селился больше по окраинам, недавно мечом присоединённым к Великому княжеству. За службу верную наделялся служилый человек земельным пожалованьем да крестьянскими душами, дабы было чем прокормить жену, детей малых, отца-мать немощных и, вообще, домочадцев. Чтобы было чем справиться ратные припасы в поход на недругов государства. Бедна Россия прибытками, незавидна её доля. Ремёсел искусных мало, и те – по сёлам далёким да городкам невеликим для собственного обиходу употребляют. Торговлишка – еле теплится, иди-ка через хляби расейские да леса дремучие буреломные да с караваном добра немереного. Если живота не лишиться, то бездорожье окаянное всё одно разор учинит, не то что барыши принесет. А удалого народа разбойного превеликое

Рис. 2 Московский ратник. Только кираса, шлем и шпага, лежащие на траве говорят, что перед нами не крестьянин или посадский, а солдат.

множество по Руси рыскает: то казачья станица налетит, откуда не ждали, то хищные ногайцы пронесутся ураганом, а то сам царь Крымский с ордой пожалует, пол-России выжжет да в полон уведёт. Так и перебивается Русь от поздней апрельской оттепели до неожиданных осенних заморозков тем, что успеет мужик посеять в отвоёванную у лесов запашку да скоро собрать скудный урожай. Если не постигнет его недород, если не вымокнет или не вымерзнет на корню, если засуха и саранча не поразят за грехи свои и чужие, то протянет впроголодь Русь до весеннего солнышка. Откуда и прибытки государству искать? Почитай, неоткуда. Потому пуста казна частенько бывала, нечем расплачиваться за верную службу с ратниками. Зато землицы на Руси – просторы великие, нетронутые. На неё-то, родимую и «сажали» новоприборного ратника. Царёво земельное жалованье давалось кому помещьем, а кому – и помещьцем. Жировать с него – особо не пожирнешь, прожитков богатых не наживёшь, барышей – не накопишь. Но и с голоду не помрёшь, и на том спасибо. Грех сетовать.

Росло и крепло Российское государство, множилось царёво войско. Разрасталось вширь и поместное землевладение – материальная подмога московскому ратнику. Оно оформлялось в самостоятельное хозяйство, требующее, как и любая другая казённая отрасль, радетельного участия и внимания со стороны государства. За множеством разновеликих клочков помещичьей земли, островами раскиданных по бескрайней, от студёных северных морей до Дикого поля, Московии, нужен был глаз да глаз. И был заведён чиновный присмотр за поместным хозяйством. И установлено строгое делопроизводство, которое велось дьяками в разных приказных книгах. Тех самых, что в переплётах из свиной или телячьей кожи и с мудрёными мед-

ными застёжками по краям. В этих книгах было прописано всё до мелочей: порядок наделения служилого человека помещьем, условия владения, наследования, купли-продажи, заклада, сроки, нормы земельного жалованья. То, что сегодня бы получило название правовой стороной дела, складывалось в душевных палатах московских приказов. Складывалось не в одночасье, а вырабатывалось на протяжении веков. И получило оно юридическое завершение и окончательно закрепились в поместном праве. Поместное право закрепляло за ратным человеком участок земли, поместье, и работников-крестьян на время его службы Российскому царю и государству. Оно связало ратника сложными административно-хозяйственными и правовыми узами с государством. Оно сформировало целое служилое сословие со своими корпоративными политическими предпочтениями и экономическими интересами. Это – будущее российское дворянство, становой хребет будущей могучей Империи. Оно создавалось стихийно, как кодекс неписаных юридических норм, имеющих касательство, в основном, к государственной обороне. Но, в конце концов, определило жизненный уклад целого народа, историческое лицо всей России, став правовой основой крепостной системы.

В XVII веке недругов у России хватало. Помимо столкновений с Польшей, Литвой и Швецией приходилось вести вековую необъявленную войну с южными соседями, самым коварным из которых было Крымское ханство. Беспокойные крымские отряды, бывшие орудием то польской, то турецкой политики, беспрестанно тревожили наши степные границы. Каждый год с мая по сентябрь крымцы или ногайцы внезапно появлялись то там, то здесь на русских рубежах. О чём свидетельствуют ежегодные отписки воевод и «осадных голов» в Разрядный приказ. Вот некоторые из них, датированные маем-июлем 1640 года.

Вчитываешься в непривычные современному слуху строки, прислушиваясь к старинной фонетике напевных звуков, и чудодейственная сила воображения уносит читателя в почти

былинное прошлое. Вот она, бескрайняя степь. Иссушенные ветрами ковыльные травы, безбрежный океан которых расстилается перед конной станицей, нехотя расступается перед утомлёнными лошадьми и вновь смыкается после них. Ни следа не остаётся среди волнующихся под ветром волн жёлтого выгоревшего разнотравья. Как-будто не проехали здесь только что две сотни конных о двух телегах с лёгкими пищальями и огненным припасом. Вот голубеют в знойной дымке дубовые стены острога, скрипящие в петлях дубовые же ворота распахиваются перед усталой станицей. Впереди сам осадный голова с ближними ратными людьми. Выдубленное степным зноем лицо, собравшееся морщинами в усталом прищуре глаз, исхлётанное вольными ветрами, как из красного камня изваянное. Кудлатая борода, выдавшая виды, кажись, соболя шапка, рубаха с нашейной вышивкой, потемневшая от пота и пыли. Тяжёлый доспех скинут на последней дневке и оставлен в скрипучей телеге, где на сене бережно уложены жестоко порубленные в деле казаки. Налегке трясутся в сёдлах и остальные воины, на них только татарские сабли, заплечные самопалы да пистолы за кушаками. Чувствуя близость дома, изнемогшие лошади ускоряют ход. Уставшие от зноя и дальнего пути люди приободряются, с гиком пускают лошадей в намёт. Их встречает настороженный прищур бойниц, разверзнутые жерла пушек, запах тлеющих фитилей, грозный оклик из-под навеса надворотной стрельницы. Наконец за надёжными стенами они смогут расслабиться, отдохнуть, залечить раны. Но голове отдохнуть недосуг. Отдав неотложные наказания есаулам и сотникам, он спешит в приказную избу. Переменив наскоро пропахшую лошадиным потом, порохов одежку, голова призывает в горницу грамотея-подъячего и приступает к делу.

Так сообщал в Москву Хотмышский воевода Пётр Толстой: «Мая в 26 день... прошли татаровя на Русь, человек в 300 и больше, а часть их - к Хотмышскому городищу и к Вольному кургану... Мая в 27 день прибежал на Хотмышское городище с реки Ворскла ... станичный голова, а сказал токоже де пришли с

Муравской сакмы к реке Ворскле татаровя многие люди, почали реку Ворсклу лести и государевы ратные люди тех татар через реку Ворсклу не пропустили и от реки Ворсклы отбили; и те татаровя от тех урочищ пошли на Муравскую же сакму вверх реки Ворсклы к Хотмышскому городищу, и с теми татары у Хотмышского городища государевым людям был бой, и тех татар от Хотмышского городища отбили и около Хотмышского городища через реку Ворсклу не перепустили».

Воевода Вольного кургана Гаврило Бокин докладывал: «Июня в 1 день часу в третьем на десять дни пришли было с Муравского шляху на Татарский перелаз к реке Ворскла татаровя человек с 300 и больше, и те татаровя пошли к Муравской сакме вверх реки Ворскла к Хотмышскому городищу». В этот же день в районе крепости Хотмышск появлялись ещё два отряда татар по 300 человек. «И голова де Пётр Толстой и государевы люди тех татар от реки Ворсклы отбили...».

«Июля во 2-ой день писал из Белгорода Замятня Леонтьев с белгородскими станичниками с головою Фёдором Кайдаловым, что Крымский царь со всею крымской ордою идёт скорее с большой войною в Русь на Московское государство».

Князь Шеховской, воевода Новосильского острога, докладывает, что в 1639 году крымцы были около Новосили два раза, в 1640 году три раза: в апреле, мае и июне. В росписи Курского воеводы Стрешнёва значится, что на «курские места» с 1 мая по 13 августа 1643 года крымцы сделали 19 набегов; летом 1644 года – 8 набегов.

Воеводские «скаска» красноречиво и точно передают современнику драматизм событий, происходивших на южных рубежах государства. Настороженность и готовность к отражению вошли в пограничную обыденность. Крайние городки жили в постоянном ожидании внезапного нападения. При первых вестях о крымцах или ногайцах окрестные жители стремились под защиту крепостных стен, оставляя поля и сёла на произвол врага, скот укрывался в густых лесах, а хлеб – зарывался в ямы. Но случалось, вовремя предупредить население о нападе-

нии не удавалось. И татары прорывались через укрепленные линии, сжигали селения и посева, уводили с собой богатый полон.

Степняки являлись серьёзным и умелым противником, война с ними требовала специфических боевых навыков. Их основным козырем было не какое-либо новшество в вооружении и не вновь изобретенная гениальная тактика. Как и сто-двести лет назад они делали ставку на стремительность набегов, неутомимость своих быстроногих лошадей и на свои бескрайние степи, где они чувствовали себя в безопасности. Их тактикой оставалась быстрота, с которой конная Орда прорывалась в центральные уезды России. Пока московское воинство ополчалось, татары успевали разжиться добычей, собрать полон и уйти восвояси, в степь. Раньше оборона южных границ основывалась на удержании отдельных укрепленных пунктов постоянными гарнизонами. Против подвижных конных отрядов татар она оказывалась малоэффективной. Чрезвычайно важным в степной войне было умение воевод организовать дальнейшее предупреждение и своевременное оповещение о приближении кочевников. В 30–40 годах XVII века продолжилось начавшееся при Иване Грозном возведение засечных линий и оборонительных рубежей на границе с Великой степью. На путях проникновения на Русь кочевников рубили остроги, на переправах через реки, в лесах возводили засеки, копали рвы, насыпали валы. Наряду с восстановлением старых пограничных укреплений строились новые. В 40-х годах в связи с перемещением русских границ на юг была построена Белгородская засечная линия. Ключевыми опорными пунктами оборонительной системы являлись города-крепости Ахтырка, Белгород, Ольшанск, Воронеж, Тамбов.

Что собой представляли южные крепости-городки? Среди иных прочих Хотмышский дубовый острог, построенный в 1640 году на реке Ворскле, был «... в 335 сажень вокруг, о семи башнях, из которых три – проезжих, четыре – глухих, на башнях поделали кровати, катки и пробои для стрельбы, а с московской

стороны за острогом выкопали ров в две сажени глубины, к реке же Ворскле провели тайник в 75 сажень длины и в три сажени ширины, и вооружен был вновь построенный острог 9-ю пищальями, к которым в 1641 году прибавились ещё 6». Возведенный на реке Рогозне Вольный курган, был вооружён 9 пищальями. Для лучшего сообщения были проложены дороги, соединившие Хотмышск и Вольный курган с Белгородом и друг с другом. Была воссоздана разработанная ещё в прошлом веке и забытая в годы Смуты сторожевая служба. Южные крепости и остроги были окружены дальними и ближними постами оповещения – сторожами. Между сторожами постоянно курсировали конные дозоры. Их главная задача заключалась в том, чтобы своевременно заметить и оповестить о появлении кочевников. К месту возможного прорыва крымчаков выдвигались войска, размещавшиеся по ближайшим городкам и острогам. Как правило, они сосредотачивались, в Туле, Переяславле-Рязанском, Одоеве, имея передовой полк в районе Мценска.

Засечные линии и прилегавшие к ним степи на протяжении веков являлись районами ожесточённых схваток между кочевниками и русскими ратниками. Вот неполный перечень стычек и боёв за осеннюю кампанию 1617 года: 29 сентября Болховский воевода Вельяминов доносил о бое с татарами в Болховском уезде, 16 октября Ливенские воеводы доносили о степной битве в 30 верстах от Оскола, 27 октября прислал весть о бое с татарами Курский воевода Иван Волинский. 8 июня 1618 года о битве сообщал Валуйский воевода Данилов, 19 июля – Оскольский воевода – о яростной схватке со степняками в 50 вёрстах от Оскола, 21 июля – в Белевском уезде, 23 августа русские бились с татарами под Ливнами, по сообщению местного воеводы князя Черкасского, 27 августа татар отразили от Мценска. Меж скупых строк воеводских отписок и сейчас, спустя века, уловим колорит эпохи. Здесь и порыв бешеной погони за стремительно уходящими загонами татар, и неистовость скоротечных конных сшибок среди ковыльных полей, и отблеск кривого клинка, и свист стрел, и горький дым степных пожарищ.

Кто же заступал пути-дороги хищным ордам на юго-западном порубежье Московского государства? Гарнизоны «украинских» городков и составляли те самые государевы ратные люди, о которых идёт разговор. Гарнизон того же Хотмышка в 1640 году включал 713 служилых людей, из них 254 – детей боярских, 125 – стрельцов, 350 – казаков, 23 – пушкарей и 11 кузнецов. Они же составляли и большинство населения городка.

Ежегодно с апреля по октябрь для отражения набегов воеводы созывали поместное дворянство на службу. Экономически маломощной России приходилось выставлять в поле более чем 100-тысячную армию. На содержание такого войска требовалась баснословная казна. По смете 1668 года она составляла не много не мало 700 тысяч рублей, в то время как собрать можно было только 324 тысячи рублей². Постоянная нехватка средств стала главной причиной долгой жизни поместного уклада войска.

По мере складывания поместная система «сажала на землю» целые поколения служилых людей, что определило самобытное лицо российской армии. С самого зарождения поместное войско находилось под эгидой государства, являясь его важным элементом. Оно же выступало орудием утверждения российской государственности. Усилиями поместных ратей Великий князь Московский брал под свою высокую руку соседние земли. Мечом вписывались в историю России страницы, наполненные большими и малыми войнами, социальными потрясениями и религиозными распрями. В сознании служилого человека XVI века идея государственности была неотделима от православного Отечества. Защита государственных интересов, оборона рубежей державы становилась доминирующим мотивом службы российского дворянства.

Рис. 3 Пушкарь московского «анряда». На его груди знак «Аларм» – символ мощи русской артиллерии.

Что укрепляло ратника на верность царю и Отечеству? Что делало его душевный мир сопричастным нелёгкой государевой повинности. Самобытный национально-сословный характер поколений русских ратников выковывался в горниле крепостного уклада. Поместно-вотчинная собственность заложила прочный фундамент социальной морали и нравственности военного сословия, формировала его психологический портрет. Естественно, о чести и достоинстве служилого человека в эпоху становления Москвы, как общероссийского центра, говорить не приходилось. Не сложилось на Руси ни исторических, ни социально-психологических условий для воспитания у дворянства чувства гордости и корпоративного достоинства. Кодекс дворянской, офицерской чести, воинский долг, священная обязанность по защите Родины – все эти понятия характерны для более поздней истории нашей армии. В XV–XVII веках менталитет дворянства складывался под всё ужесточающимся гнѐтом феодально-крепостнического пресса. Являясь плотью и солью крепостного уклада, служилое сословие всячески укрепляло его, но и терпело от него немало. Дворянство, особенно мелкое, оставалось таким же бесправным, как и низшие податные сословия. Существовая трудом своих крестьян-рабов, оно прозябало в жалком бесправии и холопей покорности перед властью. Сильные мира сего, воеводы и прочие начальные чины осуществляли эту власть, будучи поставлены на высокий пост властным указом Москвы. Унизительная холопская преданность являлись преданностью только по отношению к Великому Московскому князю, позднее – Российскому царю. Других господ для служилого люда на Руси после кровавой эпохи Ивана IV просто не осталось. Ломая сопротивление княжеско-боярский сепаратизма, самодержавие безжалостно искореняло последние независимые уделы, превращая оставшихся Рюриковичей в заурядных слуг, мало чем отличавшихся от дворовой челяди. В горниле этой жестокой бескомпромиссной борьбы рабство служилого человека, как ни странно, приобретало высокий смысл служения утверждающейся государственности. «Служба Вели-

кому Государю», никому более, рассматривалась дворянством как сословная привилегия. Эта привилегия была зафиксирована во многих грамотах и указах.

Конечно же, обо всём этом простой воин из дворян или детей боярских особо не задумывался. Он просто выполнял указы сотника или головы, ходил походами под разные вражеские города, возделывал со своими крестьянами пашню, ездил при торговывать в город, когда не было службы. Не забывал, между прочим, осенять себя троекратно крестным знаменем, проезжая мимо святой обители. Смерть всегда ходила где-то рядом, и это делало ратного человека глубоко верующим христианином. Думы о спасении души, надо полагать, частенько посещали его. Профессия заставляла его приобщаться к духовному и непреходящему. Русский воин жил в эпицентре ареала православной культуры. Церковь заботилась о нравственности войска, культивируя в ней такие христианские добродетели, как веру, любовь, самопожертвование, милосердие, кротость, смирение, незлобие, мужество, терпение, послушание, непрестанную молитву, душевное бодрствование и другие. Служение православному царю, венценосному воплощению государственности, Отечеству питало патриотизм, глубинным смыслом которого выступало православие. «Учение и хитрость ратного строя пехотных людей», один из первых военных уставов российской армии, требовал от служилых людей «... больше сея любви несть, да кто за православную веру ... небесного царствия и вечных благ сподобится»³.

Церковь сформулировала цементирующую духовную основу Российской Великодержавности, наметила, говоря современным языком, программу осуществления этой величественной задачи. Центральное место в этой концепции занимало православное Государство и его глава – православный Государь. Церковь способствовала укреплению их культа в духовно-нравственном мире, в котором воспитывался поместный дворянин. И служилое дворянство выступало надёжным орудием веры. Сызмальства и до последнего вздоха ратный человек пребывал в

пастырском послушании церкви. Мудрое неспешное её слово несло православному ратнику Божественное откровение. Оно укрепляло ратника в трудную минуту, изгоняло из души его сомнения и греховные помыслы. Страстный истовый призыв церкви вдохновлял его на ратный подвиг.

Русское дворянство сложилось как военное сословие. Оно жило постоянной готовностью к походу. Весь уклад жизни воспитывал в нём воина. Походы чередовались «посылками» на рубежи. Жизнь протекала в боевых стычках, набегах, «осадных сидениях». Стихия опасности и лишений, полукочеевое существование не могли не формировать у дворянина определённых качеств характера, необходимых военному человеку. Чтобы яснее представить характер службы дворянства приведём подсчёты С.М.Соловьёва. Известный историк насчитал 200 нашествий и войн, пережитых Русью за 1240–1462 годы. То есть, в течение двух веков воевать приходилось практически непрерывно⁴.

Вместе с тем, воинственность российского дворянства не имела ничего общего с агрессивностью. Прошлое русского народа не знало ни гордого рыцарства, ни алчных ландскнехтов, что лишний раз доказывает его миролюбие. Историческим символом Руси стал рязанский, тверской мужик-землепашец. Историческое её кредо можно прочесть не в победных реляциях, а по отполированным сохой заскорузлым ладоням, в задубевших мозолях, чёрным, как и сама земля, которые вовек не отбелить, не отмыть. До середины XVIII века все русские войны носили характер защиты собственных интересов, разумно и бережно охраняемых. Войн династических, религиозных или просто от избытка воинственного пыла и стремления господствовать над соседями Россия не знала. Со времени нашествия Батыя и до Петра Великого России приходилось думать только об обороне, сопряжённой иногда с отступлением, иногда с наступлением.

Воинственность, взращённая на справедливом характере войн, была важнейшей чертой военного сословия России. Это ставило поместное войско в моральном отношении неизмеримо выше наёмных западноевропейских армий этого периода.

Ещё недавно образ помещика ассоциировался с нещадной эксплуатацией человека человеком. Его представляли самым последовательным и ожесточённым классовым врагом угнетённого человечества. При обращении же к фактам возникает несколько иная картина, которая с трудом вписывается в общую канву классовой борьбы. В середине XVIII века две трети новгородских помещиков принадлежали к слою мельчайших хозяев. Они владели собственностью от 1 до 5 дворов (в среднем по 2.5 на владельца)⁵. Ещё труднее было положение помещиков южных уездов. Тех, которые обороняли крепости типа упомянутого Хотмышска. Южному дворянству удавалось получить всего по 5–40% положенного им поместного оклада⁶. В 1675–1677 годах 1078 помещиков южных городков владели 849 крестьянскими дворами. Смешно сказать, на помещика приходилось менее одного двора⁷. Не правда ли, привычный образ помещика-мироеда меркнет перед фактами, уступая место ратнику, несущему тяжёлую государственную повинность.

С лёгкой руки исследователей допетровской эпохи в истории укоренился тезис об отсталости вооружения служилого дворянства. Считалось обязательным привлечь внимание к этому, так как ничто лучше не могло отразить архаичность поместного войска. Перед читателем демонстрировалось устаревшее дедово вооружение, ветхая амуниция, экипировка. Таким образом легко было объяснять военные поражения, понесённые Россией в войнах XVII века. Советские военные историки подхватили и углубили идею отсталости поместного войска. Этот тезис удачно вписывался в концептуальные схемы марксистско-ленинского видения истории, так как подчёркивал приоритеты материального производства. В абсолют возводилось положение о глубоком кризисе феодально-крепостнического хозяйства. Было принято считать, что экономическое состояние поместного дворянства с каждым годом ухудшалось, и это сказывалось на боеготовности армии. Так что к концу XVII века она была полностью приведена в расстройство.

Безусловно, экономика всегда играла важную роль в оснащении армии. Вооружение и экипировка помещика зависели от исправности хозяйства. Натуральные примитивные его формы представляли довольно зыбкую экономическую основу дворянских ополчений. Поместье подавляющего большинства служилых людей с трудом обеспечивали всё необходимое для дальнего похода. Непросто бедному дворянину было угодить взыскательным воеводам.

По государеву указу и боярскому приговору боярин Б. Репнин зимой 1663 года выезжал смотреть готовность к делу новгородских дворян. Боярина дворяне разочаровали несказанно. Полк, представший перед ним, являл собой печальное зрелище. Сокрушался боярин и корил новгородских воевод за нерадение, сулил им государеву поруху и грозил батогами. А в Москву докладывал, что на смотр явилось 956 дворян и детей боярских, из них «...к службе будет добрых и оруженных половина, а другая половина бедных. Новгородцев добрых треть, а две доли бедных, и добрые малоконны, а бедные все бесконны»⁸.

Такая же картина наблюдалась на смотре костромичан. В 1675 году 92% костромских дворян и детей боярских имели на вооружении только пистолеты и сабли⁹. Поместное войско действительно не блистало последними образцами вооружения. Задача унификации вооружения ещё только ставилась на повестку дня, поэтому великое разнообразие образцов оружия, представленных на смотр, было обычной картиной. В 1645 году проверка полка боярина Д. П. Львова выявила, что из 665 ратных людей 425 вооружены пистолетами, преимущественно – одним, 44 – карабином, 16 – карабином и пистолетом, 7 – пищалью, саадаком – 79, остальные были вооружены преимущественно саблями и рогатинами¹⁰. Тем не менее, попытки увидеть в этих цифрах тенденцию деградации вооружения, кажется, подгонялись под общую картину экономического упадка предреформенной России. Оснащённость поместного войска на протяжении второй половины XVII века оставалась примерно на одном уровне, заметного ухудшения в вооружении не наблюдалось.

Бедняки среди служилого люда были всегда. В 20–30-х годах XVII века только треть помещиков заонежских погостов могла явиться на конную службу. Из них только 13 человек имели «добрых» коней, а 40 могли явиться только на «меринках». Безлошадные помещики обещали обзавестись лошадьми по получении ими денежного жалованья. Вместе с тем, рядом с этим – на смотре мы видим другой отряд, также состоящий из помещиков северо-западных областей. Их около 70 человек, и они неплохо вооружены огнестрельным оружием: почти каждый имеет писталь, а многие даже две¹¹.

А вот как современник, оставшийся неизвестным, описывает московское войско, отправляющееся в поход против Польши в 1654 году: «Все они с мушкетами и пиками, обмундированы, как требует того обыкновенный солдатский строй, и как сам я, смотря на это заметил, довольно хорошо обучены. С этою пехотою соединяются 6 конных полков, над которыми полковники немцы. Большую часть этого войска я видел своими глазами, поистине, никак нельзя пренебрегать ими»¹². Картина не столь уж безрадостная, как рисовалось выше. И вооружение было, и кони боевые, и сабли не ржавые, и вид у них, как и подобает воинам.

Какие выводы напрашиваются. Обуславливать упадок местного войска экономической конъюнктурой крепостной России, конечно, можно. Можно пускаться в пространные рассуждения, объясняя все беды заскоруждостью государственной системы и неблагоприятной политической обстановкой, и двуличием коварных соседей, и происками врагов. И все эти причины будут отчасти правильными. Но в данном случае хотелось бы вести разговор не в области высокой теории, а о конкретных служилых людях и их насущных проблемах. На наш взгляд, главные причины находились гораздо ближе, практически они лежали на поверхности. Не в пример оторванным от жизни отвлечённым абстракциям они просты и понятны. Качество вооружения, в первую очередь, зависело от требовательности воевод и политической воли Москвы. Там, где «начальные люди» проявляли строгость и

вызискательность, всё было на высшем уровне: вооружение, кони, амуниция. Самый что ни на есть банальный человеческий фактор, а не мудрёные рассуждения о погружённой в вековой сон Руси, об экономическом застое и культурной отсталости, о природной лености и политической архаичности.

Стоит пристальнее присмотреться к деятельности военного и политического руководства, как приходишь к удивительным выводам. Поразительно, что историки далёкого и не слишком далёкого прошлого нашли так много изъянов и при этом не смогли оценить принципиальных моментов. Ведь даже поверхностное, беглое ознакомление с установленными в войске порядками позволяет увидеть довольно стройную, действующую с завидным постоянством систему. В основе этой системы лежали обычаи, уходящие корнями в глубь веков. Но она не замыкалась в их узких рамках, постоянно совершенствовалась и находила своё отражение в царских указах и грамотах, боярских наказах воеводам и прочим «начальным людям». Говорить о бессистемности и аморфности старорусской военной организации может только не знакомый с нашей военной историей человек.

Московское правительство осуществляло жёсткий контроль за состоянием своего войска, знало реальное положение дел в нём: численный состав, вооружение, материальное положение отдельных категории ратных людей. Проверки и контроль осуществлялись в ходе чётко отлаженной процедуры. В современной армии, пожалуй, трудно подыскать аналогичные по размаху и задачам мероприятия. Это были строевые смотры с расширенными полномочиями. Смотры, проводимые регулярно, решали целый комплекс задач: учёт и контроль наличного состава, осмотр служилых людей, проверка их вооружения, амуниции и экипировки, решение кадровых вопросов, а также вопросов материального обеспечения воинов, формирование полков и сотен. Наконец, здесь же части пополнялись новобранцами.

Как только неокрепший первый ледок сковывал осенние хляби, по первопутку скакали по уездам нарочные. Мороз к той поре уже успевал сморозить бесчисленные болотца, ручьи. И

хоть снег был только местами на замёрзшим дорогам, и он не упрятывал под себя всю осеннюю хмарь, было привольно и легко скакать в серо-голубую от предутреннего заморозка даль. И конь, раздувая ноздри и храпя, шёл скоро, изредка спотыкаясь на кочках подмёрзлой, но ещё не заснеженной, чёрной дороги.

Из Москвы гонцы везли наказания воеводам провести «смотрины и разборы» ратным людям.

Смотрели войско уже зимой. Воеводы старались управиться с ратными хлопотами до Масленицы. Это если не замышлялся поход против Литвы, немцев или против Крыма. К концу января, когда зима окончательно вступала в свои права, крепко шибала морозом, палила жгучим ветром, собирался к указанному сроку уездный служилый люд. Собирался не спеша, с самых медвежьих углов съезжались городские дворяне и дети боярские. Прибывали целыми обозами, с челядью, с припасами на неделю для себя и лошадей, кто побогаче – в возках с верхом, но большинство – на дровнях да санях-развальнях. Сзади брели в белых лохмах пара, заиндевелые, привязанные к саням низкорослые, мохнатые кони. Сани нагружены каким ни есть оружием и прочим воинским прибором. Здесь и всевозможные брони, и дедовы кольчуги, давно забытые мисюрки, персидские шеломы, взятые с бою, куяки с бронзовыми пряжками. Изредка сверкнёт в сене, из-под сермяжного полога, среди мешков с овсом и вязанок хвороста тусклым проблеском гранёное зеркало, снятое хозяином с богатого литвина в прошлом походе где-то под Полоцком. Но большинство предпочитало просторный стёганый бумазейный кафтан-тегилай или татарский полстяной куяк, одинаково тёплый и удобный для конного строя. И оружия всякого было несчасть. Здесь и пищали, и самопалы с необходимым прибором, мушкеты-пистолы немецкой работы, причудливо украшенные чеканкой, турецкие самопалы с резьбой по изогнутому ложу. Всякое разнообразие холодного оружия: боевые топоры и чеканы, шестопёры и бердыши, сулеи и рогатины, сабли московской, дамасской, астрабадской, хорезмской стали.

В указанный срок сотенные и тысяцкие выстраивали служилых людей за посадом. Вдоль зимника на добрых две версты растягивалось войско. От огородов бревенчатых окраин до опушки застывшего леса зигзагом чёрной молнии перечеркивало оно искрящееся на солнце снежное поле. Войско дышало тысячами людских и лошадиных глоток, обволакивая себя облаком пара. Впереди сотен стояли о-конь сотенные и тысяцкие, реяли стяги с образами нерукотворного Спаса, православных Святых, Богородицы. И январское солнце озорно играло на жалах пик, шеломах, бронях, отражаясь в металлических частях щитов, сбруй.

Из кожаного возка, изнутри обитого медвежьими шкурами, кряхтя вылезал московский посланник, князь или боярин, думный дворянин или стольник. Он в собольей шубе с отложным воротником поверх узорчатой ферязи и в высокой горлатой шапке. Округ него с подобострастной почтительностью – воевода, местный начальственный люд, чуть поодаль – в готовности выполнить любую прихоть – служки и чиновные дьяки. И начинался разбор служилых государевых людей.

Во-первых, проверялось наличное число людей, явившихся на службу («ести»), выявлялись отсутствующие («нетчики») на основе списка последнего осмотра и разбора. Затем приступали к верстанию на службу молодых дворян, новиков. Верстали молодёжь с 15 лет. Записывали на службу в зависимости от количества детей: если в семье 3–5 сыновей, то брали на службу двоих. Новика изучали долго и взыскательно, он должен был быть «головою и службою добр». При верстании строго соблюдали местнические принципы. Новика записывали в чин не выше отцов и братьев. Но во второй половине XVII века от местничества стали отходить. Все новики, независимо от их происхождения, начинали службу с низшего чина – с детей боярских. Вновь испечённый воин давал крестоцеловальную запись.

Кроме верстания новиков происходило верстание в новый чин уже опытных ратников, соответственно повышались их денежные и земельные поместные оклады.

Придирчиво боярин осматривал вооружение и оснащённость служилых людей. От дворян и детей боярских требовалось явиться на смотр «конными и оружными», иметь при себе 1–2 вооружённых слуг, 1 слугу – в обозе. Чётко было оговорено его защитное вооружение. Наказ воеводам конкретизировал требования к защитному вооружению: «... да и то б ести дворянам и детям боярским и новикам чтоб они на нашей службе были против нашего указу в сбруях, латах, бахтерцах, панцырях и в шеломах и в шапках-мисюрках». Каждый воин обязан был застаться огнестрельным оружием, причём, не только пистолетом, но и пищалю. За качество оружия спрашивали с воевод: «...а которые дворяне и дети боярские ездят с одними пистоли, а к пистоям карабинов и мерных пищалей не имеют, и те бы к пистоям держали карабины и пищали мерные».

Наш современник, привыкший к ясности и чёткости современной армейской фразеологии, с насмешкой воспринимает старорусский язык в качестве военных распоряжений. Но, тем не менее, это были именно приказы, а не пожелания, и командование требовало их неукоснительного выполнения.

На смотре избирался «окладчик» из числа местных дворян «первыя и середняя и меньшия статей, добрых и правдивых и знающих людей, поскольку человек пригож...». Окладчики приносили присягу «по чиновной книге», что «про свою братью дворян и детей боярских, про всё сказывать правду». Лицо, проводившее верстание и смотр, опрашивало окладчиков «по спис-

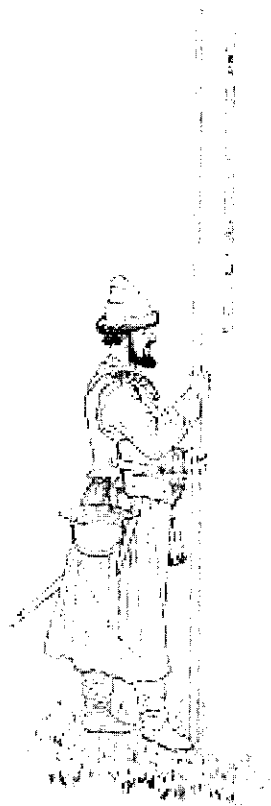

Рис. 4 Пикниёр полков «нового строя». Двусторонняя кираса надёжно прикрывает грудь и спину, шлем приторочен к поясу.

кам про дворян и детей боярских, про всякого человека порознь». При этом выяснялось, кто был на службе с момента последнего разбора и кто не был..., у кого сколько крестьян в поместьях, крестьянских дворов и всяких угодий, доходы, кто может служить без денежного жалованья. Затем каждый в присутствии окладчика опрашивался по тем же пунктам. Каждый представлял письменные «сказки за их же руками с подкреплением».

Поместное дворянство никогда не было однородной группой, имущественно-материальная дифференциация была довольно существенной. Рядом с состоятельным московским дворянином ратник из городских детей боярских выглядел сущим бедняком. Понимая это, глупо было требовать одинакового вооружения от именитого думного дворянина и от провинциального городского дворянина-однодворца. На общем смотре уездного дворянства происходила сортировка ратных людей по качеству их экипировки и вооружения. Состоятельные дворяне и дети боярские записывались в сотенные конные полки. Элитное дворянство, служившее «по московскому списку» составляло своеобразную гвардию московского царя. Кичливое московское дворянство дабы не принести поруху своему роду и не оплошать перед товарищами выходило на боярский разбор в лучших одеждах. Собольи и беличьи шубы поверх блестящего доспеха, зипуны из шёлка или бархата, длинные рукава, собранные по восточной моде на запястьях, а потому – все в сборках. На ногах, не смотря на стужу, сафьяновые сапоги на меху. Богато изукрашенное мастеровыми умельцами оружие. Знатного рода ратники, царёвы стольники и стряпчие, ключники и чашники, горделиво восседают на чистокровных скакунах, кидают ревнивые взоры по сторонам: не превзошел ли кто их обличем. Не затмил ли невиданной справой, арабских кровей жеребцом, в яхонтах и аметистах конским убором или ещё чем. За спиной на лошадях попроще и убранством поскромнее – многолюдье холопов и челядь. Подтрунивая и задирая соседей по сотне, таких же помещичьих людей, ожидают они своей очереди предстать перед окладчиками. Поодаль жалось друг к другу городо-

вое дворянство, служившее по низшим разрядам. Им и показать нечего. Изрядная часть – на мохнатых меринках и бахмутах, многие только что выпряжены из саней и явно знакомы с сохой и плугом. Воины стыдятся простых сермяжных зипунов, выдавших виды шуб, достанных по случаю из ларей. С них будет взыскано за воинский прибор не по указу, неисправное оружие, малолюдство ратной прислуги. Есть и такие помещики, воинское снаряжение которых ограничивается рогатиной и котомкой за плечами. Таких без раздумья записывают в пехоту, а кого – вообще, в городовые гарнизоны с лишением поместного оклада и царёва жалованья.

По итогам разбора воевода представлял развёрнутый отчёт-ведомость, где Москва требовала «все написать смотру своего в список имянно, порознь всякого человека с подлинным очищением, по чинам подлинно, по статьям...». Смотры и верстания проводились в каждом городе отдельно. По их итогам составлялись «десятники» – ведомости наличного состава войска каждого города или уезда. В них учитывалось, сколько каких чинов состоит на службе, возраст, число недорослей и малолеток. «Десятники» составлялись в трёх экземплярах, один из которых посылался в Разрядный приказ. Стоит ли здесь упоминать о том, что учёт и контроль являются условиями эффективности любой управленческой технологии. Что касается военной организации, то здесь каждый шаг сопряжён с контролем и проверкой. Это – краеугольный камень, основа основ, один из основных принципов жизнедеятельности современной армии. Думается, что с учётом и контролем в старорусском поместном войске дело обстояло не так уж плохо.

Пытаясь защитить старорусскую военную организацию перед дружным обвинением историков, признаемся, что дело это весьма и весьма трудное, но не безнадежное. Действительно, к середине XVII века недостатки заслоняли достоинства. Старые военные заслуги перед государством меркли перед немумолимо надвигавшимся военным прогрессом, правила которого диктовала Европа. Жизнеспособность поместного войска

с трудом выдерживала испытания. Удары судьба наносила не столько на полях сражений, сколько придворными интригами и боярскими дрязгами. К этому можно добавить ослабление государственной власти в результате правительственных кризисов, поразивших Россию в последней четверти XVII века. Контроль за армией был упущен, что действительно сказывалось на боеспособности дворянских сотен.

Наиболее тяжким обвинением в адрес поместного войска звучали упреки в отсутствии боевой подготовки в мирное время. Поместное войско не знало систематического воинского обучения. Во-первых, сама организация службы в сотенных полках¹³ препятствовала регулярной боевой учёбе. Во-вторых, боевые действия, в которых обычно участвовала поместная конница, требовали от неё иных навыков, нежели европейское военное искусство. Служба на южных рубежах привела к заимствованию наиболее пригодной для этого азиатской тактики. Здесь, в бескрайних степях, война сводилась к стремительным набегам, засадам, поискам, глубоким рейдам. Движения колонной, атаки сомкнутым строем, залповая стрельба в духе европейских наставлений в такой войне были просто бесполезны.

Обороня южные границы, поместное войско справлялось со своими задачами. Но, вместе с тем, она выявила свою уязвимость в наступательных войнах, особенно, в столкновениях с регулярными шведскими и польскими отрядами.

Поместный принцип накладывал отпечаток и на мобилизационные возможности дворянского войска. Помещик на войну собирался неторопливо. В Крымский поход 1687 года, например, сборы затянулись на два месяца. Когда прибыли последние ратные люди, первые уже успели проесться и пообноситься. Изголодавшихся дворян пришлось распускать по уездам, время выступления было перенесено на более поздний срок.

Недостатком поместного войска была архаичная система снабжения. Себя и свою челядь на войне дворянин содержал за свой счёт. Если боевые действия затягивались, войско вынуж-

дено было кормиться, нещадно грабя и своих, и чужих. Впрочем, к грабежам зачастую прибегали и при изобилии припасов. Вторжение в Польшу, Литву, Лифляндию и Эстляндию сопровождалось разорением городов и сёл, грабежами и насилием.

Неустроенность обеспечения, угроза голода часто оборачивались массовым дезертирством дворян со службы. В официальных документах XVI–XVIII веков часто употребляется «нетство» – неявка на службу или самовольное оставление действующей армии. Во время сбора поместного войска в 1624 году в передовой полк стольника И.Салтыкова в г.Дедилов 76% нетчиков не явились по бедности, в полк князя Оболенского все нетчики не прибыли на службу по этой же причине¹⁴. В 1634 году под угрозой голодной смерти масса дворян вынуждена была оставить войско, осаждавшее Смоленск¹⁵.

Поместное дворянство имело довольно стройную устоявшуюся иерархию. В соответствии с ней служилое сословие делилось на разряды. Каждая категория дворян строго учитывалась. Причастность к той или иной категории давала право на определённый оклад поместного и денежного жалованья. Особенно в поместном войске держалось высшее сословие дворянства, числившееся в первом разряде. Это были так называемые «московские чины и дворяне». К ним относились бояре, думные дворяне, стольники, стряпчие и жильцы. Из них формировался «государев полк». Представители высшей аристократии числились в отдельных списках Разрядного приказа. Так, в росписи денежных и поместных окладов 1616 года отдельно числятся 25 чинов «московского звания». В смете 1632 года указаны 2963 «московских чина». В росписи перечневой 1681 года отмечены 6385 представителей московского дворянства¹⁶. Ниже стояло провинциальное дворянство, имевшее свою градацию. Верхнюю ступень занимали «выборные дворяне и дети боярские», которые получали в качестве поместного оклада 350–700 четвертей земли. Дальше шли мелкопоместные дворяне, служившие по «городовому списку». Они наделялись поместными окладами в 20–500 четвертей земли. Наконец, дворяне, числя-

щиеся в «дворовом списке» – от 350 до 500 четвертей земли. Кроме поместного оклада служилому человеку полагалось небольшое денежное жалованье от 14 до 44 рублей в год.

Поместное войско в походе подразделялось на сотни, которые, как правило, формировались из детей боярских и дворян одного уезда или города. Сотни одной провинции не смешивались с другими, сохраняя свою организацию (городскую, волостную, уездную) и название: «туляне», «володимерцы», «смоляне» и т.д. «Государев» полк организационно состоял из сотен стольников, стряпчих, дворян, жильцов. Во главе подразделения стоял сотенный голова или сотник. Сотня являлась организационно-тактической единицей, равноценной роте. Её начальник имел определённые строевые обязанности, вытекающие из организации поместных войск.

В основе иерархии «начальных людей» войска лежало поместное право, отношения социальной градации феодального общества. Над военными должностями давили придворные чины и местнические счёты. Пережитком административно-командной системы поместного войска был её временный характер. Поместная система выставляла ратников на определённый срок. Следовательно, все назначения носили временный характер. Любая воинская должность являлась частным поручением, причём связанным с тяготами и ответственностью. После роспуска войска полномочия «начальных людей» автоматически прекращались. Воеводы и головы, сотники и пятидесятники разъезжались-разбрелись по волостям и уездам. Чины даже не учитывались в разрядных записях, воеводских списках и других учётных документах московского государства. Вместе с тем, излишняя централизация военного командования, полное исключение из системы чинопроизводства промежуточного звена в лице воевод, сотников и т.д. убивал в зародыше один из основных стимулов служебного рвения – честолюбие. Сложная и запутанная система учёта помещиков и верстания их определёнными окладами препятствовали служебному росту дворян, так как это должно было сопровождаться изменени-

ем их поместного содержания. Так же обстояло дело с другими категориями служилых людей, близкими по социальному статусу к дворянам и детям боярским. Награждать и повышать дворян в должности было исключительно прерогативой царя или Разряда, но не местных воевод. Производить «начальных людей» в следующий чин без царского указа строго запрещалось¹⁷.

Источники не оставили нам сведений о конкретных служебных обязанностях должностных лиц поместного войска. Основные юридически документы Московского государства делают упор, в первую очередь, на нравственную сторону командного состава. Уложение царя Алексея Михайловича предписывает, чтобы «начальный человек» был непререкаемым авторитетом в соблюдении «государевой чести» и «службы государевых людей». Он обязан был предупреждать «военную измену, никого не грабить и не убивати, никому не чинить насильства и убытка», ничего «безденежно не имати», предупреждать побег и никого не отпускать со службы без государева указа¹⁸.

Сведения о боевой летописи поместного войска, дошедшие до нас, весьма скудны. Большинство военных историков судило о нём по таким документам, как, например, записки Григория Котошихина. Подьячий Разрядного приказа, перебежавший на сторону поляков, а затем в Швецию, был заинтересован в очернительстве своего Отечества. Его записки о Московском государстве, ставшие одним из памятников отечественной беллетристике XVII века, исполнены неприязненности и сарказма к России, её государственному строю, культуре и обычаям. Едкие насмешки, оскорбительные замечания, которые сквозят в его опусе, характеризуют автора не только как лицо пристрастное, но и нравственно нечистоплотное. Для полной характеристики стоит добавить, что свою жизнь он закончил на эшафоте как убийца-уголовник.

Котошихин отмечает полное отсутствие обучения, организации, сведущих воинских начальников. Всё это делало, по его мнению, русское войско несметной кое-как вооружённой толпой, лишённой серьёзных военных достоинств¹⁹.

Вторая группа материалов, характеризующая русское войско того времени, представлена мемуарами иностранцев, посетивших Москву в XVII–XVIII веках. Ко многим из них также стоит относиться критически. Особенно это касается современников Петра I. Они были заинтересованы в искажении действительности, тем самым подчёркивая значимость преобразований начала XVIII века. Самым известным является отзыв австрийского посланника Корба: «... войска московских царей страшны только для татар... Московские цари могут вывести против неприятеля тысячи людей, но это только беспорядочные толпы, слабые уже вследствие своей громадности»²⁰.

К третьей группе относятся свидетельства самого Петра и его сподвижников. В первую очередь, это – видные публицисты петровской эпохи Ф. Прокопович и И. Посошков. Так, участник Азовских походов, И. Посошков вспоминал: «На конницу смотреть стыдно: лошади негодные, сабли тупые, сами скудны, безодежны, ружьём владеть не умеют; иной дворянин и зарядить пищали не умеет, не только, что выстрелить в цель; убьют двоих или троих татар и дивятся, ставят большим успехом, а своих хотя сотню положили – ничего»²¹. Ему вторит Ф. Прокопович: «Известно есть всему миру, какова скудность и немощь была воинства российского, когда оно не имело правильного себе учения...»²². Настороженное отношение к этим источникам вызвано тем, что авторы выступали горячими приверженцами реформ в России и видели свой долг в обосновании их необходимости.

Наконец, самым авторитетным свидетелем слабости старорусской военной организации являлся сам Пётр, который в одном из писем отмечал: «... дворянская конница под Азовом... по прадедовским обычьям, не приняв воинского строю» воевала²³.

Итак, была ли боеспособность основного рода войск допетровской армии столь низкой, как это стараются подчеркнуть вышеперечисленные источники? Сегодня к этим оценкам поместного войска необходимо подходить крайне осторожно. И

Пётр, и его единомышленники в той или иной мере были заинтересованы в принижении военных достоинств поместного войства. Более того, все они видели русское войско в период упадка и расстройств, постигших его в период придворных распр, стрелецких бунтов, ослабивших в целом государство. Нам же историей предоставлена возможность оценивать качество этого войска с высоты XXI века. Она свидетельствует о том, что самые компетентные отзывы о боеспособности той или иной армии часто оказывались заблуждениями. Можно вспомнить события бесславной Крымской войны 1853–1856 гг., когда лучшие, по отзывам современников, в Европе русские полки, оказались беззащитными перед врагом. Одна из самых подготовленных армий XX века – Красная армия фактически прекращает своё существование за 2–3 месяца боёв в 1941 году. А ведь никто не упрекал её в недостатках организации и передового вооружения. Но там хоть – война. А вот как объяснить крах советских вооружённых сил, произошедший на глазах у нашего поколения? За несколько лет самая боеспособная армия, обладающая богатым боевым опытом, оснащённая первоклассным вооружением и техникой фактически перестала существовать. Процесс распада был настолько стремителен и необратим, что поговаривали о целенаправленной и умело направляемой из-за рубежа подрывной деятельности. Истинная же причина заключалась в ослаблении внимания государства к своей неотъемлемой части – к армии. Если всё так стремительно происходило в конце XX века, то что говорить о конце XVIII века, когда среди наиболее актуальных государственно-управленческих проблем стоял, например, вопрос о грамотности приказных чиновников. Государственные структуры находились в стадии становления. Их слабость, неразвитость, особенно, в период правления Софьи, и после неё, при Нарышкиных и Стрешнёвых стала причиной распада военной системы Российского государства. Эту-то армию и критиковали соратники Петра. Вряд ли стоит распространять их негативные оценки на Вооружённые Силы всей второй половины XVIII века.

Признавая пережитком отсутствие регулярного обучения, стройной организации старомосковского войска и поместной конницы, в частности, нельзя не отметить громадный боевой опыт этой части российского войска – опыт «малой» войны. Разве многолетний жизненный опыт не может заменить профессиональные навыки, приобретённые на строевом плацу? Сторожевая служба, стычки на границах, стремительные набегги, отражения нападений, «осадные сидения» занимали большую часть жизни служилых людей в мирное время. Вот неполный послужной список «начальных людей рейтарского строю», социальный статус которых был близок поместным дворянам. Полковник «рейтарского строю» Матвей Кравков в 1672 году собрал со смоленской шляхты «скаска, какой кто породы и с какого времени на службе в Смоленске», по которым можно судить о боевом опыте служилых людей той эпохи. В своей «скаска» сообщает Вилим Кормихин: «За службу моего отца Великий Государь пожаловал меня в капитаны в полк моего отца Мартына Мартыновича Кормихина. И в том же году с боярином и воеводой князем Урусовым ходил я под Брест, и под Верховичами с гетманом Сапегою был бой и милостию божией и Великого государя счастием гетмана Сапегу с поля сбили и войска его много ратных людей побили и многих языков поймали. После боя по указу был я отпущен к Москве». В 1660 году Кормихин с полком «бились под Трубчевском с изменниками черкесами, под городками посады повыжгли и разорили без остатку... после этого послан из Трубчевска к Почепу для языков». Кормихин участвовал в боевых действиях против гетмана Юрия Хмельницкого и крымских татар: «... и был у нас с ними бой на реке на Роже... черкасов и крымских людей побили и в реку вогнали и их порубили всех наголову более тысячи человек и с тех пор и по се число служу Великому Государю в Смоленске»²⁴.

Богатая военными событиями судьба выпала и на долю майора «рейтарского строю» Андрея Венту. В своей «скаска» он сообщает: «... отец мой выехал из своей земли на Его Вели-

кого Государя службу в давних летах и служил мой отец много лет солдатского строю капитаном. Я же родился на Москве и служу Великому Государю на Смоленске квартирмейстером рейтарского строя полка. С боярином и воеводой князем А.Н. Трубецким ходил к Копысу, который сдался. После служил под началом боярина и воеводы князя Черкасского, под Шкловом разбили Радзивилла, после к городу подступали и на приступе я ранен в ногу. После был в посылках во многих подо многими городами...». Далее А. Венту воевал под Быховым, Слуцком, Несвяжем, сидел в осаде в Гродно и «... как к Гродне польские и литовские люди подступали и я на вылазках на многих бился не щадя живота своего». Майору привелось столкнуться с регулярными шведскими войсками: «... указано нам было и город Карелу осадили, и для выручки Корелы приходил генерал-майор Стрен со многими немецкими людьми, И к шанцам нашим к нам подступали многожды, и мы его отбили и с поля согнали и многих людей его побили». Далее А. Венту участвует в походах в польскую Украину, является очевидцем трагедии под Чудновым с войском В.Б. Шереметева, попадает в плен: «И в то время боярин Василий Борисович взят в полон в Крым, а я взят в Польшу и в Польше в плену был три года»²⁵. Подобные насыщенные послужные списки были и у других респондентов опроса.

Поместное войско не отвечало требованиям, предъявляемым к тактической кавалерии XVII–XVIII веков. От неё требовались устойчивые строевые навыки, умение маневрировать на поле боя в компактных построениях, вести огневой бой в строю, атаковать противника в сомкнутых колоннах. Всё это требовало определённой выучки и дисциплинированности. Искусство боя в XVII веке определяло военное искусство в целом. Мерилом боевой подготовки войска являлись его действия на поле сражения. Безусловно, в бою дворянская конница уступала европейскому противнику. Отсюда невысокие отзывы о боеспособности поместного войска. Что же касается искусства ведения кампании или всей войны, то здесь так уверенно говорить

о превосходстве той или иной стороны не приходится. Можно лишь предположить, что на театре войны поместная конница, по своим качествам больше напоминая лёгкую конницу восточного типа, могла бы иметь превосходство над тяжелой западноевропейской кавалерией, созданной преимущественно для боя. Но, к сожалению, это только предположения, фактами для сравнения мы не располагаем.

Ополчаясь на противников веры православной и державы российской, царь призывал под знамёна с ликом Богородицы различные конные отряды, близкие по своему содержанию и организации к поместным войскам. Все они так или иначе были обязаны службой Великому православному Государю. Часто привлекались казачьи войска: донские, малороссийские черкасы, слободские, запорожские, в разные времена входившие в состав российского войска. Интересно, что оценки их боеспособности и эффективности не так однозначно негативны, как у поместной конницы. И это, не смотря на их однотипность в содержании, вооружении, обеспечении и других компонентах боеготовности войск. Например, настойчивые попытки как Валленштейна²⁶, так и его противника, Густава-Адольфа²⁷, нанять на свою службу отряды запорожцев или украинских казаков, являются авторитетной оценкой их боевой состоятельности. Другой общеизвестный пример: высокая боеспособность донской казачьей конницы у читателя не вызывает никакого сомнения. Правда, расцвет её военных подвигов пришёлся на более позднюю эпоху. Но на протяжении веков тактика и методы ведения боевых действий донских казаков практически не изменялись. Она никогда не дралась в плотных колоннах, уступала линейной кирасирской или драгунской кавалерии во фронтальных сшибках. Зато ей не было равных в проведении кампаний и отдельных операций. Она с успехом вела разведку, дозорную и сторожевую службу, прославилась во внезапных нападениях, засадах, демонстрациях. Её неутомимость и вседушежность изматывала и обескровливала противника больше, чем действия регулярных войск. Дальние поиски и рейды по тылам

противника с участием казачьей конницы высоко оценивались теоретиками военного искусства. На этих боевых примерах в военных школах многих стран осуществлялась подготовка кавалерийских командиров. В чём же здесь дело? Почему при равных условиях такие разительные расхождения в оценках?

Очевидно, при кажущейся внешней боевой однотипности, помещик всё-таки отличался от казака. Не было у него той дерзости, боевого порыва, лёгкости на подъём, авантюризма, наконец. Государственный служилый человек, а фактически, бесправный царский холоп, не мог равняться с вольным казаком. Кто такой был вольный казак? Отчаянный сорви-голова, бежавший из-под помещичьего ярма в бескрайние ковыльные степи. Собравшись с ватагой подобных себе, для которых война, набег, разбой стали делом жизни, он обращал свои взоры на Волгу, Азов, южные моря, где можно пожить чужим богатством, «добыть зипунов». Военная добыча являлась основным средством существования казака. Постоянная игра со смертью, риск сложить «буйную головушку», военная стихия, полная опасностей и лишений формировала психологический тип воина, в любой момент готового взяться за оружие. Его сабля и его конь – вот всё богатство казака. Всё остальное было преходяще и зависело от его ратной сноровки. Не так обстояли дела у дворянина-помещика. Его, как сейчас принято говорить, ментальность определялась не вольной волей, а вотчиной или поместьем. На войну он отправлялся силой царского указа и боярского приговора. Как для любого нормального человека, для него война была испытанием, лихолетьем. Он и хотел бы обогатиться ею: захватить добычу в набеге, пленных – рабочие руки не станут лишними в его небогатом хозяйстве. Но ему было что терять: семью, поместье, хозяйство. Он был накрепко привязан к ним, к государству, которое дало ему всё. Ему тоже пришлось хлебнуть немало, пережить не одно лихолетье. Он побывал и под стенами немецких крепостей, и перед укреплениями Перекопа. Его сердце не раз обмирало от хищного свиста татарских стрел. Он видел солнечный отблеск крымской сабли над своей

головой. И всё равно это был другой тип воина. В бой его звал долг служилого человека. Ему нельзя было рисковать, и он воевал с оглядкой. Интересно, что наш героический эпос не оставил потомкам сколь-нибудь заметного поэтического памятника этим воинам, слишком скромны помыслами и поступками был русский служилый дворянин. Образ помещика, взявшего в руки саблю и выехавшего заступить пути-дороги супостату не вдохновлял великих столпов русской культуры. В нём не видели ни величия подвига, ни гражданской позиции. Они не являли примеры самопожертвования, стойкости и мужества. И уж конечно, социальный протест и бунтарство, извечная русская тема, ну никак не увязывались с образом холопа-помещика. То ли дело, вольные казаки, хоть – донские, хоть – волжские, ну, или – лихие запорожцы. Тут тебе и романтика отчаянно смелых, степных рыцарей, их прославленное бесшабашное войсковое «товарищество», пиры у степного костра, и задравная чаша, и пение домбры о подвигах предков, и беспримерное мужество защитников южных рубежей. Ежели же ты пролетарской веры, то ты не можешь пройти мимо борца с социальным гнётом и заступника угнетённого и обиженного. Твой долг – опять же создать героический образ этого борца. Твори – не хочю.

Что ж, остаётся признать, что, не смотря на видимое сходство, поместное войско разительно отличалось от вольных казачьих ватаг. Оно уступало – в одном, но и опережало – в другом. В отличие от лихой казачьей вольницы служилый человек оставался надёжной опорой существующему строю. Поместное дворянство неоднократно демонстрировало лояльность государственной власти, верность престолу и присяге в многочисленных внутренних конфликтах. Их твёрдая социальная и нравственная позиция, решительные действия способствовали быстрому подавлению восстания Разина, стрелецкого мятежа 1682 года. Поместные отряды стали опорой Петра в его борьбе с Софьей в 1689 году, велика была их заслуга в разгроме мятежных стрельцов в 1698 году, в подавлении Астраханского восстания 1705 года.

Поместная служба предполагала несение воинской повинности до глубокой старости. Замена сыном, другим родственником по старости или инвалидности допускалась только в исключительных случаях и с разрешения правительства. Причиной этих трудностей была московская бюрократическая волокита, связанная с изменением поместных окладов служилым дворянам. В подобных случаях новика или же «верстали» новым поместным окладом, то есть положенным участком земли, или же «сажали» его на оклад отца, или – выделяли ему часть из отцовского поместного оклада. Так как денежные и поместные оклады, учёт служилых людей велись в десятках приказов, в сотнях всевозможных списках и росписях, то, естественно, процедура с заменой отца сыном реализовалась с трудом. Говоря современным языком, при этом приходилось преодолевать межведомственные бюрократические преграды.

Но, с другой стороны, эта заскорузлость московской управленческо-бюрократической машины объективно работала в интересах военного дела. Часто рядом с новиком, впервые оказавшемся в составе походного войска, находился его отец, дядя или другой родственник, за плечами которого был уже не один поход. Не выпуская стариков-ветеранов из рядов войска, правительство способствовало сохранению боевых традиций и опыта, передаваемых из поколения в поколение русских дворян.

Московское правительство осознавало несовершенство поместного войска и в XVI–XVIII неоднократно пыталось приблизить её к уровню современного военного искусства. Один из первых ударов был нанесён по заскорузлой системе военного управления, которое в те времена практически было парализовано местничеством. Система местничества зиждилась на феодальной иерархии фамильных родов государства. На должностные места в государственном аппарате, в армии назначения производились в строгом соответствии со знатностью фамилий, к которой принадлежал кандидат на вакансию: «Приходилось подбирать не воевод к полкам, а полки к воеводам»²⁸.

Образованность, талант, военные навыки при этом уступали родовитости. Из-за местнических счётов приходилось в своё время отказываться от опыта таких полководцев, как князь Д. Пожарский, выдвигая на первые места в армии бездарных, но знатных бояр.

В 1658 году, оказавшись в затруднительном положении под Вильно, князь Ю. Долгорукий взывает о помощи, но воеводы Барятинский и Плещеевы, отряды которых находятся поблизости, отказывают в этом, так как им «невместно» поддержать менее родовитого вельможу. Пока воеводы «местничали» да спорили, чей род знатнее, гетман Сапега нанёс поражение войскам Долгорукого и вынудил русских отступить от Минска. Подобными примерами изобилует русская военная история XV–XIII веков.

Местничеством была проникнута вся управленческая структура московского войска, но особенно пагубно на состоянии армии сказывались местнические споры в высших эшелонах власти. Ещё Иван Грозный пытался обуздать родовитое московское боярство. В 1550 году был принят указ, направленный против местничества. Впредь служба новиков из знатного рода на малых должностях не считалась прецедентом для местничества. Отпрыски боярских родов могли служить, не волноваться о порухе родовой чести, так как рано или поздно становились воеводами. Это был один из первых ударов по местническим пережиткам. Этот указ неоднократно дублировался позднее. Отправляя войска в очередной поход, царь заставлял воевод служить «без мест». Правда, подобные указы, как правило, не выполнялись. Дальнейшая борьба с отжившими традициями связана с реформами 80-х годов XVIII века, проводившимися князем В. Голицыным. Указом от 12 января 1682 года местничество было окончательно упразднено, а местнические книги и списки торжественно сожжены. Отмена местничества являлась важным шагом в военном строительстве. Она способствовала оздоровлению системы военного чиновничества и упорядочению порядка подчинённости.

В это же время реорганизации подверглась структура войска. В 1681 году комиссией В.В. Голицина предписано «стольникам и стряпчим, и дворянам, и жильцам служить полковую службу по-прежнему, но чтобы расписать всех в роты, а не в сотни»²⁹. Сотники стали называться ротмистрами и поручиками, воеводы – полковниками и т.д. Переход от древнерусской сотенной к европейской ротной организации окончательно был завершён в ходе первого Крымского похода. Само по себе это переустройство не носило кардинального перестроечного характера. Большинство историков характеризуют предпринятые меры правительства как половинчатые. Как метко заметил С.М. Соловьёв, правящие круги, «не трогая старого, приставляли к нему новое»³⁰. Многие начинания В.В. Голицина, к сожалению, остались на бумаге. После политического краха Софьи его постигла опала. Вместе с этим преданы были забвению и его замыслы по преодолению отставания армии. Вполне возможно, если бы политическая конъюнктура благоприятствовала не Петру, а его противникам, мы бы сегодня говорили не о петровских, а, может быть, о «голицинских» или «софьинских» военных преобразованиях. Но, как принято полагать в исторических кругах, сослагательное наклонение в истории – дело бесперспективное и антинаучное. Тем не менее, не составляет особого труда увидеть в преобразованиях В.В. Голицина прообраз реформ рубежа XVII–XVIII веков. Та же направленность – проевропейская. То же отчётливое понимание, что основные препятствия на пути военного прогресса – это заскоружные отжившие формы старорусской организации, так называемый «русский строй». Единственно, в чём правительство Софьи уступало своему брату – так это в решительности, бескомпромиссности, энергичности и жестокости. Оно непоследовательно в достижении своих целей, действует с оглядкой. Оно – невольный заложник политики заигрываний с самым консервативным отрядом старомосковской военной организации – со стрельцами. И в Азовских походах и в начале Северной войны мы видим поместное дворянство, вновь расписанное по сотням, как в стародавние времена.

К концу XVII века поместная конница вытесняется другими родами войск, её удельный вес в войске падает. За десять лет войны с Польшей её количественный состав сократился с 39408 в 1651 до 21850 – в 1663 году. В порубежных русских городках в 1672 году только 10% дворян и детей боярских служат в поместных сотенных полках, в то время как в 1651 этот показатель достигал 95%³⁰. Правительство всё решительнее перераспределяет дворян в более современные полки нового строя. Исследователь истории русской армии А.В. Чернов отмечает, что фактически «... поместное ополчение... в период войны со шляхетской Польшей перестало существовать. По своей боеспособности (дисциплине, вооружению и т.п.) оно не соответствовало общему уровню требованию военного дела и во многом уступало полкам нового строя. Так закончило свой боевой путь поместное ополчение, долгое время составлявшее ядро русского войска»³⁴.

Кроме дворянско-поместной конницы «русский строй» был представлен стрелецким войском. Общепринято считать, что стрельцы сплошь были вооружены огнестрельным оружием – пищалями, потому и назывались стрельцами. Это не совсем так. В состав стрелецких полков входили пикинёрные роты; существовали конные стрелецкие полки. Стрелецкий приказ или полк имел свою артиллерию, от 5 до 10 пушек с прислугой. То есть, стрельцы представляли собой отдельную армию внутри Вооружённых Сил России со своим командованием и управлением, организацией и тылом. Служба стрельцов была, в основном, наследственной. В середине XVII века для них был установлен 50-летний срок службы. Правительство поощряло семейную преемственность, когда на место старого увечного стрельца «привёрстывался» его сын, племянник или другой родственник. Если такового не оказывалось, то на вакантные места вербовались «вольные охочие люди, не состоящие в тягле». Вербовали на службу воеводы или приказные головы по указу правительства. В стрельцы предпочитали брать преимущественно из больших семей «людей добрых и прожиточных», физически здоровых и женатых. За новоприборного обязаны

были поручиться старые опытные стрельцы в том, что он будет слушаться начальных людей, исправно нести службу, «в походы под города ходити», местных жителей не притеснять и не грабить, платья стрелецкого не воровать, со службы не сбегать, из стрельцов не выписываться³³. В отличие от Западной Европы постоянные войска в России сложились не в форме наёмных отрядов, а как наследственные по своему составу и характеру службы. Если в Европе постоянные армии появляются в ходе Тридцатилетней войны (1618–1648 гг.), то в России стрелецкое войско учреждено на столетия раньше Иваном Грозным. В многочисленных войнах оно доказало неоспоримое преимущество перед дворянской конницей. В отличие от неё стрельцы несли постоянную службу по гарнизонам под началом своих командиров, были расписаны по сотням и приказам, что повышало их мобильность на случай войны. Если поместное войско к концу XVII века неизменно сокращается, то численность стрелецких формирований постоянно растёт. Если в 1632 году стрельцов насчитывалось 33775, то в 1681 году численность возросла до 55 тысяч. В значительной мере это происходило за счёт увеличения численности московских стрельцов. Их полки с 8 тысяч в 1632 году возросли до 22500 в 1681 году³⁴.

Но прогресс военного дела, особенно, во второй половине XVII века, ставит на повестку дня создание не только постоянных, но и профессиональных формирований, Военнослужащий должен быть не только приписан к тому или иному полку, он должен постоянно заниматься совершенствованием боевой выучки. Безусловно, стрельцы не отвечали этим требованиям, и время неумолимо вершило свой приговор над этой частью московской армии. Боевая подготовка стрельцов в мирное время зачастую ограничивалась исполнением полицейских функций и несением караульной службы. Обучение строю и стрельбе производилось эпизодически.

В Москве и других городах стрельцов селили слободами. Под дворы, строения и огороды им и другим служилым людям отводили земельные наделы всем сообща, а не индивидуально,

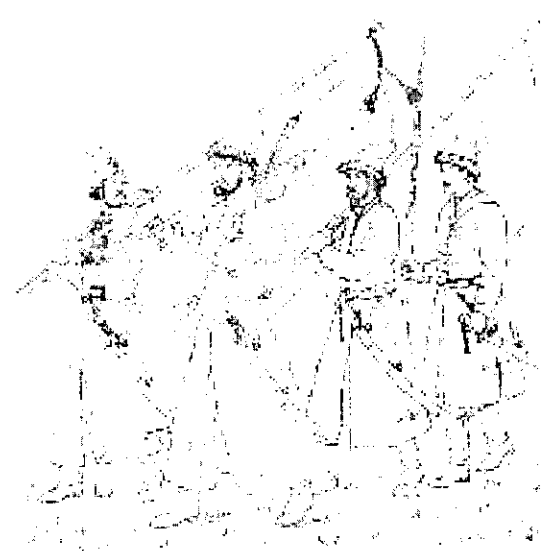

Рис. 5. Московские стрельцы в походе. Передний стрелец несёт стяг приказа, следом — знаменосец с «братским» пятидесятиким значком. Традиционное вооружение стрельцов: пицали, бердыши, сабли и пики.

как помещикам. Там, где представлялось возможным, вместо хлебного и денежного жалованья стрелец наделялся пашенной землёй. Угодья выделялись также всему полку «вообще». Затем община делила землю на индивидуальные участки по установленным нормам. Все земельные наделы считались временными

на срок службы стрельца. В случае смерти, отставки, побега надел передавался новоприборному. Участок не подлежал купле, продаже, обмену, закладу. Кроме того, стрельцы получали незначительное денежное жалованье, которое, впрочем, выдавалось крайне нерегулярно. Стрелец имел право на различные единовременные пособия «на подъём», за ранение, «за полонное терпение». На службе: в караулах, в походе стрельцу было положено «на прокорм» 6–8 денег в день³⁵. Часто деньги заменялись натурой: хлебом и продуктами. В этом снабжение стрельцов в походе отличалось от дворянского.

В XVI – первой половине XVII веков стрельцы составляют абсолютное большинство пехоты московского войска. Но постепенно они теряют свою боеспособность, и во второй половине XVII века всё отчетливее проявляется тенденция к использованию стрелецких войск как полицейской силы. Они несут «городовую» службу: стоят в караулах, подавляют волнения в уездах, ловят беглых, тушат пожары. Стрельцы, как московские,

так и городовые, продолжают участвовать во всех походах рассматриваемой эпохи, но их доля в составе походного войска постоянно падает. Как правило, в поход привлекалось лишь 5–10% всех стрельцов, что составляло 4–12% походного войска. Так, в войске М.Б. Шеина, осаждавшем в 1632 году Смоленск, стрельцов насчитывалось всего 1612 человека. В 1655 году в состав походного войска воеводы князя С.А. Урусова входило лишь 2 псковских стрелецких полка. В 1687 году только 2 московских полка участвуют в боевых действиях против татар под командой воеводы А.С. Шеина³⁶. Во втором Азовском походе принимали участие 2 полка смоленских стрельцов³⁷. В боевых порядках русского войска стрельцы постепенно вытесняются солдатскими полками.

Стрельцы ещё долгое время будут выступать своеобразным символом старомосковской армии. Редко кто из приезжих иностранцев обделяет их своим вниманием: «... У Московского царя есть очень значительные запасы хлеба и сушёного мяса, которые идут на содержание стрельцов или янычар, получавших от него одежду и очень много денег, потому что они занимаются всякой торговлей и важными преимуществами»³⁸.

Или же: «... они, как янычары в Турции, составляют в Московии отборное войско. Стрельцов состояло иногда 12, иногда 24 тысячи»³⁹.

Вместе с тем, необходимо отдать им должное. Наряду с выборными солдатскими частями стрелецкое войско составляет самую надёжную часть Вооружённых Сил Московского государства второй половины XVII века. Так, московские стрельцы отличились в боях с турками на Днепре в 1678 году. При отступлении от Чигирина в арьергард, по свидетельству П. Гордона, были назначены выборные солдаты и стрельцы. В мае 1681 года во время торжеств по случаю перемирия с Турцией и Крымом московским стрельцам, начальным людям и рядовым, от имени царя Фёдора Алексеевича была объявлена «милостивая похвала» и дана награда «по сукну человеку» за то, что во время войны «на полевых боях и осадах с турки-

ми и крымскими людьми бились и стояли в ополчениях храбро и мужественно, и крепко... , и кровь свою пролив и многих неприятеля людей побивали и Чигиринские горы взяли и пушки, и знамёна, и шатры, и намёты у них побрали и теми многими и храбрыми службами... во окрестные государства славу показали...»⁴⁰.

Более высокие мобилизационные возможности стрелецкого войска объяснялись тем, что каждая сотня или приказ селились компактно. В центре каждой слободы стояла съезжая изба, где хранились знамёна, наиболее ценные припасы, документация приказа. Здесь же проводились смотры и учения, «суда расправа» над провинившимися. Приказом командовал местный воевода, стрелецкий голова или полковник, полуголова или подполковник, сотники, пятидесятники и десятники. Все они составляли постоянный штат приказа. Как правило, головами назначались представители знатных дворянских фамилий, сотниками – дети бояр, пятидесятниками и десятниками – лучшие стрельцы. Стрелецкие чины от подполковника и выше присваивались царским указом. До сотника включительно чинами ведал местный воевода.

Таким образом, организация, управление, снабжение и материальное обеспечение стрелецкого войска было совершеннее по сравнению с поместным войском. Тем не менее, экономическая отсталость государства препятствовала гибкой эволюции этой части армии до уровня требований современного военного искусства.

Командование и правительство неоднократно предпринимало попытки совершенствовать стрелецкое войско. Особенно активно они осуществлялись во второй половине XVII века. Суть реорганизации и стрелецких и поместных войск заключалась в устранении в их устройстве двойственности, заключавшейся в тесном соседстве старорусских и западноевропейских начал. От старорусского неуклонно отказывались, действуя при этом не всегда последовательно и решительно. Европейские начала занимали всё более весомое место в организации ар-

мии. Стрелецкие полки были переустроены по образцу «полков нового строя». Указом от 25 марта 1680 года «начальные люди» стрельцов были пожалованы новыми чинами. Отныне они назывались полковниками, подполковниками, капитанами и т.д. Служить им было предписано, «...как служат и у гусар, и у рейтар, и пеших полков тех же чинов, которыми чинами... пожалованы ныне, и впредь прежними чинами... нигде не именовать и никому теми прежними чинами не называть...»⁴¹.

Всё настойчивее предпринимаются меры для повышения боевого мастерства и выучки стрельцов. Правительство намеревалось обучать их солдатскому строю, т.е. ввести регулярное и систематическое обучение: строевую подготовку, стрельбу в цель и т.д. Известен царский «наказ» головам учить стрельцов «почасту стрельбе, чтоб из самопалов стрелять были горазды, а которые стрельцы из самопалов стрелять не умеют, и тех стрельцов учить перед собой и перед сотники». Поскольку «пехотную экзерцицию» переносили из солдатских полков, для проверки строевого обучения был назначен «генерал над всей пехотою и над стрельцы»⁴². И хотя учения проводились от случая к случаю и без общих правил, новая обязанность легла на плечи стрельцов тяжёлым бременем. Два московских стрелецких приказа, находящихся на службе в Туле, подали челобитную об освобождении их от солдатской службы на том основании, что они «искони вечно в солдатском учении не бывали да они же на многих службах были и в осадах во многих сидели и многие увечны и ранены и им де, будучи в солдатском ученье, вконец погибнуть и промыслов своих отбыть, помереть с голоду»⁴³. Новшествами были недовольны и стрелецкие «начальные люди», Солдатская служба сулила им отрыв от насущного хозяйства, от привычных домашних дел. Вместо этого их ожидала безрадостная перспектива регулярной боевой учёбы с подчинёнными и существенное материальное ухудшение. Стрельцы отвечают протестами, часто переходящими в брожение. Они – неперемные участники всех восстаний и беспорядков XVII века. В 1648 году часть московских стрель-

цов примкнула к восставшим в Москве, Козлове, Челковском остроге, в 1650 они активно участвовали в выступлении городских низов в Новгороде и Пскове. Часть стрельцов поддерживала московскую бедноту во время «медного бунта» 1662 года. Много стрельцов входило в состав отрядов Степана Разина. Вместе с тем, нельзя не отметить, что решающей силой при подавлении этих и других беспорядков выступали те же стрелецкие части.

Дальнейшие изменения стрелецкого войска связаны с унификацией его организационных структур и доведении численности до уровня полков «нового строя». В соответствии с указом от 12 декабря 1680 года полк должен был насчитывать 1000 рядовых, десятников и пятидесятников. Полком командовали полковник, подполковник и 10 капитанов⁴⁴. Унификация армии этого времени проводилась и путём перевода некоторых категорий «служилых людей старых служб» в солдатский строй. В солдаты записывали обедневших помещиков с понижением им жалованья, пушкарей, затинщиков, городских казаков и других представителей «русского строя». Эта судьба не миновала и многих, в основном, городских стрельцов. Этим же указом стрельцы, находящиеся в ведомстве Стрелецкого, Смоленского, Казанского и др. приказов были расписаны в солдатские полки: «... и впредь служить солдатские службы и писать их солдатами»⁴⁵. Чуть позже указано «впредь служить солдатские службы» стрельцам Новгородского, Севского, Белгородского и Тамбовского разрядов»⁴⁶. Опрометчиво видеть в этой попытке росчерком пера превратить разношёрстные массы ратных людей в стройные ряды солдатских полков сколько-нибудь основательную реформу Вооружённых Сил. Условий для неё не было: не хватало обученных офицеров, оружие было разнотипное, частью – отечественное, частью – иноземное, не было единого устава. Но главная проблема, с которой столкнулось правительство, опять же заключалась в материально-финансовых затруднениях. Солдаты, в отличие от стрельцов, должны были находиться на казённом обеспечении. Переводя массу служи-

людей в солдаты, правительство тем самым лишило их старых источников существования, каковыми являлись собственные промыслы, ремёсла. Но денег, как всегда, не хватало, и правительство делает шаг назад в проведении преобразований. Приговором боярской думы от 25 июля 1681 года было указано всех стрельцов Севского и Новгородского разрядов, которые прежде «служили с денежного жалованья, устроить землями и служить с тех земель без жалованья». Указом от 30 марта 1682 года эта мера распространилась на стрельцов Владимирского, Смоленского, Белгородского разрядов⁴⁷. Городовые стрельцы и другие категории служилых людей стали величаться «пашенными солдатами». Это ухудшило и без того сложное положение ратных людей. Солдатская служба была тяжелее: постоянные походы, систематическая боевая учёба, в то время как стрельцы несли более спокойную, оседлую «городовую» службу. Предполагалось, что, ужесточив требования, правительство возьмёт на себя заботы по обеспечению солдат. Вместо этого реформа поставила их просто в безвыходное положение. Она грозила полным разорением, лишив их и казённого солдатского жалованья, и привычных источников существования. Из горожан стрельцы превращались в сельских жителей, из ремесленников – в пахарей. Но боеспособности войску это ничуть не добавляло. Таким образом, сущность реформы была выхолощена, цель, создание регулярной вооружённой силы, не достигнута.

Тем не менее, стрелецкое войско представляло собой очередную ступень в развитии регулярной военной организации. Оно имело более-менее стройную штатно-должностную структуру, приобщалось к регулярной тактико-строевой подготовке и обучению. Более совершенная организация, материальное обеспечение в мирное и военное время определяли его преимущества над поместным войском.

Таким образом, для войск «русского строя» характерными были следующие черты:

- в отличие от войск Западной Европы, они были созданы государством, выступали носителем традиций государственно-

сти в России; служба государственному интересу воспитывала в «служилых людях» верность долгу, престолу, Отечеству;

- мононациональный состав делал войско монолитно сплочённым, скреплённым узами общенациональной идеи;

- основной принцип организации войск – «служба с земли», не смотря на свою архаичность, имел положительное значение для формирования общественного сознания целых поколений российских военных: преданность Отечеству, глубокое чувство патриотизма становится основой мотивации к службе «дворян и детей боярских», стрельцов, городских казаков, пушкарей, затинщиков, воротников и др. служилых людей «русского строя»;

- наследственность службы, семейственность, общинный характер, круговая порука предавали особый колорит нравственному содержанию воинской повинности;

- сословия российских служилых людей воспитывались на справедливом, освободительном характере войн, которые Московское государство вело в XVI–XVII веках;

- войны рассматриваемой эпохи велись под религиозными лозунгами защиты православия. Роль православной церкви, как вдохновителя и воспитателя русского воинства, трудно переоценить. Идеи православия осеяли духовную и нравственную сторону службы. Мужество, стойкость, готовность к самопожертвованию и взаимовыручка определяли лицо русского ратника;

- громадный боевой опыт, накопленный московскими войсками в больших и малых войнах, стал основой самобытного военного искусства армии Российской империи.

К середине XVII века войска «русского строя» уступают место более совершенным, устроенным на европейский манер частям «нового строя».

Наиболее решительные шаги по пути создания современной армии были предприняты перед Смоленской войной (1632–34 гг.). Было принято решение пойти по европейскому пути и создать сравнительно небольшую наёмную армию из

иноземных солдат. Параллельно шло формирование частей «нового строя» из русских людей. Царским указом в 1629 году велено набрать в городах и направить для ратного учения под началом немецких полковников 2000 беспоместных «детей боярских», которые «...для бедности... живут на посадах или в монастырях или инде где кормятся». Им сулили 5 рублей годового жалованья, по алтыну в день – кормовых денег, а так же – казённые пищали, свинец и порох⁴⁸. Дворян в пехоту, службу в которой они считали непрестижной, привлечь не удалось. К сентябрю 1630 года записались только 60 человек. Тогда правительством разрешено было брать в солдаты посадских людей, татар-новокрещёнов, казаков. Частично прибегнули к даточным наборам. Результаты превзошли все ожидания. К декабрю 1631 года было набрано на службу 3323 человека. Новоприборные полки включали по 1600 рядовых и 176 «начальных людей» в каждом. Полк состоял из 8 рот во главе с полковником, полковым большим поручиком, майором. Правда, малопонятное иноземное слово «майор» в штатных списках было заменено на знакомое «окольничий» или «сторожеставец», что позволяет нам судить об основных должностных обязанностях этого офицера. Другие воинские звания русскому человеку были знакомы, так как имели польское происхождение. Три старших офицера номинально занимали должности командиров рот, получая за это положенное ротному денежное жалованье. Остальными ротами командовали 5 капитанов. Роты имели довольно стройную организацию. Командный состав состоял из поручика, прапорщика, 3 сержантов, квартирмейстера или окольничего, каптенармуса или дозорщика за ружьём, 6 капралов или есаулов. Каждая рота имела своего лекаря. Для канцелярских дел в качестве писаря к роте был прикомандирован подъячий. Два переводчика или толмача помогали офицерам-иноземцам командовать своими подразделениями. Штатный список завершали 3 барабанщика и 200 рядовых солдат, из которых 120 были вооружены мушкетами, 80 – пиками.

К началу 1632 года «вольных охочих людей» было набрано достаточно, чтобы ими укомплектовать 6 солдатских полков. Так было положено начало «полкам иноземного строя», качественно новой военной организации, которым суждено было стать ядром регулярной российской армии.

Недостаток источников стал основной причиной малоизученности допетровской военной организации. Долгое время она рассматривалась историками не иначе, как отправная точка для эпохи преобразований, этакий серый фон, который непременно должен озариться яркой звездой преобразовательного гения, застойное время, предшествующее стремительному прорыву во всех сферах жизни, в том числе, в военной. В большей степени недостаток фактологического материала ощущался на истории «полков нового строя». Архив Иноземного приказа, в ведении которого непосредственно находились солдатские, рейтарские и драгунские полки, фактически не сохранился. Отдельные косвенные сведения о состоянии и развитии полков содержатся в нормативных источниках (царских указах, грамотах) и в документах других приказов, главным образом, Разрядном. К ним относятся акты материалы, текущая переписка по частным вопросам, записные книги Разрядного приказа, указы и распоряжения правительства, сведения об их исполнении, грамоты приказа военачальникам, отписки об исполнении, осадные росписи, сведения о численности полков, сметы вооружённых сил, списки полков и т.д.

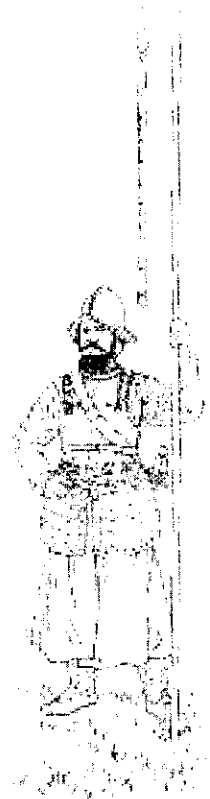

Рис. 6 Пикетёр московского войска. Титичное для солдата вооружение: длинная пика, шпага. В комплект защитного вооружения входили шлем, двусторонняя кираса с железной «юбка», прикрывавшей бедра.

Скудность источниковой базы отразилась, в первую очередь, на дореволюционной литературе о солдатах, как впрочем, и о других разрядах русского войска XVII века. Работы этого периода можно перечислить по пальцам. Но и они отличались информационной краткостью и бедностью фактического материала. К таким относят, например, работу И. Беляева, которая представляет собой краткую характеристику видам и родам допетровской армии⁴⁹. Тем не менее, книга И. Беляева долгое время рассматривалась как серьёзный труд о русском войске XVII веков, на который часто ссылались другие историки. Среди них Н.Г. Устрялов, решительно заявивший, что до Петра регулярного войска не было⁵⁰. Так в военной историографии была незаслуженно принижена роль солдатских полков. Отныне им было уготовано скромное место предтечи петровского войска. Даже С. Соловьёв утверждал, что только с появлением в России «разных видов войска с иностранными названиями» и начался переход к постоянному войску. Взгляды В.О. Ключевского несли на себе отпечаток противоречивой концепции петровских реформ. Новые полки, считает он, ещё не были регулярной армией, так как после похода они распускались по домам, при этом оставлялись только офицерские кадры.

Ещё во втором Крымском походе «полки иноземного строя были в исправности», после похода их следы теряются. По-видимому, предполагает Ключевский, Нарышкины после свержения Софьи в 1689 году в уплату за услугу «спустили тяготившееся иноземным строем дворянство на более лёгкий, русский».

Историки, выступившие после Ключевского, превратили постулат о «западном влиянии» во всеобъемлющую основу своих представлений об исторических судьбах России. Они смело заявили, что полки иноземного строя представляли собою регулярную армию, само собой разумеется, созданную по иностранным образцам. М.Н. Покровский же предлагал отбросить «старый предрассудок, будто бы Пётр был создателем регулярной армии в России» и видел в солдатских полках XVII века

готовое регулярное войско. Эти частные умозаключения вытекали не из глубокого и серьёзного анализа исторического материала, а из общего негативного отношения историков к преобразованиям 1-ой четверти XVIII века и являлись попытками доказать их бесплодность⁵¹.

Военные историки XIX века выступали как убеждённые государственники, утверждая, что единственный двигатель любых реформ – государство, единственный источник – иноземное влияние. Даже те, кто отрицал в целом теорию заимствования и подчёркивал национальную самобытность военной организации Руси, касаясь состояния русского войска в XVII веке, подчёркивал, что оно развивалось под «напором иноземного влияния» и перешло «к системе, заимствованной у иноземцев»⁵².

Пожалуй, только в советское время появились серьёзные и глубокие исследования, посвящённые данной проблеме. Это позволило советским военным историкам определить достойное место полкам нового строя в отечественной военной истории. Их позицию можно охарактеризовать следующими положениями:

1. Полки иноземного строя – уже вполне оформившееся регулярное войско, обладавшее всеми признаками последнего. Вместе с тем историки отмечали такие анахронизмы военной организации XVII века, как существование рядом друг с другом двух военных систем. Новые полки не вытеснили старой (сотенной) организации и это создавало «двойственность в комплектовании, формировании, содержании и управлении войсками»⁵³.

2. Некоторые исследователи, такие, как П.П. Епифанов, Н.В. Верховодов, видят в новых формированиях качественно новую ступень в развитии вооружённых сил. Тем не менее, они представляют собой не более, чем отдельные, хотя и важные элементы регулярного устройства. Появление полков нового строя наряду с быстрым развитием оборонной промышленности, ростом численности армии, изменением социальной струк-

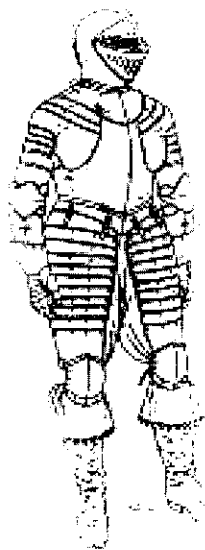

Рис. 7 Европейский кирасир 1-ой половины XVII века в полном доспехе: закрытый шлем, кираса, набедренники, поручи, железные рукавицы.

туры вооружённых сил углубили кризис господствующей военно-поместной системы и ускорили грядущие преобразования.

В преддверии войны с Польшей было начато формирование кавалерийских частей нового типа, по европейскому образцу. Их формирование проходило успешнее по сравнению с солдатскими частями. Дворяне, высокомерно относившиеся к пехоте, охотно записывались в конные полки нового строя, в рейтарскую конницу. В 1632 году из дворян и детей боярских был сформирован первый рейтарский полк в составе 1721 кавалериста. Рейтарская служба оплачивалась вдвое выше, чем солдатская: в месяц рядовой рейтар получал 3 рубля на себя да 2 рубля – на

содержание строевой лошади. Полк состоял из 12 рот во главе с ротмистром.

Солдатские и рейтарские полки приняли активное участие в боевых действиях под Смоленском в 1632–1634 годах. Война позволила по достоинству оценить вновь сформированные воинские части и сделать вывод:

- полки нового строя обладают неоспоримым преимуществом перед русским строем в боеспособности, воинской дисциплине, тактических и организационных вопросах;

- полки, укомплектованные иноземцами продемонстрировали свою ненадёжность. В сложной ситуации иноземные «начальные люди» ратовали за капитуляцию. В значительной степени, под их давлением, воевода Б. Шеин вынужден был принять унижительные условия поляков. Из 6500 наёмников-иноземцев, к концу войны в строю осталось 2140 солдат и офицеров, остальные «немецкие многие люди государю изменили и пошли к королю»⁵⁴;

- по сравнению с «русским строем», солдатские и рейтарские полки оказались слишком обременительными для казны. Только две выплаты жалованья русским и немецким солдатам в 1632 году составили баснословную в то время сумму в 129319 рублей⁵⁵. Было принято решение впредь иноземцев нанимать только в качестве командиров частей и подразделений и на значительные сроки. Рядовой состав предполагалось набирать из русских.

После войны солдатские полки были распущены, но ненадолго. В конце 30-х годов для обороны южных границ призывы солдат и драгун проходили почти ежегодно. Для этой цели был учреждён Приказ сбора ратных людей. Так, в декабре 1637 года, в связи с подготовкой к войне с Крымом, царский указ предписывал, «чтобы все люди, бывшие в русско-польскую войну в солдатской, рейтарской или драгунской службе к весне были бы в той службе по-прежнему»⁵⁶. Старых солдат явно не хватало, количество полков нового строя постоянно возрастает. В 1638 году для охраны южных границ решено «прибрать» 4000 драгун и столько же солдат. Драгун вербовали в Москве, а ратников для солдатской службы – по волостям и уездам. В службу брали из беспоместных детей боярских, старых, служивших под Смоленском, солдат и «всяких чинов вольных людей». Приборные солдаты снабжались казёнными мушкетами, подсошниками, бандельерами⁵⁷, свинцовыми пулями и 3 фунтами фитиля. Служилым людям власти установили казённое жалованье. Солдату или драгуну из дворян и детей боярских положено было 7 денег в день. Солдат из вольных людей, не служивший ранее, получал 6 денег в день. Всем солдатам и драгунам выделялось по 3 рубля в год на приобретение платья и амуниции. Как правило, для охраны границ солдат призывали на сезон. К осени 1638 года на южных границах сосредоточилась группировка в составе 5055 драгун и 8658 солдат. Однако служба их продолжалась недолго. Осенью, когда угроза вторжения татар спала, полки были распущены по домам, ратные люди были лишены казённого содержания, оружие и конный

состав были изъяты и сосредоточены по арсеналам и монастырям. Весной 1639 года прибор солдат и драгун на службу был возобновлён. В сентябре войска были распущены до весны. Подобные сезонные наборы проводились и далее. Каждый раз на службу записывались случайные люди, которые в следующем году могли вообще не явиться. Боеспособность и воинская дисциплина таких частей не могла удовлетворить самые невзыскательные требования.

Уездные и волостные воеводы столкнулись с неожиданными проблемами. Богатое столичное дворянство всегда считало ниже собственного достоинства служить в пехоте. Уездные служилые люди относились к этому иначе. Им была чужда московская спесь, сословное чванство. Не гнушаясь солдатской лямкой, немало не заботясь о корпоративной чести, уездное дворянство толпами отправлялось на солдатскую службу. Грех было упустить такую возможность пополнить свои тощие кошельки.

Правительство болезненно реагировало на сигналы воевод с мест, не в его интересах было распускать по солдатским полкам поместное войско. Указ от 8 апреля 1639 года уточнял, что в солдаты писать тех детей боярских, которые «за бедностью» не могут служить на прежних основаниях, т.е. с поместного оклада. Вводилось строгое ограничение: в солдаты записывать владельцев трёх бобылей и менее. Если помещик пытался ввести власти в заблуждение и писал за собой меньше трёх крепостных, то остальных у него могли отобрать в пользу «братья беспоместной». Но, как говорится, до бога высоко, до Москвы далеко. Грозная рука Москвы не всегда могла дотянуться до пограничных уездов. Отчаянные помещики, для которых военные опасности и полевые лишения были обычным делом, указов тех не страшились. Подтверждением тому служат многочисленные «сказки» уездных воевод, отчёты откомандированных в провинцию дьяков и прочей приказной братии. Так, в 1641 году воевода г. Ливен Д. Колотовский доносил в Разряд: «А детей боярских дети и братья и племянники пошли все пи-

саться в солдаты». В это же время козловский воевода сообщает, что служилые люди «побежали к Москве, и писались в ... солдатскую и драгунскую службу... Да и достальные козловцы ... бегут в солдаты»⁵⁸.

В своё время советская историография, плоть от плоти марксистско-ленинского учения, активно включилась в глобальную идеологическую борьбу. Одним из объектов нападок стали дореволюционные авторы и их военно-исторические труды. Наиболее ожесточённой критики подвергались приверженцы западноевропейского пути развития, видевшие в петровских военных преобразованиях вереницу заимствований. Ох уж этот пресловутый европейский стандарт, пример просвещённой Европы, более совершенные иноземные образцы. Какие литературные и не только литературные – страсти кипели вокруг них, сколько копий поломано вокруг да около простого вопроса – был ли европейский стандарт локомотивом нашего военного строительства? В данном случае – конкретнее: что подтолкнуло к формированию военных отрядов, устроенных на европейский манер: здравый смысл военного руководства или европейские стандарты? Скорее всего, и то, и другое. Необходимо отметить, что попытки увидеть в тех или иных военных нововведениях только иноземный или традиционный след – не более чем искусственно надуманные писательские потуги, бесплодные попытки подогнать исторический процесс, многообразный и противоречивый, под заранее созданную схему. Чёткого разграничения на заимствованное и самобытное, своё и чужое сделать, конечно же, не представляется возможным. В первую очередь, потому что такой подход слишком примитивен и не отражает исторической истины. Он не учитывает других, более влиятельных субъективных и объективных факторов. В нём не находится места соображениям политического плана, придворным интригам, борьбе за власть, человеческим страстям. Болезненное тщеславие и необузданное самолюбие, зависть и всепоглощающая ненависть, любовь к женщи-

не, наконец, – без всего этого любая концепция бедна и суха. И в это красочное историческое полотно можно вплести авторскую серую нить. В создании сезонных воинских частей безусловно просматривается европейский след. Классическая европейская армия XVI – первой половины XVII веков являлась именно сезонной. Впрочем, вместо термина «сезонные части» в исторической литературе принято употреблять слово «временные наёмные армии». Полки нанимались на кратковременный период боевых действий, шедших, как правило, в тёплое время года. Когда осенняя непогода и стужа остужали людские страсти, и боевые действия замирали до весны, войска распускались. Другой причиной была дороговизна наёмных войск, которая тяжёлым прессом ложилась на государственную казну. Ко всему этому на Руси временный характер войск объяснялся сезонностью военной опасности, связанной с набегами кочевников. Поразительно одинаково действуют государства у нас и в Европе. Именно в годы разорительной Тридцатилетней войны европейские страны переходят от временных к постоянным войскам. Аналогично действует русское правительство. Оно, как и европейские коллеги, приходит к пониманию целесообразности иметь постоянную вооружённую силу и принципиально меняет комплектование войск.

В 1642–48 годах крестьяне ряда сёл Воронежского, Лебедянского, Севского и других южных уездов были отобраны у помещиков в казну и записаны в драгунскую службу. Им были предоставлены земельные наделы, казной выданы мушкеты, пики, бердыши, порох, свинец и другое снаряжение. Из Москвы прибыли «начальные люди» для обучения драгун и командования ими.

Особенно важную роль в обороне юго-западных рубежей сыграли поселенные драгуны Комарицкого уезда Севской волости. В августе 1646 года крестьяне Комарицкой волости были записаны в драгунскую службу. При этом им были пожалованы земельные наделы, и они были освобождены от податей.

Комарицкие драгуны были сведены в три полка по 6 рот в каждом. Рота состояла из 300 драгун.

В 1653 году в преддверие войны с Польшей на смотр готовности к походу было представлено 14841 комарицкий драгун, из них были признаны годными:

- 5550 драгун конных с пищалями;
- 5649 драгун пеших с пищалями и рогатинами;
- 3641 недорослей.

Истории русских драгун XVII века известны как взлёты так и падения. В 1653 году, накануне новой большой войны, их количество возрастает. За счёт наборов, проведённых по «украинным городкам» драгунские части возросли на 6000 человек. Они неплохо себя зарекомендовали как боеспособная часть войска, выполняя боевые задачи в непосредственной близости от родного очага, так сказать, без отрыва от производства. Но война затягивалась, успехи на театрах боевых действий сменялись поражениями. Осложнившаяся обстановка требовала отправки драгун в районы боевых действий. Их привлекают к выполнению несвойственных задач, всё чаще включая в состав походного войска. В феврале 1654 года 4000 комарицких драгун в составе Большого полка выступили в поход в Польшу, 1800 – отправлены в Москву, остальные продолжали нести сторожевую службу. В 1658 году 3 драгунских полка (3200 драгун) участвовали в полоцком походе, 3 полка несли службу в Севске. С 1665 года драгуны несут службу в Киеве, поочередно меняясь, партиями по 600 человек⁵⁹.

Уже в ходе войны, в 1658 году в составе Белгородского разряда было сформировано 5 новых драгунских полков, общей численностью 7300 человек. После войны карьера драгун пошла на убыль. Правительство вновь обращает на них внимание во время восстания Степана Разина. В феврале 1670 года по царскому указу полковники Кровков и Шепелев произвели осмотр и перепись комарицким драгунам. Было уточнено количество боеспособных воинов, «кому быть в строю

и кому в домашнем береженье от татар»⁶⁰. Полковники выбирали в строевую службу из семей с четырьмя мужчинами – двоих, с тремя – одного. В каждой семье оставляли не менее двух мужчин для пашни и содержания строевых драгун. Полки формировали по 800 драгун с делением по ротам. В роты записывали целыми семьями, станами, сёлами или деревнями. Всего в службу по 4 станам было «прибрано» 4164 драгуна, из которых было сформировано 4 полка. Оставлено «для пашни» и домашних работ 7366 драгун, родных, соседей и захребетников, старых, увечных, бобылей и недорослей – 747769. Драгуны несли сторожевую и походную службу, в 1671 году 1701 драгун числились в полку воеводы и боярина Ромодановского, 946 – в полку генерала Касогова на Дону. В 1672 году 2 полка в количестве 1860 драгун несли гарнизонную службу по украинским городам. С 1673 по 1678 годы 1060 драгун состояли на службе в Киеве, чередуясь через год. В это же время часть драгун несёт пограничную службу в районе Путивля. Оставшихся солдат власти переводят в менее престижную городскую службу, то есть, ими усилили гарнизоны городов и крепостей. К 1680 году комарицкие драгуны исчезают из состава русских ратей. Исчезают драгунские формирования и в южных уездах, как отдельная категория служилых людей. Одной из причин исчезновения стало неправильное оперативное использование этого рода войск. По своему материальному положению драгуны-крестьяне являлись хорошей вооружённой силой по месту своего жительства. Когда же правительство стало посылать их в отдалённые города или включать в состав походного войска, драгунская служба для крестьян стала непосильной.

Рис. 8 Драгун в пешем строю. Бердыш закинут за спину «по-походному»

В дальнюю службу драгун должен был явиться на коне с оружием и припасами. Требования к ним предъявлялись такие же, как и к поместным дворянам и детям боярским. Если даже последние, имея поместья и денежное жалованье, не всегда могли подняться на службу, что ж говорить о крестьянах, с их небольшими земельными наделами, обрабатываемыми собственными силами. Почти ежегодные «командировки», отрыв от хозяйства приводил к разорению и обнищанию поселенных драгун. Кроме того, Севская волость часто становилась театром ожесточённых боёв. В 1662 году Крымская орда под предводительством князя Ширинского опустошила всю волость. В плен было уведено большинство жителей. В 1664 году войско Яна Казимира вторглось на территорию волости, не дойдя лишь 8 вёрст до Севска. Вновь земли и хозяйства уездов подверглись разорению. Это естественно сказывалось на боеспособности драгун-крестьян. Смотры, проводимые полкам перед отправкой на театр боевых действий, показывают рост числа в строю безлошадных драгун, без мушкетов, вооружённых только холодным оружием. И таковых становилось всё больше и больше. Не в силах нести воинскую повинность, в 1657 году козловские драгуны (сёл Торбева, Горстова, Козинки) в числе 131 человек подали коллективную челобитную, чтобы их поверстали в дети боярские. С подобной просьбой в 1670–71 годах обратились 144 драгуна, служившие в Белом колодце. Очевидно, власти были заинтересованы в том, чтобы сохранить в строю драгун. Оно удовлетворяет просьбы челобитчиков. В 1666 году козловские драгуны-крестьяне были поверстаны в дети боярские. Поместные оклады были установлены в 150 четей, хотя фактически ими было получено по 15–25 четей⁶¹. Благоволило правительство и к драгунам Белого колодца. Они также переводятся в сословие детей боярских с поместным окладом в 50, 100 и 150 четей. Им же было положено денежное жалованье в 3–5 рублей в год. Дольше всех служили комарицкие драгуны. В 1679 году они в составе 4 полков ещё числятся в составе походного войска, но не в строю,

как раньше, а уже в обозе. Со временем они были переведены в солдатскую службу, не требующую таких материальных затрат, как драгунская.

На северо-западных границах из-за особенностей театра преимущественно лесисто-болотистой местности, практиковали формирование поселенных солдатских полков. Указом от 17 сентября 1649 года было велено «устроить в солдатскую службу крестьян» заонежских погостов Олонецкого уезда, Сумерской и Старопольской волостей Старорусского уезда. «Взяв у старосты и целовальщиков именные росписи крестьян и детей их, и племянников, и зятей, и приёмышей, и захребетников, и всяких жилецких людей, ... – воевода обязан был, ...пересмотреть всех налицо, записать в солдатские книги и взять из них в солдатскую службу со двора по человеку, а с иных дворов, где семья большая, взять человека два и три... – добрых, которые в солдатскую службу пригодятся, лет в двадцать, в послед двадцать, в тридцать, в сорок и пятьдесят, а старее пятидесяти лет и увечных да худых не имать...». После записи воевода обязан был привести новоприборных солдат к крестному целованию⁶².

Всего в 6 заонежских и 3 лопских погостах в солдатскую службу было записано 6902 человека, из которых сформировано 2 полка. Из солдат, набранных в сумерской и старопольской волостях, был образован 1 полк численностью в 1000 человек⁶³.

По своему социальному положению поселенные солдаты, как и их коллеги, драгуны, оставались крестьянами, их благосостояние полностью зависело от немудреного крестьянского хозяйства. Воинскую амуницию и снаряжение они содержали, в основном, своим трудом. От крепости хозяйства зависело качество снаряжения солдата к походу. Солдаты несли пограничную службу на северо-западных рубежах. Как и поселенные драгуны, они неплохо себя зарекомендовали как боеспособная часть войска, выполняя боевые задачи в непосредственной близости от родного очага. Дальние

походы подрывали боеспособность солдата. Неоднократные наборы истощили край, со временем в деревнях остались лишь немощные старцы, подростки и неспособные к службе. В Москву летели челобитные: службу нести невмочь, хозяйства разорены нападениями шведов, семьи остались без хлеба, на полях работать некому. Челобитчики просили вернуть домой последний набор солдат. Правительство решило удовлетворить эту просьбу. В октябре 1662 года было указано в солдаты из крестьян больше не брать. После войны их освободили от службы⁶⁴.

Освобождали от службы далеко не всех. Многих, особенно драгун, переводили в солдаты, облегчая им условия службы. Отныне в учётных списках и росписях они числились как пашенные солдаты. По своему социальному статусу пашенные солдаты были близки к ратным людям «старого строя»: стрельцам, казакам, служилым людям пушкарского звания. Тамбовские солдаты «жили в домах своих по усадьбам с женами, детьми или же с отцами и братьями в одних дворах». Они наделялись участками земли в 12–25 четвертей в 1 поле на человека. Рота солдат формировалась из крестьян пяти, а иногда даже пятнадцати деревень⁶⁵.

В Тамбове «солдатских детей» записывали в полки по совершеннолетию. В переписных книгах с описями солдатских дворов каждого селения делались отметки, кто из детей «в службу поспел» или сколько в нём недорослей. Власти поощряли преемственность солдатской службы. Особой категорией поселенных солдат являлись солдаты, устроенные «на вечное жильё» в различных городах. В основном, это были города, недавно взятые под высокую руку православного царя. Солдаты селились особыми слободами при посадах, как и городовые стрельцы. Так, в 1660 году по грамоте из Приказа тайных дел было велено в Смоленске, Полоцке и Витебске, недавно отвоеванных у Польши, солдатам «отвесть под слободы места и строить дворы»⁶⁶. Воевода Б.А. Репнин сообщал о том, что полоцкие, смоленские, витебские солдаты,

как старые, так и новоприбранные, «... били ему челом, что они де хотят на вечном житъе быть в тех городах». Получив надворные строения, казенную ссуду, солдаты обзаводились хозяйством и семьями. Они жили «на отводных своих дворовых местах» и обеспечивались от казны «пашенной землей и санными покосы» без права продавать или закладывать эти угодья⁶⁷.

Если среди крестьянства наиболее тяжёлым было положение помещичьих крестьян, то среди ратных людей труднее всего приходилось поселенным и пашенным солдатам. В мирное время солдаты несли натуральные повинности и платили денежные налоги со своих ремёсел и промыслов.

Пашенные солдаты, как и поселенные, не выносили двойного «тягла», разорялись и разбегались со службы. В 1667 году они жаловались в Москву, что «... оскудели вконец, с семьюшками испроелились, рожь засеять не успели, и чтоб ключонок своих не отдать за бесценок», просили выдать им кормовые деньги, чтоб им «впредь службы не отбывать и с семьюшками своими с голоду не помереть»⁶⁸. Правительство прислушивалось к обнищавшим ратникам и по мере возможности шло навстречу. Служилым людям или оказывали материальную помощь или предоставляли различные льготы по службе. Например, солдат заонежских погостов сначала велено было «учить солдатской службе повседневно», но вскоре их «польготили» и «чтобы им от пашни и от промыслов не отбыть, ... приказали одиноким и двойникам являться на учение лишь в третью неделю, а семьянистым, где три или четыре солдата-родственника... понедельно переменяючись». Причём, офицерам запрещалось принуждать к учению тех крестьян, которые не были внесены в солдатские росписи. Вряд ли стоит кого-то убеждать, что в любом случае ослабление требовательности негативно сказывалось на боеспособности войска.

«Заонежские солдаты добры, – сообщает новгородский восвода, – а бегают беспрестанно..., потому что солдат вы-

сылают в полки одних, а не с переменою»⁶⁹. Исправная служба грозила солдату и его семье голодной смертью. В 1661 году солдаты и драгуны Заонежских погостов, служившие в полках воеводы И. А. Хованского, писали в челобитной, что «с голоду померли и из полков ... от хлебной скудности разошлись, а иные, не дошедши до полка..., устрасясь голодной смерти, с дороги разбрелись врознь», что если им прибавят кормовых денег на жалованье и «прокормиться будет мочно», то они «служить рады». Власти вновь откликнулись на эти жалобы. Вскоре в Новгород пришёл указ: «... для нынешние хлебные дорогови прибавить жалованья по алтыну в день», а оставивших полки из-за голода возвращать без наказания.

После войны с Польшей 1654–67 годов в устройстве русской армии всё отчётливее проявляются новые тенденции. Преодолевая косность мышления отсталого боярства в окружении царя, правительство приступает к унификации армии. Сопротивление оказывали и слои служилых людей, не заинтересованных в реформах. Ревниво охраняли старинные привилегии дворянство и стрелецкое войско. Они как могли сопротивлялись даже самым робким попыткам правительства ввести у них элементы регулярного устройства.

Тем не менее, многоукладность русского войска преодолевается настойчиво и целеустремлённо. Из многих родов «служилых людей» выбрано наиболее бедное, а потому дешёвое и выгодное для казны сословие – «пашенные» и «кормовые» солдаты. «Кормовые» солдаты принципиально не отличались от «пашенных». В их содержании относительное преимущество имело натуральное или денежное жалованье. По условиям жизни и быта они приравнивались к городovým стрельцам. Основу их содержания составляли личные хозяйства, промыслы и ремесла.

Прагматизм русского правительства вполне понятен. По сравнению с другими категориями ратных людей, содержание «пашенных» солдат казне обходилось гораздо дешевле. Часто оно сводилось к выделению участка земли под хозяйство и не-

большой денежной ссуды «на подъём». Неуклонно в «пашенные» переводятся другие категории солдат. В 80-е годы XVII века их численность возросла за счет перевода части поселенных солдат и драгун. Такая же судьба была уготована низшим слоям «русского строя». В последующие десятилетия правительство весьма значительно прошерстило многолюдное сословие служилых людей «по отечеству» и «по прибору». В «пашенные» записывают обнищавших «дворян и детей боярских», безлошадное мелкое дворянство южных уездов, городских стрельцов и казаков, пушкарей, затынщиков и воротников. Все они становятся солдатами-хлебопашцами и, как и другие тяглые сословия, платят государственные подати.

На этих же основаниях создавались команды для обороны уральских и сибирских поселений. Уже в конце XVII века был сформирован Сибирский драгунский полк «понеже города, остроги и слободы поселены на дву или трех тысячах верст»⁷⁰. Судя по статейному списку о походах 1699–1701 годов, полк имел территориальную организацию и состоял из 10 поселенных рот: кацкой, мехонской, масляновской, ялуторовской, суерской, шадринской, катаяской, арамильской, колчеданской и царегородищенской. Командовал частью полковник, ротами – капитаны. Драгуны набирались из крестьян. Им было положено жалованье 1 руб. в год, пахотная земля, сенные покосы и освобождение от податей. «Да им же, драгунам, для припаски и для отдачи в наем давать в их же слободах в поле по 2 десятины на человека и в дву полях по тому же, а капитанам вдвое, и под сенные покосы, где к слободам ближе»⁷¹.

Численность войск «нового строя» постоянно возрастала. Если в армии Б. Шейна в 1632 году по смете числилось 6118 «служилых людей нового строя», то в «Росписи перечневой ратным людям, которые в 1680 году расписаны в полки и разряды» их уже насчитывалось 92 00081. Солдатские и рейтарские полки вскоре становятся основой российской армии, окончательно вытеснив «русский строй».

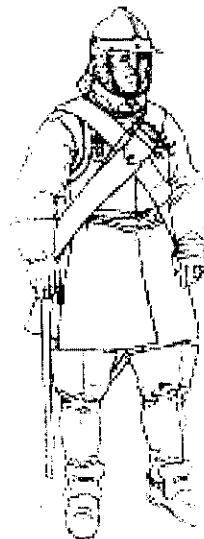

Рис. 9 Европейский кирасир 2-ой половины XVII века. Облегченный кираса, открытый шлем, длинный кожаный колет и тяжёлые сапоги с раструбами, широкая длинная шпага.

Допетровскую армию обвиняли во временном характере службы ратных людей. По мнению критиков, армия XVII века фактически представляла собой ополчение или милицию, созывавшуюся на службу только во время войны. На наш взгляд, это не совсем справедливо. Временный режим службы ратного человека XVII века, в целом, не изменился и в следующем столетии. Более того, он оказался щадящим с точки зрения оптимизации нагрузки на бюджет государства. Не за это нужно было критиковать войско предреформенной эпохи. Не в этом состояло принципиальное отличие допетровской и петровской армий. Отста-

лым армию делала многоукладность, при которой рядом сосуществовали отжившие и современные рода войск, со своими традициями, законами, аппаратом управления, порядком прохождения службы и т.д. Это-то и не давало возможность унифицировать и упорядочить службу ратного человека, будь то рейтар или московский стрелец, пашенный солдат или помещик, драгун или пушкарь. Петром решительно была сломана милиционная система, характерная для «русского строя», а порядок службы «нового строя» перенесён на всю армию.

Многоукладность военной организации отражалась на основополагающем элементе армии – системе её комплектования. Практически для каждого рода войск существовал свой метод пополнения. Все мужчины дворянско-поместных родов должны были принадлежать к одной из следующих групп:

· либо это «служилый человек», лицо, повёрстанное на службу и обеспеченное поместным окладом;

· либо это недоросль, лицо не достигшее призывного возраста;

· либо это отставной.

В поместно-дворянское войско верстали новика, дворянского отпрыска, достигшего, как правило, 15 лет. Отныне молодой помещик считался служилым человеком «по отеческой чести», то есть занимал место, определённое его роду в соответствии с феодальными устоями вассалитета в военно-государственных структурах. Повёрстаный новик пожизненно зачислялся на службу царю, основным его занятием становилось военное дело. Дворянское войско сохраняло социальную замкнутость, пользовалось существенными льготами от государства. Дворяне являлись опорой складывающегося абсолютизма в России, впрочем, это совсем не означало, что они не тяготились выполнением тяжёлых ратных обязанностей.

Стрелецкое войско, как и городское казачество, ратные люди пушкарского чина, комплектовались также верстанием, но уже не «по отечеству», а «по прибору». Этим подчёркивалось менее значительное место этих родов войск в иерархии феодального Российского государства. Правительство также поощряло семейственность среди стрельцов, но военная необходимость настоятельно требовала увеличения армии. Стрелецкое войско пополнялось представителями других сословий. В основном, это были посадские люди, вольница, различные категории крестьянства, отпущенные на волю холопы и дворовые и т.д. Их вербовали в стрелецкие полки на добровольной основе, и они считались служилыми людьми «по прибору».

В состав московского войска отдельными корпусами входили малороссийские, донские казаки, многочисленные татарские, башкирские конные отряды, сохраняя свою самобытную систему комплектования.

Войска «нового строя» унаследовали систему комплектования у «русского строя». Рейтары и копейщики, являясь дворянским родом войска, комплектовались как и поместное войско верстанием «по отечеству». Солдатские и драгунские полки,

в основном, пополнялись аналогично стрельцам.

В военное время для пополнения убыли действующей армии и для формирования новых частей широко практиковались даточные наборы. Первоначально в даточные наборы привлекали представителей сословий, не несущие государственных и других податей: дворовых, холопов, вольных, монастырских служек и т.д. Особенно широкое применение даточная система получила в разгар войны 1654–1667 годов, когда были исчерпаны старые контингенты: поместные, поселенные, кормовые солдаты.

Именно тогда в комплектовании войск центр тяжести смещается на основное «тяглое» население: государственное и крепостное крестьянство и посадских людей. Набранные среди них даточные солдаты пополняют поредевшие полки. Даточные наборы организовывались различными приказами в подведомственных им уездах и провинциях. Приказы действовали разобщенно, иногда по собственному усмотрению. Вместе с тем, в ходе войны было проведено 3 набора в общегосударственном масштабе. В 1658 году по указу царя взято в «царскую солдатскую службу» со всего государства по 1 даточному с 25 дворов. Этот набор дал армии 18 тыс. солдат. Следующий набор 1659 года составил 15,5 тыс. солдат. В декабре 1660 года брали с 20 дворов по 1 человеку. Всего 3 набора дали армии 51 тыс. воинов⁷³. Этими наборами руководил приказ Костромской чети. Параллельно другими приказами проводились даточные наборы в подчиненных им городах и уездах. Наиболее активно действовали Поместный, Разрядных приказы, Приказы Казанского двора, Монастырский, Хлебный и др.

Даточных солдат вскоре стали брать на пожизненную службу. С середины XVII века они составляют основную массу пехоты постоянного российской армии. В 1663 году насчитывалось 55 солдатских полков, общей численностью 50–60 тысяч человек. После войны большинство из них было распущено по домам. Даточные солдаты были возвращены в крестьянское сословие. При этом правительством с отпущенных брались поручные записки, в которых солдаты обязаны были по первому

зову явиться в свои полки. «Служба солдатских и драгунских полках постепенно превратилась в повинность тяглого населения всех категорий в общегосударственном масштабе»⁷⁴.

Вместо беглых или утаённых даточных помещик обязан был поставлять других. С течением времени даточные трёх общегосударственных сборов, в первую очередь, старших возрастов (а предельный возраст для даточных считался 40 лет) становились физически неспособным для несения службы. Не смотря на это, они продолжали числиться в солдатах. Такая система ограничивала возможности регулярного пополнения солдатских полков отборными призывниками. Она в большей мере учитывала интересы феодалов нежели – русской армии и обеспечение её высокой боевой способности. Вот так комплектовалось разношерстное войско Российского государства накануне петровских преобразований.

После войны 1654–1667 годов под ружьем было оставлено 20–25 полков, общей численностью до 30 тыс человек. Полки были размещены по городам и уездам в специальных слободах. Так, в 1668 году 5 солдатских полков Белгородского разряда были размещены: полк Якова Лесли (975 человек) – в Белгороде, полк Самойла Вестова (984 человека) – в Карпове, полк Ягона Загера (943 человека) – в Воронеже и Усмани, 2 полка – в Яблонице и Коротояке⁷⁵.

Обобщённого материала о временном и постоянном характере службы в допетровских полках не существует. Истории ещё предстоит ответить на вопрос, когда и сколько войск оставалось под знамёнами, а сколько – в срочных и бессрочных отпусках. Мы же, опираясь на работы известных историков, располагаем множеством отдельных сведений, дополняющими общую картину организации ратной службы в России XVII века. Григорий Котошихин свидетельствует: «... которому году рейтаром и солдатом на службу посылок не бывает, отпускают их по домам, а в которое время надобны будут, и их велят поставить на Москве или по службе на срок, по-прежнему»⁷⁶. Указ о втором сборе даточных гласил: «... а как служба минется, и тех

даточных распустить по домам, где которой будет взят», в третий сбор даточных набирали «по вестям для неприятельских приходов».

Известно, что часть солдат зимовала в том или ином городе, усиливая его гарнизон. В 1662 году в московском выборном полку А. Шепелева находилось «в отпуску урядников и солдат 730 человек», оставлено было на службе в Смоленске «в половине полку» 1053 солдата, кроме того, числилось в Москве 417 человек того же полка. В 1662 году в Борисоглебово было оставлено на службе 300 луцких и псковских солдат, «а велено им быть с переменою по 3 месяца»⁷⁷. Солдаты жили постоем в домах крестьян и горожан. Но иногда для военных строили специальные помещения. Так, в 1660 году в Борисове для солдат возвели «жилых 75 изб да начальным людям со всякими покои 30 дворов». В условиях затяжной войны с Польшей, почти непрекращающихся боевых действий и дальних походов возникала военная необходимость оставлять гарнизонами часть войск в завоёванных городах или пограничных крепостях. Так, волей – неволей солдатская служба приобретала постоянный характер, но и в этих случаях ратные люди несли службу либо «с переменою» либо – «половиною» полка, остальные – находились «в отпуску».

Норма соотношения между находящимися на службе и в отпусках не регламентировалась. В этом инициатива принадлежала частным начальникам: Приказам, воеводам, полковым командирам. Но при этом строго велся учет всего личного состава в полковых и воеводских канцеляриях. Каждый солдат состоял на учете.

Как правило, весной солдат призывали под знамена, а осенью отпускали по домам. Иногда по именному указу царя тот или иной воевода собирал полки для проведения осмотра или учений. В случае внешней угрозы войска собирались в полном составе. В сентябре 1655 года воеводе Я.Черкасскому указано, собрав и пересмотрев всех ратных людей, в том числе и солдат даточных, г. Борисова, отпустить по домам⁷⁸. В январе

1661 года предписано воеводе князю Д. Долгорукому всех ратных людей, находившихся под его командой «для нынешнего зимнего времени отпустить по домам»⁷⁹. В мае 1661 года царь требовал выслать из Перми Великой в Москву всех отпускных солдат выборного полка генерала А. Шепелева, проживающих в Перми, Чердыни, Соли Камской и других городах. В феврале 1662 года псковскому воеводе В. Волжанинову указано из Разряда: «Указали мы тебе твоему полку со всеми начальными людьми быть в Москве. А солдат, которые у тебя в полку, до нашего указа распустить по домам». Весной 1663 года новгородскому воеводе Д.А. Долгорукому предписано со всеми ратными людьми, в том числе и с солдатами, находившимися до этого «на отпуске», немедленно выступить в Опочку⁸⁰. 23 сентября 1677 года последовал указ боярину и воеводе В.В. Голицину: «... буде турецкие и татарские войска пошли совершенно в свои земли и повороту их нынешнею осенью назад не чаять и тебе ... ратных людей, конных и пеших, распустить по домам, из которых мест пристойно, по своему рассмотрению»⁸¹. В ноябре 1679 года во Владимир воеводе князю Б.В. Горчакову из Разрядного приказа послана грамота «... и солдатам и даточным ... сказать, чтоб они жили в домах своих и к нашей государевой службе строились, лошади кормили и запасы пасли до указу»⁸².

Таким образом, во 2-ой половине XVII века в российской армии, в основном, сложилась система прохождения службы личным составом. Элементы постоянной службы своеобразно переплетались с временным характером службы даточных людей в полках. Система краткосрочных сборов и длительных отпусков с целью удешевления армии дополнялась отлаженной организацией учета и контроля над ратными людьми, находившимися вне расположения частей, оповещения приписного состава, его сбора и от мобилизации полков в случае военной опасности. Бурная предпетровская эпоха с ее войнами и военными конфликтами не раз доказывали действенность данной системы.

Насколько профессиональной была русская армия XVII века? Вопрос профессионализма ратных людей встал на повестку дня далеко до рождения Петра. Мысль о необходимости сохранения постоянного состава пехотных полков вырабатывалась под влиянием той очевидной истины, что солдат должен обладать определёнными профессиональными навыками. Само собой разумеется, чем чаще солдата ставили в строй, тем увереннее постигал он ратную науку. Эта простая мысль красной нитью проходит через многие указы и распоряжения приказов, воевод, самого царя.

Указ 1638 года о наборе 4 тыс драгун и 4 тыс солдат: «А чтоб поболее прибрати... для тово: как им государево жалование дадут..., и они впредь на службе будут прочны..., и драгунской и солдатской службе поизучаца, и вперёд на службу будут готовы».

Указ 1640 года предписывал воеводам, чтобы «имали людей, которые наперёд сего в солдатской службе были» и только при отсутствии «прежних солдат» разрешено брать «людей добрых, которые в солдатской службе пригодятся»⁸³. Профессиональные навыки солдат, впрочем, как и стрельцов и пушкарей, обеспечивались, в известной мере, пожизненным и наследственным характером их военной службы. Но всё это даёт лишь зыбкие основания для того, чтобы называть солдатские полки XVII века регулярными частями российской армии.

Русскую армию XVII века создавали по европейским канонам. Но вышло нечто совсем не европейское, а самобытное, не имеющее аналога. Уж не в Европе – это точно, с её кукольными наёмными армиями. Их армиями-то неудобно называть по нашим, по российским меркам. Что бы они делали на наших южных границах – без конца и края, со своей учёной тактикой и хитрыми ружейными артикулами.

Созданная армия была симбиозом отечественного и европейского. Формы, безусловно, были взяты оттуда, это бесспорно: чёткость, немецкий педантизм, дисциплина. С нашей природной безалаберностью нам этого ой как не хватало. Дав волю

воображению, можно утверждать, что был создан прообраз армии далёкого будущего. По некоторым чертам она перешагнула – XVIII и, отчасти, даже – XIX век. Это было небольшое регулярное войско профессионального типа с почти необозримыми подготовленными людскими резервами, целой армией крестьян-солдат. Кадровым ядром армии выступали некоторые части, расквартированные в центре и по границам. Здесь и известные выборные солдатские полки: Лефортов и Бутырский, сами по себе превосходящие по численности армии некоторых европейских стран. Кстати, важная особенность выборных полков – это сравнительно небольшое количество старших офицеров-иноземцев, которые в обычных полках составляли значительный процент. Судя по материалам Денежного стола Разрядного приказа, в 1668 году из 25 старших офицеров полка Шепелева всего 2 были из иностранцев⁸⁴. По свидетельству Патрика Гордона, 26 лет прослужившего в выборных полках, они являлись ни чем иным, как учебно-показательными частями, готовившими унтер-офицерские кадры для армейских частей. Этим объясняется существенное превышение штатов выборных полков над штатами обычных пехотных частей. Например, в полку А. Шепелева в 1668 году числилось по штату 2 полковника, 99 офицеров, 232 урядника и капрала и 597 рядовых солдат. В 1681 году в нём же состояло в штате 4 полковника, 150 офицеров и 6478 урядников, копралов и рядовых солдат⁸⁵. Численность выборных полков постоянно увеличивалась. В 1692 году, по словам самого Ф. Лефорта, в его полку числилось 15 тыс. человек, каждая тысяча имела своего полковника и офицеров. В конце XVII века выборные части включали от 52 до 64 рот по 100 человек в каждой. Практически, по своей численности это были более поздние бригады, дивизии, корпуса. По своим задачам – это были учебные центры по подготовке младшего командного состава русской армии. Рядовой состав выборных полков был переменным, кадровый офицерский – постоянным. В 1674 году было указано «которые солдаты выборные Аггея Шепелева полку из разных городов, а жили они на Москве, всех велено отпустить по-пре-

жнему на сторону»⁸⁶. Очевидно австрийский посланник Корб в своих воспоминаниях имеет в виду именно выборные полки: «Во время походов столько корпусов, сколько я насчитал полков. По этой причине полком заведует не полковник, а генерал. Каждому генералу упомянутых полков отведена известная область, с которой он должен в случае войны набирать рекрут для собрания определённого отряда. То, что в мирное время составляет полк, в военное время составит корпус. После прекращения военных действий... войны опять принимаются за соху, таким образом, эти люди, то поселяне, то войны, опять становились пахарями»⁸⁷. По социальному составу это были дворянские части.

Но время массовых армий ещё не пришло. Ещё даже петровский рекрутский набор не утвердился, а здесь – чуть ли не о всеобщей воинской обязанности идёт разговор. На повестке дня стоят небольшие регулярные армии. А, как известно, дорога ложка к обеду. Поэтому каких-либо ростков военно-мобилизационной системы будущего в военной обыденности времён Алексея Фёдоровича и его сына никто из историков не увидел и не оценил.

Конница «нового строя» была представлена рейтарскими, рейтарско-копейными и гусарскими полками. Рейтары были вооружены пистолетом и саблей, копейщики и гусары помимо огнестрельного оружия имели длинную пику. Основную массу кавалерии «нового строя» составляли рейтары. Они комплектовались из дворян и детей боярских. По сути, рейтарская конница представляла собой дворянский род войск, пришедший на смену и унаследовавший нравы и традиции поместно-дворянских сотенных полков.

Военная необходимость заставляла нарушать классовый принцип комплектования рейтарской конницы, но после войны от представителей других сословий избавлялись. В 77 южных городах в 70-х годах XVII века из 12 тысяч рейтар 10658 были дворянами и детьми боярскими.

От поместной конницы рейтары отличались единообразным вооружением, более опытными и обученными командирами из иностранцев, тактикой боя и более-менее регулярным обучением.

Имелись различия в содержании. В походе рейтары обеспечивались денежным содержанием или натурой от казны.

Со временем, осознав, что «рейтары на боях крепче сотенных людей», правительство переводит многих помещиков в рейтарский строй. Денежный и поместный оклады при этом сохранялись. Вместе с помещиками рейтарская конница унаследовала как достоинства, так, и недостатки старого строя.

Неявка на службу и бегства из полков становятся нередким явлением. Правительство брало с рейтар поручные записи, отбирало у «нетчиков» поместья и вотчины, переводило рейтар в солдаты, а в случае злостного «нетства» принимало более строгие меры. В августе 1670 года по приказу воеводы Белгородского полка боярина И. Милославского рейтар Иван Казачков за три побега был повешен.

Одним из главных признаков профессиональной армии 2-ой половины XVII века было наличие постоянно действующей единой системы военного обучения. Эта система регламентировалась воинскими уставами, артикулами, многочисленными инструкциями.

В русской армии рассматриваемого периода единая система подготовки еще не сложилась. Устав, который был призван стать теоретической основой для боевой учебы войск нового строя, появился в 1647 году под названием «Учение и хитрость ратного строя пехотных людей». Это был перевод 1-ой книги 8-томного сочинения капитана датской службы Вальгаузена, вышедшего в свет в 1615 году.

«Всякая наука ни от кого похулена не бывает, разве от тех, которые не смыслят и ненавидят», – говорилось в предисловии устава. Устав имел ряд существенных недостатков, самым значительным из которых была его безнадежная отсталость от требований современного боя. Книга Вольгаузена «Kriegskunst zum Fuss» была написана до Тридцатилетней войны (1618–1648 гг.), ставшей поистине переломным этапом в военном искусстве Европы. За 30 лет с момента появления и до публикации ее русского перевода многое изменилось. Тактические построения

войск стали вытягиваться по фронту, уменьшаясь в глубину, приобретая вид линейного боевого порядка в то время, как «Учение...» предписывало войскам еще глубокие колонообразные построения. В то время как в европейских армиях применялся более совершенный кремневый мушкет, устав учил мушкетеров обращению с фитильным мушкетом. «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» оказалось слишком сложным для усвоения не только русскими, но и иноземными офицерами, что признавалось многими современниками. Если ко всему вышеперечисленному добавить малограмотность русского офицерства, то станет очевидным, что «Учение...» не могло стать действующей инструкцией для боевой подготовки войск.

Вопрос о привлечении опыта иноземцев – вопрос принципиальный для обсуждаемой проблемы, соотношения заимствованного и самобытного в отечественной армии рассматриваемой эпохи. Иноземные профессиональные военные были обязательными спутниками нашего военного становления и совершенствования. Привлечение их на московскую службу варьировалось от единичных случаев в виде инструкторов или отдельных иноземных лейб-рот при царской особе до массового найма – во время Смоленской войны (1632–34 гг.) и русско-польской войны (1654–67 гг.). Существовали иноземцы «старого выезда», предки которых ещё при Грозном и Годунове осели в Москве. Многие из них принимали православие и в феодальной иерархии занимали не последние места среди московского дворянства. Осевшим иноземцам давали поместья, и они пользовались правами городского дворянства, но ассимиляция их проходила медленно. Михаил Фёдорович и патриарх Филарет указывали, что крепостные крестьяне иноземцев ими притесняются в религиозных вопросах, под их влиянием крестьяне употребляют в пост мясо и скоромное. Алексей Михайлович также проявлял настороженность к попыткам иноверцев утвердиться на московской земле. Он приказывал отбирать у них поместья. «Еретиков и немцев воеводами не посылать, в воеводство не определять... Быть им только на Москве служить».

Прусский посол Мейерберг, близко знакомый с нравами и обычаями при московском дворе, утверждал, что царь «войско своё не вверяет никому другому вождю, кроме москвитянина». Воеводе Сумерской волости и Старополя Никите Кайсарову царь наказывал присматривать за иноземцами-инструкторами, чтоб они «...крестьян, которые будут в солдатской службе, никакие налоги и насильства и никакого поруганья не делали и ничего с них не имали и убытков им никаких не чинили, а учили б их неоплошно». Став русскими помещиками, немцы забывали про свой национальный педантизм и самодисциплину. В дарованных царём поместьях они засиживались до 3 «нетя», как и русские, бегали со службы, бывали биты батогами, их понижали в звании. Так, в 1671 году майор рейтарского строя Адам Ларк с жалованьем 16 рублей в месяц, «на службу Великого Государя не явился, за что был бит батогами», снижен до ротмистра, послан в Тамбов. На этом нерадивый майор не успокоился. Он злобно игнорировал распоряжения явиться в полк, ещё был бит, и – разжалован до поручика и выдворён из России. Как рассматривать участие таковых иноземцев в военном строительстве Российского государства, как влияние Европы или нет? Подавляющее большинство их, как правило, использовались правительством на военном поприще, возглавляли крупные ратные отряды, им поручались важные военные посты, они стояли у истоков тех или иных военных начинаний. Тем не менее, к этому времени они уже настолько обрусели и утратили связи с Родиной и европейским военным делом, что считать их носителями европейского военного прогресса было бы не вполне уместным. Вопрос корректней можно было ставить таким образом: считать ли их носителями европейских традиций или уже представителями отечественной военной школы? Иноземцы «старого выезда» устраняли последние очаги Смуты на Руси. По некоторым сведениям, именно ими вместе с русскими служилыми людьми были укомплектованы первые полки нового строя в 1630 году. Они, а именно, Александр Лесли и Генрих фон Дам, набирали на московскую службу солдат в Германии и

Швеции. Александр Лесли пользовался особым доверием у московского правительства. Он был одним из первых инициаторов этой беспрецедентной в отечественной военной истории акции, массовый набор иноземцев на русскую службу. Лесли предложил обратиться к правительствам иноземных государств о разрешении нанимать вольных людей, просил царя об «уставной грамоте» для работы за границей. Им была разработана инструкция по найму на службу иноземцев. Она включала 8 пунктов и была представлена на рассмотрение Михаила Фёдоровича. В ней были оговорены условия вербовки: сроки и условия службы, размеры оплаты, отдельно оговаривалось, если война затянется сверх договорного срока, если война не начнётся до вступления договора в силу и т.д. Его первого направили с военно-дипломатической миссией за рубеж. В феврале 1631 года Лесли со стольником Фёдором Племянниковым и подьячим Афанасием Аристовым выехали в Швецию «нанять в Свее охочих солдатов пеших 5 тысяч, призывать к себе полковников и капитанов добрых, которые в полковниках и капитанах служат не вновь и которым бы ратное дело было бы за обычай...»⁸⁸. Лесли получил установку набирать на 1–1,5 и на 2 года «сверх охоты, поневоле наймовать, а однолично наймовать людей добрых и верных, а французжан и иных папезской веры не наймовати»⁸⁹. С подобной миссией в Германию был направлен фон Дам, которым было набрано 1600 солдат и офицеров. В июне 1631 года на русскую службу был нанят полковник Ганс Фридрих Фукс из Штральзунда. Ему было поручено сформировать пехотный полк сроком на 1 год. Все эти формирования в той или иной мере приняли участие в боевых действиях под Смоленском. Опыт Смоленской войны был повторён в 1660 году. На русскую службу были взяты полковник Максимилиан фон Бурн с 4 рейтарскими и 4 пехотными полками, полковник Вернер Дехейне с 3 рейтарскими и 2 пехотными полками, полковник фон Ерат с рейтарским полком. В Лондоне русский представитель Иван Гебдон нанял полковника Вильяма Келетрава с 3000 офицеров и солдат. После 30-летней войны в

Европе было много охотников продать свой военный опыт. Но Москва предпочитала сама отыскивать нужный материал, не полагаясь на предложения, сыпавшиеся из разных уголков Европы. Путивльскому воеводе в 1639 году было строго указано не пропускать иноземцев, исключая тех, «которые польские и немецкие люди полковники или иных больших чинов начальные люди, а скажут, что они великих думных честных людей дети и братья и племянники, и собою добры и прожиточны, и свидетельные листы у них есть». Дело найма на службу было возложено на наиболее доверенных людей. В 1653 году с этой целью за границу отряжено целое представительство – для найма «военных полковников и добрых и бывалых капитанов и поручиков». В Голландию, например, выехало посольство, возглавляемое боярином Милославским. По свидетельству очевидцев, охотников до московских рублей было предостаточно. Милославский в своём отчёте рассказывал о таком случае. На посольский двор на смотр прибыли майор Иоганн фон Буковен с группой офицеров и солдат. «...фон Буковен выходил и с мушкетом и с пикой капитанской и солдатской и стрелял из мушкета и шурмовал (штурмовал – А.К.) пикой и шпагой различные штуки и по досмотру добр, Вилант Алим по досмотру добр, Ефим вахмистр по досмотру уместе (умеет – А.К.), Юрий Гориох по осмотру середний, и майор фон Буковен говорит, что Гариоха с капитанский чин не будет, как ему неучёных людей солдат справне выучить и к бою привести, он и сам ратного строя ничего не знает. Иногда случалось и хуже: «Яков Стюарт выходил с мушкетом, шурмовал и стрелял и застрелил трёх человек – толмача Нечая Дерябина да двух немцев солдат, у Нечая да у немца испортил по руке да на всех на них прожёл платье, за пику солдатскую приняться не умел и по осмотру худо добр, а майор фон Буковен говорил, что Гариох в капитаны, а Стюарт – и в солдаты не годится»⁹⁰.

Правительство выдвигало жёсткие условия при найме иностранцев на службу. Часто офицеры принимались на службу в низший чин. Уже знакомый читателю Лесли после смоленской

войны покинул московскую службу в чине полковника. В Швеции он дослужился до генерал-майора. Но Швеция не приглянулась шотландцу. Изъявив желание вернуться на русскую службу, он был вновь принят, но – в прежнем чине полковником. Очевидно, на Руси в те годы было выгоднее служить полковником, нежели в Европе – генералом.

Не смотря на строгий отбор и запретительные меры со стороны правительства, негодного материала среди прибывших на русскую службу иноземцев хватало. Так, шведский офицер Фарбер, посетивший в 1646 году Москву, замечает, что немецкие офицеры на московской службе «были в большинстве своём негодные люди, которые не надеялись достигнуть значительных мест в других государствах». Впрочем, все мнения в той или иной мере субъективны. Но вот отзыв оставшего заметный след в отечественной военной истории Патрика Гордона, прибывшего в Россию в 1662 году с группой офицеров: «...прибыло в Россию очень много офицеров, большая часть из них ничтожные и дурные люди, никогда не служившие в офицерских чинах, но вне родины выдавали себя в этом достоинстве». Это трудно было скрыть, когда дело доходило до выполнения контракта, когда иноземца ставили перед строем московских ратных людей, которым они должны были передать свой «опыт и знания». Спесивое родовитое московское дворянство не допускало над собой безродных, пусть опытных в военном деле инородцев. Шведский посланник Поммеренинг вспоминал, как две тысячи московских рейтар, порученные для обучения Буковену, не позволяли командовать собою голландцу и вообще, иноземцу, потому как они «некрещены». Но были и более весомые аргументы. Возмущённые дворяне жаловались, что большая часть их в своё время воевали под Смоленском и в военном деле понимали больше чем иноземец. Были и другие случаи. Мейерберг вспоминал, что «...московский народ, привыкший ставить ни во что иноземные народы из гордого своенравия, не отказывают в повиновении иностранным начальникам. Вся сила состоит в дознан-

ной доблести последних, который он не находит в своём соотечественнике, потому, что граждане здесь хорошо известны друг другу и ни один из них никогда не подчинится другому, что и тот также, как и он сам, не храброго десятка... А заезжему воину, в пользу которого говорит молва об его храбрости, он повинуется безропотно».

Как бы там не было, добросовестных «немцев» в Москве встречал сдержанный, но, в целом, сносный приём. Иноземных офицеров на Москве ценили и дорожили ими. Генерал Бауман прибыл в Россию из Дании в 1658 году. На службе зарекомендовал себя как высококвалифицированный умелый военный, проявил рвение и знание службы, что сразу было отмечено командованием. Он был обласкан самим царём, обошёл многих в чинах и должностях, сделал быструю карьеру, став за сравнительно короткий срок генерал-поручиком. После окончания контракта правительство Дании потребовало его возвращения. Царь ответил, что неволить генерала не будет, но задуманное им ещё не осуществилось, пусть доведёт до конца и – едет на все четыре стороны. Бауман остался в России, пользовался и дальше расположением и милостями царя. Он не был паркетным генералом, проявив свой талант на полях брани. В 1664 году он состоял советником при полку князя Черкасского. Войска действовали удачно. В 1668 году Бауман становится полным генералом, и в 1670 году был отпущен на родину.

Общую картину роли иноземных офицеров в становлении русской армии дают следующие цифры. В 1695 году в Иноземном приказе числилось 1129 русских и 178 иноземцев⁹¹. В рейтарских и солдатских полках служило 863 русских и 53 иноземных офицеров. Впрочем, это неполные данные, так как многие офицеры числились в других приказах.

А.В. Чернов утверждает, что в 1680 году иноземцев в войсках было не менее чем 10–15% командного состава. В 1696 году в списках Иноземного приказа упоминались 954 иноземных офицеров. К концу XVII века иноземцы составляли 13–17% офицерского состава русской армии.

Государства Европы внимательно следили за состоянием военного дела у своих соседей и перенимало боевой опыт путём найма специалистов и военных профессионалов. Если бы Россия отгородилась стеной от Европы, от этого она бы только проиграла. Как результат – застой, рутина, неспособность оперативно перестроить организацию, вооружение и тактику. Само заимствование иноземного опыта доказывает огромную жизнеспособность русской армии. Оно подчёркивает тот факт, что развитие военного дела в самой России шло, в целом, на уровне других стран Западной Европы, а в некотором отношении и опережало их. В таких условиях использование прогрессивных сторон западноевропейского военного искусства не могло исказить национальную основу российской армии. Посол императора Леопольда Августин Майерберг пишет: «Так как русский царь выплачивает высокое жалованье с большой точностью и сполна, выкупает офицеров из плена... , заботится о честном пропитании семей убитых и т.д. от того и вышло, что ... иноземцев набралась такая пропасть в Москву на царскую службу... в 1662 году, кроме двух полных генералов и двух генерал-майоров я мог бы прочесть записанных в моей памятной книжке имена более 100 иностранных полковников, многих подполковников и майоров и назвал бы почти бесчисленное множество капитанов и прапорщиков. Всем им Алексей не тяготится платить жалованье даже и задаром в мирное время, чтоб иметь их всегда на лицо при неожиданно наставшей войне»⁹².

Иноземцы подразделялись на кормовых и поместных. Кормовые сохраняли старое вероисповедание и подданство, содержались на денежном жалованье. Поместные, как правило, принимали православие, во всех отношениях были приравнены к русским дворянам.

Основой обучения и воспитания солдат стал опыт, перенесенный из Европы иноземцами, поступающими на русскую военную службу. В иноземцах-инструкторах недостатка не было. «Целые толпы немецких начальных людей морем и сушею стремились в Московию, в особенности много появилось их во вре-

мая войны за Малороссию; в один год в 1661 выехали в Россию из Польши полковник Кроуфорд с 30 офицерами, в числе которых были майор Патрик Гордон и капитан Павел Мезениус; из цесской (Римская империя германских государств. – А.К.) земли – полковник Штейн, подполковник Крейц, майор Вестендорф, 39 капралов и рейтаров; из Дании – полковник Эгерат и подполковник Даненсен с несколькими товарищами; из Аугсбурга – полковник фон Подберг, подполковники Гольм, Вильд, Ясман с 12 ротмистрами, лекарями, гранатчиками, с сотней капралов и рейтар ...», – сообщает нам очевидец тех событий.

В 60–70-е годы в армии появились первые русские полковники и генералы. По учётной ведомости 1662 года в солдатских полках числились 4 русских полковника: Осип Стрешнёв, Борис Воронин; Исак Хомяков; Аггей Шепелев, 2 генерала иноземца: Томас Далиэль и Вилим Дромонт. В 1678 во время русско-турецкой войны в полку М.А. Черкасского пехотой командовали «пешего строю генералы Аггей Шепелев и Матвей Кравков, в полку И.Б. Милославского «генерал и воевода Венедикт Змиев и генерал-поручик Григорий Косагов». Матвей Кравков настолько часто упоминается среди русских генералов, что с удивлением узнаёшь, что он вовсе не природный русак, а чистокровный иноземец. Просто немецкую фамилию «Kraffsov» приказным дьякам привычнее было писать в русской транскрипции. Ну а называть немцев русскими именами обычай на Руси существовал издавна. Иоганны становились Иванами, Фридрихи – Фёдорами. Так обрусевший генерал Матвей Кравков прочно занял место среди русского генералитета. Русские генералы командовали лучшими выборными полками и непосредственно руководили боевыми действиями. Умелое руководство войсками и личная храбрость, проявленная ими, сыграла огромную роль в полевых столкновениях с турками при обороне Чигирина, особенно, при отступлении от крепости. В столбцах Разряда обнаружены фамилии ещё двух ранее не известных истории генералов: Ивана Михайловича Кольцова-Мосальского и Ивана Даниловича Лукина⁹³.

Оформление офицерской иерархической лестницы чинов с субординацией, подчинением младших старшим и установленным кругом обязанностей каждого командира само по себе явилось огромным шагом вперёд, хотя и не было совершенно новым явлением. Важные элементы этой системы были выработаны ещё при старой, сотенной организации войска. Механически перенесённая в русскую армию система офицерских чинов, свойственная наёмным армиям, постепенно была упрощена и приспособлена к русской специфике. Сравнение росписей начальных людей солдатских полков 30-х и 60-х годов позволяет заметить, что не привились в армии многие европейские чины и должности. Например, в русской офицерской иерархии исчезли должности «подпрапорщика», «подкопрала», «профоса», «над ружьём дозорца» и другие, включая специфические чины «урядник над жёнками».

Законодательное оформление национально-русской градации офицерских чинов в 60-х годах XVII века заложило только фундамент, но не завершило всего здания. Обязанности офицеров не были строго регламентированы уставными положениями, их описание в Уставе 1647 года крайне расплывчато и кратко, так как составитель намеревался сказать об этом «в иной книге».

Методика обучения, тактические формы и действия перенимались русскими офицерами, проверялись в ходе боевых действий, передавались из поколения в поколение «начальных людей». Постигание хитростей ратной науки занимало ведущее место в государственной службе. Барон Мейерберг вспоминает: «Цари стремятся только к одному – чтобы всезнания русских заключались в полном повиновении, в перенесении трудов и умении побеждать в битвах».

Московские цари не ограничивались общими указами. Царь Алексей Михайлович самолично предводительствовал Большим полком в походе в Польшу. Судя по всему, он не был дилетантом в военном деле и непосредственно принимал участие в боевой учебе. В письме Ю.Долгорукому в октябре 1660 года он

негодует на низкую обученность рейтар полка Григория Торбеева, которые «выпалили неблизко», когда поляки атаковали полк. Царь приказывал, чтобы стрельбу начинали только по приказу полковника, а далее поучал, что полковникам и головам «надобно крепко знать тое меру ..., что палят в 20 саженьях, и то – самая худая боязливая стрельба, по конечной мере пристойно в 10 сажень, а прямая мера в 5 и в 3 саженьях, да стрелять надобно низко, а не по аеру (воздуху)».

С ростом численности солдатских полков всё более острой становилась проблема подготовки русских офицеров и младших командиров, владеющих навыками и знаниями в области строевой подготовки. Боевые порядки и строевые приёмы, предписанные «Учением...», на практике несомненно упрощались. Командование после издания «Учения...» целиком полагалось не на сложные, мудрёные уставные требования, а на опыт офицеров. В 1653 году в Яблнове полковники должны были учить вновь сформированные солдатские полки «всегда с великим раденьем, чтоб им... тех людей солдатскому строю выучить вскоре». После итоговых полковых учений командование докладывало в Москву о выполнении указов. Полковник Александр Лесли после изнурительных двухмесячных занятий отписывает командованию, что «своего полку новоприборных солдат всему солдатскому строю выучил и к бою готовы». Три полковника из Белгорода в то же время прислали рапорта о том, что «... их полков солдаты всему солдатскому строю научены и к бою готовы ж»⁹⁴.

Само собой разумеется, что за короткое время научить роту принимать «круглое и накрест» или «круглое осьмиугольное ополчение» – построение и прочие мудрёные фантазии, неведь зачем с лёгкой руки учёного капитана Вальгаузена зафиксированные в его бессмертной книге, было почти невозможно. Но предполагаемое уставом «добре лёгкое ополчение.. в четыре равных угла» солдатам усвоить было под силу.

Иноземный приказ требовал учить «почасту..., стройно и безленостно». Не вникая в частности и подробности, воеводам

запрещалось вмешиваться в дело им неведомое. После столкновения князя И.А. Хованского с полковником Т. Далиэлем воеводе был сделан строгий выговор и указ, чтоб впредь князь к последнему «ласку и привет держал и в ратном учении с его воли ничего не снимал и учинил бы его енералом над всею пехотою», потому что «... он, Томас, служит... и радеет и ратное учение и всякий ратный строй ему за обычай»⁹⁵.

Обязательным требованием вновь назначенным воеводам в уезды было учить ратных людей воинской науке «безленостно и почасту». Воеводы строго спрашивали с должностных лиц за слабую дисциплину и низкую подготовку. По сообщению воеводы Белгородского полка боярина Ромодановского в 1660 году «... полковники начальных людей – русских и иноземцев в полках своих бьют, шпагами колют, к пушкам куют».

Вместе с тем, весьма далёкими от истины представляется утверждение о том, что солдатские полки в XVII веке получали систематическое военное обучение⁹⁶. Систематичность предполагает единообразие, чего не было достигнуто в рассматриваемые годы. Сами условия кратковременных учебных сборов даточных людей для строевого учения и ограничение военных действий, как правило, осенне-зимним периодом с последующим роспуском ратников по домам исключал возможность регулярной выучки. Из документов, дошедших до современников видно, что в полках «всяко-денно ученье» осуществлялось только при наборе очередной партии новобранцев «покамест всему ученью выучатся солдаты», после чего расходы фитиля и пороха на учение уменьшались, «потому что не столь часто солдаты будут в учении». К этому можно добавить недобросовестность и корысть отдельных офицеров и всяческие злоупотребления.

По донесению воевод, офицеры, присланные для обучения новобранцев в Новгород и Ладожский уезд в 1658 году «об учении их не радуют», отпускают солдат по домам «за посулы». Солдаты, капралы и сержанты Сомерской волости жаловались на полковника Артемия Ростформа, что он «старых сол-

дат бил батоги и кнутъём до мертва и приводил к виселице... для своих бездельных корыстей» и т.д.⁹⁷

Современный уровень военного дела требовал единой административно-тактической организации войск. Хотя существовали роты, капральства, полки, но их численность не была унифицирована. Введение единой 10-ротной организации и численного состава в 1600 человек в 1681 году практически ничего не дали. Наблюдались чрезвычайная пестрота в штатах, численности, организации. В Чигиринский поход в полках Касогова и Шепелева числилось 206 офицеров и 10 тыс. рядовых, полк генерала и восводы Змеева – 5258 солдат, Белгородский полк И.Б. Милославского 797 солдат, полк Григория Косонова – 667 солдат⁹⁸.

2-ой Крымский поход 1689 года – в 35 полках значилось от 618 до 2012 человек в каждом. Сведения о количестве рот скудны. Источники 60-х повествуют о ротах совершенно разного состава и численности: в 100, 130, 300 рядовых чинов. Эта особенность солдатских частей XVII века объяснялась не только тем, что необходимость унификации численности ещё не была полностью осознана военными деятелями. В значительной мере это обуславливалось территориальным принципом комплектования полков в городах и уездах обширной страны с неразвитыми путями сообщения, с разнообразными источниками пополнения армии и временным характером действительной службы воинов, собираемых и возвращающихся после окончания военных

Рис. 10 Кирасиры в атаке. Старяжение, вооружение и лошадь, как правило, предоставлялись за счёт казны, но затем их стоимость вычиталась из денежного содержания солдата.

действий всегда в определённую местность, в свой уезд или город.

В общем, не смотря на отсутствие единых методических подходов, боевая подготовка в войсках 2-ой половины XVII века проводилась достаточно интенсивно, о чем свидетельствуют многочисленные источники. Вот только некоторые из них: в 1649 году 200 лучших дворян в Москве обучались ратному строю для занятий командных должностей в армии. Примерно в это же время шведский посланник Поммеренинг сообщает об учении в Москве 2000 московских дворян рсйтарскому строю под руководством полковника Буковена. Уже упомянутый Мейерберг, описывая учение московских дворян в 1661 году, удивляется тому, что несмотря на «гордое своенравие, они не отказываются в повиновении иностранным начальникам». Ходом боевой подготовки войск живо интересовался сам царь, вникая во все мелочи и беспрестанно требуя от воевод повышения тактической выучки полков.

Регулярные учения были в тягость солдату и грозили запустением его немудреному хозяйству. Об этом они пишут в своих челобитных, с которыми обращаются к командованию и даже – к царю. Олонецкий воевода сообщает капитану Горну в апреле 1650 года о том, что, несмотря на обязанность ежедневной учебы с солдатами, царь «польготил» и разрешил учить 1–2 раза в неделю «заонежских крестьян лобских погостов, чтоб им от пашен и от промыслов не отбыть». Вообще, диалог царя с рядовым составом армии посредством челобитных и различного рода обращений – факты довольно часто встречающиеся в XVII веке, но беспрецедентные для более поздней эпохи. Уже в петровское время подобные случаи встречаются редко. При его преемниках коллективные жалобы командованию, тем более, царю, вообще были запрещены, что получило нормативное закрепление. За нарушение этого предписания грозило жестокое наказание.

Боевая подготовка войск активизировалась в преддверии войны с Польшей. В 1653 году в Москве роздано 700 мушкетов

старым солдатам, которые посланы в южные города урядниками. В декабре того же года для обучения комарицких драгун из Москвы было послано 48 русских капитанов и поручиков рейтарского строю в дополнение уже имевшимся иноземцам. Для более эффективного обучения драгуны были переформированы в 4 «шквадрона» по 12 рот. Учили 2 раза в неделю. Рейтары докладывали Севскому воеводе о том, что «они де, рейтары ученые с фитильными мушкетами», а у драгун более совершенные, с замками, у многих – винтовальные пищали, которые, по мнению рейтар «... к драгунскому строю непристойны». Более того, рейтары были «учены с долгими спицами» (пиками), в то время как драгунская служба этого не требовала.

Действительно, стрельба из мушкетов с фитильным и кремнёвым замками требовала разной индивидуальной обученности солдат. Вместе с тем, и те и другие мушкеты не обеспечивали высокой прицельной точности, и поэтому стрельба производилась преимущественно залпами. Из-за сложности процедуры выстрела и сопутствующих эволюций боевого порядка мушкетёров ружейный огонь производился медленно и со значительными паузами. Изготовка к стрельбе, выстрел и перезарядка по уставу 1647 года производилась в 80 приёмов одиночным бойцом, а из положения «на караул» в 14 приёмов. Винтовальные же пищали или нарезные мушкеты требовали совершенно иной подготовки мушкетёра. На перезаряжание мушкета требовалось гораздо больше времени, так как пулю приходилось буквально вбивать в нарезы ствола. Зато дальность стрельбы нарезного мушкета значительно увеличивалась. Вооружались такими мушкетами, как правило, лучшие стрелки. В то время как основная масса солдат вела залповую стрельбу, выборные стрелки должны были выбирать отдельные цели. В основном, это могли быть офицеры противника.

То, что эти проблемы живо обсуждались в военной переписке той эпохи, говорит о многом. Очевидно, в русской армии достаточно глубоко вникали во все тонкости боевого применения различных родов войск и видов вооружения.

В 1653 году в Яблонице старые солдаты и рекруты, общей численностью 6834 человека, разбиты на 4 полка и отданы в учение полковникам-иноземцам. Полк Александра Крафферта дислоцировался в Яблонице, его численностью составляла 1700 человек. Яган Крафферт командовал полком в 1635 человек, центром расположения которого являлся Белгород. Генерал Джон Лесли возглавил полк, стоявший в г. Усерде. Наконец, генерал Юрий Гутцын командовал полком в Карпове. В его ведомстве находилось 1427 человек. Командование проявляло заботу о вооружении и экипировке солдат. Для обучения из Москвы в Белгород было прислано 4900 банделеров и лядунок, 5510 мушкетов и шпаг. Недостающее вооружение в количестве 3300 мушкетов и 1470 шпаг были востребованы из Разрядного и Иноземного приказов. К обучению приступили в июле – августе 1653 года, а уже осенью белгородский воевода доложил в Москву, что все яблонские солдаты обучены и к бою готовы: «Мы обозом устроились и о службе ждем указу»⁹⁹. Один из инструкторов, полковник Кроуфорд рекомендовал, чтоб солдатам «навыкнуться к стрельбе», чтоб они «стрелять были смелы», выделить на каждого по фунту пороха в месяц, чего хватало на 12 зарядов. В данном случае весь курс обучения охватывал, примерно, 2 месяца, т.е. солдат успевал сделать 24–25 выстрелов. Это давало ему определенные навыки в стрельбе. Целенаправленная и последовательная деятельность московских властей приводила к осязаемым результатам. Вот как описывает иноземный посол войска, убывающие в поход на Яна - Казимира в 1654 году: «Большую часть этого войска видел я своими глазами, поистине, никак нельзя пренебрегать ими... Московскую молодежь более 10 лет обучали иноземцы, не последние офицеры. Теперь-то, конечно, польские паны узнают, чем они и каким неприятелем так пренебрегали»¹⁰⁰.

Яков Рейтенфельс, посетивший Москву в 1670 году, пишет: «Третий род конного и пехотного войска (кроме дворянской конницы и приборных людей) обучен немцами и может равняться с лучшими войсками в Европе. Под руководством немцев они в несколько лет так хорошо узнали военное искусство, что, кажет-

ся, превзошли самих учителей ... В русской армии дисциплина соблюдается весьма строго»¹⁰¹.

К устройству снабжения солдат единых подходов выработано не было. Первым солдатам отпускалось кормовых 6–8 денег в день да на платье – 2–5 рубля в год. Даточные же солдаты сначала обеспечивались оружием, одеждой, провиантом своим помещиком. Указ 1641 года запрещал выдавать даточным людям «поденный корм» из казённых запасов¹⁰².

С переходом к массовым принудительным наборам даточных людей стала обеспечивать казна. В 1659–61 годах дважды собирались на жалованье даточным солдатам по рублю с каждого крестьянского «перехожего» двора и один раз – «хлебных запасов по 2 чети с осьминою каждому даточному человеку». Всего было собрано денег 25 830 рублей и хлеба – 43 243 чети с осьминою¹⁰³.

Указом от 5 февраля 1663 солдаты были разделены на 2 статьи:

- «кормовые» солдаты. Их жалованье составляло 6 денег в день (10 рублей 95 копеек в год);
- прочие категории солдат, жалованье которых было установлено в 4 деньги в день (7 рублей и 30 копеек в год).

Солдаты получали денежное довольствие только во время похода или учебных сборов, что само по себе являлось крупным шагом вперёд в тыловом обеспечении войск. Указом 1663 года жалованье было назначено рейтарам, копейщикам и драгунам. По-прежнему получали его пушкари, городовые казаки и стрельцы. На жалованье ратным людям собирали с посадских, торговых и ремесленных людей, с торгующих крестьян и «против торговли и промыслу», и рублёвые и полтиничные сборы, а с началом войны – со всех податных сословий «пятую, десятую и двадцатую деньгу не по один год».

Сумма годового жалованья офицерам и рядовым драгунам, гусарам, солдатам, рейтарам и копейщикам, стрельцам и пушкарям в 60-х годах составляла около 900 тыс. рублей. Почти 1/3 этой суммы приходилась на оплату солдатских полков.

Безденежно из казны получали хлеб только стрельцы, солдаты пользовались этим в исключительных случаях, как привилегией. В 1661 году солдат полка Жданова в Смоленске государь «пожаловал» и велел выдать хлеб «против московских стрельцов безденежно».

Не существовало постоянной и твёрдо установленной нормы обеспечения солдат продовольствием. Указы гласили, что хлебные запасы следует отпускать солдатам «по рассмотренью, чем им мочно быть сытыми в год». В одних случаях воеводы отпускали в месяц по «четверику муки ржаной и ячменя» на солдата, в другой – «по четверику сухарей и толокна». За полученные продукты солдат расплачивался по указанной цене, а в случае задержки кормовых денег получали хлеб и крупы в долг¹⁰⁴.

В зависимости от обстановки правительство или категорически запрещало выдавать бесплатно хлеб или, когда «от хлебной скудности» солдаты начинали разбегаться из полков, приказывало воеводам «хлебные запасы... давать и впредь в зачёт денежного жалованья и без зачёту, по своему рассмотрению..., чтоб наши ратные люди были сыты и нашей службы для хлебной скудности не отбыли, потому что города от неприятеля хранят людьми, а не хлебом».

Русская армия этого периода знала громкие успехи. Победы на первом этапе войны с Польшей (1654–1667 гг.) впечатляющие – в течение двух кампаний русские овладели Смоленском, Гомелем, Полоцком, Витебском, Минском, Вильно, Ковно. Были достигнуты успехи в войне со Швецией, войска заняли Динабург, Юрьев, Мариенбург, осадили Ригу. В то же время, неудачи русских войск не являлись мерилом их низкой боеспособности, но были результатом неблагоприятных внешнеполитических факторов (одновременная война с Польшей и Швецией, измена И. Выговского) и общего состояния военного дела в стране, отрицательного влияния устаревших элементов военной организации и тактики. Новое и прогрессивное было опутано паутиной старых, реакционных отношений и традиций.

Солдатские полки действовали в составе старой «полковой» организации или в «разрядах», смешанного состава, предводительствовали которыми по традиции князья и бояре. В 1678 году – солдатские полки Шепелева и Кравкова – в составе «Большого полка» Черкасского. Полки Змиева и Касогова – вместе с другими родами войск – в Белгородском полку боярина И.Б. Милославского. Отдельные отряды солдат подчинялись воеводе П. Шереметеву, возглавлявшему Рязанский разряд¹⁰⁵.

В 1-ом Крымском походе в составе Большого полка князя Голицына вместе с полками копейщиков, рейтар, стрельцов мы видим выборные солдатские полки «генерала думного и воеводы» Шепелева, 2 полка генерал-поручика П. Гордона, солдат генерал-майора Д. Морфинского.

Военно-управленческий аппарат российского государства возглавлялся «Государем всея Руси», который являлся главнокомандующим. Совещательным органом при нем выступала боярская дума. Царь с боярами решали вопросы военного строительства и политики, дипломатической и военно-технической подготовки боевых действий, подготовки предстоящего театра войны, направления сосредоточения основных усилий и т.д.

Исполнительные функции военного управления выполняли многочисленные приказы. Они появлялись постепенно в течение длительного времени, а не создавались в соответствии с какой-либо системой. Вследствие этого всякая их классификация включает в себе значительную долю условности. Тем не менее, историки делят их на ведомственные и территориальные. К военному ведомству относились Разрядный, Иноземный, Рейтарский, Стрелецкий, Пушкарский приказы. Кроме того, существовало много приказов, совмещавших в своей деятельности военные и гражданские вопросы.

Высшим военно-правительственным учреждением являлся Разрядный приказ, который осуществлял общее руководство всеми Вооружёнными Силами. Ему непосредственно подчинялись поместные войска и войска, расквартированные в под-

ведомственных приказу областях. Разряд подразделялся на столы, каждый из которых имел конкретные функции:

- Московский большой стол управлял строительством южных оборонительных линий, следил за фортификационными сооружениями городов и крепостей. Здесь составлялись указы о выступлении в поход, местах сбора походного войска и его роспуска, наказы воеводам на поход. Стол организовывал сбор денег и хлеба на жалованье ратным людям, снабжал войска огнестрельным оружием, составлял сметные списки городовых служилых людей и назначал воевод по полкам, осуществлял контроль за очередностью службы. Здесь ведалось содержание войск в походе, поощрялись отличившиеся и наказывались виновные. Кроме того, он разбирал местнические счёты и дела о «нетчиках». Стол составлял годовые сметные книги – отчёты о военном состоянии государства.

- Приказной стол Разряда вёл учёт пленных и раненных ратных людей. Отдельно учитывались пленные иноземцы. В этом ведомстве сосредотачивались отписки воевод с театров военных действий, доклады с границ, разведывательные данные. Этот стол вёл все судебные дела Разряда, а также управлял городами и крепостями, находившимися в ведомстве приказа.

Кроме того, в состав Разряда входили Денежный и Хлебный столы, а также территориальные столы: Новгородский, Белгородский и Севский.

Организационно столы делились на поветья. Дела зачастую перепоручались из-за перегруженности одного стола в делопроизводство другого.

Разряд возглавлял окольник. Из наиболее видных руководителей Разряда можно отметить окольник Т.Н. Стрешнева. Ему подчинялся думный дьяк и два дьяка. В штатах приказа числилось около сотни подьячих.

Война с Польшей за Украину подтвердила необходимость строгой централизации военного управления. Реформа 1680 года усилила роль Разрядного приказа в военном строительстве и организации Вооружённых Сил государства. Все воеводы и приказ-

ные люди обязаны были подчиняться Разряду. Созданные указом от 3 ноября 1680 года 8 территориальных военных разрядов были также подчинены Разряду и распределены между его дьяками.

Стрелецкий приказ являлся центральным органом управления и суда над московскими и городовыми стрельцами, за исключением стрельцов некоторых городов, находившихся в ведомстве территориальных приказов. Постепенно сфера деятельности Стрелецкого приказа сужалась. В 1680 году почти все городовые стрельцы были переданы в ведомство Разряда, в Иноземный и Рейтарский приказы. Это было продолжением политики правительства, стремившегося к унификации армии и приравниванию стрельцов к войскам нового строя.

В конце концов, в этом приказе остались только московские стрельцы, да и то не все.

Рейтарский приказ с 1651 года подчинялся Разряду. Позднее он организационно вошел в состав Иноземного приказа. Иноземный приказ существовал с 1628 года. С 1680 года он являлся вторым по значению военным ведомством. Его роль постоянно повышается. В его распоряжение постепенно переводятся копейщики, рейтары, солдаты, стрельцы, казаки, которых раньше ведали Смоленский приказ, приказ Казанского двора и другие. К концу столетия в Иноземном приказе сосредоточилось большинство ратных людей нового строя.

Одним из самых старых военных ведомств являлся Пушкарский приказ. Он управлял артиллерийским и инженерным делами. В ведомстве его чиновников находились пушечные московские и городовые дворы, пороховые, селитренные и серные заводы, производство наряда и боеприпасов к нему. Приказ имел свои финансы на содержание артиллерии и персонала – ратных людей пушкарского звания: пушкарей, затинщиков, воротников, кузнецов, плотников. Приказ же осуществлял судебные функции по отношению к подчинённым служилым людям.

Посольский приказ осуществлял дипломатические и военные сношения с вольными казаками. Малороссийский приказ решал все вопросы взаимоотношений с Украиной, военные дела,

содержание русских войск и крепостей на её территории. Он же распоряжался гетманским войском и его снабжением. Большую часть армии кормил Житный приказ. Приказ Казанского дворца распоряжался казанскими стрельцами, служилыми людьми низовых городков, а также войсками татар и башкир на московской службе.

Кроме вышеуказанных, военным делом в государстве ведали и некоторые другие приказы. В частности, московскими выборными солдатскими полками распоряжался Приказ тайных дел. Он же ведал гранатным делом и содержанием гранатчиков до своего расформирования в 1676 году.

Для проведения в жизнь того или иного решения, для выполнения конкретной задачи часто специально создавались временные военные приказы. Некоторые из них существовали несколько лет. Так, Приказ сбора ратных и даточных людей был организован в преддверии Смоленской войны в 1633 году. Кроме того, создавались приказы для сбора денег на жалованье служилым людям, приказы денежных раздач и другие.

Во 2-ой половине XVII века усиливается централизация военно-управленческого аппарата Московского государства. Это давало ему важные преимущества в организации военного дела, позволяя максимально концентрировать материальные и духовные силы, как общества, так и государственных органов на решении насущных военно-политических проблем. Почти два столетия приказная система успешно решала возложенные на нее проблемы военного строительства, управления, обеспечения российских войск.

Вместе с тем, военный прогресс тормозился некоторыми существенными недостатками, присущими этой системе. На деятельности исполнительных органов военного управления сказывалась двойственность в организации армии, связанная с существованием бок о бок войск нового и русского строя. Смещение территориально-управленческих и функциональных обязанностей, военных и гражданских дел в одних и тех же органах приводило к путанице. Местнические неурядицы парали-

зовали деятельность приказов. Громоздкость и неуклюжесть управленческого аппарата, параллельность в работе, перепоручение одних и тех же дел разным приказам приводили к неслыханной волоките. Так, артиллерийское дело ведалось одновременно Пушкарским, Оружейным приказами, а так же приказами Тайных дел и Большой казны.

Отдельные категории ратных людей часто переводились из одного приказа в другой, что приводило к путанице в их учёте. Ставшая «притчей во языцех», московская волокита приводила порой к прямо-таки анекдотичным случаям. Частый перевод из приказа в приказ ведомства устюжских стрельцов до такой степени запутал ситуацию, что они, в конце концов, остались без государева призрения. Оголодавшие бедолаги-стрельцы слали в Москву жалобу за жалобой, а приказы ещё долго сутяжничали, кому же всё-таки выдавать жалованье служилым людям.

Вот типичный порядок напряжённой работы приказа перед походом. В 1687 году Разряд, получив царский указ о переводе на военное положение одного из полков Новгородского разряда, отдаёт необходимые распоряжения. По этому поводу он вступает в переписку с другими приказами. От Оружейной палаты он требует знамен, из Патриаршего приказа – попа с церковной утварью, из Приказа Большого Дворца – «государевово» шелкового шатра, из Конюшенного приказа – обозных повозок, из Приказа Большой казны – 10 «стоп» бумаги для полковой канцелярии, из Иноземного приказа – лекаря с медикаментами.

Управление походным войском осуществлялось из Разрядного приказа. Воеводы приграничных или других городов заранее предупреждались о выступлении в поход или нападении противника. Царской грамотой назначался главнокомандующий походным войском, воеводы разрядных полков, места и сроки их сбора. Так, в первый Крымский поход главнокомандующим и воеводой Большого полка был назначен князь В.В. Голицын, определено место сбора войска – Ахтырка. Во главе Новгородского разрядного полка, который формировался в Сумах, был

поставлен боярин и воевода А.С. Шеин. Войска Рязанского разряда сосредотачивались к Хотмыжску, ими предводительствовал князь и воевода В.Д. Долгорукий. Наконец, Севский разряд собирался в Севске под команду воеводы Л.Р. Неплюева. Были установлены сроки сбора – с 25 февраля по первое марта 1687 года.

Царские указы носили характер директивных указаний войскам, в которых определялись основные оперативные цели кампании и войны, в целом. Указы уточняли расположение своих войск и противника, основные направления подготовки войск к боевым действиям, указывались основные и промежуточные цели военных действий, оперативные и тактические задачи по рубежам, доводились изменения оперативной обстановки на театре военных действий. Вместе с тем, Главному воеводе предоставлялась существенная свобода в управлении боевыми действиями, с обязательной «отпиской» в Москву. Такие донесения в Разряд доставлялись почти ежедневно, что давало возможность центру оперативно влиять на постоянно меняющуюся обстановку.

Важным событием военного строительства рассматриваемого периода стало разделение территории государства на разряды – военно-территориальные образования. По существу, они являлись предшественниками современных военных округов. Военные разряды выступали промежуточной ступенью между центром и низовыми звеньями армии. Это позволяло сделать управление войсками более гибким, оперативнее решать вопросы жизнедеятельности армии. Еще в 20-х годах XVII века восточные районы страны были разделены на Тобольский и Тюменский разряды. В середине 40-х годов часть южных уездов были объединены в Белгородский разряд. В конце 50-х годов на юго-западе возник Севский разряд, а позднее – Новгородский, Смоленский, Рязанский и Украинский разряды. Самыми крупными и важными в стратегическом отношении были Белгородский и Севский разряды. Белгородский разряд включал в себя 68 городов. В 1658 году войска разряда состояли из 3

Рис. 11. Мушкетёр полков «нового строя». Через левое плечо перекинута бандольер с 12-тью пороховыми зарядами, мешочком с пулями, пороховницей и фитилём, слева на поясной портупее шпаса, в руке мушкет с фитильным замком.

рейтарских, 5 драгунских, 7 солдатских полков, 1 приказа стрельцов. В нем числилось 2 тысячи дворян сотенной службы. Общая численность войск разряда достигала 23 тысяч человек. Войска Севского разряда в 1663 году были представлены 4 полками рейтар, 2 полками драгун, 8 полками солдат и 2 полками дворян сотенной службы. Во главе разряда стоял боярин или окольничий в зависимости от важности разряда.

Оформление разрядной структуры повлекло за собой изменения в организации походного войска. Если в поход на Украину в 1654 году московское войско выступает еще «дедовским обычаем», ополчась во временные, созданные на время похода формирования: Царский полк во главе с Алексеем Михайловичем, Большой полк, предводительствуемый боярином Черкасским, Передовой полк князя Одоевского, Сторожевой полк боярина Темкина-Ростовского и Ертаул боярина Шереметева, то после войны организация существенно меняется. Впредь, части походного войска формировались в составе разрядов из входящих в них полков. Из старой организации остался Большой полк, воевода которого автоматически становился главнокомандующим армии. В 1674 году в Правобережной части Украины действовало войско в составе Большого полка, «в левой руке» у него – Новгородский разряд-полк, «в правой руке» – Белгородский и Севский разряд-полки. По данным записной разрядной книги в поход 1678 года под Чигирин войско выступило в составе Большого полка князя М.А. Черкасского (12,5 тысяч человек), Новгородского разряд-полка (3 тысячи человек), Казанского разряд-полка (9 тысяч человек), Рязанского и Севского разряд-полков под общей коман-

дой боярина П.В. Шереметева (19 тысяч человек), Белгородского разряд-полка (18 тысяч человек).

Изменения произошли и в низовых организационных звеньях. Они еще не носят постоянного характера, но в них без труда заметны очертания более поздних дивизий, бригад, корпусов.

Основной административной и тактической единицей оставался полк – солдатский, драгунский, рейтарский и сотенный. Полк являлся высшей постоянной по численности и вооружению частью. Организационно несколько полков включались в так называемый «воеводский полк». Так, в полк боярина и воеводы П.В. Шереметева входили 5 полков и приказов полковников И. Чернышева, А. Гулица, Ф. Коха. М. Вестова, Я. Кунера, И. Гаста. «Воеводские полки» состояли из пехоты, кавалерии и артиллерии, в сущности, являлись предвестниками дивизий. Численность их была различной и определялась военными соображениями, удобством сосредоточения войск и местными счетами. 2–3 «воеводских полка» комплектовали полк-разряд, во главе которого стоял более родовитый вельможа. Как правило, разрядный полк состоял из двух «воеводских полков», а Большой полк – из трёх.

Процесс реорганизации войска активизировался в начале 80-х годов XVII века. Специальная комиссия из видных бояр, генерал-полковников во главе с князем В.В. Голицыным рассматривала перспективы дальнейшей унификации российского войска, реорганизации русского строя по типу полков нового строя. Задача комиссии была определена царем Федором Алексеевичем: «Ведомо ему, Великому Государю, учинилось, что в шедших воинских бранях, будучи на бранях с его государевыми людьми, государевы неприятели показали новые в ратных делах вымыслы, ... и чтоб для тех новомышленных неприятельских хитростей учинить ему Великому Государю в своих государевых ратях ... лучшее устройство ...».

Комиссией были пересмотрены и переучтены все ратные люди государства. В целях приведения армии к единой системе

организации «ратные люди старых служб» были переведены в новый строй.

Поместное ополчение и стрельцы окончательно уничтожены не были. Но указом от 7 ноября 1680 года все «ратные люди старых служб из многочисленных приказов были переданы в распоряжение основных военных органов – Разряда, Рейтарского и Иноземного приказов.

В это же время окончательное закрепление получила организационная структура Вооруженных Сил, складывавшаяся десятилетиями. Войска были расписаны по 9 территориальным разрядам. «Роспись перечневая ратным людям, которые в 1680 году расписаны в полки и в разряды» определяла российское войско в 164600 человек. Оно состояло из 41 солдатского, 21 московского стрелецкого полков, 26 рейтарских и копейных полков, 4 черкасских казачьих полка, 16 тысяч дворян и детей боярских в полках сотенной службы, 6385 московских чинов, их людей – 11830, 10 тысяч даточных людей. Кроме того, по указу Москвы малороссийский гетман обязан был выставить 50-тысячное казачье войско.

Таким образом, Россия во 2-ой половине XVII века имела вполне сложившуюся организованную вооруженную силу. Военное строительство допетровской эпохи имело свои особенности. Это своеобразие определялось:

- конкретно-историческими условиями развития государства;
- экономической слабостью господствующего в стране феодального хозяйства.

Соседство и вековое противостояние с азиатскими народами оказало определяющее влияние на развитие военного дела в России. Это дает основание говорить о «российско-азиатской направленности строительства Вооруженных Сил в XVI – 1-ой половине XVII веков.

Дворянство являлось носителем высоких нравственных, религиозных устоев и боевых традиций. Частые войны за независимость и свободу Отечества, наличие военных сословий,

имеющих громадный боевой опыт, жизнь которых проистекала в военных тяготах, наследственный характер этой службы, преемственность семейных традиций, особенно, в дворянских семьях – все это тесно соединялось с идеей службы Отечеству и защиты православной веры. Верность государственным интересам, квинтэссенцией которого выступал Великий Государь, воспитывалось у поколений российского дворянства, прикрепленного к государству поместной системой. Семейная и круговая порука способствовала воспитанию в дворянской массе высоких морально-боевых и религиозных чувств. Пожизненный семейный характер службы сохранял и передавал из поколения в поколение боевые традиции. Духовная сторона военного дела представляла собой одну из основных особенностей допетровской армии.

Приоритет духовных ценностей был сохранен и перенесен в войска «нового строя»: рейтарские, драгунские, и солдатские полки.

Рядовой состав армии комплектовался из податных сословий. Основой для формирования боевого духа войска служила глубокая религиозно-нравственная природа русского человека, крестьянина и посадского. Неприхотливость, закалка суровым климатом, смирение и покорность, богобоязнь, культивируемые церковью и воспитываемые крепостной системой, а также общинность – все это делало русского человека благодатным материалом, из которого посредством строгой дисциплины и воинского обучения делали первоклассного солдата. Природная выносливость, стойкость, сноровка и удаль стали основой воинской доблести российского воина.

К безусловным недостаткам поместно-поселенной системы организации российской армии XVII века относятся:

- отсутствие единой, постоянной системы военного обучения;
- слабая воинская дисциплина поместных войск;
- тесная зависимость от феодального хозяйства;
- архаичность административно-организационных структур.

Эти же недостатки в полной мере относились к «служилым людям» Московского государства, близким по социальному статусу к дворянству: городовым казакам, московским и городовым стрельцам, «служилым людям пушкарского чину», служившим «по прибору», новокрещенам, татарам, башкирам, калмыкам и т.д.

По мере проникновения в Россию влияния цивилизованного Запада и вовлечения ее в круговорот европейской политики, все активнее внедряются в армию элементы западноевропейского военного искусства. Во II половине XVII века заимствование приобрело характер устойчивой тенденции. Это проявилось в следующем :

- появляться элементы профессиональной организации в лице полков «нового строя»;
- ужесточение требований к воинскому обучению и дисциплине;
- централизация военного управления, совершенствование командно-должностных структур;
- переход к передовым тактическим формам;
- изменение системы комплектования;
- совершенствование организационно-штатного устройства войск.

На этом этапе, в основном, оформилась система пополнения армии представителями недворянских сословий, находящихся на низших ступенях феодальной иерархии: государственными, помещичьими, монастырскими крестьянами, работными и дворовыми людьми, холопами, посадскими и др. Все они формировали рядовую массу солдатских полков.

Вместе с тем, переход от «русско-азиатского» к «европейскому» направлению военного строительства сопровождался и обратными процессами. Попытки удешевить содержание армии обернулись распространением традиционного русского способа содержания на войска «нового строя». Анализируя это явление, некоторые видные военные историки прошлого имели все основания противопоставить утверждениям о заимствовании европейских образцов тезис о «... поглощении тех новшеств, которые

они (иноземцы) явили» российскими обычаями. Во взаимопроникновении традиционных и заимствованных начал заключалась важная особенность российской военной организации.

Таким образом, в середине XVII века военная система Московского государства получила мощный импульс развития. С этого времени ориентация на западноевропейское военное искусство становится доминирующим направлением развития Вооруженных Сил. Традиционные начала не исчезли бесследно. Частично они были адаптированы к новым структурам, частично – сохранились в неизменном виде. Более того, в последней четверти века они стали явно преобладать, в частности, в содержании войск. В тесном сочетании заимствованного и традиционного зарождалась особенность русской военной организации новой эпохи.

Наиболее последовательно в военном строительстве выступало правительство Алексея Михайловича. Ему удавалось находить разумную середину между русской самобытностью и заимствованиями. Армия этого периода дисциплинирована, хорошо организована и обучена, ею командуют опытные военачальники. Первостепенное значение для ее становления имел опыт 13-летней войны с Польшей и Швецией. Заслуги отца не были забыты сыном. В Манифесте о Воинском Уставе от 30.03.1716 года Пётр писал: «Понеже всем есть известно, коим образом отец наш... в 1647 году начал регулярное войско употреблять и устав воинский издан был и тако войско в таком добром порядке учреждено было, что славные дела в Польше показаны и едва не всё королевство завоёвано было, также купно со шведами война ведена была. Но потом оно не токмо умножено при растущем в науках свете, но едва не весьма оставлено, то, что последовало потом, не точию с регулярными народы, но и с варвары (без стыда) что ни против кого стоять могли, яко о том ещё свежая память (что чинилось при Чигирине и Крымских походах, умалчивая старое) и не только тогда, но и гораздо недавно, как с турками при Азове, так и с начала сей войны при Нарве...»¹⁰⁶.

Заслуга Петра в том, что он перенёс не механически все приобретения русских солдатских полков XVII века, а творчески разумно использовал наиболее прогрессивное из них – одно свёл в систему, другое – видоизменил, приспособил к новым условиям, третье – отверг, как анахронизм.

Военная политика правительства в XVII веке не отличалась последовательностью и устойчивостью: неуверенно сделав шаг вперёд, делали два шага назад. Эти колебания имели определённую общественную подоплёку и обуславливались обострением социальных противоречий.

С одной стороны, в 80-х годах были сделаны попытки перевода в солдатскую службу стрельцов. С другой стороны, не желая затрагивать владельческих прав феодалов, правительство само разрушало систему комплектования солдатских полков даточными крестьянами.

При приемниках Алексея Михайловича динамика преобразований несколько снизилась. Этому был целый ряд причин, в основном, субъективного характера: слабость центральной власти, борьба боярских родов за престол и т.д. Сильна еще была группировка ревнителей московской старины, противодействующая европеизации России. Дальнейшие попытки реформирования армии были парализованы стрелецкими мятежами. Все это оборачивалось частичной потерей контроля над войсками, снижением боеготовности и дисциплины.

Следующий этап военного строительства был связан с именем Петра Великого.

¹ История военного искусства. – М., 1984. С. 25.

² Бобровский П.О. Переход России к регулярной армии. – СПб., 1885. С. 53.

³ Епифанов П.П. «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей». // Учёные записки МГУ. – М., 1954. Вып. 167. С. 18.

⁴ Никольский Б. Войны России // Наш современник. 1991. № 5. С. 191.

⁵ Воробьёв В.М., Дегтярёв А.Я. Русское феодальное землевладение от «смутного времени» до кануна петровских реформ. – Л., 1986. С. 183.

⁶ Русская историческая библиотека (далее – РИО). Т. XVII. 249, 250, 460, 465.

⁷ Там же. С. 251, 255, 260.

⁸ Чтения в императорском обществе любителей истории и древностей. – СПб., 1191. Кн. 3. С. 13.

⁹ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА), ф. 412, оп. 12, № 494, л. 41–50.

¹⁰ РГАДА, ф. Разряда, ст. Севского стола, № 494, л. 86–161.

¹¹ В.М. Воробьёв, А.Я. Дегтярёв. Русское феодальное землевладение от «смутного времени» до кануна петровских реформ. – Ленинград. Издательство Ленинградского университета. 1986. С. 100.

¹² Витебская старина. – Витебск. 1885. Т. 4. С. 347–348.

¹³ Т.е. в полках поместного войска, которые в отличие от полков нового строя продолжали состоять из сотен.

¹⁴ Акты Московского государства (далее – АМГ). – СПб., 1890. Т. 1, № 361, 362, 369, 363.

¹⁵ АМГ, Т. 1, № 185.

¹⁶ АМГ, Т. 2, № 108.

¹⁷ Чичерин. Областное учреждение в XVIII веке. – М., 1856. С. 127.

¹⁸ Памятники права. – М., 1957. Гл. 7.

¹⁹ См. Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. – СПб., 1906.

²⁰ Корб И. Дневник поездки в Московское государство. – М., 1867. С. 293.

²¹ Посошков И. Записки. – М., 1945. С. 41.

²² Прокопович Ф. Духовный регламент. – СПб., 1721. С. 22.

²³ Письма и бумаги Петра Великого (Далее – ПиБ). – СПб., 1887. Т. 1. № 100.

- ²⁴ Российский государственный военно-исторический архив (Далее – РГВИА), ф. 412, ед.хр. 15, л. 1–3.
- ²⁵ РГВИА, ф. 412, ед.хр. 15, л. 3–5.
- ²⁶ А. Валленштейн – видный полководец эпохи Тридцатилетней войны (1618–1648 гг.), главнокомандующий войсками Священной Римской империи германских государств.
- ²⁷ Густав-Адольф – шведский король, военный реформатор и видный полководец эпохи Тридцатилетней войны (1618–1648 гг.).
- ²⁸ Чернов А.В. Вооружённые силы Московского государства в XV–XVII веках. – М., 1954. С. 76.
- ²⁹ РГАДА, ф. 210, д. 71, оп. 12, л. 344.
- ³⁰ Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. – М., 1954. Кн. 3. С. 692.
- ³¹ РГАДА, ф. 210, оп. 12, кн. 1, л. 1–2.
- ³² Чернов А.В. Вооружённые Силы Русского государства в XV–XVII веках. – М., Воениздат. 1954. С. 161–162.
- ³³ РГАДА, ф. 210, оп. 6, д. 70, л. 214–217.
- ³⁴ РГАДА, ф. 210, оп. 14, кн. 1, д. 108, л. 10–14.
- ³⁵ РГАДА, ф. 30, оп. 1, д. 17, л. 68–30.
- ³⁶ Материалы по истории Воронежской и соседних губерний. – Воронеж., 1913. Вып. 9. С. 780.
- ³⁷ РГАДА, ф. 30, оп. 1, д. 16, л. 71.
- ³⁸ Коллинз С. Нынешнее состояние России. – М., 1846. С. 34.
- ³⁹ Корб. Указ. соч. С. 288.
- ⁴⁰ Полное собрание законов Российской империи (Далее – ПСЗ). – СПб., 1887. Т. 3.
- ⁴¹ Марголин С.Л. Вооружение стрелецкого войска // Военно- исторический сборник. – М., 1948. С. 86.
- ⁴² АМГ, т. II, № 157, т. III, № 440.
- ⁴³ Марголин С.Л. Указ. соч. С. 88.
- ⁴⁴ АМГ. Т. 2. № 144, 148.
- ⁴⁵ РГАДА, ф. 396, оп. 1, л. 304–305.
- ⁴⁶ ПСЗ. Т. 2. № 344.
- ⁴⁷ РГАДА, ф. 210, оп. 13, кн. 2, л. 102–106.
- ⁴⁸ АМГ. Т. 1. № 267.
- ⁴⁹ См. Беляев И. Русские войска в царствование Михаила Фёдоровича, после его до преобразований, сделанных Петром Великим. – М., 1846.

- ⁵⁰ См. Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. – СПб., 1866. Т. 1–4.
- ⁵¹ См. П.Н. Милюков. Государственное хозяйство России в 1-ой четверти XVIII века и реформы Петра Великого. – СПб. 1905. С. 32, 36, 38; С.Ф. Платонов. Лекции по русской истории. – СПб., 1907. С. 472–477; С.Ф. Платонов. Москва и Запад в XVI–XVII веке. – Ленинград., 1925; М.Н. Покровский. Русская история с древнейших времён. – СПб., Т. 3. С. 193–194.
- ⁵² См. Гейсман Г.А. Краткий курс истории военного искусства в средние и новые века. – СПб., 1893–96. Часть I–III; Мышлаевский А.З. Офицерский вопрос в XVII веке. – СПб., 1899. С. 17, 28.
- ⁵³ См. Н.М. Коробков. Пётр I – основатель русской армии и её военного искусства // Военная мысль, 1944. № 2–3. А.С.Чернов. Строительство Вооружённых Сил Российского государства в XVII века (до Петра). Автореферат. М., 1950; А.С. Чернов Вооружённые Силы Российского государства в XVII веке... С. 221.
- ⁵⁴ Архив археографической экспедиции (Далее – ААЭ). Т.3. № 264.
- ⁶⁰ АМГ. Т. 1. № 553.
- ⁶¹ РГАДА, ф. 210, оп. 14, 108, л. 4.
- ⁶² Там же. л. 14.
- ⁶³ РИБ. Т.Х. С. 161–163, 176–177, 179, 271, 288.
- ⁶⁴ АМГ. Т. II. № 606.
- ⁶⁵ РГАДА, ф. 210, оп. 13, кн. 2656, л. 1–8.
- ⁶⁶ Там же. Оп. 14, кн. 222, л. 10–13.
- ⁶⁷ РГАДА, ф. 210, оп. 14, кн. 230, л. 76–78.
- ⁶⁸ Там же, столбцы Белгородского стола. № 707, л. 24–26, 29.
- ⁶⁹ РГАДА, столбцы Белгородского стола. № 718, л. 69–76.
- ⁷⁰ РГАДА, столбцы Приказного стола, № 651, л. 158–160, № 684, л. 62.
- ⁷¹ Дополнения к актам историческим, собранным археографической комиссией (см. далее – ДАИ). – СПб., 1848. Т. 3. № 65.
- ⁷² Богоявленский М.М. Вооружение русских войск в XVI–XVII веках. // Исторические записки АН СССР. – М., 1938. Вып. 4. С. 282.
- ⁷³ РГАДА. Приказные дела старых лет. Д. 1649, № 29, л. 1–7, 14–23.
- ⁷⁴ РГАДА., ф. 210, оп. 14, кн. 16, л. 32.
- ⁷⁵ ДАИ. Т. 3. № 34
- ⁷⁶ АМГ. Т. 3. № 95.
- ⁷⁷ ДАИ. Т. 5. № 55.

- ⁷⁸ Веселовский С.Б. Сметы военных сил Московского государства 1661–1663 годов. ЧОИДР. 1911. – кн. 3/238. С. 13.
- ⁷⁹ Памятники сибирской истории XVII века. – СПб., 1885. Т. 2. С. 4.
- ⁸⁰ Там же. Т. 1. С. 296–297.
- ⁸¹ Военно-исторический вестник. – Киев. 1910. С. 53.
- ⁸² АМГ. Т. 3. № 504. ДАИ. Т. 8. № 40. РГАДА, ф. 240, оп. 13, кн. 286, л. 77.
- ⁸³ Епифанов П.П. Очерки из истории армии и военного дела в России (первая половина XVII – первая половина XVIII века). Диссертация на соискание степени доктор исторических наук. – М., 1969. С. 162–163.
- ⁸⁴ РГАДА, ф. 210, оп. 12, кн. 622, л. 12–15.
- ⁸⁵ Г. Котошихин. С. 134.
- ⁸⁶ АМГ. Т. III. № 45, 353, 580.
- ⁸⁷ ДАИ. Т. 8. № 40/1.
- ⁸⁸ АМГ. Т. 2. № 716.
- ⁸⁹ РИБ. Т. X. С. 522–533/
- ⁹⁰ АМГ. Т. 3 № 297.
- ⁹¹ Там же. № 116.
- ⁹² РИБ. Т. X. С. 161–163, 181, 202, 275.
- ⁹³ РГАДА, кн. Денежного стола. Разрядный приказ, д. 341, л. 51, 71.
- ⁹⁴ РГАДА. Столбцы Белгородского стола, д. 1674, л. 526.
- ⁹⁵ РГАДА. Госархив XX, д. 56, л. 28.
- ⁹⁶ И. Корб. Дневник поездки в Московское государство. – М. 1867. С. 246.
- ⁹⁷ Бородин А.В. Иноземцы – ратные люди на службе в Московском государстве. – Петроград. 1916. С. 8.
- ⁹⁸ Бородин А.В. Указ. соч. С. 8.
- ⁹⁹ Бородин А.В. Указ. соч. С. 14.
- ¹⁰⁰ РГАДА. Столбцы Белгородского стола, д. 1674, л. 3–5.
- ¹⁰¹ Рейтенфельс. О состоянии России при царе Алексее Михайловиче. ЖМНП, ч. XXIII. 1839. Отд. II. С. 38–39.
- ¹⁰² РГАДА. Фонд Разряда. Белгородский стол. Стб. 1880. Л. 36; Стб. 12. Л. 72.
- ¹⁰³ АМГ. Т. III. № 543.
- ¹⁰⁴ АМГ. Т. III. № 440.
- ¹⁰⁵ Чернов А.В. Строительство вооружённых сил Русского государства ... С. 23.
- ¹⁰⁶ ПСЗ. Т. V. № 3006.

1.2 ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ И СТРОИТЕЛЬСТВО РЕГУЛЯРНОЙ РУССКОЙ АРМИИ

Автору, обратившему свой исследовательский интерес к петровской эпохе, предстоит столкнуться с некоторыми трудноразрешимыми проблемами. Будем откровенны с читателем, про Петра I уже столько сказано-пересказано, писано-исписано, что трудно найти тему, связанную с его деятельностью и способную ещё вызвать интерес у сведущего взыскательного читателя. Подробнее об историографических проблемах петровской эпохи говорилось во вступлении. Действительно, все перипетии его бурного царствования, в том числе и тема Петра-западника, порядком поистрёпана историками и литераторами. Все возможные взгляды многократно изложены в различных интерпретациях, в редакции разных исторических школ и течений. Претензии на некую новизну на проверку оказываются

более-менее оригинальной литературно-художественной обработкой уже известных идей и взглядов на роль Петра в истории Отечества. Что остаётся на долю современного петроведа. Богатая и разнообразная историография не оставляет ему выбора, кроме как заявить о своей солидарности с тем или иным исследователем, подтвердить уже известную позицию своими изысками.

За глубокими историческими выводами, фундаментальными оценками пусть читатель обращается к классикам российской исторической науки – к С. Соловьёву, В. Ключевскому. В наше же время на долю исследователя остаётся незавидная роль историко-документального статиста. Многажды переписывать набело историю-

повествование, насыщая её неизвестными доселе фактами – вот его удел. На научно-бюрократическом языке это звучит несколько таинственно и величественно – вводить в исторический оборот ранее неизвестный фактологический материал.

Нельзя же считать действительно новым словом в историографии петровской эпохи ту агрессивную оголтелость, с которой обрушиваются на беззащитного Петра некоторые современные писатели. От этих работ попахивает недостойной для научного издания клеветой, сальными анекдотами бульварного пошиба. В них собраны слухи, сплетни, накопленные за триста лет со времён Петра, слишком смелые домыслы и откровенные враки. Действительно, всё это представляет собой в некотором смысле новации, так как лет десять назад какое уважающее себя издательство не позволило бы себе опускаться до печатания подобной чуши. Объектом для псевдо-исторических бульварных сочинений традиционно выступала Екатерина со своей бурной интимной жизнью, ну, может быть, неуравновешенный Павел с его несуразными и шокирующими выходками. Петра всё-таки щадили, слишком величественна была его исполинская фигура в истории Отечества. Но нет ничего вечного под луной. Нынешние, демократические – или скажем так, чересчур уж демократические подвиги, или скажем вернее, то, что у нас называют демократическими переменами, к сожалению, предоставили свободу выплёскивать на неподготовленного читателя бог знает какую ядовитую смесь из полуправды, полувывымысла. Повальное критиканство по отношению к Петру последних лет вполне объяснимо. Оно является естественной реакцией на многолетнее преклонение перед его заслугами. Где-то из этой оперы сенсационные разоблачения и низвержения наших недавних идеологических кумиров и святых. Это так похоже на нас, так близко нашей природной натуре. Наши предки лет эдак с 90 назад с тем же фанатичным рвением свергали с пьедесталов статуи царей и разрушали православные храмы. Так же как их непутёвые потомки будут убирать с центральных площадей своих кумиров – Лениных, Дзержинских. В наших правилах предавать сегодня

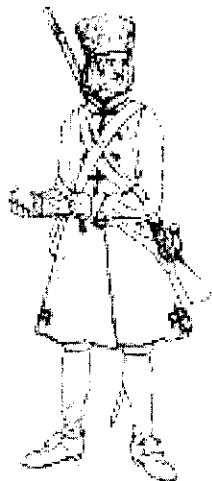

Рис. 11 Гренадёр Семёновского полка конца XVII века. Мушкет в положении «за спину», в правой руке граната, в левой – горящий фитиль. Солдат одет в «венгерский» кафтан.

анафеме то, что только вчера почиталось как святыни. Так и с Петром. Вчера он был и создателем государства, и зачинателем военно-политического могущества России. С его именем связывали точку отсчёта качественно новой исторической эпохи – эпохи великих исторических свершений, громких бранных побед, экономического подъёма, внешнеполитического признания России. Сегодня наиболее радикально настроенные историки не только отказывают ему решительно во всём этом, но и обрушиваются с совершенно нелепыми обвинениями. Так, Андрей Буровский, книга которого полностью посвященная именно этой цели, непонятно почему разоблачает Петра в преступлениях, которых он и не думал совершать. Не оставляя камня на камне от всего, что было создано в ту эпоху, автор прошёлся огнём и мечом по всем сферам жизни молодого государства. Досталось и экономике с торговлей, и политике внешней и внутренней, и юному флоту, и государственному управлению – и всем, всем, всем. Может быть, достижения России в этих областях и были преувеличены, а если нет, пусть автора поправят специалисты. На этих же страницах хотелось подробнее остановиться на военных аспектах вышеупомянутой книги Буровского. Может быть, автор лучше осведомлён о других сферах жизни России рубежа XVII–XVIII веков, но целая глава о военном развитии и военных событиях петровской эпохи вызывает некоторое недоумение. Среди этих суждений – и чистой воды нелепости, и хронологические ошибки, и просто сущий вздор. Чего стоят, например, заявления автора: «...Некоторые на первый взгляд вполне образованные люди всерьёз убеждены, что Пётр изобрёл штык-багинет и стрельбу плутонгами...»¹. Уверяю Вас, среди «образованных людей» таковых вряд ли найдёте. Поищите среди необразованных, они всё проглотят, на них и впечатление легче произвести, и глубокомысленно перед ними порассуждать про то, откуда и как в Россию завезли багинет или байонет – как там правильнее. Изобретение штыка, этих самых, хитрых багинетов да плутонгов даже в самые махровые советские времена, когда Пётр выступал объектом особого преклонения, ему не припи-

Рис. 12 Мушкетёр-преобразенец. Патронная сума через правое плечо, шпаги на поясной португезе. В правой руке – багинет, предшественник штыка, представлявший собой удлиненный клинок, вставлявшийся в дуло мушкета.

сывали. Даже когда мы были «впереди планеты всей» по всевозможным выплатам, «добычи на гора», количеству центнеров с гектара и резиновых сапог на душу населения. Наши историки честно признавали, это – чужое, настолько было это очевидно. Чего греха таить, были попытки сделать Петра первооткрывателем кое-каких тактических премудростей. Приписывали, например, ему первенство в создании конной артиллерии. Здесь можно поспорить. Но про штык никогда никто подобных заявлений не делал.

Кто «пообразованнее» да поближе знаком с военной историей петровской эпохи, те знают, что багинет, предшественник штыка, появился у «потешных» солдат в конце XVII века и русская армия всю им пользовалась на полях сражений Северной войны. Европейскую новинку, штык, наша армия осваивала постепенно. Историки называют дату – 1708 год. Примерно к этому времени большая часть пехоты и драгун получила на вооружение штык.

Нелепостью, если не досадным недоразумением, является утверждения Буровского об авторе этих новшеств. Вот что он пишет по этому поводу: «Байонет восприняла французская армия при маршале Вобане (1701–1717 гг.) во время войны за испанское наследство и за счёт этого одержала несколько побед». Нет, чтобы писать про военные дела, надо ознакомиться хотя бы с детскими популярными книжками по истории. Знаете, в последнее время много таких издаётся, большого формата, с красочными картинками. Тогда автору было бы известно, что багинет появился во Франции около середины XVII века, некоторые историки называют определённую дату 1646 год и место – Байону,

которое и дало имя изобретению. Маршалу Вобану, вернее будущему маршалу Вобану в это время было около 13 лет, он родился в 1633 году. Некоторые историки приписывают этому маршалу изобретение штыка, это верно. Но при чём здесь война за испанское наследство. Французская армия вооружилась штыком на полтора десятилетия раньше и с успехом применяла его и в Голландской войне и в войне с Аугсбургской лигой. Вскоре штык появился во всех европейских армиях. И что это за годы приводит нам автор: 1701–1717 гг. Что это – время жизни этого пресловутого Вобана? Так нет, загляните в первую попавшуюся энциклопедию и узнаете, что знаменитый маршал Людовика XIV «жил и работал» в 1633–1707 годах. Может это хронологические рамки очередной общеевропейской войны? Опять неувязка, война за испанское наследство шла в 1701–1714 годах. И в эти годы старый маршал уже отошёл от дел, купаясь в лучах былой славы, наслаждаясь признанием своих заслуг нацией и доверием самого Людовика XIV. Может быть, автор приводит конкретные годы перевооружения французской армией штыком. Ну, тут уж явная натяжка, так как никакой серьёзный исследователь не укажет конкретные хронологические рамки принятия на вооружения того или иного вида оружия в те далёкие времена. Что говорят военные историки по поводу штыка? Французы первые придумали штык, и с 1689 года он поступает в войска. Когда же они закончили это перевооружение, точной даты никто не приводит. Зато историки заостряют внимание на интересном факте. То, что французы имели пальму первенства в вооружении, не мешало им отставать от немцев в насыщении войск штыком. Они ещё долго сохраняли в пехоте пику и полностью отказались от неё только в 1703 году, наверное, самые последние в Европе. Во всяком случае, австрийцы, пруссаки обогнали изобретателей и отказались от пикки ещё в конце XVII века.

Прошу прощения за назойливость, но трудно пройти мимо явных ляпсусов автора, претендующего на историзм собственного издания. К тому же, защитим по мере наших скромных возможностей бедного Петра от подобной испепеляющей кри-

тики. Возмущённый Буровский приписывает Петру всякие нечестности и тут же разоблачает его, мол, это страшная несправедливость, Пётр лишь жалкий и коварный компилятор, присваивающий себе чужие изобретения. Например, стрельба плутонгами, о чём говорилось выше. Здесь такая же история, как со штыком-багинетом. Никогда ни сам Пётр и никто из историков не присваивал его военному гению стрельбу плутонгами или взводами. Пожалуй, Буровский первый положил начало этой теме. Знаток военной истории петровской эпохи, П.П. Епифанов, например, совсем другого мнения по этому поводу. Вот он, автор серьёзных исследований по эпохе Петра Великого, защитивший докторскую диссертацию по военной истории рубежа XVII–XVIII веков, пишет, что положение о стрельбе плутонгами прочно вошло в тактическую практику наших войск с «Краткого обыкновенного учения», появившегося в 1700 году. Пётр лично редактировал этот устав. В нём нашли отражения новейшие достижения западноевропейской тактики последнего десятилетия XVII века, в том числе – и стрельба плутонгами. Один из авторов первого устава, А.А. Вейде, проехав пол-Европы, изучив боевой опыт немцев и французов, докладывал Петру в 1698 году, что этот способ стрельбы «...употребляется ныне едва что не у всех potentатов, а особливо французами, у которых и взялося»². Вот так, уже тогда, в 1698 году, отмечали, что французы придумали эту мудрёную стрельбу. Французы, но не Пётр. Кстати, стрельба плутонгами – это немного не так, как рассказывает Буровский: «Раньше вперёд выходила одна шеренга, стреляла, уходила. Выдвигалась вторая шеренга... Теперь же одна шеренга ложилась на землю, вторая становилась на колени, а третья стреляла стоя. Интенсивность огневых ударов резко возрастала, и такая стрельба пошла заимствоваться всеми армиями. И армией Московии тоже».

Суть нововведения автор так и не уяснил. Первые петровские уставы определяли пехоте следующие виды стрельбы: стрельба шеренгами, плутонгами и залпом. При всех видах огня происходило то, о чём автор нам рассказывает. Правда, первая

шеренга никогда на землю не ложилась, тут автор лишку хватил. Солдаты первой шеренги опускались на колено. Лёжа из кремнёвого мушкета выстрелить, да ещё прицельно, вряд ли получится. Так вот, разница заключалась в следующем. Ну, с шеренгами всё ясно: все становились на колено, задняя вставала, стреляла, затем поднималась и стреляла предпоследняя, вторая и первая. Залпом, как правило, стрельба велась полком всеми шеренгами разом, после чего солдаты заряжали и стреляли произвольно – так вёлся беглый огонь. Самый трудный вид стрельбы, требующий высокой профессиональной подготовки – это стрельба плутонгами. В линейном построении рота делилась на 9 плутонгов или взводов. При данной стрельбе сначала стреляли 1, 3, 5, 7, 9, затем, по порядку – 2, 4, 6, 8 плутонги. Особая сложность состояла в том, что часто стрельба велась «наступательно» или «отступательно». Соответственно,

Рис. 13. *Офицер Преображенского полка конца XVII века, облачённый в «венгерский» кафтан, украшенный золотыми шнурами и газуном. На груди офицерский так, в правой руке – эспапон.*

очередной плутонг выдвигался на рубеж огня, делал залп и заряжал мушкеты, уступая очередь следующему плутонгу. В этом заключалась особенность этого вида огня, но почему-то этого Бурковский не знал.

После небольшого полемического отступления вернёмся к нашим размышлениям о судьбе петровской армии. В этом параграфе вниманию читателя будет представлен анализ военной деятельности царя в преломлении использования им опыта, накопленного и освоенного предшествующими поколениями. Задача это непростая ещё и потому, что о царе-преобразователе чаще принято рассуждать с позиций новизны, которую он привнёс в ту или иную сферу общественно-государственного устройства, в данном случае,

в военное строительство. Отношение же его к предшествующим традициям в представлении обывателя нагляднее всего олицетворяет полотно известного русского художника с изображением несчастных стрельцов на фоне хмурого московского утра. Вроде бы всё ясно. Но это только – в обывательском представлении. На самом деле всё гораздо сложнее и – проще, одновременно. С одной стороны, своими помыслами Пётр был устремлён в будущее России, многое из которого в его представлении должно было создано с помощью европейцев по европейским же чертежам. С другой стороны, при всём желании нельзя оторвать Петра от земли, которая его взрастила, культуру и нравы которой он впитал с молоком матери. Всё верно, корни-то корнями, но если уж очень они царю мешали, недолго было по ним – и топором. Хмурое утро стрелецкой казни с тучами воронья над Кремлём стали своеобразным символом той противоречивой эпохи. К топору, а чаще – к палке, царь прибегал довольно запросто, устраняя преграды своей преобразовательной деятельности. Многие общественные деятели, историки и литераторы так и не простили ему излишней жестокости и насилия.

Был ли им насильно разрушен вековой общественно-политический уклад в преобразовательном запале? Были ли ниспровергнуты духовно-нравственные ценности предков? Был ли отринут накопленный поколениями самобытный опыт? Была ли, наконец, прервана преемственная цепь поколений и естественный путь постепенного развития России? Разные авторы дают на этот вопрос разные ответы. Ключевский, например, приходит к выводу, что, не смотря на откровенно враждебное отношение Петра к старой Руси, «не трогая в нём старых основ и не внося новых, он либо довершал начавшийся в нём процесс, либо переиначивал сложившееся в нём сочетание составных частей»³. То есть, он выступал верным преемником своих предшественников в деле общественного развития России, выполнял, так сказать, предначертанную ими программу. Вот вам и западник! При этом он избрал соответствующие его нетерпеливому и нетерпимому характеру методы и средства.

Да, в своих помыслах Пётр был обращён лицом к Западу. Но было ли благожелательное отношение Петра к Европе чисто прагматическим, трезвым расчётом дальновидного политика, шагом в многовариантной политической игре? Или в этом отношении превалировали, платонические, искренние чувства пылкого сердца – последствия бурной молодости, проведённой в окружении обаятельного живого Лефорта, опытного мужественного Гордона. Скорее всего, в царственной душе Петр-романтик постепенно вытеснялся Петром-прагматиком. Процесс этот ускорялся с годами по мере мужания царя, а наступало оно быстро. Этому в значительной мере способствовали и глухой ропот народа, и скрытый саботаж практически всех слоёв населения проводимым реформам. Всё это было естественным сопротивлением непомерно быстрому движению вперёд. Отсюда враждебное отношение Петра к отечественной старине, которая упорной, скрытой борьбой, роптаниями, неоднократно прорывавшимися страшными мятежами и восстаниями, защищала свои ветхие устои и вековые предрассудки. Этот московский менталитет поданных остался Петру в наследство от прошлой эпохи. Именно в нём многие историки и публицисты видели зачатки самобытного здорового общественно-политического развития России. Эта самобытность проявлялась в относительно слабой центральной власти, которую русский царь вынужден был делить с другими политическими институтами: родовитым боярством, своей роднёй, православными иерархами, сословными представителями. Все они весьма энергично предъявляли претензии на участие в управлении государством и с трудом уступали свои привилегии крепнущему абсолютизму. Таким образом, отношение Петра Великого к Святой Руси характеризуется двойственностью. Он представлял собой плоть от плоти этой Руси и, вместе с тем, он вынужден был большую часть своей жизни преодолевать её ожесточённое сопротивление.

В полной мере это касалось военного строительства. Процесс преобразования армии в 1-ой четверти XVIII столетия в

преломлении к использованию отечественного или заимствованного опыта в своём развитии прошёл несколько этапов. Периодизация, предложенная в настоящей работе, весьма относительна, так как вряд ли возможно определить строгие хронологические рамки, в пределах которых военное дело в России ориентировалось на Запад или обходилось «дедовским обычаем». В ходе того или иного периода строительства практиковались меры, аналоги которых без труда можно отыскать и в западноевропейском и в старомосковском военном искусстве. Но внимательный анализ за всем многообразием фактического материала позволяет определить совершенно определённые тенденции развития на том или ином временном отрезке.

В основе периодизации – деятельность Петра Великого с его грандиозными замыслами, титанической энергией, железной волей и целеустремлённостью. Его преобразования, личный вклад в строительство государства, укрепление его позиций, увеличение славы российской не могут не вызывать преклонения перед личностью Петра, признательности и гордости за наше

историческое прошлое. При всех недостатках, ошибках и деформациях эпохи реформ Петра, нередко очень серьёзных, Россия при нём заметно продвинулась вперёд, сократив своё отставание от передовых стран Западной Европы.

Что там греха таить, советская историография не скрывала своих симпатий перед ним, предпочитая заострять внимание на победах и свершениях, но не на цене свершений, не на жертвах и лишениях. Ныне пишущая братия пустилась в другую край-

Рис. 14. Офицер гвардии в парадной униформе. Богато расшитые золотым поументом кафтан «французского» покроя и камзол, широкие разрезные обшлаги, парик.

Под кафтаном – кираса, на груди – офицерский знак, украшенный серебряной кистью эспонтоном и офицерский трёхцветный шарф, повязанный на поясе.

ность, обвиняя Петра во всех бедах, выставляя на первый план его предшественников – отца и брата. Включившись в эту полемику, отметим, что никто не был более строгим судьёй делу Петра, чем В.О. Ключевский. Если современные ниспровергатели ограничиваются поверхностными оценками в красочных популярных книжонках на потребу дня, то работы В.Ключевского опираются на солидную научно-изыскательскую базу. О Петре он пишет иногда беспристрастно, иногда – с откровенной неприязнью. При описании неуклюжих преобразовательских потуг московского правительства тонкая издевка и юмор подчас сменяются холодным сарказмом. И, тем не менее, смелее и решительнее, чем В.Ключевский никто не вступался за Великого реформатора. Проведённые Петром преобразования, в ряде случаев продолжавшие или завершившие начатое до него, сделали Россию неизмеримо более сильной, развитой, цивилизованной страной, ввели её в сообщество великих мировых держав, хотя до конца ликвидировать её отсталость не смогли. Сын своего времени, Петр не смог совершить более того, что совершил. Но и то, что он сделал за свою не очень-то долгую жизнь для развития экономики и государственных установлений, армии и флота, внешней политики и искусства, культуры и быта, благодарная Россия, принявшая петровское наследие, осваивала и продолжала развивать в течение почти двух столетий.

Петр Великий – фигура противоречивая, сложная. Таким создала его эпоха. От своих отца и деда унаследовал он черты характера и образ действий, мировоззрение и замыслы на будущее. В то же время он был яркой индивидуальностью во всём, и именно это позволило ему ломать устоявшиеся традиции, обычаи, привычки, обогащать старый опыт новыми идеями и деяниями, заимствовать нужное и полезное у других народов.

Очевидцы поведали потомкам, что русский царь отличался простотой в обращении, невзыскательностью, непритязательностью в быту. По натуре человек добрый, он мог обласкать не только дельного вельможу, но и плотника, кузнеца или матроса, делил с ними кров и пищу, крестил их детей. Не любил всякие официаль-

ные церемонии и тем приводил в изумление иностранных наблюдателей, особенно королей, принцесс и иных аристократов.

Однако привычка к власти, раболепие окружающих объясняют, но не оправдывают такие качества в Петре, как грубость, вседозволенность и пренебрежение к человеческому достоинству, произвол в политике и в быту. Он осознавал и не раз подчёркивал, что он – абсолютный монарх, и всё, что он делает и говорит, неподвластно людскому суду; лишь бог спросит с него за всё, и хорошее, и плохое. Петр был искренне убеждён, что всё, от него исходящее, – для блага государственного, народного. То, что он сам, не покладая рук, трудился, возводя, по своим замыслам и планам «фортецию правды» государства Российского, нельзя не видеть. Но видел ли он, что его усилия приносят благо не всем, или, по крайней мере, не всем поровну? Осознавал ли, что его преобразования обернулись сотням тысяч людей крепостной неволей, ещё большему числу людей – увеличенными налогами, поборами, принудительными мобилизациями, работами?

Примечательная черта Петра Великого как правителя, абсолютного монарха – огромный личный вклад в управление государством, его внешнеполитические, военные акции; привлечение к делам одарённых, талантливых, способных людей – администраторов, полководцев, дипломатов, организаторов различных производств, мастеров своего дела.

Первый военный опыт молодого царя оказался неудачным. Затянувшаяся русско-турецкая война требовала решительных действий. Они не заставили себя ждать, когда, наконец, Пётр почувствовал себя достаточно взрослым и взял бразды государственного правления в свои руки. Объектом для нападения была выбрана мощная турецкая крепость Азов. Расположенная в устье Дона, она запирала выход в Азовское море. Это делало её важной стратегической целью в планах московских воевод. Кроме того, Пётр никогда не забывал про общенациональные цели, о преодолении искусственной политико-экономической изоляции Руси. Были предприняты два похода, ценой неверо-

ятных усилий и многочисленных жертв сломлено ожесточённое сопротивление турок. Крепость пала к ногам молодого Петра. Но выводы, сделанные из азовских походов были однозначными – армия никуда не годится. Она не отвечала требованиям современной войны. Низкую боеспособность показала как дворянская конница, так и стрелецкие, да и многие солдатские полки. Мазепа, в походах находившийся рядом с царём, так характеризовал боеспособность «царевых служилых людей»: «Государевых людей в деле мало, только выборные солдатские полки да стрелецкие приказы, в каждом бою человек по 300, остальные стрельцы все – в обозе да у телег, от рейтаров да дворян только крику».

Следующим шагом, инициирующим преобразования в военной сфере, стала поездка Великого посольства в Европу. Пётр, инкогнито находившийся в составе представительства, получил возможность воочию убедиться в ратных преимуществах Европы. Он посетил шведскую Ригу, Бранденбург, Голландию, Англию. Неизгладимое впечатление произвели на царя военные манёвры, специально для него проведённые саксонским курфюрстом, нечаянным другом и будущим союзником. Вернувшись в Москву, царь, ещё не остывший после впечатлений от военных смотров и маневров, устраивает «экзерциции» полкам московского гарнизона. Контраст между войсками немецких государств и московскими полками велик. Пётр был крайне недоволен и раздражён. Наконец, ускорили военную реформу события лета 1698 года, очередное выступление крамольных московских стрельцов.

Правительства второй половины XVII века, преследуя цели унификации армии, постепенно отказывалось от услуг «русского строя», переводя ратных людей в более совершенный «иноземный строй». Регулярная служба с ежедневными строевыми тренировками, жёсткой регламентацией и дисциплиной была настоящим ударом по их спокойной и размеренной жизни, что не могло не вызывать глухой ропот в массе служилых людей. Стрельцы ревностно оберегали свой социальный статус, обес-

печавающий им немалую экономическую независимость и материальный достаток. Они были плотью от плоти уходящей в прошлое эпохи – бурной эпохи Всесословных Земских соборов, религиозных и социальных распр. Им позволялось многое. Столичный люд, вообще, запросто мог обратиться с челобитной к самому царю, к чему он частенько и прибегал. Своенравным москвичам безусловно льстило общение «на равных» с царём-батюшкой. Заодно с народом нередко хаживали в Кремль и стрельцы. Стрельцы просили у царя заступничества против «сильных людей», будь то свои командиры или ближние к царю временщики-бояре. Чувствуя слабость правительства, они не останавливались перед любой возможностью вытребовать или подтвердить свои старинные служебные льготы. Тон челобитных постепенно менялся. Это были уже далеко не нижайшие просьбы безропотных слуг, а, скорее, требования, подкреплённые решительными действиями. В конце века, когда правительство попыталось ограничить их сословные привилегии и сделать их реальной частью вооружённых сил, стрельцы ответили рядом кровавых бунтов. Более чем на десятилетие действия властей были парализованы непокорными стрельцами. Армия, вышедшая из-под контроля, превращается в социально опасную толпу бунтовщиков. Действительно, ситуация в Москве в те годы могла развиваться по турецкому «сценарию». Недоброй традицией турецкой истории стали военные мятежи, в ходе которых янычары свергали и сажали на трон угодных им султанов. Стрельцы как будто только искали повод, чтобы предъявлять всё новые и новые претензии правительству. Масла в огонь подливали сторонники раскола, будоража умы и без того беспокойных москвичей. Долго ещё Москва с опаской вслушивалась в ходившие по городу слухи о грядущих волнениях. А городские власти каждый свой шаг делали с оглядкой, как среагируют на него в стрелецких слободах, в любой момент ожидая повторения кровавых событий. Практически стрельцы на некоторое время захватили власть в Москве и диктовали правительству свою волю. Что и говорить, клин выбивают клином.

Только жестокая решительность Петра навсегда избавила Москву от домоклова меча – нависшей опасности, исходившей от мятежного стрелецкого воинства. Очередной бунт, подтвердивший политическую неблагонадёжность одного из основных родов армии, переполнил чашу терпения царя, и без того не питавшего особых симпатий к стрельцам.

Всё это предопределило направление военного строительства на первом этапе. Максималист по натуре, Пётр принимает решение «сломать до основания» то, что было создано до него. Последовал ряд решительных указов, которыми старые воинские части были расформированы. Драконовские меры были приняты по отношению к стрелецким полкам. Чем могла быть объяснима репрессивная политика Петра по отношению к стрелецкому войску? Прямо-таки патологическую ненависть Петра к стрельцам принято связывать с воспоминаниями отрочества,

Рис. 15 Гренадёрская шанка с меховой опушкой, массивная сума для гранат с лопастью, также обшитой мехом, на животе сумка поменьше для патронов, латунная трубка на перевязи для хранения фитиля свидетельствуют, что перед нами солдат – гренадёр.

когда он становится нечаянным свидетелем зверств, учинённых взбунтовавшимися стрельцами в Кремле. Тем не менее, вряд ли можно объяснять всё мятежом, так как репрессии обрушились не только на те полки, которые приняли участие в июньских событиях 1698 года. Волна репрессий, массовые казни и расправы стали болезненной реакцией психически неуравновешенного молодого Петра на силовую попытку политических оппонентов захватить власть. Когда кровавая пелена спала с царственных очей, и чувство ненависти уступило место здравому рассудку, насколько это было возможно для взрывного эмоционального характера Петра, судьба стрелецкого войска была отдана на откуп государственным чиновникам. Очевидно, Пётр, утолив жажду мести стре-

лецкой кровью, поостыл и утратил державный интерес к этой истории. Далее судьба стрельцов решалась в кельях и палатах московских приказов. Действия правительства в отношении стрельцов зиждились на политике, основы которой были заложены ещё в середине XVII века. Преимущество в тенденциях военного строительства была налицо. После подавления стрелецкого мятежа указом от 11 сентября 1698 года московское стрелецкое войско было ликвидировано: «Впредь стрельцами не писать..., потому что в Москве и во всех городах стрелецкий чин отставлен...»⁴.

В июне 1699 года, находясь в Азове, сам Пётр вторит приказным людям: «Московских полков стрельцов, которые были на Москве ... и в Азове, ... распустить в посад, кто в который город похочет, и в который город кто напишется, взять росписи. И по тем росписям их отпустить с жёнами и детьми без мотчанья. И по тому Великого Государя указу стрельцы с Москвы с жёнами и детьми, а из Азова – одни, и к Азову с Москвы жёны и дети посланы».

Расформировывая стрелецкое войско, правительство Петра принимает меры к ликвидации стрелецких хозяйств – экономической основы старомосковской военной организации: «... а дворы их на Москве жёнам их продавать вольною ценою».

Уже в разгар строительства новых регулярных полков появляется ещё один указ. Он датирован 17 января 1700 года и обязывал «московских полков остаточных стрельцов и слоботчиков и стрелецких жён, которые стрельцы писаны в посад московских всех полков и отставных стрельцов и стрелецких жён, вдов с детьми и без детей всех 20 полков послать с Москвы в города, куды они писались.... А на Москве ни у кого не жить и никому их не держать»⁵.

Расформированию подлежали полки московских стрельцов, дислоцированные в Азове и не принимавшие участия в событиях осени 1698 года. Стрельцы были оставлены в качестве гарнизона недавно отнятой у турок крепости. Азов в результате двух осад был порядком разрушен и его укрепления

предстояло восстанавливать, чем и занимались московские стрельцы. Тем не менее, их судьба была предрешена. В ноябре 1699 года «...московских 6 полков стрельцов ныне с Азова отпущены в разные города, посады...»⁶.

Расформированию подверглись не только московские, но и городские стрелецкие полки. По указу 13 января 1699 года были расформированы полки В. Елчанинова, М. Кравцова, И. Дурова, стоявшие в Белгороде. Все стрельцы были «написаны» в посадские и ремесленники. В это же время был распущен полк П. Головина, стоявший по различным городкам Белгородского разряда. Московским стрельцам было запрещено записываться в новую армию солдатами⁷.

Естественно, в это время Пётр был далёк от мысли, будут ли потомки о его поступках судить как о продолжении политики отца в деле преобразования армии. Вообще, в той ситуации не о военных переменах помышлял Пётр, а о том, как обезопасить собственную жизнь, защитить близких от стрелецких бердышей, овладеть престолом, повергнуть в прах политических недругов. Но, само по себе, «раскасование» стрелецкого войска объективно являлось продолжением военной политики предшествующих властей. Как ни парадоксально, эти репрессивные меры стали началом петровских военных реформ. И они же делали его невольным преемником программы переустройства войска, сформулированной в предшествующую эпоху. Хотя сам Петр преследовал цели, прямо противоположные тем, которые ставились перед собой его предшественниками: не унификация войска, а полный слом старой военной машины и её замена. История не балует исследователей данной эпохи изобилием и разнообразием источников. Многочисленные пожары, бич деревянной Москвы, особенно пожар 1812 года, неудовлетворительные условия хранения, наконец, элементарное чиновничье разгильдяйство и безалаберность сделали своё дело. Бесценный исторический материал был навсегда потерян для нас. Но даже чудом сохранившиеся пожелтевшие листы списков и донесений – воеводских «сказок», указов и распоряжений позволяют

судить об этом. Судьба политически неблагонадёжных московских стрельцов постигла и некоторые другие категории «служилых людей старых служб». Росчерком пера была определена судьба провинциальных стрельцов, городских казаков, ратных людей пушкарского звания, даже многих «маломощных» помещиков-однодворцев. Многие из них были отпущены с государственной службы и вынуждены были пополнить другие сословия. Только в Белгородском разряде в эти годы были записаны в крестьяне и посадские 24 тысячи вчерашних «ратных людей». Ну что ж, лес рубят – щепки летят.

Естественно, с реализацией указов, какие бы кары за неисполнение не сулились, по всей необъятной Руси, в её уездах и губерниях, не торопились. И чем дальше от Москвы, тем меньше гарантии, что они вообще будут выполнены: историки подсчитали, что изрядная доля петровских указов так и остались на бумаге. Может быть по этим причинам, а может – по другим, так или иначе – разогнали не всех. Стрельцы порубежных крепостей, провинциальных городков, далёкие от столичных политических страстей, продолжали нести гарнизонную службу. С ними и раньше-то особенно не церемонились, благо, что они – это вам не московские стрельцы, разбалованные царями своим вниманием, правами да льготами. Жизнь городских стрельцов была не в пример московским – хлопотна и беспокойна. Но и их, следуя общей идее, переводят в солдатскую службу. Так, в 1695 году егорлыкских стрельцов и казаков зачисляют в пашенные солдаты⁸. Московские события 1698 года активизировали этот процесс. В октябре этого же года в жилые солдаты были переформированы 5 стрелецких полков Казанского разряда⁹. В 1699 году подобная участь постигла 3 архангелогородских стрелецких полка¹⁰. В 1700 году стрелецкий полк И. Капищева был переведён в Севск и переформирован в солдатский полк¹¹.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что Пётр и его правительство выступали невольными последователями в строительстве вооружённых сил, что выразилось в целенаправленном переводе частей русской армии на более совершенный «инозем-

ный строй». Архаичные части «русского строя»: служилые люди «по отечеству», стрельцы, городское казачество, пушкарские чины – все эти жалкие осколки ратей периода централизации московского государства пополняли солдатские полки, постепенно переливаясь в более совершенный «иноземный строй».

К сожалению, мудрый расчёт, последовательность, терпеливость не стали определяющими добродетелями Петра-реформатора. В его политическом арсенале преобладали иные методы: сиюминутный порыв и бескомпромиссность, нетерпимость и произвол. Результаты должны быть достигнуты немедленно и любой ценой. Зачастую его лихорадочные действия противоречили друг другу, сводили друг друга на нет, взаимоисключали. Но часто и те и другие реализовывались с завидной настойчивостью и целеустремлённостью. Так получилось и со строительством армии.

В военном строительстве накануне и в ходе Северной войны (1700–1721 гг.) просматриваются две тенденции: следование традициям и заимствование западноевропейского опыта. Новые явления, связанные с заимствованием при формировании «новоприборных» полков, подробнее будут рассмотрены в следующей главе. Здесь же остановимся на традиционной стороне рассматриваемой проблемы. В связи с этим читателю будут представлены три этапа строительства регулярной русской армии:

1 этап начался глубокой осенью 1699 года, когда правительство приступило к целенаправленной подготовке к войне со Швецией. Хронологически этап охватывает около года и включает начало войны, трагический поход под Нарву и сражение у стен крепости 19 ноября 1700 года;

2 этап включает события между Нарвской и Полтавской битвами;

3 этап – это послеполтавский период Северной войны.

В рассуждениях о приоритетах европейского или отечественного важнее всего начальный этап военно-преобразующей деятельности. Это не значит, что автор недооценивает периоды войны, которые гораздо важнее и интереснее с опера-

тивной точки зрения, с точки зрения развития российского военного искусства. Дело в том, что именно в начале любого предприятия, на подготовительном этапе наиболее рельефно проявляются цели, средства их достижения. Говоря современным языком, составляется программа строительства, в которой просматриваются все существенные характеристики будущей модели: практические, политические, идеологические, нравственные. Затем приступают, наконец, к самой работе, и первоначальные, программные установки претерпевают изменения. Не выдерживая испытания реальностью, временем, пасуют перед трудностями роста, развития. Происходит переосмысление, переоценка. Иногда действительность, наоборот, подтверждает истинность первоначальных установок. В дальнейшем всё труднее и труднее разобраться в том, что своё, что заимствованное, так как в общий процесс строительства вторгаются всё новые и новые силы, например, субъективный фактор, административный или военный талант. Нейтральным фактором влияния можно считать накопленный в ходе реформирования опыт, приобретённый путём проб и ошибок. Поэтому основное внимание работы посвящено начальному этапу военного строительства. Содержание работы и хронологически и по существу невольно развёртывается вокруг начальных мобилизаций, «первой» Нарвы, анализу военного искусства этого периода.

Начнём, пожалуй, с комплектования новой армии. Комплектование всегда являлось основным видом характеристики вооружённой силы государства. В нём отражался уровень зрелости общественных отношений страны, эффективность экономического развития государства. В принципе, за долгую историю полную кровопролитных войн и конфликтов человечество выработало два вида комплектования армий: ополчение и профессиональную армию. Ополчений история помнит великое разнообразие, организованное на различных основаниях, на разных принципах: тут и поголовные призывы военнообязанных, и различные военно-сословные ополчения, преимущественно, дворянские. Разновидностей профессиональных во-

енных организаций военная история знает не меньше. Профессионалами были и наёмники Ганнибала, и служившие по месяцу-два в году ландскнехты, и солдаты европейских армий XVII–XVIII веков, служившие уже в постоянных регулярных армиях. Опять же можно различать солдат Петра I, согнанных в полки рекрутскими наборами, от солдат Фридриха Великого, набранных при помощи обмана или контракта. Но и те, и другие безусловно представляли профессиональные армии XVIII века. Кроме того, важно учитывать, что в чистом виде и ополчение и профессиональные армии встречались довольно редко. Чаще полководцы водили в бой армии, созданные смешанным способом. Во второй половине XVII века, отказавшись от сезонных наёмных войск, европейские монархи всё больше склоняются к примеру Людовика XIV, который комплектовал массовую армию смешанным образом. Постоянное кадровое ядро в случае войны пополнялось призванными рекрутами – чем не ополчение? После войны рекруты распускались по домам, а кадровая основа оставалась под ружьём. Классическая наёмная армия XVIII века – армия Фридриха Великого была таковой только частично, пополняясь рекрутами-кантонистами, и – даже провинциальными милиционными отрядами и отрядами добровольцев. Система ландвера, вымученная Пруссией в её трагической борьбе с Наполеоном, была ни чем иным, как тесным сплавом ополчения и профессиональной армии. Она дала начало всеобщей воинской повинности, которая стала доминирующим методом комплектования армий в XX веке. Может быть, такой взгляд на

Рис. 16 Унтер-офицер в походной форме. Полов кафтана для удобства завернуты, на ногах – европейская новинка, штиблеты или гетры, застёгнутые на пуговицы – большая редкость для петровской эпохи. Епанча свернута и одета через правое плечо, также довольно редкий случай для начала XVIII века.

историю развития комплектования армий специалистам покажется слишком упрощённым, но останемся при своём мнении. Что касается русской армии рассматриваемой эпохи, то в истории, наверное, трудно найти армию, в строительстве которой причудливо сочетались столько методов, видов, принципов, дополнявших, а чаще – мешавших друг другу.

Итак, вернёмся к комплектованию петровской армии. При формировании полков практиковались как вербовка или «прибор вольных охочих людей», так и принудительные наборы даточных людей. Эти методы комплектования были известны на Руси, но в строительстве допетровского войска играли различную роль. Вербовка, широко применявшаяся на Западе, в рассматриваемую эпоху являлась основным способом комплектования европейских армий. В России она распространения не получила в силу исторических традиций и социально-экономических особенностей развития страны. Среди главных причин можно назвать постоянный дефицит финансовых средств при необходимости иметь весьма многочисленное войско. Да и острая нехватка экономически свободного населения давала о себе знать.

Представим себе такую картину. Москва, Ивановская площадь в Кремле, толпы москвичей среди торговых лавок; два бирюча в рудо-жёлтых кафтанах осаживают сытых коней прямо напротив дьяческой палатки, где заключались по всей Руси крепостные акты. В палатке видны были стол, скамьи, за столом подъячие, и дьяк – за столом стоя читающий указ.

У бирючей в левой руке по длинному жезлу. Сверху жезла знамя из золотой парчи, у седла литавры. Остановив лошадь посреди людной площади, один из них, старший, бородатый, бьёт рукояткой плети в литавры, кричит государево слово, привлекая внимание любопытных москвичей. В его руке указ с массивной царской печатью, который бирюч громко оглашает. Другой бирюч сопровождает речь товарища время от времени ударами в литавры.

Вот так примерно 8 ноября 1699 года был обнародован царский указ «О приеме в службу в солдаты из всяких вольных

людей». Указом всем записавшимся было установлено жалование по 11 рублей в год и «кормовые» деньги наравне с Преображенским и Семеновским полками.

Новая армия создавалась из добровольцев типичной вербовкой. Вряд ли Пётр, готовясь к походу, осознанно действовал в духе европейской военной практики. Наверняка, он поступал так исходя из здравого смысла. Так начинал свою польскую войну его дед, Михаил Фёдорович, так начинал войну за Украину отец – с вербовки охотников в полки. Вместе с тем, положение Петра кардинально отличалось от положения деда и, тем более, отца. И тот и другой упорно и кропотливо создавали вооружённые силы, путём проб и ошибок, отказываясь от одних методов, прибегая к другим. Военная машина, готовая отстаивать государственные интересы России, создавалась и совершенствовалась почти 70 лет. К концу века формы организации войска в целом уже сложились. И Пётр уже имеет в своём распоряжении готовое войско. Теперь армию в случае необходимости нет нужды набирать, как раньше. Она существует постоянно или в составе кадра, или в виде списков или «сказок» в соответствующих приказах, или в виде гарнизонных сокращённых полков. Но она есть, она готова к походу, был бы приказ. Но от неё Пётр отказывается. Очевидно, всё-таки дал о себе знать максимализм молодости, желание крутых перемен, ведь в старой армии царь уже не раз имел повод разочароваться. Впечатления были не из приятных. Нужна была новая армия. Какая? Как только что увиденные – саксонская, бранденбургская. И Пётр отдаёт предпочтение заморскому опыту военного строительства.

Вместе с тем было ясно, что одних охотников для массовой армии недостаточно. Ограниченные возможности вербовки заставили московское правительство обратиться к принудительным наборам даточных людей для создания массовой армии. Соответствующий указ был обнародован 17 ноября 1699 года. Даже очередность выхода в свет этих документов говорит о том, что набор даточных рассматривался как второсте-

пенный метод набора. Между тем, даточные наборы на Руси вели свою историю от ополчений феодальных княжеств. В отличие от средневековой Европы, пехотное ополчение на Руси никогда не теряло своего значения как боеспособная часть войска наряду с профессиональными княжескими дружинами. Позднее, в XV–XVI веках ополчения сменили «посошные рати», а затем – и даточные наборы. В отличие от найма ополчения и их разновидностей вполне можно отнести к традиционным отечественным методам комплектования. Наши ополчения были воплощением народной соборности и общинности. Они были не просто методами комплектования, они выступали материальным проявлением национальной ментальности и народных обычаев. Во второй половине XVII века они становятся основными методами пополнения русской армии рядовым составом, постепенно вытесняя другие механизмы строительства армии. Даточные наборы XVII века носили локальный характер. Проводили их местные уездные власти по указам из столицы. По мере военной необходимости среди военнообязанного населения набиралось определённое количество даточных солдат. Естественно, старались мобилизовывать мужчин поблизости от районов боевых действий. Так, перед войной с Польшей (1654–1667 гг.) мобилизацией были охвачены юго-западные области России. Тогда было «прибрано» по одному из 2–3 мужчин. Перед войной со Швецией (1656–1658 гг.) были проведены даточные наборы в северо-западных уездах. И позже правительство неоднократно прибегало к наборам даточных солдат для пополнения поредевших полков.

После похода они частично распускались, частично оставались под знамёнами. За солдатами, возвратившимися в свои деревни, сохранялся их прежний социальный статус. В отличие от вербовки, даточный набор не только имел глубокие исторические корни на Руси, он отражал особенности социального развития государства и соответствовал сложившемуся экономическому базису. Кроме того, он был близок и понятен московским военным руководителям.

Набором занималась комиссия под руководством боярина И.А. Головина на генеральном дворе в селе Преображенском. Работа спорилась, так как этим делом чиновникам приходилось заниматься неоднократно. Работа заключалась в следующем. Комиссией были затребованы росписи и перечни «служилых людей» из Разрядного, Стрелецкого, Ямского и Иноземного приказов. После сверки данных с переписными книгами комиссия постановила провести набор даточных среди посадского населения. Московские и городовые дворяне обязаны были поставить по одному пешему даточному с 50 дворов и по одному конному даточному со 100 дворов. Принцип и разрядки этого даточного набора оставались прежними. По меткому выражению Д.В. Пузыревского, это был «старинный элемент наших ратей, представлявших собою выражение земной силы целого народа, а не одного какого-то сословия или военной касты».

Известный исследователь петровской эпохи Н.И. Павленко считает, что в начале войны даточные наборы носили второстепенный характер и дополняли вербовку¹².

Вновь созданное войско состояло из трёх дивизий или «генеральств». Дивизия А.М. Головина формировалась в Москве из числа «вольных охочих людей», дивизия А.И. Репнина укомплектовывалась как вольницей так и даточными. Дивизия А.А. Вейде состояла из даточных людей.

Вопрос о соотношении вольницы и даточных людей в войске, набранном Петром накануне войны чрезвычайно важен для определения лица молодой регулярной армии. Историки отве-

Рис. 17 Музыкант Семёновского полка. Васильковский, расшитый серебряным позументом кафтан, на плечах украшенные галуном крыльца — обязательный атрибут полкового музыканта. В руках — деревянный гобой.

чают на него по-разному. Л.Г. Бескровный определяет общую численность «новоприборных полков» в 22514 человек, из которых 10727 являлись даточными, а 11787 — из вольницы¹³. Более подробные сведения представлены в исследованиях М.Д. Рабиновича. По его материалам, комиссия А.И. Репнина в поволжских городках и уездах к 21 февраля набрала 3254 человека, из которых только 524 были даточными. Это и понятно, Поволжье на Руси всегда было прибежищем для вольных-гулящих, сырых и убогих, обиженных и озлобленных людей, всякого роду-племени, веры и сословия. Здесь тебе и беглые, и подёнщики, отпущенные на бурлацкий и другие промыслы крестьяне, просто ищущие лучшей доли люди. Здесь, на пересечении торговых путей, шумели славные ярмарки, процветала торговля и промыслы. В памяти свежи были ещё предания об удалых атаманах, молдоецких ватагах, промышленявших разбоем и прочими лихими делами. С крепостными да холопами же, наоборот, было напряжённо. В Нижнем, Казани, Самаре, Саратове, Симбирске, Сызрани и других городках был кликнут клич, зазывая в царёво войско, посулив ратникам безбедную жизнь, казённый корм да государево благоволение. Чем ещё можно было привлечь в солдатчину разгульную поволжскую вольницу? Может быть, умело проведённая рекламная кампания, а может просто возможность получить задаток звонкой монетой - сделали своё дело. Как бы там не было, к приказным избам потянулся всякого чина народец записываться в государеву ратную службу. Накануне похода к Нарве, в августе 1700 года в «генеральстве» А.И. Репнина числилось 10720 рядовых солдат, из них только 5–7% составляли даточные¹⁴. Если принять за точку отсчёта данные Н.И. Голикова о численности армии в 32032 рядовых¹⁵ и численности полков А.А. Вейде, набранных из даточных — 10356¹⁶, то нетрудно подсчитать, что молодая регулярная армия почти на 2/3 состояла из вольницы, т.е. на вербованных солдат.

К этому же выводу приходит видный учёный, знаток военной истории России XVII–XVIII веков П.П. Елифанов: «...вольницы было прибрано больше, чем даточных»¹⁷.

Ну что ж, подведём итог. Перед большой войной Пётр решительно отказался от созданной до него армии. В неё он не верил, на неё он не надеялся. Он предпочёл начать с нуля и построить новое войско. В ходе создания традиционные русские методы набора сыграли второстепенную роль. «Новоприборные» пехотные полки создавались по типу наёмных западноевропейских армий. Основным способом комплектования была вербовка или найм.

Войну предполагалось начать с осады Нарвы. Поэтому основное внимание уделялось организации пехоты. На создание всей необходимой военной структуры просто катастрофически не хватало времени. Про нетерпеливость царя просто легенды ходили. Ему не терпелось вступить в войну, в деле проверить свою, подчёркиваю, свою армию. Сама по себе эта армия – все 29 пехотных полков фактически были полуфабрикатом – необстрелянные, сплошь новобранцы, не нюхавшие пороха, наскоро обученные азам боевой науки. Но армия – это не только боевые части. А управление, а служба боевого обеспечения, а крепкий, обустроенный тыл? Всё это ещё предстояло создавать. Пока же очередь дошла только до царицы полей – пехоты. Операции полевой армии должна была обеспечивать поместная конница под командованием Б.П. Шереметева.

Этим объясняется тот факт, что кавалерия молодой армии была представлена только двумя конными драгунскими полками. Формирование драгунских полков молодой петровской армии началось задолго до набора пехоты. 11 сентября 1698 года по Именному Высочайшему указу генералом А.М. Головиным был сформирован драгунский полк из дворян и шляхетских недорослей или царедворцев. В отличие от пехоты в комплектовании драгунских полков существенных изменений не произошло. Это событие больше напоминало сбор дворянского ополчения вполне в духе канувшей эпохи. Наверное, поэтому не с дворянской конницей связано начало истории регулярной русской армии. В этом она уступила ветвь первенства царице полей – пехоте. До знаменитых указов о формировании новопри-

борных полков оставалось более года. Как и в допетровские времена, первые кавалерийские полки состояли из служилого дворянства. Служившие там иноземцы, все были вполне обрусевшими, давно осевшими на Москве. Таких величали иноземцами старого выезда. Командиром был назначен полковник Андрей Алферьевич Шневенц, служивший ещё отцу Петра. Опытный пехотинец, он совершенно не знал драгунской службы. Своим назначением Шневенц был обязан острому дефициту командных кадров накануне войны. Не хватало обыкновенных пехотных офицеров, хоть немного знающих военное дело, чтобы ими хоть как-то укомплектовать полковое и ротное звено. Что уж тут говорить о драгунских полках, требования к управлению которыми были неизмеримо выше, чем к обыкновенной пехоте. Ведь драгун совмещал в себе и пехотинца и кавалериста. Драгунский командир должен быть искусен и в пехотной и в кавалерийской тактике, уметь управляться с полком и в пешем порядке и в конном строю. Очевидно, скрепя сердцем царь выбрал на это место Шневенца. Может быть, Петра подкупил весьма преклонный возраст полковника, что должно было бы гарантировать его опыт и искущённость в бранных делах. Но, скорее всего, у командования просто не было выбора.

Командовать не просто солдатским, а фактически дворянским полком удаивались чести не все и не каждый. К тому же это были не просто городские дворяне или провинциальные дети боярские. Нижние чины полка были сплошь представителями московских родовитых боярских да княжеских семей. Служба в кавалерии всегда была делом лестным и достойным, являясь привилегией высших сословий. Первые офицеры Преображенского драгунского полка за исключением 7 иноземцев служили до этого в московских чинах, т.е. стольниками, стряпчими, жильцами. Лучшие люди государства записывали в драгуны своих отпрысков. И те шли, кто искать себе чести по службе, кто подтвердить своё родовое достоинство, а может – и возвыситься. С превеликим трудом отдавала боярская Москва своих отпрысков в рядовые, в глубине души продолжая считать это

порухой родовой чести, хотя царские указы не раз предписывали не считать службу с рядовых чинов умалением высокородного достоинства. Так, из славного рода Шереметевых, известного своей службой ещё московским великим князьям в полк были записаны брат Бориса Петровича, будущего фельдмаршала, Василий и его сын, тоже Василий.

В прежние времена во главе такого полка был бы поставлен ближний к царю боярин-воевода из самого что ни на есть старомосковского достойного и заслуженного рода. Естественно, многое в Москве изменилось с тех пор, но, тем не менее, Шневенцу этим назначением было оказано высочайшее благо-расположение и несоизмеримое с его социальным статусом доверие. Доверия грозного и вместе с тем нетерпеливого в своей требовательности Петра полковник не оправдал. К тому же он был уже в весьма преклонном возрасте. После Нарвы Шневенц был переведён командовать солдатским полком в генеральство А.Ф. Головина. В 1702 году он скончался.

В том же полку служили братья Николай Юсторович и Александр Юсторович Инфлянты, типичные служилые иноземцы. Числились они на московской службе с 1675 года. Судя по послужному списку, головокружительной карьеры не сделали. Начинали прапорщиками в полках солдатского строя. Николай Инфлянт в прапорщиках был 13 лет, 8 лет поручиком, затем – капитаном и майором. В драгунский полк его взяли подполковником. Александр взят на должность майора. Война подняла многих по иерархической лестнице вверх. И братья не стали исключением. Звёзд они с неба не хватали, но, очевидно, были честными служаками. В военных реляциях часто встречается упоминание о братьях. Николай Инфлянт впоследствии командовал данным полком, дослужился до генерала, часто выполнял важные оперативные задачи и поручения Петра.

Не смотря на грозные указы, царедворцы на службу не торопились. 28 февраля 1700 года А. Головин писал царю: «Драгунов, Государь, у меня прибрано ... триста человек, а в записке живёт к смотру человек по двести и больше и ис того выбираю, чтоб были

собою человечные и неглупые...». К этому времени, т.е. через полтора года после объявления набора из прибывших дворян сформировали только три роты, раздали драгунам оружие и приступили к учению. В полк записывали дворян и дворянских недорослей, достигших 15-летнего возраста, ростом не ниже 2 аршин 2 вершков¹⁸. Это были «служилые люди по отечеству» или «дворяне и дети боярские» – представители сословия, находящегося на постоянной службе у государства. За службу они были повёрстаны пометными окладами и на этом старинном основании были призваны на службу. По мере прибытия служилого дворянства полк рос. Количество рот увеличилось сначала до четырёх, потом – до восьми. Под Нарву полк выступил с дивизией А. Головина, имея в своём составе 12 рот драгун.

Драгунский полк для генеральства А.А. Вейде формировался ещё медленнее. Накануне нарвского похода он насчитывал 800 нижних чинов. Все они также были представителями высшей московской знати: московскими дворянами, стольниками, стряпчими, жильцами.

22 августа Пётр выехал из Москвы на войну. Спустя два дня отправилась в поход армия. В распоряжении царя была вновь созданная армия в составе трёх генеральств и дворянское ополчение в количестве 11533 человека. В Новгороде к армии должны были присоединиться 2 солдатских и 5 стрелецких полков, общей численностью до 4700 бойцов. Наконец, ожидалось прибытие с Украины 10500 казаков под командою наказного атамана Обидовского. Ни Репнин, ни Обидовский к Нарве так и не успели.

Вместе с пехотой к Нарве двигалась артиллерия. Её состав: 184 гаубицы, мортиры, пушки. В основном, они транспортировались из Москвы, но часть артил-

Рис. 18 Унтер-офицер драгунского полка. Волосы завиты по моде. Через левое плечо – погоны с крюком для крепления фуззы по-боевому, на ногах – тяжёлые тупоносые сапоги-ботфорты со шпорами.

лерии присоединилась к артиллерийскому обозу в Новгороде и Пскове. Артиллерийский обоз для доставки орудий, снаряжения и боеприпасов насчитывал около 10 тыс. телег и подвод. В нём к Нарве доставили 12 тыс. пудов пороха, 5018 пудов свинца, 6000 пудов ядер, 11337 пудов бомб и 11500 ручных гранат.

1 октября генеральство А.А. Вейде прибыло под Нарву первыми. Только 14 октября – дворянская конница Ф.А. Головина, затем – генеральство А.М. Головина. Уже веяло колким холодом. При высоком месяце была видна длинная лента войск, отблески играли на металлических частях оружия и воинской амуниции. Скрипели телеги, ржали битюги, крики погонщиков и обозных – всё это сливалось в единый гул, вызывая страх у обывателей. Шли стада коров, коз и баранов для солдатских котлов.

Привилегированный характер драгунской конницы никак не сказался на начале её боевого пути. Не в обычае скорого на расправу царя было шадить честолюбие и высокую породу княжичей да боярских отпрысков. Он принимал только преданную службу и знания. Знаний у драгун быть не могло по молодости. Оставалось демонстрировать честную службу, надеясь на благосклонность царя и заступничество родни. Не ратные подвиги, громкие победы и славные деяния ожидали юных отпрысков лучших московских фамилий. Оба драгунских полка новой армии были суть обыкновенной пехотой, посаженной на лошадей. Это проявилось полностью в ходе осады крепости. Драгуны наряду с простыми солдатами под мелким осенним дождём рыли траншеи, утопая в окопной грязи и лужах, возводили шанцы и апроши. А впереди их ожидала не заслуженная награда за ратные труды и пережитые трудности полевой жизни, полной лишений, голод и холод, а горечь военной катастрофы. Вместе с армией они в полной мере хлебнули этих невзгод. В несчастной битве под стенами крепости 19 ноября драгуны приняли участие в пешем строю в составе своих дивизий, понесли при этом потери: 279 драгун и офицеров не досчитался полк А. Шневенца и 133 – полк А. Гулица.

Второй этап военных преобразований охватывает период Северной войны от поражения под Нарвой 19 ноября 1700 года до Полтавской битвы 27 июля 1709 года. Нарвский разгром повлёк за собой резкую смену приоритетов в военно-реформаторской деятельности царя. Жестока была расплата за самоуверенность, за обольщённость, ослепление, свершённое царём над самим собой. Восторг, навеянный увиденным на Западе, ещё юношеские романтические иллюзии, сменились реальными взглядами на вещи. Этой перемене способствовала суровая проза войны, отрезвляющая горечь поражения, крушение вчерашних идеалов. Были разгромлены войска, которым с таким усердием Пётр пытался придать европейский лоск, изменил иноземец – главнокомандующий, сдались в плен почти все недавно принятые на службу иностранные офицеры.

Посленарвский период был наиболее трудным и напряжённым в истории Северной войны. И на военном, и на дипломатическом фронтах антишведская коалиция терпела серьёзные поражения. Дания первой вынуждена была сложить свои знамёна к ногам победоносного Карла шведского. Заключив унижительный мир со своим извечным противником, она ещё до Нарвской битвы вышла из игры. Отчаянно сопротивлялся Карлу XII саксонский курфюрст. Опираясь на мощную военно-финансовую подпитку со стороны царственного друга, он набирал войска, терпел поражение за поражением, вновь собирался с силами и вновь терпел фиаско. Постепенно становилось очевидным, что полагаться в разгоревшейся войне придётся на собственные силы. Польско-саксонское воинство не представляло собой сколь-нибудь серьёзного противника для короля-берсерка. Доходило до того, что Карл с одним конным полком обращал в бегство многотысячную саксонскую группировку. При этом, ни к каким особым тактическим изыскам Карл не прибегал. Всё шведское искусство сводилось к искусному маневрированию, стремительному и дружному натиску. Окончательно деморализованные саксонцы не в силах были этого выдержать. Шведы атаковали всегда и везде, если удавалось настичь про-

тивника и вынудить его принять бой. При подавляющем боевом и моральном превосходстве эта погоня рано или поздно должна была завершиться. Тогда все силы шведов обрушатся на последнего противника – на Россию.

Вставал вопрос о самом существовании суверенного Российского государства. В этих условиях как-то сами собой отошли на второстепенный план и забылись проблемы, которые только вчера казались царю принципиальными, все эти европейские штучки: немецкое одеяние, «наипервейший» признак регулярности, отвороты и фалды, лацканы и галуны, пуговицы и крючки, все эти хитроумные плац-парадные выкрутасы. Полуфантастические проекты создания принципиально новой армии, такой, как там, на Западе, померкли перед реальной смертельной опасностью, исходившей с того же Запада. В этих условиях пришлось отбросить всё чуждое, незнакомое, пусть даже более прогрессивное. Война не оставляла ни времени ни возможности на взрослые игры и несерьёзные увлечения. Война требовала относиться к ней как к тяжёлому, требующему напряжения всего народа и хозяйства, делу. Сквозь тонкую пелену заимствований как бы сам собой проступает мощный монолит накопленного предыдущими поколениями опыта. Из переписки этих лет видно, что Петра уже не столь интересуют такие вопросы, как строевая подготовка того или иного полка, все эти повороты и развороты, единообразие ружейных приёмов и покрой одежды. Всё это он предоставил заботам полковых и дивизионных командиров. Сам же занят созданием стратегических запасов. Он формирует новые полки и отправляет их на театры войны, изыскивает для них всё необходимое: деньги, в первую очередь, пропитание, оружие и амуницию. Он ведёт упорную дипломатическую кампанию, пытаясь реанимировать некогда мощный союз, зондирует почву для привлечения новых союзников. Несомненным проявлением государственной мудрости царя стало то, что, оставаясь в душе убеждённым западником, он предоставил возможность беспрепятственно работать старому отлаженному, пусть несколько громоздкому механизму.

Растерянность от разгрома быстро проходит. Она сменяется бурной, может быть несколько, суматошной деятельностью. На север, в Псков и Новгород летят суровые безапелляционные распоряжения Н.И. Репнину, назначенному воеводой Новгорода – готовить к обороне город, переписать посадских людей, имевших огнестрельное оружие, распределить их по сотням «и велеть быть во всякой готовности».

Уже к 27 января по царскому указу будущий фельдмаршал призвал на службу дворянскую конницу новгородских пятин и пополнил ею войска Новгорода¹⁹.

По стране идут усиленные наборы служилых людей. Пока что подбирают по сусекам да углам вольных людей. 23 декабря 1700 года обнародован новый Указ о наборе в армию «вольницы», кроме отставных московских стрельцов и крепостных крестьян от пашенных помещиков и вотчинников. Охотников немало. В самом Новгороде ими удалось укомплектовать без малого 2 полка. В Пскове к 15 января записалось 568 человек²⁰. Это был последний организованный массовый набор вольницы. С 60 городов и 7 слобод было «...взято...и волею записано 11150 человек»²¹. В Москве и её окрестностях уже на первом году войны чувствовался недостаток в добровольцах. Генеральным двором в Преображенском, который в это время играл роль основного призывного пункта, до апреля 1700 года набрано 10 109 даточных солдат и только 246 – из вольницы. Вольный элемент в армии, в основном, поддерживался за счёт призывов в «низовых» городах, т.е. в Поволжье. Так, к августу 1700 года комиссиями там было призвано под ружьё в общей сложности 10720 солдат, из которых даточные составляли не более 5–7%. Но вскоре и Поволжье иссякло.

Суровая военная необходимость настоятельно требовала возвращения к старым испытанным формам организации. Становится ясно, что война, развернувшаяся на нескольких театрах, потребует гораздо больше людского материала, чем могут предложить наборы вольницы. Безусловно, вербовка имела некоторые ощутимые преимущества перед насильственным

прибором солдат. Доброволец шёл на войну по своей охоте в отличие от призванного по мимо воли даточного. Доброволец не сбегал при первой возможности из полка, столкнувшись с трудностями и тяготами, которых всегда было с избытком на войне. Но вербовка не могла обеспечить создание массовой армии. Её результаты были ощутимы только в 1699–1700 годах.

Вся деятельность Петра этого периода была продиктована не чем иным как простым здравым рассудком, в отличие от предыдущих лет, когда излишняя самонадеянность, недоверие к отечественному отворачивали его от проторенного пути. Всё, что было насаждено искусственно, что с трудом вписывалось в сложившуюся веками обыденность, всё это было отодвинуто на второй план. Оно уступило место испытанному опыту, наработанной и опробованной практике. Искушённые в своём деле люди занялись знакомой работой. Шестерёнки со скрипом и скрежетом провернулись, и старый, но надёжный механизм показал, что его ещё рано списывать со счетов.

Рис. 19 Гренадёрский офицер гвардейского полка. На голове кожаная каска с перьевым плюмажем, лапубником, украшенной металлической бляхой с государственной символикой. Он вооружён офицерским мушкетом и шпагой.

Центр тяжести в комплектовании неуклонно смещается в сторону традиционного русского метода набора – призыва ратных людей «по отечеству» и «по прибору», а также – даточных наборов. Здесь, пожалуй, вновь придётся сделать оговорку. Нам необходимо внимательнее подходить к осмыслению, что значит западный опыт, что – отечественный. Ведь западный опыт также имеет свою временную градацию: западный – петровский и западный – допетровский. Если Пётр использовал опыт деда и отца, брата, это ещё не значит, что допетровский опыт – это нечто самобытное, нет, это

тоже достояние европейской военной мысли и практики, но укоренившееся в русской армии задолго до Петра, усилиями его предшественников. Что же можно назвать действительно нашей военной самобытностью? Очевидно, для этого необходимо обратить внимание на военную организацию на столетие раньше рассматриваемого времени – конец XVI века, войско последних Рюриковичей, когда влияние Европы ещё было не так заметно, а восточные начала были весьма ощутимы в нашей военной организации. Безусловно, что старомосковская военная самобытность, с её восточным оттенком, наиболее отчётливо проявлялась в методах комплектования военной организации.

В начальный период войны наиболее рельефно это проявилось в комплектовании кавалерии. Полевая война требовала сильной и многочисленной конницы. Она ещё долго сохраняла свою сословную корпоративность. Кавалерия продолжала оставаться изолированным дворянским родом русского войска. В ней с трудом приживались передовые европейские организационно-административные начала. Консерватизм поместного дворянского войска во многом был обусловлен особенностями экономического уклада России. Попытки привить дворянской коннице европейские начала парализовались не менее решительными мерами по укреплению поместно-крепостной системы хозяйствования, экономической базы поместного войска.

От наивного детского высокомерия к отцовскому войску у царя не осталось и следа. Изъясняясь сухим языком современных генштабных директив, готовились крупномасштабные мобилизационные мероприятия по всей территории государства. Подготовительная работа проводилась с завидной оперативностью. Уже в декабре 1700 года Пётр даёт указание губернатору Казанскому и Астраханскому князю В. Голицину составить список всех имевшихся в подмосковных, замосковных, заокских и низовых городах рейтар, копейщиков и их детей – недорослей. Из этого списка Петром лично были выбраны дворяне, подхо-

дившие по возрасту к службе, и расписаны по полкам. По заснеженным дорогам во все концы необъятной России загоняя на смерть лошадей, скакали вестовые. В заиндевелых возках для разбора служилых дворян в провинции выезжали назначенные московскими приказами стольники, стряпчие. Пожалуй, в устоявшийся ход событий время вносило свои коррективы, но весьма незначительные. Возможно, эти стряпчие да стольники под собольей шубой носили немецкого покроя кафтан. Были они офицерами или даже сержантами гвардии. Вот пожалуй и вся разница. В остальном всё было как обычно. В 88 городах были признаны годными для службы 11147 помещиков. Остальным дворянам, как ратникам 2-ой статьи, было позволено оставаться по домам. Однако, им было настрого указано быть в постоянной готовности явиться по первому зову в строй. Люди эти имели немалый опыт службы в кавалерии, умели, надо полагать, владеть саблей, пистолетом и другим оружием. 1850 из них числились в приказных списках копейщиками, 16796 – рейтарами. Из этих опытных бойцов было сформировано 9 драгунских полков.

Зимой 1700–1701 годов А.И. Репнин указами созывает со всех пятин Новгородского уезда ратных людей «старых служб». Как и в стародавние времена, дворянство не торопилось покидать насиженных мест. Оно собиралось в путь медленно и основательно. Помещика на войну, как правило, сопровождала дворня, количество слуг определялось материальным положением хозяина. Вместе с оружием он вёз продовольствие для себя и слуг, фураж для лошадей и всё необходимое для полевой жизни, мало ли что понадобится в дальней стороне. В конце января 1701 года Репнин жалуется Ф. Головину на непослушание помещиков и просит донести Петру, что те собираются крайне медленно, и прибыло лишь «малое число». Хоть и с задержкою, но дворянство постепенно собиралось в районе сосредоточения. По мере прибытия ими доукомплектовывались действующие полки²².

К решительному отпору шведу готовился не только русский Север. 30 января 1701 года Разрядный приказ повелевает соби-

раться «из низовых городов служилым людям пехотного строю для свейского похода»²³. Воеводами и разрядными чиновниками в поволжских городах было «прибрано» 5100 солдат из служилых людей «старых служб».

Чины «старых служб» призываются под знамёна в 1702 году, 1703, 1704 годах, четырежды в 1706 году и в 1708 году²⁴. Это были всё люди опытные, солдаты, рейтары, копейщики старой армии, армии, созданной усилиями русских царей в прошлом, XVII веке. Да, сам Пётр был невысокого мнения об этом воинстве. Он видел его в деле и был разочарован. Но ещё сильнее разочаровала его вновь созданная армия, подготовленная так, как он хотел, по западноевропейским канонам. Он постепенно приходил к пониманию, что смысл, очевидно, не столько в особенностях военного учения, в покрое одежды, сколько в боевом опыте. Старые солдатские полки под Азовом, новая армия под Нарвой – они оказывается мало чем отличались друг от друга: и те, и другие были просто необстрелянными рекрутами. А если так, то сподручнее собрать старых солдат. Навыки же можно приобрести только в огне сражений.

В поисках обученных военному делу контингентов правительство вновь обращает внимание на стрелецкое войско, частично уже «раскасованное» к этому времени. Не успевшие ещё расформироваться стрелецкие полки, доукомплектовываются, снабжаются всем необходимым и отправляются к месту назначения. Надо отметить, что в 1701 году армия пополнялась в значительной степени именно за счёт стрелецкой пехоты. На театры военных действий было отправлено 14 стрелецких полков, в это же время солдатских полков было сформировано только 10. Для сравнения, в 1700 году солдатских частей было сформировано 44. Это подтверждает тот факт, что удельный вес традиционных русских воинских формирований в действующей армии неизмеримо возрастал.

Было ещё далеко до громких и славных побед. Тогда ещё никому в голову не приходило, что русские научатся бить непобедимых шведов. А пока нужно было воевать, воевать пусть не

по-европейски, а как получится, как умели. Первые удачи окрыляли всех, от фельдмаршала до последнего драгуна, поднимали боевой дух всей армии. Правда, доставались они не уменьем, но – числом. Дорогая цена, заплаченная за эти победы, людские потери, мало кого смущали. Приходилось идти на неравный обмен, но важен был успех, пусть он был достигнут в деле, больше напоминавшем внезапный набег, а не правильное регулярное сражение. Эти первые победы были добыты не по-европейски вымученными полками, но армией, носившей все черты предшествующей эпохи. Состав войска, действовавшего против шведов в Прибалтике, во многом был представлен традиционными русскими родами войск. Это были, прежде всего, различные иррегулярные формирования. Так, Большой полк Б.П. Шереметева, отправляясь в поход в декабре 1700 года, закончившийся блестящей победой при Эрестфере, имел в своём составе 17880 штыков и сабель, причём конница составляла 10130 всадников. Иррегулярная кавалерия, т.е. черкасские полки, смоленская шляхта, московские царедворцы, отряды новгородских и псковских дворян, рейтары, татары, калмыки составляли 57% всей русской конницы²⁵.

В таком составе русская армия вела войну не только в Прибалтике, но и на других фронтах. В 1700–1704 годах было сформировано 30 рейтарских, казачьих и 23 стрелецких полков. В целом, «старые» части составляли более 50% армии. В дальнейшем их удельный вес в армии неуклонно уменьшается. Уже в 1710 году «старые» формирования составляли не более 10%.

Сами по себе эти цифры отражали не столько преобладание западноевропейских тенденций в строительстве армии, сколько усилия царя по приданию войскам современных форм организации. Постепенно отмирала двойственность в старомосковской армии, разделённой на «русскую» и «иноземную» части. Из двух начал была синтезирована унифицированная организация.

Изменилось отношение к опальным московским стрельцам. Указ о расформировании московских стрелецких полков, рас-

квартированных в Азове, остался только на бумаге. Пять из шести полков: И. Капищева, И. Озерова, Д. Воронцова, В. Батурина и М. Протопопова приняли активное участие в боевых действиях. По данным М.Д. Рабиновича, в Северной войне участвовали более 50 стрелецких полков.

Об участии стрелецкой пехоты в кампаниях Северной войны упоминания найти довольно сложно. Вернее, об участии их в победоносных кампаниях. В общую логику эпохи военных достижений стрельцы-победители как-то не вписывались. Им было уготовано скромное место в связи с их участием в неудачных Азовских походах, бунтах, несчастной Нарвской битве. Принято акцентировать на том, что войну выиграла молодая регулярная армия: всё сплошь преображенцы, семёновцы да ингерманландцы. Только из немногих специальных военно-исторических трудов любознательный читатель может с удивлением узнать, что стрелецкие полки участвовали в большинстве операций Северной войны. Сама война, к сожалению, состояла не только из победоносных дел. Путь к Полтаве был долог и тернист. Почти 10 лет пришлось вести изнурительные затяжные кампании с переменным успехом, подрывая хозяйство страны, разоряя войной и себя, и соседей. Стрелецкие полки участвуют во взятии Нарвы, Дерпта. Стрельцы полков Нечаева и Протопопова отличаются в сражении под Биржей в 1703 году. Они же в начале войны в составе «помочного» корпуса отправляются Петром к своему незадачливому саксонскому союзнику. Под Нарвой, в Ингрии и Эстонии ведут боевые действия полки Юрия Шката, Юрия Полибина, Фёдора Кара, Ивана Ушакова. В июне 1703 года королю Августу вновь оказана военная помощь. В составе созданного соединения из 11 полков – 2 стрелецких: Данилова и Каховского. Им пришлось хлебнуть лиха. До 1706 года стрельцы бились рядом с союзниками под Варшавой и Познанью. В 1706 году они пережили катастрофу под Фрауштадтом и трудное отступление в Россию в составе сводного отряда полковника Ренцеля. В диспозиции на штурм Выборга в 1710 году упоминаются стрелецкие полки Стубенского и Баишева. Стрелецкий полк Сухаре-

Рис. 20 Унтер-офицер пикинёров пехотного полка. Длинная 5–6-метровая пика вновь подтвердила свою эффективность как в обороне так и в атаке на полях сражений Северной войны.

ва принимал участие в неудачном Прутском походе. Кроме того, стрельцы активно участвовали в боях в составе войска гетмана Мазепы против польских сторонников Карла XII. Наконец, стрельцы составляли большую часть гарнизонов пограничных и вновь завоёванных вражеских крепостей. Стрелецкие полки, участвуя во многих кампаниях бок о бок с солдатскими, не уступали им ни в чём. Сам факт формирования новых стрелецких полков после драконовских указов 1698–99 годов говорит об их довольно высокой боееспособности. Известны два указа 1702 года и один указ 1704 года о формировании новых стрелецких полков. Указ от 11 апреля 1704 года

указывал: «набрать в Дорогобуже 3000 человек и учинить 3 полка и строить их по прежнему обыкновению и выбрать к ним полковников и полуполковников... из прежних, которые у стрельцов бывали. Пятисотным приставам, пятидесятникам, десятникам быть по-прежнему как было наперёд сего. Годовое жалованье учинить им по 6 рублёв, прочим всем денег по старому обыкновению, как бывало, хлеба по 6 четей, овса – по тому ж, сала – по пуду». Для правительства стрельцы были гораздо выгоднее: во-первых, их содержание было дешевле солдатского, во-вторых, стрелецкие полки формировались не из рекрутов, а из опытных ратников, что имело немаловажное значение в военное время.

В мирные дореформенные годы вольная жизнь стрельцов, свободная от ежедневных строевых занятий, жестокостей солдатчины, требований воинской дисциплины компенсировалась сравнительно низкими денежными окладами. В отличие от солдата стрелец в обеспечении всем необходимым полагался на

себя, а не на казну. Зато его меньше привлекали в походы, старались не отрываться от дома и хозяйства, так как это грозило стрельцу разорением. Война многое изменила в московских военно-сословных привилегиях. Теперь стрелец бок-о-бок с солдатом вынужден был преодолевать полную лишений и опасностей походную жизнь, кровопролитные осады и полевые бои. Сравнившись с солдатами в боевом отношении, стрельцы, между тем, в материально-правовом плане оставались на старых позициях. Поэтому они неоднократно обращались к командованию с челобитными о переводе их в солдатскую службу. Перевод в регулярную пехоту и уравнивание в правах с солдатами расценивался как великая милость. Докладывая адмиралу Ф.А. Головину о победоносном сражении под Биржей в марте 1703 года, Ф.Н. Готовцев отмечает храбрость стрелецких полков, принимавших участие в деле: «Изволь, Государь, ... стрельцам сказать милостивое слово, а они, бог видит, уж я свидетель, что служат охотно – или хотя прислать им солдатское имя, чего они желают». 21 мая 1708 года А. Меншиков пишет Петру: «Новгородские стрельцы бьют челом, чтоб за их службу пожаловать их солдатским именем и жалованьем».

Для стрелецких полков перевод в «регуляторство» заключался в увеличении их численности до штатов солдатских полков, изменении содержания и обеспечения, введении новых чинов для «начальных людей» и подразделений полка. Вновь формируемые в начале войны стрелецкие полки уже набираются по солдатским штатам, т.е. в 1000 человек, что было гораздо больше по численности стрелецких приказов. В 1702–1703 годах было сформировано и переформировано 6 московских «тысячных» полков: Ивана Нечаева, Михаила Протопопова, Василия Кошелева, Григория Аненкова, Якова Постельникова и Василия Данилова²⁶. Старые стрелецкие полки также доводятся до новой штатной численности путём перевода в них стрельцов из расформированных полков. Многие полки просто меняют названия на солдатские. В 1700–1704 годах 6 псковских стрелецких полков переформировано в солдатские, из них пол-

ки Данилы Загоскина и Юрия Вестова – в солдатский полк Неклюдова. Новгородский стрелецкий полк Захария Вестова стал в 1708 году Ямбургским солдатским полком. Такая судьба была уготована большинству стрелецких полков.

Процесс перевода пехотных частей в регулярную службу затянулся на доброе десятилетие. Часто в одном полку элементы регулярного устройства довольно долго уживались с пережитками стрелецкого прошлого. Впрочем, это вряд ли существенно влияло на боеспособность полка. Только в декабре 1706 года стрелецкий полк Анненкова был преобразован в регулярный солдатский. Между тем уже давно командир полка и его помощник состояли в регулярных чинах: полковник и майор. Хотя остальные начальные люди состояли в старых стрелецких должностях и по-старому «управляли службу в ротах». Все они были произведены в соответствующий ранг и зачислены в «регуляторство»²⁷. Стрелецкие полки И. Озерова и М. Протопопова, стоявшие в Смоленске, в 1700 году «пожалованы» в солдаты, но продолжали служить по-старому и были «расписаны» по ротам только через два года. К. Нарышкин пишет в письме Петру 2 февраля 1706 года: «В прошлом, в 1704 году те (стрелецкие – А.К.) полки учинены солдатскими, а жалованье велено давать им по-прежнему, да денег 4 рубля (т.е. в 2,5 раза меньше, чем солдатам)»²⁸. Таким образом, грань между солдатскими частями нового образца и стрелецкими полками, являющими собой пережиток прошлого, была весьма условной. Полки, в которых было больше стрелецкого, чем солдатского, ещё долго соседствовали с полками, в которых, наоборот, нововведения брали верх над устаревшими элементами. В таком переходном состоянии на данном этапе находилась вся российская армия.

Тем не менее, регулярные новшества в российских войсках неизменно упрочивались. К 1709 году доля регулярных частей уже составляла 90%. В «регуляторство» постепенно были переведены стрелецкие, рейтарские, казачьи и другие полки. В условиях войны торжество «регуляторства» над иными формами организации стало логичным завершением поиска оптималь-

ных вариантов унифицированного устройства армии. Фактически, война сама выполнила основную реформаторскую работу за людей. Её суровая стихия сама расставила всё по местам, отобрала достойное, отинула нежизнеспособное. Она закалила войска огнём сражений и пролитой кровью, торжеством побед и горечью поражений. Она дала бесценный боевой опыт, развила необходимые навыки у всей этой разномастной массы служилых людей, имя которым – стрельцы, ратники, рейтары, драгуны, солдаты, фузелёры, гренадеры. Война уравнила боеспособность солдат и стрельцов. Она отобрала умелых, достойных начальников, независимо от того, русский он или немец, поставив их во главе частей или соединений. Какое это соединение: новоприборное гвардейское или архаичное стрелецкое, – вопрос был непринципиальный. Многолетняя война или, как тонко подметил Пётр, «трёхвременная школа», сама собой сравняла службу всех категорий военнослужащих. И стрелец и солдат постоянно находились в строю. И тот и другой когда позволяла обстановка занимались боевой подготовкой под командой своих начальников. На долю же высокопоставленных чиновников война оставила простую формальность. Им досталось всего лишь обеспечить фиксированное количество солдат, ввести единые воинские чины и звания, однообразное вооружение и обеспечение. Полностью этого сделать, конечно, не удалось не только в рассматриваемый период войны, но и гораздо позднее. Но стремление к этому, закреплённое документально в регламентах, артикулах, уставах, стало характерным признаком военного строительства именно в эти годы. Не умоглядные образцы заморских стран, а суровые требования жестокой войны властно вносили изменения в армии. Если до Нарвы военное строительство равнялось на пример передовой Европы, то теперь её заманчивый туманный образ заволкло пороховым дымом. Про Европу было забыто до лучших времён, европейская наука была решительно отодвинута на задний план.

Теперь остановимся на характеристике системы комплектования, окончательно сложившейся в этот период и получив-

шей название от франко-немецкого глагола «рекрут», что значит «набирать войска». Действительно ли это было новое явление с европейским оттенком или под модной личиной скрывалось нечто, глубоко пустившее корни в российской военной практике. В историографии петровских военных реформ не сложилось единого мнения на этот счёт.

А.В. Чернов в наборах даточных второй половины XVII века усматривает все признаки петровских рекрутских наборов²⁹. М.М. Богословский, В.Н. Автократов, Е.Е. Епифанов и др. рассматривали рекрутские наборы, как качественный скачок по сравнению с даточными. Но и у них нет солидарности на этот счёт. М.М. Богословский связывает рождение рекрутской системы с указом 17 ноября 1700 года: «Указ 17 ноября 1700 года о наборе даточных считается первым, начавшим собою ряд многочисленных последующих указов о рекрутских наборах»³⁰.

В.Н. Автократов и Е.Е. Епифанов связывают новую систему комплектования с указом от 5 ноября 1705 года, в котором впервые вместо русского слова «даточный» упомянуто иноземное – «рекрут»³¹. По мнению же Л.Г. Бескровного, рекрутская система сформировалась в 1699–1705 годах и окончательно сложилась к 1710 году³².

Такое разномыслие во взглядах известных советских исследователей петровской эпохи указывает на то, что содержание указов и конкретных мероприятий можно трактовать довольно свободно с точки зрения их новизны в военном строительстве. Более того, отсутствие единого мнения по этому вопросу означает недоказанность тезиса о качественной новизне петровской системы комплектования. Может быть, он – всего лишь дань общепризнанной точке зрения, особенно характерной для советской историографии петровских реформ. Всё, что носило на себе отпечаток Петра Великого, автоматически рассматривалось как более совершенное по сравнению с предшествующей эпохой.

Между тем, прогрессивность петровской рекрутской системы объясняли следующим:

- до Петра даточные наборы распространялись на отдельные категории низших сословий населения. При Петре главным контингентом для пополнения рядового состава армии стали широкие массы крепостного крестьянства;

- служба даточных людей в XVII веке носила, в основном, временный характер: после похода они, как правило, распускались по домам. При Петре же рекрутов стали брать на пожизненную службу;

- служба даточных в XVII веке носила, в основном, вспомогательный характер, их брали на нестроевую службу: в обоз, для производства осадных, земляных работ, для оказания помощи артиллерийским расчётам и т.д., рекруты Петра пополняли полки действующей армии;

- допетровская система комплектования характеризовалась двойственностью, вытекавшей из существования рядом войск «русского» и «иноземного» строя. Этот недостаток окончательно был преодолен в ходе петровских преобразований;

- известная децентрализация, бессистемность, неуклюжесть механизма комплектования XVII века, что было преодолено в ходе реформ начала XVIII века.

Обращение к фактам подвергает сомнению вышеперечисленные признаки принципиальной новизны петровской рекрутской системы.

Итак, на страницах данного исследования уже неоднократно упоминалось, что служба большинства ратных людей второй половины XVII века носила постоянный и пожизненный характер. Действительно, после похода большинство полков распускалось по домам. Петровская же армия находилась под ружьём постоянно. Но это не было обязательным следствием преобразований. Просто воевать в начале нового столетия приходилось непрерывно, одна только Северная война длилась более двадцати лет. После войны Пётр поступает с армией примерно так же, как его предшественники на российском троне. Здравый смысл подсказывал ему, что армия военного времени и армия мирного времени должны отличаться своей чис-

ленностью. И часть солдат распускалась по домам. Армия перешла на штаты мирного времени. Первые штаты российской армии 1711–12 годов ещё не учитывали разницы в мирной и военной численности войск. Но уже в штатах 1721 года это было отражено в полной мере. Война заканчивалась, и надо было думать об облегчении налогового бремени населения страны. Часть полков была переведена на положение гарнизонных. К концу жизни Петра гарнизонные войска состояли из 45 пехотных, 4 драгунских полков, 3 батальонов и 1 эскадрона, общей численностью 68 тыс. человек, Гарнизонные войска составляли 46% общей численности регулярной русской армии. Чем гарнизонный полк отличался от полевого? Меньшей штатной численностью и укомплектованностью офицерским составом, меньшим денежным содержанием офицеров и солдат, более скромным материальным довольствием личного состава. С переменным успехом военное командование пытается реализовать проекты самообеспечения полков. Положение таких частей мало чем отличалось от устройства поселенных полков XVII века. Интересная получается картина. Как не критиковали допетровское войско за архаичность его поместно-поселенного устройства, видя именно в нём причины всех поражений и военных неудач, пришли всё к тому же, когда встал вопрос о мирном устройстве новой, уже регулярной армии. Таким образом, напрашивается вывод, что изначально была допущена принципиальная неточность. Что сравнивая отсталое дореформенное и победоносное петровское войско, на самом деле историки сравнивали войско мирного времени с армией, ведущей активные боевые действия, чего делать нельзя ни в коем случае. Это – досадное недоразумение, логическая ошибка. Если уж сопоставлять качественные характеристики войска на различных этапах его развития, то справедливым было бы говорить об армии Фёдора Алексеевича и, например, армии Анны Иоановны. Но нельзя ставить рядом армию Фёдора Алексеевича с войском Петра. Слишком значительна разница в военно-политической обстановке, соответствующей этим историческим

эпохам. Своими же послевоенными попытками рационально обустроить своё детище, регулярную армию, Пётр лишний раз доказывает жизнеспособность основ военной организации предыдущей эпохи. Это касается общего устройства войска.

То же можно сказать о сроках службы. Принципиального различия в вопросах временного и постоянного характера службы солдат XVII и XVIII веков не было. Вся разница сводилась к длительности войн, которые и определяли сроки нахождения солдат под знамёнами.

Что касается степени организованности и централизации систем комплектования войск второй половины XVII и начала XVIII веков, то здесь также больше общего, нежели различного. Текущие потребности армии определяли масштабы даточных наборов. Незначительные военные конфликты влекли за собой локальные мобилизации. Длительная война с Польшей и Швецией потребовала значительных мобконтингентов. Призывы даточных становятся общегосударственными. Такие наборы крестьян в армию прошли в 1656, 1657, 1659–1660 и 1663–1664 годах, а так же позднее. Большинство «прибранных» солдат после войны были распущены, но продолжали числиться в приказных списках и воеводских грамотах как даточные солдаты. Они призывались, говоря современным языком, на ежегодные учебные сборы, в случае необходимости пополняли походное войско³³. Поэтому, в отношении общегосударственного масштаба мобилизационных мероприятий, рекрутская система Петра I ничего оригинального собой не представляла. Более того, она являлась прямой аналогией даточных наборов времён Алексея Михайловича.

Новизну рекрутской системы комплектования связывают так же с преодолением недостатков громоздкого и неуклюжего приказного управленческого аппарата. Именно на этом настаивает П. П. Епифанов: «... факты опровергают мнение некоторых историков о том, что наборы даточных людей в XVII веке обладали будто бы всеми признаками рекрутских наборов XVIII века. Прежде всего, даточные наборы не были централизованы, и

осуществлялись многими приказами одновременно, каждым – в подведомственных ему городах и уездах»³⁴. Очевидно, видный историк имел в виду некоторых своих предшественников, военных историков и, прежде всего, А.В.Чернова, утверждавшего, что все признаки регулярности вполне существовали в армии до Петра. Трудно оспаривать мнения маститых учёных, поддержим тех, которые мудро придерживались нейтральной точки зрения: мол, конечно же, войско Петра и его предшественников – не две капли воды, но гораздо больше в них общего, нежели отличного.

Считается, что система пополнения допетровской армии новобранцами была из рук вон плохо организована. Одна из причин этого – её децентрализация. Наиболее деятельно пополняли ряды действующей армии Поместный и Разрядный приказы. Они являлись основными государственными органами, которым было поручено заниматься комплектованием государевого войска. Наряду с этим, нередко указывалось собирать воинство и другим приказам. Так, в польскую войну общегосударственные наборы даточных солдат проводил приказ Костромской чети, который долгое время и держал на своём балансе этих ратников. Так обстояли дела до 1670 года, когда даточные солдаты уездов и пятин, городов и погостов по государственному указу и боярскому приговору были переданы из приказа Костромской чети в ведение Иноземного приказа. Туда были переданы все «сборные книги», списки ратных людей и другие документы, касающиеся общегосударственных наборов. Кроме названных выше даточными наборами ведали и другие приказы. Так, например, в 1672–1673 Приказ Казанского двора провёл набор даточных людей в Казани, Нижнем Новгороде, Арзамасе, Алатыре и других «понизовых городках». Набор этот носил чрезвычайный характер. «Сверх прежних тех сборов, вновь... с дворцовых сёл, крестьянских и бобыльских дворов, дворов церковников, помещиков и вотчинников, с посадов с 25 дворов – по человеку... для службы на изменников башкирцов»³⁵. В то же время из Хлебного при-

каза «взято в полк Г.Г. Ромодановского 1782 человека». Конюшенный приказ высылал в полки своих даточных людей с подводами. Казённый приказ «по сказке казённой слободы тяглецов» извещал о том, что со слободы в прошлые годы брали «даточных пеших по 4 человека в год». В Сибири полки рейтар, драгун и солдат набирали, переформировали по своему усмотрению, наделяли землёй под пашню воеводы Тобольского разряда.

Естественно, административно-государственная чересполосица, чрезмерная территориальная и ведомственная раздробленность препятствовали общегосударственным мобилизационным мероприятиям и мешали осуществлению их в установленные сроки. Что касается заскорузлости и архаичности приказной управленческой системы, то в последнее время появляются весьма компетентные исследования, в которых подвергается сомнению это устоявшееся среди историков прошлого мнение. Так, в своём специально посвящённом изучению фондов Разрядного приказа труде, Новохатко О.В. весьма осторожно обращается с этим тезисом. Скорее наоборот, кропотливое изучение всего многообразия фактологического материала заставило автора усомниться в отсталости государственно-управленческой машины допетровской Руси. Во всяком случае, в работе Новохатко О.В. отсутствуют одиозные оценки деятельности Разрядного приказа, основного центрального военного учреждения Московского государства. Изучение записных книг Московского стола приказа позволило автору утверждать, что «...несмотря на кажущуюся неопределённость компетенции приказов, на соподчинённость территорий или категорий людей сразу нескольким приказам, каждый из них ведал строго определённым кругом вопросов, входив в решение которых не могли другие приказы. Это создавало хотя и громоздкую, но чёткую систему взаимодействия приказов»³⁶.

Унаследованная Петром приказная система в принципе оставалась неизменной в первом десятилетии XVIII века. Она по-прежнему, как могла, управляла огромной страной, её слож-

ным, разветлённым хозяйством. На 1 сентября 1699 года действовало более четырех десятков приказов. В приказной системе происходили обычные для того времени передвижки: некоторые приказы по исчезновению в них надобности упразднялись, другие появлялись. Как и раньше, проводилось объединение приказов: по родственности, однородности функций порученных им дел, по укоренившейся традиции. Так, Посольский приказ объединил под своим началом целый ряд приказов: Великороссийский, Малороссийский, княжества Смоленского, Новгородский, Галицкий, Владимирский, Устюжский. Существовала группа приказов по дворцовому управлению – приказ Большого дворца, Дворцовый судный (судебные дела), Каменных дел (строительство), Конюшенный (лошади и конюшни, кареты и сани; одним словом – придворная транспортная служба). Иноземный, Рейтарский и Стрелецкий приказы в конце XVII века были объединены под начальством одного лица, князя Ф.С. Урусова, позднее – боярина А.С. Шеина. Ф.В. Головин ведал группой приказов во главе с Посольским да еще и группой приказов: Оружейным, Золотых и Серебряных дел. Это были тоже дворцовые приказы, ведавшие изготовлением оружия, золотых и серебряных изделий «на царский обиход». И это не весь перечень ведомств, порученных одному из наиболее способных петровских сподвижников. Ф.В. Головин кроме того руководил Ямским (почтовая служба) и Военным морским приказом (учрежден 11 декабря 1698 года для управления флотскими специалистами, приехавшими из-за рубежа). Вот такой универсальный чиновник и выдающийся руководитель.

Упразднение Земского приказа повлекло за собой передачу его столичных полицейских функций Стрелецкому приказу. Стрелецкий приказ после стрелецкого мятежа 1698 года утратил свой престиж. После раскассирования московских стрелецких полков он лишился значительной части своей компетенции и вынужден был теперь заниматься второстепенными, но весьма хлопотными делами – противопожарной охраной в Москве,

надзором за общественным порядком и полицейской службой в столице и провинции. В связи с этим он стал называться иначе: Приказ земских дел.

Палаты Золотых и Серебряных дел, а также особый Ствольный приказ слились с Оружейной палатой (указ 19 января 1700 года). В феврале того же года объединили Иноземский и Рейтарский приказы. Возглавил новое ведомство в звании «обер-комиссара» князь Я.Ф. Долгорукий, посему называли его в переписке «Приказом комиссариин», позднее – Приказом Военных дел. Тогда же закрыли Каменный приказ, вместо него возникло ведомство «генерал-провианта» окольного С.И. Языкова (сбор со всего государства хлебных запасов, их распределение в войсках). 19 мая Пушкарский приказ передали в ведение «генерала артиллерии» царевича имеретинского Александра Арчиловича (во время пребывания за границей Великого посольства он хорошо изучил в Гааге артиллерийское дело), и с начала 1701 года его ведомство стали называть Приказом артиллерии, но иногда по-прежнему именовали и Пушкарским приказом.

Надзор за строительством воронежского флота осуществлял Адмиралтейский приказ во главе с Фёдором Апраксиным, которому было присвоен чин адмиралтейца.

24 августа 1700 года создали новый приказ – Рудокопный – для организации работ по сыску руд, «золотых и серебряных и иных». Как-то сами собой исчезли приказы Великороссийский (назначал воевод в великороссийские города), Владимирский, Костромской четверти.

Всю эту ведомственно-конторскую чехарду вряд ли можно назвать продуманной реформой государственно-управленческого аппарата. Ни появление новых, ни исчезновение старых органов ничего принципиально не меняло в системе центральной исполнительной власти. Обыденная рутинная работа на потребу дня, обеспечение решения вновь возникающих задач, не более того. Разве что, общее количество приказов сократилось с 44 до 34, если только в этом можно усмотреть положи-

тельную тенденцию. Хотя, само по себе сокращение – динамика нейтральная, какой уж тут прогресс.

Вместе с тем, административные изменения – прямой результат инициативы Петра, отчаянно пытавшегося централизовать, обобщить и упростить управление. И в этих реформаторских погугах он шёл хорошо проторенной дорогой, делал то же, что и его предшественники. С другой стороны, отчётливо проявляется оборонная направленность этой работы – царь водил новые учреждения по военному, прежде всего, управлению, и это понятно – начиналась Северная война за выход к Балтике.

В первом десятилетии XVIII века картина существенно изменилась. Сенат и коллегии, как органы государственного управления, утвердились уже в конце войны. На этих страницах автор не ставил перед собой цели подробно останавливаться на характеристике государственного управления молодой империи. Выразим лишь осторожное сомнение по поводу его якобы прогрессивных новаторских черт. Пожалуй, самое примечательное – это замена русского названия «приказ» европейским – «коллегия». Возможно, специалисты найдут тысячи причин возразить этому, обвинив автора не столько в упрощенческой трактовке проблемы, сколько в элементарном невежестве. Но автор черпает свой скептицизм не в собственных фантазиях, а в оценках того же В.О. Ключевского. Действительно, начав свой исторический путь с 9 коллегий, новая государственная власть не собиралась ограничиваться этими скромными рамками. Бюрократическая машина самовоспроизводится с завидной быстротой. Подобно грибам после тёплого летнего дождя, рядом с «немецкими» коллегиями проклёвываются всевозможные комиссии да подкомиссии, конторы да инспекции. В 30-х годах Империей, правда недолго, правят даже два Сената – Петербургский и Московский. Ну чем не допетровская Русь с её приказной многоликостью да волокитой. Имперская управленческая система по запутанности своей структуры мало чем отличалась от старорусской.

Говоря о прогрессивности преобразований, непременно делался акцент на коллегиальность принятия решений в новой власти – в Сенате. Сегодня с уверенностью можно оспаривать этот признак прогресса. Что из себя представлял этот случайный элемент демократии в условиях укрепляющегося варварского абсолютизма. Варварского – потому что пройдёт немного времени и настанет эпоха другого абсолютизма, с человеческим лицом, скажали бы сегодня, историки же дали ему название «просвещённый». Но до него насквозь пронизанной рабскими узами России нужно было жить ещё столетия. Пока же она поднималась деспотическими силами царя-тирана. В своём инстинктивном порыве перенести на Русь как можно больше необходимого, он иногда не совсем трезво относился к заимствованному. А может быть, действительно так сильно было желание в одночасье стать Европой, что копировалось всё без разбора. Чем же ещё можно объяснить введение этого совершенно чуждого российской природе новшества. Чуждого российской природе описываемой эпохи, так как история Руси, конечно, знала и целовальников, и выборных старост. Но все эти ростки феодального самоуправления давно канули в историю вместе с осколками удельной Руси. Попытки поиграть в демократию с холопами выглядела по меньшей мере забавной. То Пётр заставляет выбирать посадских глав, то силой сгоняет в «кумпанства» купечество и вельмож. Вот и коллегиальность Сената, как прогрессивный метод управления, также весьма уязвима для критики. У неё столько же достоинств, сколько и изъянов. Поистине, дорога ложка к обеду. Ну да разговор не об этом. Как бы не критиковали старую приказную систему за бюрократизм и канцелярские проволочки, другой, к сожалению, просто не существовало. И вся тяжесть войны легла на плечи приказного механизма XVII века.

Не обходилось здесь без резких шатаний то в одну, то в другую сторону. Усилия по сосредоточению управления комплектованием войск в одном общегосударственном ведомстве сменялись попытками передать его в компетенцию местных властей. Тем, что Петра обвиняли в излишней импульсивности при

проведении реформ, сколь-нибудь искушённого в отечественной истории читателя не удивить. В данном случае выражение «излишне импульсивный» вряд ли подходит для точной передачи характера реформатора. Пожалуй, это звучит слишком умеренно и кротко для жестокого энергичного царя. Не будем здесь отвлекать внимание читателя на известные факты беспощадной решимости, с которой он претворял в жизнь задуманные проекты. Обо всём этом было уже сказано много раз. Здесь же речь идёт о другом. Принято связывать прогресс в начале XVIII века с идеей централизации. Это была эпоха всеобщей глобальной централизации: абсолютизация самодержавия, централизация управления страной, централизаторские тенденции в православной идеологии, воссоединение в единое государство разрозненных частей страны и т.д. и т.п. Естественно, преодоление децентрализации, присущей системе комплектования XVII века, также было объявлено прогрессивным. Но процесс развивался довольно противоречиво, энергичные попытки всё сосредоточить в одних руках сменялись не менее решительными шагами, противоположной направленности. Но это не мешало объявлять их прогрессивными. Главное, что всё это было связано с именем Петра, а всё что с ним связано автоматически попадало в разряд прогрессивного. После того, как набор новобранцев для армии был изъят из ведомства доброго десятка приказов и сосредоточен в одном приказе, внезапно последовал обратный маневр. Петровским указом от 9 февраля 1710 года рекрутские наборы были переданы из ведомства Поместного приказа в только что созданные губернии³⁷. Метод проб и ошибок, какой уж тут прогресс!

«Громоздкая лоскутно-чресполосная администрация феодальной монархии неспособна была привести наборы даточных людей в систему», – с пафосом заявляет П.П. Епифанов, имея ввиду допетровскую Русь³⁸. Мы с ним согласимся, но с небольшой оговоркой, при Петре в «лоскутно-чресполосной администрации» мало что изменилось, как и в деле набора даточных людей.

Как и в предшествующую эпоху, в комплектовании армии принимают участие множество приказов: Приказ военных дел, Поместный, Разрядный, Монастырский, целый ряд территориальных приказов. Продолжала сохраняться известная параллельность в их работе. Так, Приказ военных дел ведал как наборами «вольных гулящих людей» так и даточными наборами. На последних специализировался и Поместный приказ. Основное податное население России – крестьянство не затрагивалось наборами. Как и прежде, старались обойтись «служилыми людьми по отечеству и по прибору», а так же даточными из холопов, дворовых, мастеровых, посадских, монастырских служек и других сословий. Но потребности войны вызывали необходимость в новых контингентах. В 1704 году был проведён первый набор даточных среди крестьян московского уезда. Набор производился Поместным приказом. Современники назвали его «поголовным», так как «брали не со дворов, а всех поголовно молодых»³⁹.

Давайте на время оставим бурное петровское время и вернёмся на полстолетия назад. Мы увидим, что постоянно установленных норм, определяющих размеры воинской повинности, просто не существовало как для различных категорий служилых людей, так и для населения, призывавшегося в войско. Разрядки изменялись почти ежегодно. А вернее, правительство не считало нужным устанавливать раз и навсегда постоянный расклад. Каждый раз при наборе войска нормы сбора указывались отдельно. Более того, масштабы прибора даточных людей из-за местных обстоятельств, изменяли иногда сами воеводы или их определяли сами помещики. Менялись квоты, менялись и единицы обложения солдатской податью. В разные годы, по ближним подмосковным уездам и самым дальним новгородским погостам, по крупным и совсем мелким посадкам необъятной России собиралась соль земли русской – даточный народец. А брали его по тому, сколько дворов в деревне, а иной раз – сколько семей. А случалось, даточных прибирали просто с количества посадских людей, крестьян или бобылей, числившихся в переписных книгах.

Если говорить об отличии двух эпох, то явно чувствуется колорит XVII века в отсутствии ожесточённости, свойственной петровским солдатским наборам. От исторических документов веет совершенно иным духом. В иной атмосфере проходили мобилизации. Как ни странно, не было свойственных началу XVIII века сцен насилия, жестокостей. Даже вмешательство местных воевод не вносили нервозность и сумятицу в военные мобилизации. Скорее наоборот, власти проявляли заботу, пытаясь защитить своё население от поборов. Например, в Новгороде боярин И. А. Хованский мог себе позволить вместо 6-ого человека, как положено по указу, собирать даточных людей со служилых людей «с пятого двора», а со вдов и недорослей «с десятого двора» по человеку. Что и говорить, справедливое, в принципе, решение. Взял боярин на себя грех, перераспределил податное бремя, облегчил горькую судьбу «вдов и недорослей». Для того времени характерной чертой был диалог царя с подданными. Московский, да и не только московский, люд не опасался обращаться с челобитными к Государю Всея Руси. И нередко царь удовлетворял эти просьбы. По просьбе новгородских дворян, обещавших поставить своих мужиков в солдаты без участия сборщиков и сыщиков, которые их разоряли, царь разрешил новгородцам «...даточных конных людей поставить по своей мочи», а «...даточных пеших – по чему они промеж себя договорятся, со скольких дворов – дать»⁴⁰. Неслыханная для петровского времени вольность. Правда, время не то было, войны были несколько иными, военные грозы гремели где-то за горизонтом, у западных или южных рубежей. Белокаменной иноземец непосредственно не угрожал, ни то что взбаламошный Карл. К тому же, служилые люди Михаила Фёдоровича и Алексея Михайловича – это всё-таки не рекруты Петра Великого. Именно в петровскую военную круговерть народное устное творчество обогащается безрадостной темой проводов крестьянских парней в солдатчину. По ним плакали как по мертвецам при жизни. Обязателен был образ деревенской девушки, провожающей своего суженного в рекруты и прощающей с ним навсегда. Атмосфера безутеш-

ного горя, безысходности, покорности судьбе. Трогательные, печальные народные песни дополняются сухой, но точной статистикой об умерших в пути к местам службы от бескормицы и болезней рекрутах, массовых побегах из армии, войсках, привлекающихся к сопровождению рекрутов в армию и т.д. Всё это стало родимым пятном нашей армии, обратной стороной нашей ратной славы.

В Указе от 20 февраля 1705 года впервые прозвучало непривычное для русского человека слово – рекрут. Этот знаменитый указ положил начало рекрутской системы комплектования Русской регулярной армии. Её можно характеризовать двояко:

- рекрутские наборы являются новым явлением по сравнению с более ранними наборами 1699–1704 годов. Если ранее армия комплектовалась, в основном, «ратными людьми старых служб», даточными из неподатных сословий и вольницей, то с 1705 года центр тяжести постепенно перемещается на рекрутов или даточных из крестьянства;

- по своим сущностным признакам: социальному составу призываемого контингента, организации, характеру службы рекрутов – эти наборы аналогичны наборам даточных людей времён Алексея Михайловича и являются их прямым продолжением.

Даже введение рекрутской системы не привнесло в организацию пополнения петровской армии той стройности, которую ей часто приписывают. Интенсивность рекрутских наборов зависела от военных потребностей. В наиболее трудный период войны (1705–1715 гг.) было проведено 22 набора среди податного населения России⁴¹. Кроме того, за это время было проведено 32 дополнительных рекрутских набора среди других сословий и в определённых уездах или губерниях⁴².

Как уже отмечалось выше, основным органом, ведавшим рекрутскими наборами, был Поместный приказ. В проведении частных наборов участвовали также Приказ военных дел и некоторые другие территориальные и ведомственные приказы.

На протяжении войны параллельно с рекрутскими продолжались осуществляться наборы даточных и вольницы. Эти задачи поручались, в основном, Приказу военных дел. Общегосударственные наборы даточных проводились трижды в 1706, дважды в 1707 году⁴³. Сложная социальная структура российского общества той эпохи предопределяла разграничение функций между отдельными ведомствами. Если Поместный приказ брал рекрутов, в основном, с помещичьих и государственных крестьян, то Приказ военных дел брал на службу «дворовых и деловых помещичьих людей», «всяких чинов людей» и т.д. Как и в XVIII веке, иногда даточных брали на определённый срок. Так, в предверии «с салтаном турецким войной» с московских помещиков был взят каждый третий человек с оговоркой, что на этот раз даточных будут брать на время⁴⁴.

Иногда сам Пётр властной рукой вмешивался в установленный порядок пополнения армии. В 1708 году он, отчитывая царевича Алексея за неудовлетворительное состояние рекрутов, присланных последним в Преображенский полк, требовал: «И как сей приказ получишь, тотчас вели забрать с подмосковных деревень (ото ста вёрст кругом Москвы) не по числу дворов, но только кто годен будет»⁴⁵.

Рекрутские наборы времён Петра Великого не имели установленных норм поставки. Принято считать, что рекрутская повинность отличалась от даточной единой нормой – один человек с 20 дворов, в то время как даточные брались и с 30, и с 50, 80, 100, и даже с 300 дворов по человеку. Действительно, первый рекрутский набор установил норму, о которой говорилось выше. Она продержалась до 1709 года. После Прутского похода разрядки снизились: в 1714 году брали рекрута с 40 дворов, в 1715 году – с 75 дворов. С 1713 года разрешалась частичная замена рекрутов денежными платежами⁴⁶.

Подведём некоторые итоги. Система комплектования российской армии, за исключением кратковременного периода (1699–1700 гг.), основывалась на отечественном опыте. В первом десятилетии XVIII века методы комплектования сохраня-

лись прежние: призывы «ратных людей по отечеству и по прибору», наборы даточных и «вольных охочих людей». Основную роль играли даточные наборы. Их организация, управление комплектованием, принципы и нормы распределения, контингенты призываемых и характер службы были аналогичны даточным наборам второй половины XVII века. С 1705 года даточные наборы получили общеевропейское название «рекрутские». Принципиальных различий между ними не было.

Существовала единая, назовём её «даточно-рекрутской», система комплектования российской армии второй половины XVII–XVIII веков. Она постоянно совершенствовалась, чтобы полнее удовлетворять нужды войны. По сравнению с другими способами набора она в большей степени соответствовала социально-экономическим преобразованиям, задачам военного строительства рассматриваемой эпохи. К концу царствования Петра I она окончательно вытеснила другие способы комплектования. Не смотря на определённые недостатки, даточно-рекрутская система выдержала испытание войной и доказала свою жизнеспособность.

Не станем преувеличивать роли Нарвской битвы в смене акцентов в военном строительстве. Было бы явным преувеличением видеть в ней некую резкую грань, до которой царь полностью и безгранично доверял, а после – вдруг проникся неприязнью к своим иноземным учителям. Ошибочно представлять её событием, открывшим глаза Петра на истинную роль и место иноземцев в молодой армии. Нарва в отечественной истории стала действительно национальной трагедией, связанной с потерей тысяч солдат убитыми, десятков генералов и офицеров пленными, среди которых много действительно близких монарху друзей и соратников. Была утрачена вся артиллерия, предмет особой заботы и любви царя, а также казна и обоз. Наконец, был нанесён непоправимый ущерб престижу молодой России и лично персоне Петра. Это был настоящий психологический шок, связанный с крушением планов и надежд. Нарвская катастрофа не могла не повлиять на отноше-

ние Петра к иноземным специалистам и офицерам. Скажем, она сыграла роль катализатора, ускорившего созревание молодого юного романтика до уровня трезвого и расчётливого правителя. До Нарвы молодой царь находился под влиянием обаятельного Ф. Лефорта и аскетичного П. Гордона. Ни тот, ни другой, к сожалению, не дожили до Нарвы, а те, кто заняли места рядом с Петром, не могли заменить верных соратников в его сердце. Многие из тех, кому он продолжал доверять, изменили и переметнулись в лагерь врага. Суровая военная действительность сама расставляла всё по местам. Она подталкивала Петра к простой истине: надеяться можно было только на собственные силы и опыт.

Подходы к военному строительству принципиально изменились. Нескрываемое ранее преклонение перед Европой сменилось откровенным разочарованием. Вместо изменившего Де Кроа главнокомандующим назначается боярин Б.П. Шереметев, имеющий большой опыт войны с татарами. Главою военного ведомства, «судьёй воинских дел» становится Т.Н. Стрешнев, много лет заведовавший Разрядным приказом. Для ведения маневренной войны создаётся драгунская кавалерия. В 1701 году было сформировано двенадцать драгунских полков. Во главе десяти полков были поставлены русские дворяне. Вот фамилии некоторых из них: полковники Кропотов, Полуэктов, Жданов, Зыбин, Новиков, Астафьев, князя Мещерский и Львов⁴⁷. В 1702–1703 годах было сформировано ещё три драгунских полка, которыми командовали также русские полковники: князь Волконский, а также Сухотин и Горбов⁴⁸.

Иноземцы продолжают командовать отдельными отрядами. В основном, это были опытные специалисты, но прежнего доверия Пётр к ним уже не испытывал. Царь уже не так внимателен к их рекомендациям. Многие, довольно дельные предложения генералов Паткуля, Огильви, Алларта по переустройству армии пролежали под сукном не один год, некоторые так и не были реализованы. Недоверие к главнокомандующему генерал-фельдмаршалу Огильви зимой 1706 года чуть было не за-

кончилось его арестом по обвинению в измене. Царская корреспонденция этого периода, минуя главнокомандующего, адресована генералу А.И. Репнину.

В гвардии резко сокращается число офицеров-иноземцев. В 1701–1702 годах среди офицерского состава Семёновского лейб-гвардии полка не числится ни одного иностранца, а в Преображенском – только трое⁴⁹. В 1704 году в этом полку количество офицеров-иностранцев составило только 14%. Накануне же похода к Нарве иноземцы составляли ни много, ни мало 60% офицерского корпуса «новоприборных» полков.

Набравшая обороты военная страда открывает Петру глаза на истинную роль иноземцев, на которых делалась ставка в большой игре. Постепенно выясняется, что среди специалистов, хлынувших по призыву хлебосольного царя в Россию, сведущих офицеров и просто порядочных людей только малая толика. Значительная же часть их – это прожженные авантюристы, в погоне за длинным рублём готовые служить кому угодно и как угодно. Многие в своё время были изгнаны за проступки из армий своих государств и, отчаявшись найти применение своим способностям там, где их хорошо знали, отправились в далёкую загадочную Московию. С офицерами, проявившими низкие моральные и профессиональные качества, не церемонятся, не смотря на острую нехватку кадров. Б.П. Шереметев увольняет из своего корпуса полковника Малина несмотря на его военные заслуги. Полковник «чинит великие тягости в народе, от двух коров берёт третью себе» и т.д.⁵⁰. На иноземцев жалуется царю и Ф. Апраксин. Полковники Моррель и Девгерин буквально разорили волость, где были расквартированы их люди. Они обвинялись во взяточничестве, поборах, насилии над крестьянами: «Только себе прибытки чинят». Со мздоимцами царь не церемонился. Француз Девгерин увольняется со службы и изгоняется из страны. В марте 1705 года Меншиков освобождает от службы полковника Суваса, не справлявшегося со своими должностными обязанностями. Иноземец был заменён князем Волконским⁵¹.

Национальная доминанта в динамике кадровых перестановок той эпохи определилась не сразу. Шла кропотливая работа по замене невежественных в военном деле, преступно халатных, имевших низкие морально-деловые качества работников, независимо от их роду-племени. Действительно важным для Петра становится вопрос профессиональной компетенции офицера, независимо, русский ли он, курляндец или саксонец. И всё-таки приоритеты в офицерском вопросе медленно, но неотвратимо смещаются на подготовку и использование отечественного элемента. И главную роль в этом играла не столько национальное происхождение, сколько природная рачительность царя и простой хозяйственный расчёт. Его, решительно взявшегося извести под корень спесивость надменного московского боярства, кичливость столичного служилого дворянства, устраивало то, что «немцы» в своей массе не важничали своей родословной, предпочитая обращать внимание царя на свой профессионализм, а не на свой род. Впрочем, в этом отношении им гордиться и не приходилось, всё больше «подлого» происхождения люд норовил поступить на службу русскому царю. Но даже эти иноземцы вставали России в копеечку: их денежные оклады, кормовые деньги, обеспечение были гораздо выше, чем у русских офицеров. А война не раз демонстрировала, что уровень знаний и практические навыки и иноземцев, и офицеров из доморожденных помещиков был одинаково невысокими. Так уж лучше учить своих невежд, чем за гораздо большие деньги нанимать – чужих. Тем более, что именно в это время в войска в массовом порядке стали поступать мобилизованные дворяне для замещения офицерских вакансий. Летом 1703 года только в войска Б.П. Шереметева было направлено 206 дворян: 77 на должности капитанов, 64 – поручиков, 65 – прапорщиков. Все они проходили краткосрочные сборы под началом подполковника Григория Карташова, который обучал их военному артикулу. Лично фельдмаршал Шереметев подвергал испытанию новоиспечённых командиров, и только после этого они назначались на должность в войсках. Эти меры хоть как-то способствовали снижению остроты кадровой проблемы.

Пётр порядком разочарован иноземцами, с которыми связывал свои грандиозные планы. Отсюда его скептическое отношение к просьбам фельдмаршала заменить больного и старого князя Мещерского честолюбивым и способным фон Верде-ном. Царь отмахивается от назойливых просьб Б.П. Шереметева: мол, все они одинаковы, ничего не знают и не умеют. Но Шереметев настойчив в своих просьбах. Для него также на первом месте стоят деловые качества, а не национальность. Он настаивает на замене части полковников, как русских, так и иноземцев: «В полках драгунских плохи полковники: Фёдор Новиков стар и увечен, князь Львов стар и вконец беден и несносно ему полком править, князь Мещерский сухотной болезнью болен, Ефим Гулиц – лучше ему быть в пехоте...». Вместе с тем, пишет он царю, есть люди, понюхавшие пороха и богатые, «им не стыдно полками командовать и перед союзниками не зазорно». Это – Иван Артемьев, Афанасий Михайлов, Дмитрий Мамонов, Ржевский, Волконский, Семёнов. Было бы отступлением от истины утверждать, что среди иноземцев не было офицеров честных и порядочных, ревностно выполнявших свой служебный долг. Особенно Шереметев доволен полковником Преображенского драгунского полка Бауэром: «А Боур муж изрядной, имеет охоту служить и тщания». После настойчивых рапортов царь утверждает решение фельдмаршала. Принимает полк фон Верден, начав свою славную карьеру в русской армии. Уже вскоре ему присваивают звание генерал-майора от кавалерии. Он получает под свою команду крупное воинское соединение. Именно в это время в армии появляются полковники Пфлут, Инфлянт, сыгравшие впоследствии видную роль в громких победах русского оружия.

Тем не менее, пик благоприятного отношения к иноземному элементу в армии был позади. Набирает обороты тенденция ограничения их числа и влияния на судьбы армии. Особенно заметна тенденция к уменьшению числа иноземцев в кавалерии. В 1701 году в девяти драгунских полках из 281 офицера только один был иноземцем, да и тот был «новокрещён», т.е. давно осев-

Рис. 21 Рядовой мушкетёр гвардейского полка. На лопастях патронной сумы крепится металлическая бляха, украшенная государственной символикой. В суме 25–30 бумажных патронов с пулей и порохом. На плече – фузья, гладкоствольное ружьё калибром 0,78 дюйма (19,8 мм) с кремнёвым замком.

ший в России и принявший православие⁵². В 1702 году в десяти драгунских полках числилось 329 офицеров, только 6 – из них были иностранцы.

Необходимо отметить, что отношения между русскими и иностранцами были сложными. Датский посол Юст Юль свидетельствует: «... между немецкими и русскими офицерами большой разлад: русские следят исподтишка за всеми словами и действиями немцев, ища уличить их в чём-либо неблаговидном»⁵³. Часто «немцы» компрометировали себя подозрительными или некомпетентными действиями. Классический пример этому – всё та же Нарвская битва. Причину поражения преобразенцы видели в измене иностранного и, отчасти,

русского командования. Подмётные письма найденные в Новгороде, на дворе Меньшикова во 2-ой половине декабря 1700 года прямо указывали: «А вся сия измена от иностранцев от полковников, а сверх сего и от генералов, от Автонома Михайловича и от иных, государь.

... А ныне, Великий государь, немцы русским насмеваются, что наши де, шведские всех русских разбили и в полон взяли и сам бы де кайзер не ушёл, кабы де тут был. И надобно тебе, государь, им, шведам отплатить, чтоб не насмехались... И не оставивай службы, не откладывая на иной год.

... А солдаты русские у полковников и капитанов в великом загоне – не смеют и молвить ничего». Солдаты советуют на место убитых под Нарвой начальных людей ставить над солдатами начальников из мелких чинов или же из солдат Преобра-

женского полка. Такие солдаты «и в полковники годятся, помоги им бог, как они под Ругодевом (Нарвой – А.К.) постояли против дичманов (шведов – А.К.)». Солдаты просят разрешения стрелять на месте полковников, которые изменят и сделают попытку перебежать на сторону противника⁵⁴.

Солдаты пристально следят за иностранцами командирами. Вот до Петра доходит челобитная о том, что русской службы генерал Чамберс тайно беседует с пленными шведскими офицерами, а пленному генералу Левенгаупту собирается устроить побег. Другая челобитная бдительных солдат обвиняла офицеров-иностранцев своего полка в сношениях с врагом «тайным промыслом», посредством записок и посланий, которые они якобы, собравшись вкуче и выслав из избы всех лишних, сочиняют по ночам. Командира полка полковника Балка подчинённые открыто обвиняют в измене: в непосредственной близости противника тот ни с того ни с сего приказал солдатам расстрелять весь запас пороха, оставив полк фактически беззащитным перед шведами. Пётр инициирует следствие по каждому случаю. Как правило, выясняется, что злого умысла и измены действия офицеров не содержат. Оказывается офицеры, собравшись на квартире одного из них, писали письма на родину, Чамберс просто допрашивал пленного шведского генерала, а Балк действительно приказал расстрелять весь запас подмоченного пороха. Обвиняемым вернули их шпаги, и они продолжали служить. Но подозрительность и недоверие к ним ничуть не уменьшились. Естественно, они подогревались недовольством солдат высокой требовательностью и взыскательностью некоторых рьяных служаков-иностранцев. Естественно, это не могло способствовать установлению крепкой дисциплины и послушания в полках и ротах. Служебные отношения между командирами и подчинёнными оставались напряжёнными, морально-психологическая атмосфера – нездоровой.

Впрочем, были и более серьёзные основания для настороженности к иностранными специалистами. В декабре 1705 года в

ледяную стужу Карл XII стремительным броском отрезает русской армии, располагавшейся в районе Гродно, пути отступления на восток. Окружённой русской армии оставалось либо погибнуть от голода, либо вступить в бой с сильным и удачливым противником, что также вероятнее всего закончилось бы катастрофой. Во время «Гродненского сидения» возник очередной конфликт между русскими и «немцами». Главнокомандующий гродненской армией генерал-фельдмаршал Г. Огильви и его окружение, в основном, саксонцы, вели себя явно двусмысленно, по мнению русского генералитета. Генерал князь А.И. Репнин докладывал А.Д. Меншикову: «...и какая ныне всегдашняя корреспонденция, и какие у них намерения положены, и что ныне взятые языки сказывают, о том нам московским генералам не сказывают». В намерении Огильви отвести армию подальше от русских границ «...прибытку государству нашему в том мы не видим...», – сообщает он дальше. Репнин подозревает измену, он обращается к Меншикову: «Просим Вашу милость о таком Великого государя указе, что нам делать, когда увидим противное интересу государственному»⁵⁵. Живое участие в конфликте принял сам Пётр. Речь на сей раз шла о спасении выпестованной им армии, проводить следствия, «чинить кригсрехты» (суды – А.К.) и искать измену было не время. Пётр действует решительно. Он фактически отстраняет Огильви от командования и перепоручает судьбу армии в руки А.Д. Меншикову. Дело чуть не закончилось арестом и судом для иноземного генерал-фельдмаршала. История эта закончилась удачно для всех. Армия была успешно выведена из-под удара, с Огильви все обвинения были сняты. Обиженный генерал попросился в отставку и с почётом был отпущен восвояси.

Случались и настоящие измены. 26 апреля 1706 года А.Д. Меншиков сообщает Петру: «Генерал Зейдлиц от Бреста из войска от нас ушёл к королевскому величеству и наш некоторый караул тайно жидовским проводом прошёл, чего ради мало верим и другим подобным ему, которые не весьма надёжны. Больше мы на себя надеемся»⁵⁶.

Наконец, не могла не способствовать настороженности к иноземцам история с бригадиром Мюленфельсом. Бригадир командовал корпусом войск, прикрывавшим переправу через Неман. Перед небольшим отрядом противника он отступил, без сопротивления уступив шведам стратегически важный мост. На лицо было невыполнение приказа, малодушие и грубое нарушение присяги. Дело приняло серьёзный оборот ещё и потому, что в непосредственной близости от района, где происходили эти события, находился сам царь. Шведский кавалерийский отряд запросто мог захватить его. Пётр, как правило, снисходительный, когда речь шла о проступках иноземцев, во избежание нежелательных отголосков в Европе, на этот раз просто не имел права оставлять происшествие без последствий. Мюленфельс был примерно наказан. Его отдают под суд с обвинением в государственной измене, но Мюленфельсу удаётся подкупить стражу и бежать к шведам. К чести царя, нужно отметить, что повышение требовательности к исполнению воинского долга проявляется к подчинённым, независимо от их национальности и ранга. Наступал решающий момент в борьбе. Вторжение Карла XII не оставляло сомнений о твёрдости его намерений в отношении последнего участника враждебной ему коалиции – России. Его устраивала только полная победа над русскими, разгром их армии и покорение Москвы. Серьёзного противника можно было одолеть только упорной инициативной обороной, умелым, профессиональным управлением войсками. Через полгода за нераспорядительность и допущенные промахи в руководстве войсками, повлекшими за собой поражение в бою с утратой полковых знамён и пушек, был отдан под суд русский генерал А.И. Репнин. Он был признан виновным по большинству пунктов обвинения и приговорён к «лишению живота», но затем помилован и понижен в звании до рядового.

В этот период в войска стали прибывать мобилизованные ратные люди, служившие в старом войске. Нельзя не обратить внимания на увеличение числа «начальных людей старых служб» в армии. В драгунских полках Л. Бодевия и Д. Девгерина в 1702

году из 54 офицеров 27 – в прошлом служили начальными людьми копейного и рейтарского строя, 10 – начальными людьми сотенной службы, 15 – рядовыми рейтарами и копейщиками. Только два офицера, командиры полков, были иностранцами. В июне 1707 года в Олонецком драгунском полку числилось 20 офицеров. Все они ранее состояли в рейтарской службе. В 1700–1706 годах в армию было призвано 1670 «служилых людей московского чина» для замещения офицерских должностей»⁵⁷.

Массовое привлечение «начальных людей» допетровской армии стало характерной чертой для данного периода строительства регулярной армии. И всё-таки дефицит подготовленных офицерских кадров продолжал оставаться. Это негативно сказывалось на боеспособности выпестованных Петром полков. Даже приглашение иностранцев, даже мобилизация «начальных людей старых служб» не в силах были кардинально улучшить положение дел в войсках. По сообщениям вездесущих иностранных дипломатов, в некоторых солдатских полках числилось только по пять офицеров⁵⁸. Многие части представляли собой толпы согнанных со всех уголков Руси, вооружённых чем попало, кое-как экипированных, крестьян и прочего люда. В частях управлялись, как могли, сами солдаты. Там царило выборное самоуправление по типу казачьего и круговая порука. Естественно, ни о какой боевой подготовке, правильной организации службы и речи быть не могло.

Как только Карл XII из Лифляндии выступил в Польшу, и военная опасность отодвинулась от российских границ, сочли возможным вновь принимать на службу менее надёжных, но более искусных в военном деле иностранцев. Офицеры приглашались в Россию манифестами 1702 и 1704 годов. Но теперь требования к ним становятся более жёсткими. Вновь назначенному в Смоленск воеводой ближнему боярину П.Салтыкову было указано: «Когда в приезде будут в Смоленске которых государств иностранцы с пасами или без пасов, а станут ему, боярину и воеводе, говорить, что приехали они в службу Великого Государя. И ему велеть распросить наперёд сего, где они служили, взять у

них пасы... и по свидетельству пасов своих во многих службах бывали и русского или польского языка хоть немного знающего и тех отпустить к Великому Государю»⁵⁹.

Указ от 23 ноября 1703 года подтверждал порядок оформления офицеров на вакантные места. Иностранцы, как и раньше, находились в ведомстве Посольского приказа. При зачислении на службу у них уточняли автобиографические данные и послужной список, «в каких государствах и чинах служил». Затем ему назначалось жалованье, после чего офицер направлялся в Приказ военных дел, где его определяли на должность. В 1706 году были введены новые, более жёсткие, требования. Впредь, кандидаты на офицерские вакансии подвергались более компетентной проверке военными специалистами и чиновниками из Приказа военных дел. Пригодными считались те, кто «прямые отпускные грамоты имеет или нарочисто или отчасти в чешском, славянском или польском языках искусны»⁶⁰.

По повелению Петра в Европу для вербовки офицеров был послан генерал фон Розен. Доверенный «немец» рачительно взялся за дело. Вербовочная кампания не преминула дать некоторые результаты. 43 офицера из германских, в основном, земель откликнулись на призывы генерала и согласились продать свою шпагу русскому царю. Но по приезду в Москву иностранцы попадали в руки придирчивых чиновников, которые дотошно допытывались про боевые навыки и профессиональные качества приезжих. В результате из нанятых офицеров 15 признаны «неудобными». Профнепригодность истолковывалась разными причинами: «явились без отпускных», «прежде сего не служивали». По пяти офицерам решение принято не было, так как они «отпускные утеряли, служили в осаде, а не в походе»⁶¹.

Немецкий офицер-профессионал продолжал неуклонно падать в глазах царя. В 1706 году охладевший к Западу Пётр счёл излишним сохранять льготы, обещанные иностранцам с целью привлечь их к русской службе. Было отменено распоряжение царя о повышении в чине иностранных офицеров при приёме на службу. В то же время был введён годичный испытательный

Рис. 22 Пушкарь московской артиллерии в праздничном одеянии. В руках – пальник для производства выстрела, на груди – медный щиток с Российским двуглавым орлом.

срок для некоторых категорий офицеров-иноземцев⁶².

Эта тенденция сохранилась и в более позднее время. После Полтавы, как только представился благовидный предлог, армия освободилась от наиболее неустойчивого иноземного элемента. Массовый исход их из России зафиксировали в своих отчётах многие дипломаты европейских держав. Вновь введённые штаты пехотных и драгунских полков 1711 года ограничивали их численность на русской службе. Табель 1711 года требовал в полках «иметь штаб- и обер-офицеров одну часть из иноземцев, а две части на русском жалованьи»⁶³.

Будем объективными, несмотря на падение престижа «немцев», роль их в военном строительстве нельзя недооценивать. Среди иноземцев нередко встречались люди достойные, верно и честно исполнявшие свой воинский долг и условия контракта. Среди них можно назвать генералов Брюса, Алларта, Ренне, Вердена и др. Высшее и среднее управленческое звено было представлено, в основном, иноземцами. Летом 1705 года генералитет русской армии представлен фельдмаршалами и генералами русской службы Огильви, Брюс, Шенбек, Розен, Чамберс, Шарф, Ренне, Верден, Алларт, Венедигер, Арнштедт, Зейдлиц, Гольц, Риддер, Руланд, Сен-Поль, Генскин, Пфлут. В списке генералов встречаются только четыре русские фамилии: А.Меньшиков, Б.Шереметев, А.Репнин и И. Шаховской. Именно на долю «учёных» иноземцев пришлась вся черновая работа по организации и проведению отдельных кампаний и всей войны. Они претворяли в жизнь царственные предначертания, воплощая их в конкретные решения, приказы и распоряжения. Они руководили осадами и полевыми боями, водили войска маршами по дорогам Прибалтики, Украины и Северной Евро-

пы, они добывали для России трудную победу.

Впрочем, большая часть вышеперечисленных иноземных генералов, не выдержав негативного отношения к себе, вскоре покидает негостеприимную Россию⁶⁴. Ограничительные меры и чистка 1711 года вызвала массовый отток иностранцев из России. О прибытии в Варшаву генералов и офицеров сообщает Людовик XIV французский дипломат Де Балюз: «...офицеры царя, о приезде которых в этот город я мел честь докладывать Вашему Величеству, находятся ... в числе 32 генерал-поручиков, 4 бригадиров, многих полковников, подполковников и капитанов»⁶⁵. Как выяснилось, французский дипломат несколько преувеличил. Уволены со службы были 14 генералов, 14 полковников, 22 подполковника, 156 капитанов.

Прутский поход ещё раз продемонстрировал ненадёжность иноземного офицерства. Очевидное невежество в оперативных вопросах, низкий профессионализм на этот раз не у кого не вызывали сомнения. Сам Пётр не мог не удержаться от язвительного замечания на этот счёт: «...объявили себя в первые люди в подлунной, а егда до дела дошло, то искусства ниже вида». Было бы несправедливо неудачу похода полностью сваливать на плечи иноземцев, но руку они к этому, безусловно, приложили. Успех предприятия во многом зависел от того, насколько быстро русские подойдут к реке Прут, который должен был стать непреодолимой преградой на пути двигающейся навстречу турецкой армии. Главную задачу, по замыслу Пётра, выполнял передовой отряд под командованием генерала Януса. Отряд кавалерии должен был решительно действовать в отрыве от главных сил, стремительно выйти к Пруту и уничтожить мосты через реку. Таким образом, Пётр предполагал не допустить переправы турок через Прут.

Действия генерала Януса в этой истории квалифицируются по-разному. Кто обвинял его в малодушии, кто говорил об откровенной измене, чаще – о некомпетентности и низком профессионализме. В любом случае, Янус с поставленной задачей не справился. На подступах к переправам он по-

лучил донесение, что противник его опередил и главными силами форсирует реку в районе Фальчи. Не проверив его достоверность, Янус отступил к главным силам. Отступление больше походило на бегство, управление было утеряно, в отряде имели место панические настроения, распространялись слухи о предательстве. Донесение, как выяснилось, было ложным. Турки ещё долго оставались на левой стороне. Отход отряда Януса позволило им беспрепятственно переправиться через Прут и опередить русских. Турки овладели инициативой на театре военных действий, а русская армия оказалась в невыгодной обстановке. Далее последовало крайне тяжёлое для русских отступление, цепь неудачных ожесточённых столкновений с наседающим, численно превосходящим противником, на неблагоприятной для нас местности. Всё это происходило в условиях изнуряющей жары, обессиленные люди и животные умирали от жажды и голода. Дело чуть не закончилось капитуляцией целой армии, пленением командования с Петром во главе. Не последнюю роль во всём этом сыграл злополучный Янус. Ценой напряжённых дипломатических усилий и громадных жертв удалось избежать окончательной катастрофы, сохранить боеспособность армии и вывести её к своим границам. Одним из первых генерал Янус был уволен со службы и с позором изгнан из России.

Итак, подведём некоторые итоги. Роль иноземных офицеров и генералов в создании регулярной русской армии в 1701–1710 годах заметно снизилась. Пришло время, когда упор на подготовку и использование национальных специалистов становится доминантой кадровой политики. Особенно заметно это было в наиболее напряжённый период войны. Военное строительство сопровождалось всё более усиливающейся тенденцией вытеснения из армии иноземцев. Двойственность в отношении иностранных специалистов объяснялась, с одной стороны, дефицитом подготовленных кадров, с другой стороны, низкими морально-боевыми качествами изрядной части «немцев».

Ну а что русские офицеры? Так ли уж благоволил к ним строгий и требовательный царь, если всерьёз решился заменить ими иноземцев. Ни о каких симпатиях речи быть не может. Как говорится, ничего личного. Только трезвый подход, природная сметка, хозяйственный расчёт. Как относится рачительный помещик к собственным холопам, так царь относился к дворянам, видя в них, прежде всего, исполнителей его самодержавной воли. А воля Петра была устремлена к высокой благородной цели – процветанию Российского государства. Ради неё он преступал границы дозволенного законами традиционной нравственности. Он отвергал благочестие русской старины, глумился над Святой Русью, совершал жестокости, проливал кровь, не жалел ни себя, ни родню, ни, тем более, поданных. И заботило его благосостояние дворянства только как средство обеспечения их работоспособности, ни больше, ни меньше. В этом проявлялся самодержавный государственный ум жестокого, деятельного и энергичного Петра.

То, на что обращалось внимание в донарвский период, что непосредственно копировалось и было заимствованно из западной военной практики, отступает на второй план. Например, для Петра вопросы строевой и тактической подготовки заслоняются проблемами стратегического развёртывания войск. Ведя войну на нескольких театрах военных действий, необходимо было решать сложные политические и дипломатические задачи. Создание массовой армии повлекло за собой необходимость её вооружения и боевого обеспечения. Особо пристального внимания требовал к себе тыл, обеспечение армии продовольствием и фуражом. На фоне этих проблем сущими мелочами казались те атрибуты «регуляторства», на которые Пётр заострял внимание до войны: французский покрой одежды, стройность линий батальонов, чёткость и быстрота строевых эволюций, тактико-строевых приёмов.

В военном строительстве центр тяжести постепенно и неуклонно переносился на отечественный опыт. Шёл процесс со-

здания национального военного искусства на основе анализа текущих боевых действий и исконно русских боевых традиций. Занимаясь вопросами стратегического порядка, комплектованием, воспитанием офицеров и нижних чинов, Пётр перекладывает заботы о тактико-строевой подготовке и службе войск на плечи непосредственных командиров. Впрочем, это не мешало ему время от времени активно влиять на эту сферу военного строительства. Он бесцеремонно вмешивался в прерогативы частных военачальников, иногда подгоняя и оказывая реальную помощь, иногда мешая и нанося вред своей нетерпеливостью. Впрочем, военные историки считают, что многие решения именно этого периода демонстрируют в нём талант военачальника. Отметим его незаурядные как личностные качества, так и качества государственного и военного руководителя. Это – исключительное трудолюбие, нечеловеческая работоспособность, недюжинное упорство в достижении поставленной цели, создании настоящей боеспособной армии, известную кропотливость и скрупулезность, которую он проявлял во всякой работе. Плюс жгучее желание лично вникать во все тонкости и мельчайшие подробности жизнедеятельности войск. Плюс высокая требовательность и взыскательность, в первую очередь, к собственной персоне. Впрочем, многие предпочитают говорить о его жестокости. Добавим обширные теоретические знания, богатый ратный опыт – вот, пожалуй, и все слагаемые военного гения царя. В 1702 году для войск Б.П. Шереметева лично Петром составляется «Уложение или право воинского поведения», посвящённое наиболее одиозной стороне организации российского войска – воинской дисциплине и организованности⁶⁶. Оно создаётся по следам войны в Лифляндии, обернувшейся не столько военными победами, сколько сплошным разорением, варварской жестокостью и бессмысленными жертвами среди местного населения.

Укреплению воинской дисциплины, краеугольного камня любой военной организации, уделяли неослабное внима-

ние во все времена и во всех армиях. Тем более, во время военных действий. Тем более, что воинская дисциплина являлась важной стороной европейского регулярного устройства, к которому стремился царь в своих преобразовательных мечтах. В трактатах по военному искусству многих видных военачальников умелое поддержание дисциплины в подчинённых войсках стоит в одном ряду с талантами стратега, тактическим мастерством и личной храбростью полководцев. Воинская дисциплина, организованность, правопорядок и исполнительность – с этих элементов начиналось создание новой русской армии. Они же являлись самым уязвимым местом войска этого периода. Война разворачивалась на весьма отдалённых театрах. Указаний сверху, от Петра, ждать приходилось месяцами, да и не по всякому вопросу обратишься к самому царю. Где энергично, с охотой, а где и с ленцой, из-под палки непосредственные начальники впрягались в нелёгкое дело наведения порядка в полках. Частная инициатива командования являлась основной преобразующей силой этого периода. Почин частных военачальников направлен, в первую очередь, на преодоление московской спесивости, чванства, дворянской вольницы, безалаберности и головоуятия, этими проявлениями истинно русской души. Военно-правовые аспекты становления регулярной русской армии в центре внимания целого ряда документов, увидевших свет в эти годы. В мае 1705 года появляется «Устав прежних лет», специально подготовленный для полков Огильви и Шереметева⁶⁷. В следующем году А. Меншиков составляет для подчинённых ему драгунских частей «Артикул краткий». Основной чертой этих военно-юридических документов являлась их тесная связь с частной боевой практикой, которая и нашла в них своё отражение.

Между тем, маховик войны набирал обороты, развивалась тактика российской армии: совершенствовался боевой порядок, улучшалось применение и взаимодействие родов войск, управление частями в бою. В отличие от донарвского периода, не западные образцы, а анализ боевых действий служил те-

перь основой для совершенствования тактической подготовки войск. Пётр кропотливо изучает все подробности военных действий в так называемой гродненской операции 1706 года. Она чуть было не закончилась очередной трагедией для русской армии. Поэтому Пётр глубоко и тщательно вникал в тонкости этой кампании. Особенно внимательно анализировались действия военного командования. Результатом стал обобщающий документ, который назывался «Пункты командующим над каждым батальоном». В марте 1708 года, особенно богатого военными событиями, появилось «Учреждение к бою»⁶⁸. Ситуация складывалась опять не в пользу русской армии, она отступала в глубь России под давлением опытных шведов. Строгому и взыскательному разбору были подвергнуты действия русского командования в неудачном сражении при Головчине. Уроки поражения были учтены в знаменитых «Правилах сражения». Вся армия училась по ним искусству проведения рекогносцировки, правильному выбору и фортификационному оборудованию позиций войск, организации тесного взаимодействия пехоты и конницы. Чтобы не было повадно другим, примерно были наказаны незадачливые командиры над войсками, непосредственно участвовавшими в деле. Командира дивизии, генерала А. Репнина, приговорили к «лишению живота», генерала Чамберса сняли с должности и лишили Андреевских знаков отличия. Бежавшие с поля боя полки были безжалостно расформированы.

Посленарвское военное искусство русской армии: тактика и стратегия, являются скорее антиподом западноевропейскому военному искусству, чем его отражением. Внешне стратегия русской армии в Северной войне и - европейских войск в войне за испанское наследство (1701–1714 гг.) аналогичны. Военный историк конца прошлого века охарактеризовал последнюю как «время малых войн, ведомых большими армиями»⁶⁹. «Малая война» – так определяет военная история сущность стратегии русской армии в наиболее решительный период военных действий, в 1707–09 годах. Но,

по существу, это два совершенно разных взгляда на войну и военное искусство. Под термином «малая война» по отношению к европейскому военному искусству понимали ограниченные стратегические цели, сведение боевых действий к маневрированию на коммуникациях противника, выжидательный характер как стратегии, так и тактики, нерешительность в выборе методов ведения войны, приоритет оборонительных тенденций, попытки выиграть кампанию не решительным сражением, а вытеснением противника с занимаемой территории. Стратегия армий Западной Европы этого периода – это набор стандартных формул, разработанных военными теоретиками. К рассматриваемому периоду они всё больше приобретают вид застывших шаблонов. Наиболее характерными чертами военного искусства этой эпохи стали: кордонное развёртывание войск, маневренная стратегия, магазинная система обеспечения и линейная тактика боя. Взгляд на военную науку как на набор готовых схем и формул, с помощью которых возможно заранее предугадать исход боевых действий, обернулся сверхцентрализацией военного управления.

«Малая война» в импровизации Петра – это стратегия, преследующая решительные цели: разгром противника и захват его жизненно важных центров. При этом учитывалась более высокая боеспособность противника. Отсюда, определялись методы «малой войны» – действовать против шведов «по-азиатски», стремительными набегами лёгких конных отрядов, уклоняясь от столкновения с крупными регулярными частями. Обеспечив же себе подавляющее превосходство в силах, русское командование решительно доводит дело до полевого боя с целью разгрома противника. Бой, в понимании Петра, есть важный элемент стратегии, от него зависит исход кампании, а может быть и всей войны. К сражению необходимо относиться осмотрительно: бою должна предшествовать всесторонняя тщательная подготовка, противник должен быть всячески ослаблен, а свои войска максимально усилены. Полевой бой в общеевропейской войне этого периода в общих чертах

охарактеризован военным историком XIX века Н.С. Голицыным, о чём вёл разговор в первой главе работы⁷⁰. Европейские военные теоретики считали полевой бой тактическим просчётом в планировании всей кампании. Цель операции должна быть достигнута, не прибегая к сражению. В качестве основных форм боевых действий рассматривался маневр войсками и захват ключевых центров противника. Все крупные сражения общеевропейской войны (1701–1714 гг.), за редким исключением, были для противников столкновениями нечаянными, внезапными для обеих противоборствующих сторон. И те и другие совершенно не собирались вступать в бой, преследуя другие цели. Как правило, это были осады укрепленных городов или крепостей, их деблокада, марш-маневры и др.

Основные сражения Северной войны, данные русскими, имели в своей массе стратегическое значение. Так, сражение при Эрестфере (январь 1702 года) и при Гумельсгофе (февраль 1703 года) переломили стратегическую обстановку в Лифляндии в пользу русских, что закончилось её завоеванием. Сражения проходили тяжело для русских, развивались сначала непредсказуемо для обоих противников. Они напоминали бои давно отшумевших войн, битв, в которых азиатская ярость конных атак соперничала с совершенством обороны европейской пехоты.

Жестокою, кровавую картину сражения этого периода, созданную по старому, но не забытому сценарию прошлых веков, можно воссоздать. Хрипло, призывно пели трубы, им вторил гром литавр. Это шла в рысь драгунская конница. Им гнуса во вторили рожки, сопелки, глухо бухали тулумбасы. Под эту устрашающую врага какофонию шла в разудалую атаку смоленская шляхта и новгородские дворяне. С флангов, увязая в снегу по самые бабки, в намёт шли казанцы и касимовцы, в малахях, в шубах овчиной наружу. Чуть поодаль гарцевали охочие до дармовой добычи конные черкасы, выжидая удобный момент для броска. Как бы нехотя разношерстная масса всадни-

ков медленно двигается вперёд. Понукая лошадей, кто шенкелями, кто просто плёткой, стараясь не отставать от соседей, всадники пытаются сохранить строй, держать линию. По мере движения строй всё одно ломался, превращаясь из прямой в зигзагообразную, разорванную во многих местах, линию. Вот уже отдельными группами всадники, обгоняя друг друга, скачут туда, куда им повелевает звук боевой трубы. Передние ряды уже переходят на рысь. Глубокий снег не даёт развить бега разгорячённым лошадям. В удалом запале отдельные воины вырвались вперёд. В строю уже никто не видит ни десятников, ни сотников. Никаких команд уже не подают, захочешь – не услышишь. Всё потонуло в топоте тысяч копыт, храпе взмыленных лошадей, криках всадников, бряцанье сбруи и оружия. Да команды и не нужны. Всё и так предельно ясно. Сейчас каждый сам себе воевода. Цель этой отчаянной атаки – вот она впереди, до неё не больше двухсот саженей. Вот уже видны впереди смутные очертания вражеской линии. Солнечные блики на стальной щетине штыков. Как пёстрые заплатки среди заснеженной равнины, развевающиеся знамёна над шведскими батальонами. Всадники за бряцаньем сбруи и топотом копыт не могут слышать гортанно поданной команды. Посреди застывших в напряжённом ожидании с мушкетами наизготовку солдат как щелчок хлыста, резкий окрик команды, взметнувшиеся и опустившиеся книзу шпаги офицеров, Команда чётко и споро продублирована полковыми и батальонными командирами. Она как будто вырвала из оцепенения шведов, вся линия пришла в движение. Из мчащейся массы драгун с трудом можно различить, как солдаты первых шеренг опустились на колено, выставив навстречу мчащейся лавине коней лес пик. За стальной щетиной видны изготовившиеся для стрельбы мушкетёры. Гордо развеваются над серыми рядами разноцветные знамёна с жёлтыми шведскими коронами и львами. Поистине, эпохально-торжественная картина. Вот вдоль изготовившейся к залпу линии побежал капитан, утопая почти по колено в снегу. Он о чём-то кричит, потрясая по-

лупикой, подбадривая солдат, жестом приказал опустить пониже пики, чтоб смотрели прямо в грудь набегавшим лошадям. Указал кому-то, очевидно, унтер-офицеру, на растерявшегося рекрута и исчез за флангом шеренги.

Неистойвой ярости кавалерийской атаки противопоставлено ледяное спокойствие, невозмутимость, отточенная до автоматизма чёткость движений. Разноязыкий клич, храп коней, пронзительное ржанье, бряцанье оружия, звон булата. Команды на открытие огня никто из всадников не услышал. Только вдруг серо-синие линии перед фронтом атаки окутались клубами порохового дыма, через мгновение послышался раскатистый треск мушкетного залпа. Сначала стрелял батальон прямо перед фронтом атаки полка, затем батальоны, стоявшие от него справа и слева. Что было дальше, описать было трудно. Свинцовый шквал хлестанул по передним лошадям и людям. Грохот мушкетов и полковых пушек заглушал истощенные крики раненных, ржанье испуганных лошадей. Передние, кто был в состоянии удержаться в седле, уже не помышляли о схватке, пытались повернуть вспять, но на них из снежного марева накатывались задние шеренги атакующих. Грозная лавина превратилась в беспорядочную толпу из лошадей и всадников, которые в отчаянии метались между убитыми и ранеными, навзничь лежащими в окровавленном грязном снегу, в который будто сбесившиеся лошади скидывали своих седоков. Эту обезумевшую от смерти и крови, от ярости и бессилия толпу, бестолково мечущуюся перед суровыми батальонами, залп за залпом методично расстреливали шведы.

Так начиналось кровавое дело при Гумельсгофе в 1701 году, при Эрестфере в 1702 году. То же самое наблюдалось при Калише в 1706 году. В этих боях честь победы над сильным противником принадлежит пехоте. Матушка-пехота поспевала к сражению в самый разгар и сумела сделать то, что не под силу было разномастной коннице. Спешивалась и строилась солдатским обычаем драгуния. Вот они-то, солдаты да пешие драгуны и прорывали железные каре шведов. Как стаи

волков, на отступающих шаг за шагом шведов, налетали ослеплённые жаждой мщения поместные, драгуны. Чужую близкую поживу, сметая последние островки сопротивления, рвались к шведским обозам конные татары, казаки. Всё заканчивалось поголовным избиением противника. Опыянённые кровью, озверелые от убийств, победители пленных не брали. Правда, сопротивление скандинавов преодолеть удавалось не всегда. При Мур-Мызе в 1705 году всё закончилось досадным поражением. Эти бои местного значения, тем не менее, имели стратегическое значение. Огнём и мечом были завоёваны богатые земли шведской Прибалтики.

Другое решительное дело, при деревне Лесной (28 сентября 1708 года), лишило главную армию шведов поддержки 16-тысячного корпуса Левенгаупта и стратегических запасов продовольствия и боеприпасов. Это обстоятельство заставило взбалмошного Карла XII отказаться от первоначального плана похода на Москву и направить свою армию на Украину. Наконец, венцом стратегии Петра стала Полтава (27 июня 1709 года). Она явилась концом военного могущества Швеции. После этой, по истине, эпохальной битвы стратегическая инициатива окончательно переходит в руки Петра.

Западноевропейская военная наука конца XVII – начала XVIII веков требовала надёжного прикрытия всех возможных направлений вторжения противника. Войска перед войной рассредотачивались кордоном вдоль границ, стараясь прикрыть её по всей протяжённости. Это приводило к распылению сил по приграничным крепостям и укреплённым пунктам. Так, например, действовала баварская армия в кампании 1706 года. После сокрушительного разгрома под Турином все баварские крепости были сданы противнику вместе с гарнизонами. 60-тысячная армия, распыленная гарнизонами по всей стране, перестала существовать.

Вот пример стратегического развёртывания противников в кампании войны за испанское наследство 1709 года. Французская армия Лафельда осаждала Турин. Другая армия, Вандо-

ма, прикрывала её с востока. Маршал Вандом расположил свои войска в соответствии с бытующими в военной науке взглядами, т.е. кордоном. Его 30-тысячная армия была разбросана на почти 100-км фронте. Так же действовал его противник – знаменитый Евгений Савойский⁷¹.

Стратегический замысел Петра по овладению прибалтийскими провинциями реализуется с завидной настойчивостью. На главном направлении сосредотачиваются лучшие полки, цвет российского воинства: гвардия, вновь созданные, но уже имеющие определённый опыт, регулярные полки, поместная и драгунская конница. Как полководец, Пётр создаёт подавляющее превосходство своих сил на прибалтийском театре военных действий. Действующая группировка имеет надёжно обеспеченную операционную линию. Через Новгород и Псков она питает всем необходимым ведущую тяжёлую борьбу армию. Стратегическая цель в конце концов достигнута. Прибалтийские крепости в руках царя, Пётр становится хозяином завоёванного края. Пётр искусно подготавливает осуществление своих целей и на дипломатическом фронте. Достигнуто относительное умиротворение южного воинственного соседа – Турции и его хищного вассала – Крыма. Изменчивый слабый союзник, Август саксонский, всячески поддерживается, морально, дипломатически, финансами и войсками. Русские войска действуют и на второстепенных направлениях, в Курляндии, в Литве, в Польше. Но это лишь вспомогательные контингенты. В их составе стрелецкие полки, малороссийские казаки. Их цель – поддержка сил агонизирующего союзника. Русско-польско-саксонские войска там вновь и вновь разгромлены шведами, но их жертвы не напрасны. В стратегической игре Петра им была уготована отвлекающая роль, которую они исполнили как нельзя лучше. В кампаниях 1700–1706 годов выигравшей стороной оказалась Россия, проигравшей – Саксония. Для Швеции годы блестящих побед обернулись бесполезной тратой лучших солдат, потерей бесценного времени и скудных ресурсов.

Также тщательно был продуман и блестяще осуществлён стратегический план на следующем этапе войны. План кампании 1708–1709 годов, разработанный Петром, намечал активную оборону по двум операционным линиям: на Москву и на Ингрию. Юго-западное (киевское) направление определялось как второстепенное. На главном театре военных действий войска располагались компактно, в готовности выдвинуться на угрожаемые направления. Здесь вновь сказался стратегический и организаторско-административный гений Петра. Всестороннее обеспечение операции и района предстоящих боёв, дипломатическая, материально-тыловая, военно-техническая, инженерно-фортификационная, наконец, морально-психологическая подготовка военных действий, концентрация усилий, сосредоточение и напряжение всех возможных сил. Всё было поставлено на карту, всё предусмотрено. В выбранную стратегическую линию гармонично вписывалась традиционно «русско-азиатская» тактика заманивания противника вглубь территории, изматывания и ослабления его сил в арьергардных боях. При обороне городов, укреплённых пунктов, растягивания коммуникаций противника, «оголошение провианта и фуража».

Незаменимыми в малой войне оказались рода допетровского войска: иррегулярные отряды малороссийских и донских казаков, татар, калмыков, дворянские поместные сотни и т.д. Именно они вынесли на себе основную тяжесть партизанской войны: вели разведку и поиск, разоряли вокруг шведов местность, захватывали пленных и материальные припасы, совершали дерзкие налёты и блокировали отдельные части шведской армии и т.д. В наиболее тяжёлое время шведского нашествия военная переписка буквально пестрит упоминаниями о действиях казаков и калмыков. Вот только некоторые реляции Петру командующего отдельным корпусом генерала Боура. Донесение от 10 сентября 1708 года: «... у урочища Колодец неприятель остановился и вышло шведов с 1000 человек и волохи против наших казаков и калмыков и против них

послал я полк Моризэля с 1000 человек. И шведов против наших ещё прибавилось и послал я полковника фон Кревкора с 300 человек...»⁷². Донесение от 13 сентября 1708 года: «...вчерашнего дня послано от меня в партию 1000 человек драгунов да 1000 человек казаков да калмыков для подлинного уведомления об неприятельской обороне»⁷³. Донесение от 15 сентября 1708 года: «...Стоял я у деревни Тишково двое суток и смотрел на оборот неприятельский. И вчерашнего дня отправлен был полковник Леонтьев с командированными людьми и с ним казаки и калмыки, заехав с тылу, ударили и взяли двух рейтар и двух холопов»⁷⁴. 23 сентября была послана партия генерала-майора Микуша, состоявшая из драгун, казаков и калмыков. В ходе поиска «казаки и калмыки отбили два фурмана с мундиром»⁷⁵. 27 сентября 1708 года на поиск Левенгаупта был послан отряд полковника Леонтьева, состоящий из тех же казаков и калмыков.

Незаменимость лёгкой иррегулярной конницы в условиях манёвренной малой войны была очевидна. Капитан-поручик Преображенского полка Ф. Бартенёв обращался к царю: «...хорошо б пожаловать нам сто человек казаков да калмыков для разъездов, чтоб не всегда драгун мучить»⁷⁶. Зимой 1706 года король Август покинул осаждённый Гродно и выехал в Тикоцын. Его сопровождали четыре русских драгунских полка. Петром было указано: «Казаков при четырёх драгунских полках, пребывающих в Тикоцыне, оставить, дабы с тех мест иметь и провиант бы можно выбирать»⁷⁷. Генерал А.Репнин в ответ на приказание А. Меншикова срочно отправить к нему бригаду Шидловского, состоящую, в основном из иррегулярных частей, просит донских казаков «... у себя оставить 500 или 1000...»⁷⁸. Как свидетельствуют документы, без лёгкой и подвижной иррегулярной конницы, которую так презирали поборники «правильного регулярного» образа военных действий, русской армии пришлось бы тяжело. Летучие станицы казаков, неуловимые ватаги татар и калмыков были глазами и ушами станвого хребта армии – регулярных солдатских полков. Не-

умение вести бой в стройных боевых порядках, незнакомство с европейскими уставами и артикулами никак не повлияло на боеспособности традиционных родов войск русской армии. Необходимо отметить, что претензии на уникальность подобного образа действий безосновательны. Партизанские действия имели место во всех или почти во всех европейских войнах. Набеги, разведки, засады и т.д. – всё это было достаточно близко знакомо европейской военной науке. Но только на Востоке и Юго-востоке Европы подобная война становится областью стратегии. На Западе партизанская тактика так и не переросла рамки обеспечения крупномасштабных действий. Пока что этому варварскому военному обычаю в Европе следуют исключительно полудикие венгры. Но именно за этот обычай их всё чаще и чаще нанимают на службу австрийцы, затем – французы, немцы. У самого Карла XII служат наёмные валахи, шведский вариант иррегулярной лёгкой конницы. Впрочем, с казаками и татарами им конкурировать было трудно. Впоследствии роль лёгких конных иррегулярных войск будет по достоинству оценена, и их количество в армиях Европы будет постоянно повышаться. В войнах XVIII века ещё скажут своё веское слово вольные легионы маршала де Сакса, венгерские гусары и гусары Фридриха Великого. Но это было ещё впереди. Пока же нестигаемые шведы жестоко терпели от жалящих укусов вездесущих лёгких русских отрядов.

Гибкость тактики Петра проявлялась в том, что он чередовал оборонительные, изматывающие противника действия с решительными ударами по его отдельным отрядам. Для этого часто применялся так называемый «корволант» или летучий отряд. В современной тактике войск есть аналогичный элемент боевого порядка, он называется по-разному, передовой отряд, рейдовый отряд. Успех общевойскового боя современная тактика во многом связывает с решительными и умелыми действиями этих отрядов. Часто к ним прибегал и Пётр. «Корволант» состоял, как правило, из кавалерии или пехоты, посаженной на лошадей, и предназначался для стремительного маневра.

Во время кампании в Белоруссии и Украине против шведов особенно рельефно проявилась гибкость и многовариантность тактики русских войск. Петр вёл себя очень осторожно, не лез на рожон, уклонялся от ненужного риска, избегал столкновения с главными силами Карла XII. Но когда предоставляется возможность поразить отдельный корпус Левенгаупта, он действует решительно и без колебаний. «Корволант» под командованием самого Петра совершает стремительный марш-маневр и, предупредив попытки Левенгаупта соединиться с королём, уничтожает его при Лесной. Таковы же по своему замыслу, стремительности исполнения и значению марш-маневр отряда Меншикова к Батурину в ноябре 1708 года, корпуса Ренне – к Браилову в 1711 году, отряда злополучного Януса – к Пруту. Наконец, Полтавское сражение – венец стратегии Петра I. Обескровленная, ослабленная полуторолетней борьбой с голодом и русскими, почти без пороха и артиллерии, морально подавленная кучка шведов, отрезанная от своих баз, окружённая враждебно настроенным населением и почти втрое превосходящим противником, без малейшей надежды на успех, наголову разбита в полевом бою.

Таким образом, в вопросах стратегии и тактики русское военное искусство следовало своим национальным путём. Особенно это проявлялось в стратегическом планировании кампаний, использовании отдельных родов войск, массовом применении иррегулярных отрядов и других традиционных для русского военного искусства методах ведения войны. Следует отметить, что национальная тенденция превалировала в самое тяжёлое для государства время, когда союзники были повержены, противник находился в зените боевой славы. Приходилось рассчитывать только на свои силы. Это лишний раз подчёркивало роль национальных начал в деле создания русской регулярной армии.

На фоне блестящих успехов Петрова воинства требуют объяснения факты весьма скромных военных заслуг предше-

ствующей эпохи. Если военное достояние прошедших веков достойно изучения и развития, почему же нечем подтвердить сильные стороны этой самобытности? Да, действительно, примерно полвека до рассматриваемой эпохи Россия не знала ни громких побед, ни выдающихся полководцев. Наоборот, всё больше обидных неудач да досадных поражений. Военные деяния Петра – как бальзам на уязвлённую душу патриотично настроенным соотечественникам, уж и не мечтавшим о лаврах ратных подвигов. Как не славить Преобразователя, к тому же, первого полководца, поднявшего на недостижимую высоту боевую репутацию России. И всё-таки нельзя полностью согласиться с противопоставлением низкой боеспособности старой армии и выдающихся боевых качеств петровского войска. Повторимся, армия оставалась практически той же, с той же организацией, управлением, боеспособностью, дисциплиной. А в чём же разница? Во-первых, в неблагоприятной политической обстановке – тогда, и в подходящей – теперь. Поэтому, тогда не добились ничего, воевали со всеми одновременно, теперь же – только против одной Швеции, потому и победили. И, во-вторых, боеспособность и той, допетровской, и петровской армий были примерно на одном уровне, а вот опыта у первой действительно не доставало. Просто не успевала она накопить достаточно боевого опыта. Если мы проанализируем большие и малые войны данной эпохи, то нетрудно заметить, что самые тяжёлые неудачи терпели войска в начале войн, когда армии не хватало опыта. Это полностью подтвердило и начало шведской войны. Громкие победы приходились на середину или на заключительные этапы боевых действий, когда армия от первого военачальника до последнего обозного приобретала устойчивые навыки, училась на своих поражениях, мужала в сражениях. Петровские войны были продолжительными и ожесточёнными в отличие от предшествующих. Эта продолжительность и дала возможность пережить потрясения первых лет, накопить опыт и реализовать его в блестящих завершающих военных операциях. Допетровская армия просто

не успевала реализовать накопленный в неудачах опыт. Войны второй половины XVII века были кратковременными, это были или походы, или осады. Первые неудачи становились, вместе с тем, и последними крупными событиями, после чего боевые действия или прекращались или переходили в фазу малозначительных, изматывающих обоих противников действий. Петровская армия воевала почти четверть века. Вот самая существенная разница между допетровской и петровской армиями. Вот в чём основная причина громких побед молодой регулярной армии: не в магическом европейском «регуляторстве», а в продолжительности войн этой эпохи. Иногда и подготовленная, хорошо оснащённая, но не имеющая достаточного опыта армия терпела тяжёлые поражения и наоборот, слабое, но опытное войско одерживало выдающиеся победы. Много примеров этому знает военная история. Так, знаменитый А.В. Суворов в суровых Альпах находит бессмертную славу себе и своим «чудо-богатырям». Это и одно из главных действующих лиц данной работы – Карл XII со своими «чудо-викингами», под Нарвой показавший чудеса храбрости и мужества, просим прощение за не совсем уместные аналогии.

Важной частью военного строительства всегда выступала финансовая сторона. Ещё не были сказаны крылатые слова классика о том, что деньги были и остаются живительным ручейком, питающим войну, но это не меняло сути дела. Все попытки совершенствования армии полностью и непосредственно зависели от полноты государственной казны, от быстроты её пополнения, от эффективности налоговой системы и платежеспособности населения. Особенностью государственно-финансового устройства России XVII века было то, что правительство из государственных средств удовлетворяло, прежде всего, нужды армии. В 1680 году на военные нужды тратилось почти половина поступающих в центральную казну доходов. Для сравнения, на дела, относящиеся к благоустройству общества, отпускалось только 5% всех доходов. Почти непрерывные войны оборачивались беспрецедентным ростом военных расходов. С

1631 по 1680 год стоимость армии возросла в три раза, составив баснословную сумму в 10 миллионов рублей по курсу середины XIX века. Большую часть этой суммы составляли прямые налоги. Война постоянно дорожала. Если печально закончившийся полутороговой поход к Смоленску в 1632 стоил московскому правительству в 7–8 миллионов рублей, то только две кампании польской войны 1654–55 годов обошлись России в 18–20 миллионов рублей. Из-за военных расходов государство постоянно балансировало на грани финансового краха. Опасность банкротства усугублял известный беспорядок во взимании податей с тяглого населения. Правильно составленного сбалансированного бюджета не было. Приходом и расходом ведали десятки приказов, причём, приходные и расходные статьи были распределены между ними без строгой системы. Посадское население и часть уездов были обязаны платить так называемую стрелецкую подать на содержание войска. Она составляла от 80 копеек до 2 рублей со двора. Остальное население платило по 10 копеек подворной подати. Из косвенных налогов важнейшими являлись таможенные, кабацкие сборы и т.д. Во взимании прямых налогов определённую роль играло местное самоуправление. Государство лишь раскладывало подать на посадские и сельские общины, предоставляя им право самим перераспределять обложение дворов. В период особого напряжения прибегали к экстренным сборам, а уж после войны предпринимали финансовые меры, имевшие целью установить постоянные источники доходов для удовлетворения всё возрастающих военных нужд. В судорожных попытках изыскать дополнительные источники пополнения опустевшей казны правительство проявляло верх изобретательности. Иногда подобные меры выглядели довольно сомнительными с юридической да и с нравственной точки зрения. Такие черты финансирования армии в, основном, сохранились в первом десятилетии XVIII века.

Строительство армии и ведение войны стали первопричиной социально-экономических преобразований рубежа

XVII–VIII веков. Формирование регулярного войска, как ни странно, стало мощным локомотивом прогресса петровской России. Фактически, всё, что предпринималось правительством в тех или иных сферах, что спустя десятилетия получит громкое название реформ, имело перед собой весьма банальную цель – изыскание новых доходных статей, собирание денег. Денег, которые затем вновь будут пущены на военные нужды. Попытки упорядочить финансово-бюджетную сферу привели к учреждению в 1699 году Бурмистерской палаты или Ратуши, заведовавшей почти всеми государственными доходами. Сюда стекались стрелецкая подать, оброки, таможенные и кабацкие сборы. С этим ведомством связывают начало крупномасштабных коренных преобразований в государственном устройстве России. По своей сути это была очередная попытка централизации налоговой системы. Преемственность этой меры петровского правительства очевидна, так как централизаторская политика практически во всех отраслях государственного механизма утверждалась в течение всего предшествующего периода. Историки находят этот процесс закономерным. Действительно, централизация стала обязательным условием складывания абсолютистско-бюрократических режимов правления не только в России, но и во многих других государствах.

Первый крупный шаг в деле централизации податной системы сделал ещё А.Л. Ордин-Нащокин, составитель Новоторгового устава 1667 года. Видный политический деятель и сановник в правительстве Алексея Михайловича, он видел в централизации действенную меру преодоления многих неурядиц в жизни Московского государства. Неустроенность посадского населения, по его мнению, происходили из-за того, что оно находилось под управлением многих приказов. Он первым заговорил о необходимости создания единого ведомства, которое бы занималось проблемами городов и их населением. Он ратовал за ограничение власти местных воевод, как посреднического звена в торгово-налоговой политике государства. Действительно, законодательство встало на путь реализации этих пред-

начертаний. Посадское население было изъято из-под фискальной власти воевод в ходе финансовой реформы 1679–81 годов. На посадских, как и на черносошных крестьян русского севера, власти возложили самую обременительную подать – стрелецкую. А воеводы были отстранены от вмешательства в налоговые сборы с посадов. Их полномочия передавались посадским выборным. Облечённые доверием общества, выборные напрямую общались со Стрелецким приказом, где концентрировалась стрелецкая подать, и с приказом Большой казны, который собирал косвенные налоги. Воеводы, как посредники, были выключены из этой цепи. Правда, за ними была сохранена судебная власть над подчинёнными посадами и их населением. Более-менее заметные попытки объединения финансово-податных функций, как и приказов, в одних руках, под одной ведомственной крышей упорно предпринимались на протяжении всей второй половины XVII века.

Пётр движется в том же направлении, но действует решительно и твёрже. Его городская реформа ещё сильнее ограничивает полномочия воевод в пользу центральных приказов. Созданная им Бурмистерская палата стала тем ведомством, о котором мечтал один из лучших министров его отца, Алексея Михайловича. Она окончательно устранила воевод от управления посадским населением. Впредь посадами ведала Ратуша.

Но и Петру не удалось преодолеть известную раздробленность финансово-податного механизма государства. Во всяком случае, в рассматриваемый период финансовое управление расплылось по многим приказам и ведомствам. Как и в XVII веке, в содержании и финансировании армии принимали участие многие учреждения, основным из которых была Ратуша. Попытка формирования эффективного военного приходно-расходного механизма была просто невозможна, так как единой государственной бюджетной политики просто не существовало. Порядок финансирования воинских частей и снабжения всем необходимым постоянно менялся. Как правило, денежные суммы, положенные на содержание войск, поступали из Ратуши в При-

каз военных дел, и только затем – в полки. В 1703–1704 годах Ратуша по нарядам Приказа военных дел посылала необходимые суммы в войска непосредственно, минуя последний⁷⁹. Стрелецкие войска содержались Земским приказом, гвардия – Преображенским.

В 1701–1702 годах Ратуша финансировала 30 солдатских и 2 драгунских полка. Второстепенным источником доходов ведали Разрядный, Поместный приказы, Приказ Большой казны.

В 1706 году жалованье на ратных людей посылалось: на рейтар, солдат и пушкарей – из Ратуши; на стрельцов – из Земского приказа; «Преображенского и Семёновского полков офицерам, которые в стрелецких полках записаны за поручиков, жалованье даётся из Земского приказа, остальным – из Ратуши»⁸⁰.

Такая раздробленность приходно-расходной системы сохранялась долгое время. В 1709 году 39 солдатских полков находились на содержании Ратуши, полк Ренцеля – на содержании Приказа Большой казны, Каргопольский полк – Приказа земских дел, Галицкий полк – Приказа военных дел⁸¹. В 1710 году регулярные войска финансировались двенадцатью отдельными ведомствами и учреждениями (см. приложение).

С ростом армии увеличились расходы на её содержание. Правительство Петра действовало совершенно тем же путём, как и правительство Михаила Фёдоровича и Алексея Михайловича. Не долго думая, учреждаются новые подати. 1 января 1701 года вводится так называемый «драгунский сбор», который должен был обеспечить формирование драгунских полков. Доход от этой подати поступал в Приказ Большой казны, который и занимался устройством «новоприборных» драгунских частей. Позднее эта статья доходов вместе с драгунскими полками были переданы в ведомство Военного приказа. Доходы от известного налога с гербовой бумаги поступали в Оружейную палату. Сбором «драгунских» денег в различное время занимались Монастырский приказ, Ратуша, Дворцовая канцелярия, Сибирский приказ, Ингерманландская канцелярия⁸². Затягивание войны, ужесточение военного бремени заставляло правительство прибегать

к различным ухищрениям. Со временем налогами были обложены многие промыслы, бани, мельницы, пчельники, постоянные дворы, рыбная ловля⁸³ и т.д. Все эти отчаянные меры носили чрезвычайный характер и не в состоянии были кардинально решить проблему финансирования действующей армии.

Трудности финансово-бюджетной системы не могли не сказаться на содержании армии. Сложность и запутанность существующего приходно-расходного механизма оборачивалась тем, что источники содержания полков менялись почти ежегодно. Часто самому Петру приходилось вмешиваться и определять ведомство, которое будет содержать тот или иной полк. «В прошлом 1706 году августа в 9 день по именному Великого Государя указу... велено на дачу... жалованья генералам и полковникам, и начальным людям, и драгунам и солдатам, всего на 74 полка и на иные дачи денежные казны посылать из Ратуши и из разных приказов... В том числе, на драгунский на Фёдоров полк Фастмана – из приказов, где сыщется казна на один 1707 год, а впредь откуда деньги на тот полк искать, о том велено выписать в докладе»⁸⁴. Проблема изыскания средств, чтобы накормить, обуть, одеть и дать положенное жалованье ратным людям уже тогда была, пожалуй, самой острой и болезненной. Изрядная доля царской переписки тех лет – это слёзные просьбы воевод и генералов найти деньги на содержание войск. И часто самому царю было не просто разрешить эту проблему. Рачительный боярин Ф.Ю. Ромодановский, заведовавший казной, не торопился выполнять указы Петра по выплате жалованья войскам. На его скупость, граничившую с ослушанием, жалуется царю Ф. Головин: «... драгунам, которые вновь прибраны, на дачу жалованья деньги откуда позволишь взять, а князь Фёдор Юрьевич в деньгах отказал..., прикажи драгунам хотя небольшое жалованье выдать, а то страх того, чтоб не разбежались». На следующий день, 6 марта 1700 года, вновь слышится отчаяние: «...пожалуй, Государь, изволь ко мне отписать драгунам новым на жалованье деньги где повелишь взять и по чему давать? А без жалованья им быть невозможно».

Общие черты с дореформенной армией регулярные полки сохраняли на всём протяжении первого десятилетия XVIII века.

Нетрудно провести аналогию между денежным довольствием солдат и офицеров двух эпох. Основную массу офицеров продолжали составлять поместные дворяне. Жалованье им назначалось по их поместному окладу. За каждый имеющийся у помещика крестьянский двор делались вычеты из денежного жалованья. Так, у русских поручиков, например, они составляли по 6 алтын 4 деньги в месяц⁸⁵. Дьяк Яицкий так объяснял нехитрый механизм вычетов: «...беру списки за руками и подкреплением, сколько за кем крестьянских и бобыльских дворов, и у тех полковников из годовой дачи вычитаю по рублю по 21 алтыну по 4 деньги за двор»⁸⁶.

Обязательной процедурой оформления на должность вновь прибывшего дворянина, офицера или солдата, был учёт и проверка числившихся за ним крестьянских дворов. Так, Ф.И. Головину, ведавшему формированием первых драгунских полков в Преображенском, строго было указано «...с урядников и рядовых драгун взять скаски, сколько за ними крестьянских дворов, кто женат или холост, матери, братья, сёстры с ними в одном дворе живут ли». Такие подробные сведения о ратных людях собирались в Приказе военных дел. Этот порядок без существенных изменений был унаследован от старой военно-бюрократической машины. Ключевые его положения были установлены ещё указом Алексея Михайловича от 16 апреля 1670 года. Этот документ определял размеры жалованья, вычетов за дворы и поместья для офицеров рейтарского и солдатского строя.

Таким образом, финансово-бюджетная система рассматриваемого периода строительства регулярной армии, в общем, сохранила дореформенные черты: продолжала работать старая налоговая система, приходно-расходные статьи были рассосредоточены по многим ведомствам. Финансово-тыловая служба оставалась также децентрализованной и раздробленной, система взаимоотношений между учреждениями и ведомствами –

сложной и громоздкой. Тем не менее, военно-бюрократический аппарат, доказал свою жизнестойкость, бесперебойно снабжая армию всем необходимым и поддерживая её боеспособность на высоком уровне.

Боеготовность петровской, как и старомосковской армии, определяло многочисленное служилое сословие, что являлось ещё одной общей чертой и определяло преимущество армии той эпохи. В отечественной мемуарной и исторической литературе укоренилась определённая традиция создания образа воина-помещика. Её энергично подхватывали новые поколения историков. Каждый в меру своей талантливости и компетентности дополнял его портрет новыми штрихами и оттенками. Всё многообразие литературно-художественных и научно-исторических деталей постепенно сложились в собирательный образ. Это – горемыка-помещик, оскудевший, с тяжёлым сердцем по указу отправляющийся на государеву службу в дальний поход. Позади он оставлял покосившуюся хату, голодное семейство. Впереди его ожидала неведомая сторона, невзгоды и тяготы походной жизни. А может быть и гибель от татарской сабли или польской пули. Безрадостность картины усиливалась соответствующим интерьером: разорённое хозяйство, ржавая сабля в ножнах, понуро опущенная голова старой лошади.

Как ни странно, в европейской военно-исторической литературе укоренилась другая, назовём её авантюрно-приключенческая, традиция. Молодой дворянин тяготится однообразием размеренной жизни в родовом гнезде. С благословения родителей или без него он с радостью покидает его и едет на службу, в поисках славы, чести. Жажда приключений и богатства движут им, заставляют его пополнять ряды таких же сорви-голов, под тем или иным знаменем пускавшихся в сомнительные отчаянные предприятия. Они открывали неведомые континенты, осваивали и покоряли новые земли, пиратствовали, искали сокровища, наконец, просто воевали.

В отечественной литературе существуют аналоги подобных героев. Это, в основном, вольное казачество, донское, за-

порожское, люди свободные, все сплошь авантюристы, бродяги. Наш, доморощенный вариант конквистадоров, флибустьеров и пиратов, ни в чём им не уступавший. Разве что в том, что не нашлось талантливого доморощенного Александра Дюма, Майн Рида, Рафаэля Сабатини, который бы создал романтический ареал вокруг этих охотников за зипунами и шарпальщиков. Наши художники рисовали их сплошь борцами против эксплуататоров и мироедов, создавая пример для идейного воспитания масс. Куда уж здесь до привлекательного образа удачливых разбойников. О дворянстве же и речи не было. Никак оно не вписывалось в образ военных авантюристов, лёгких на подъём, готовых отправиться к чёрту на рога. Почему, трудно сказать. Неужели молодые отпрыски даже родовитых фамилий не переживали романтику молодости, пьянящее искушение покинуть затхлый отчий терем, отправиться погулять, себя показать, людей посмотреть. Вполне возможно, такой разительный контраст в литературно-исторических образах отечественного и европейского дворянства происходит от недостатка информации. Может быть, от художественно-исторической традиции отечественной литературы, от идеологических штампов советских времён, долгие годы давлёвших над литературой определённых жанров. Хотя, известны исторические факты, подтверждающие обратное, а именно, пассионарность русского служилого люда, в которой наша литературно-художественная традиция им почему-то отказывает. В сочинениях В.О. Ключевского мы можем услышать голос московского дворянства, готового взяться за сабли против внешнего врага. Этот голос звучит с трибун Земских соборов, решавших вопросы войны и мира. Царь спрашивал своих служилых людей: воевать или не воевать. Дворянство отдаёт свой голос за войну. Так было на Земских соборах 1621, 1632, 1653 годов. С благословенья соборов и согласия служилого сословия начались войны 1632–34 годов, 1654–67 годов. В 1642 году воинственность дворянства была уравновешена жалобами на разорения со стороны сильных мира сего и тре-

бованиями правого суда над последними. Впрочем, дворянство не отказывалось от своего долга, если на то будет воля государя. Российское дворянство несколько отличалось от того, каким его создаёт отечественная литературная традиция.

Война – стихия, о двух сторонах. С одной – тяготы и лишения, с другой – реальная возможность поправить материальное благополучие.

Вместе с тем, именно в строительстве офицерского корпуса регулярной армии просматривается преемственность кадровой политики русского правительства XVII – начала XVIII веков. Не смотря на субъективное неприятие прошлого, деятельность Петра стала венцом сложной и порой противоречивой политики московских царей прошедшего века. И, прежде всего, по укреплению дворянского сословия, утверждению его корпоративности, оформлению его, как станового хребта будущей империи. Всё, что произошло с разношерстным служилым сословием при Петре, было подготовлено ходом социально-политического развития предыдущей эпохи. Ни Пётр создал верное ему российское дворянство. Он лишь пожинал плоды постепенной кропотливой деятельности предшественников. Дворянство оформилось не сразу, не в одночасье. Пёстрое, разношерстное сословие служилых людей не было однородным ни в социальном плане, ни в политическом, ни – в юридическом. Это сословие возглавляли первые московские вельможи, владеющие тысячами крестьянских дворов, в поход они выступали в окружении блестящей свиты и многочисленной дворни. К служилым же относились и бедные ратники со степных рубежей. У них во владении не было ни одного крестьянина, не было денег даже на приобретение исправной лошади для похода. Кроме того, ещё существовали пережитки архаичной феодальной иерархии Московского царства в виде множества промежуточных социальных прослоек. Эти слои были близки и к монастырским служкам и к многоликому холопству, наконец, к крестьянству. Тем не менее, все они числились в Приказах как государевы служилые люди. Эволюция этого громадного слоя

военного населения шла по пути его упорядочения по социально-имущественному признаку. Постепенно из всей массы выделялось среднее ядро. Оно представляло боеспособную, прилично экипированную часть поместного войска, на него делалась ставка во внутренней политике, его цари видят главной опорой в борьбе за укрепление собственной власти, а потому всячески поддерживают. Они-то и стали собственно дворянством. То, что было ниже, всё отсекается. Беднейшие слои служилых постепенно переходят в низшие сословия, к которым они были экономически ближе. Правительство переводит их в менее престижные службы: в солдаты, пушкарские чины, в городское казачество. Часто они пополняют собою тяглые сословия, записываются в посадские или в крестьянство, навсегда распрощавшись со служилым классом. Чтобы закрепить результаты социальных подвижек в служилом сословии, предотвратить переход из него в другие слои, правительство прибегает к механизму наследственности. Наследственность жёстко закрепляет социальную структуру служилых землевладельцев, придаёт ей достаточно определённые корпоративные формы. Так постепенно определяется лицо российского дворянства. Сущностным признаком его является владение землёй и крепостными крестьянами. Правительство давно подумывает о том, чтобы сделать это условие исключительным правом дворянства, но реализовать эту задумку на деле ему удастся гораздо позднее. Сливками служилого сословия считалась столичная княжеско-боярская элита. В XVII веке эта аристократическая верхушка сословия постепенно хиреет. Вырождается физически, теряет политический вес, уступая место у кормила власти худородным профессионалам, выходцам из той же «золотой» середины. Провинциальное городское дворянство наступает по всем позициям, вытесняя своих обедневших собратьев в другие сословия и растворяя в себе родовую столичную знать. Фактическое уравнивание поместья, хозяйственной основы служилого люда, и вотчины, опоры родовой знати, подвело экономическую основу под эти социальные подвижки. Всем этим была

наполнена общественно-экономическая жизнь страны в эпоху, предшествующую Великим реформам. Хотя ни о каких оформленных программах в те времена не могло быть и речи, интуитивно верно были определены тенденции, даны направления развития, намечены важные ключевые положения.

Оформление однородности дворянского слоя класса завершал уже Преобразователь. К началу царствования Петра служилый земледельческий класс ещё сохранял пёстрое деление на чины: думные столичные и городовые (провинциальные). В документах начального периода войны наряду с офицерами сплошь и рядом упоминаются «начальные люди старых служб». Только к концу первой четверти XVIII процесс ликвидации отдельных прослоек феодального класса завершился. Целое сословие присвоило себе название одного из чинов старомосковских служилых людей и стало называться дворянством. Старые же чины постепенно отживали, но не путём законодательной отмены, а путём прекращения пожалования в них.

С 1695 года в Разряде прекратили писать в «стольники» и в «стряпчие», а с 1703 года – в низший столичный чин – в «жилецы». В 1711 году жилецкое звание вообще было уничтожено.

В 1678 году по «боярскому списку» в Боярской думе значилось 98 человек, 42 – боярина (11 – князья, т.е. получили боярский чин по знатности происхождения). В 1705 году в думских чинах числилось уже 59 лиц, по боярскому списку – только 22 вельможи (князей – 11 человек). Остальные все находились в дальних посылках и на службах.

Однородность дворянства достигается путём создания новой официальной иерархии чинов, более простой и чёткой по сравнению с запутанной старомосковской. Архаичное деление на служилых «по отечеству» и «по прибору», на столичных, думных и городовых чинов канула в небытие. Ведомость 1700 года наряду со старыми чинами вводила новую номенклатуру военных чинов, связанную с регулярной армией. Среди группы «начальных людей» упомянуты подполковники, майоры, поручи-

ки, прапорщики. Среди дворян нижних чинов встречаются рейтары и драгуны.

С падением прежнего чиновного строя служилые землевладельцы объединились в сословие под общим наименованием – дворянства или шляхетства. Но происходило это не сразу. Офицеры-дворяне регулярной армии в первом десятилетии нового века продолжали делиться на московских, выборных, городовых дворян, детей боярских. Они числились в приказах в соответствующих списках и статьях. Возврата к прошлому не ожидалось, но, тем не менее, иногда старые принципы давали о себе знать. Старомосковские чины некоторое время сохраняли давящее положение над новыми офицерскими званиями. Традиции и черты старомосковского войска продолжали жить в виде сословно-дворянских привилегий, сохранившихся в новой армии. Принцип знатности происхождения, например, учитывался при назначении дворянам офицерского жалованья. Так, капитан из царедворцев, состоявший в «московских чинах», получал 100 рублей в год, капитан из городовых дворян – только 50 рублей. Поручик из московских дворян получал 80 рублей в год, в то время как поручик из городовых дворян – только 40 рублей⁸⁷. Не зависимо от чина и должности, богатые владельцы служили вообще без казённого жалованья, беспоместные получали его и «без службы»⁸⁸.

В указах 1-ой четверти XVIII века появляется обращение «ко всему шляхетству». Постепенно с созданием армии и бюрократического аппарата выработалась чиновная номенклатура, соответствующая стремлению дворянства укрепить своё положение в новых условиях. В этой обстановке на первый план был выдвинут принцип служебной годности, что позволяло назначать на высшие посты и неродовитых дворян, пополнять ряды дворянского сословия выходцами их других слоёв общества. Бюрократический принцип выслуги нашёл своё законченное выражение в знаменитой Табели о рангах 24.01.1722 года.

Таким образом, Пётр успешно решал задачи, поставленные ходом исторического развития в прошлом веке. Тем самым он

выступает в непривычной для нас роли преемника и последователя предыдущих правителей Российского государства. Правда, для достижения этих целей он решительно использует опыт близких и дальних соседей.

Пётр энергично участвует в перестройке чиновной организации дворянства, ломая недовольство и сопротивление его родовитой прослойки. Руководствуясь бюрократическим принципом выслуги, Пётр выражал пренебрежение к знатности происхождения и в указах и в личном отношении, так коробивших представителей родовой знати.

Знатному гедеминичу, князю Б.И. Куракину, царствование Петра представлялось временем «падения первых фамилий», когда «имя князей было смертельно возненавидено и уничтожено».

Успешное разрешение стоявших перед чиновничье-дворянской монархией задач требовало напряжённой безотрывной службы дворянства. Дворянское правительство строго следило за исполнением дворянами их обязанностей по гражданской и военной службе. Контроль осуществлялся периодическими смотрами как недорослей так временами и всего наличного состава дворянства. Наиболее крупный смотр был проведён в два приёма – в 1721 и 1722 годах, когда явка в Петербург или в Москву предписывалась всем дворянам как служащим, так и отставным, последним – для подтверждения данной им ранее отставки. Обязанностью специальной должностного лица при Сенате – герольдмейстера – был контроль за дворянской службой, чтобы отставных «более трети от каждой фамилии не было, чтобы служивых на земле и на море не оскудить».

Настоящим бичом русской армии XVII–XVIII веков было «нетство», то есть дезертирство служилых людей из армии, неявка в срок на службу и т.д. Этому способствовала, в первую очередь, бессрочность и тяготы службы, особенно военной. В петровское время к привычным лишениям военной службы добавились такие обстоятельства, как пренебрежение к принципу породы, обязательность обучения, посылки за границу. Часть дворянства, особенно те, кто отстал в чинах и был задет

нововведениями, старалась всеми возможными способами уклониться от исполнения ратного долга. Уже в начале войны «...многие офицеры после ругодивского (нарвского – А.К.) похода не хотелось впредь... Великому Государю служить, из полков от чину своего отбыли...», «вымыслами» добились себе незаконных отпусков «под притворством болезней и других коварств». Правительство жестоко карало «нетчиков». Зимой 1704–1705 годов виновники были направлены в Нарву, где наказаны кнутом, после чего сосланы с семьями в Азов⁸⁹. В мае 1705 года из 93 офицеров, направленных в Севск во вновь формируемые полки, ни один к указанному сроку не явился.

«Нетство» русских дворян, как и измена иноземных офицеров, доставляли немало проблем командованию. В течение всего царствования издавались грозные указы о наказаниях за уклонения от службы. Правительство грозило нетчикам то «жестоким наказанием и разорением», то тюрьмою и отдачей всего имущества и имения доносителю, «какого б оный низкого чину не был». Самой действенной мерой против «нетчиков» была конфискация их поместий и вотчин в казну. Приказ военных дел предписывал воеводам: «...буде они...нетчики...схоронятся и от посыльных укроются, деревни их со всеми угодыми и пожитки отписать в казну», дома помещиков опечатать, жён и детей «выслать вон»⁹⁰. Как правило, после того, как «нетчики» возвращались в строй, имения им возвращались.

К угрозам материального характера добавлялась кара нравственная. Указ 1722 года прибавлял позорящее честь дворянина «шельмование» и опубликование имён «нетчиков» на прибитых к виселице листах. Несмотря на эти строгости, случаи безнаказанного уклонения дворян от службы встречались нередко. Дворянин М.В. Данилов простодушно рассказывает в своих записках, как зять его, получивший большое наследство, нашёл «милостивца» в полковом секретаре, тот постоянно давал ему годовые отпуска «за малые деревенские гостинцы», состоявшие из «душек двенадцать мужеска пола с жёнами и с детьми» за год освобождения от военной службы.

В «Книге о скудности и богатстве» язвительный И.Т. Посошков перечисляет знакомых ему по новгородским местам дворян, успешно укрывавшихся от военной службы в своих деревнях то «юродством», то «дарами», а то посылкой вместо себя «убогого дворянина», то «защищением» сильных «правителей».

К сожалению, встречались и преступления посерьезнее. В 1708 году Петру докладывают о случае измены офицера: «...Шомбургова полку поручик Василий Кропотов ушёл из полков к шведскому королю и ныне при шведе». Поручик, будучи ещё в краковском походе, «...бил без всякой причины в Ченстокове в монастыре ксендза, за что посажен в караул. На него жаловался сам Август, требуя ему примерного наказания. Но при переправе через Вислу поручик подговорил караульного и трёх сопровождающих драгун. Вместе они ушли к шведам... а прежде он, поручик Кропоткин, во многих разбоях был и многожды пытан в Преображенском приказе... того ради изволь приказать поместье его и вотчины отписать»⁹¹. Правда, подобные преступления не были характерными для основной массы русского дворянства и встречались очень редко.

В целях борьбы с «нетством» в апреле 1710 года чиновники Приказа военных дел переписывали Московской губернии всех помещиков и недорослей, «...чтоб впредь никто никоим образом укрыться не мог»⁹². Помещики являлись в Москву или на ближайшие рекрутские станции для регистрации, для них составлялись отдельные списки⁹³.

Итак, сущность армии практически оставалась той же, что и при предшественниках. Разговоры о её коренном преображении в начале XVIII века сильно преувеличены. Оценки её строительства, как коренного реформирования, не всегда отвечают исторической истине. Ничего, что бы давало повод расценивать их как революционные преобразования или решительный скачок вперёд, в них не было. Наоборот, армия во многом сохраняла преемственность, не только внешнюю атрибутику, но и сущностные признаки. В принципе, петровские нововведения не выходили за рамки повседневной, разумной деятельности в

русле современного военного прогресса, не более того. Не было в них гениальных находок, искры неимоверного таланта, божественного осенения. Бесспорно, было завидное человеческое упорство и целеустремлённость, железная воля и трудолюбие. Другое дело, были заданы непомерно высокие для того неторопливого размеренного века темпы, под стать им авральные меры в строительстве войска. Для взнудания нерасторопных привычно прибегали к батогам и кнуту. Чуть реже – к дыбе и топору. Болезненная конвульсивность, нездоровая судорожная торопливость – вот что придавало петровскому этапу военного строительства свой неповторимый колорит, определяло его особый почерк.

Петровская армия сохранила национально-психологическое единство с народом. Речь идёт о национальном характере, о тех общих чертах психологии народа, которые присущи массовому сознанию, т.е. единый комплекс специфических социально-психологических черт народа. Рассуждения о национальных особенностях народа и армии особенно важны так, как речь на этих страницах идёт о достаточно мощном проникновении в Отечество чуждого нашей внутренней природе, нашей национальной культуре влияния. В том числе, влияния в сфере военной. Процесс этот сделал военное дело в Европе явлением космополитичным. Близкие национально-культурные традиции европейских народов помогли военному делу сравнительно легко преодолеть пограничные барьеры европейских государств. Ещё долго войско в Европе оставалось явлением вненациональным, космополитичным. Боеспособность армии и её национальное лицо, патриотизм солдат были понятиями разноплановыми, почти что не связанными друг с другом. Другое дело, искусство и опыт офицеров, дисциплинированность и подготовка солдат. Многое зависело от искусства военачальника, возглавлявшего войско. Всё это в совокупности определяло боевой дух армии, её превосходство над противником. О национальных же достоинствах или недостатках войска судить было просто глупо, потому что как такового национального войска в Европе

просто не существовало. Армии воюющей Европы в эту эпоху примерно наполовину состояли из иностранцев: немцев, швейцарцев, ирландцев, итальянцев, голландцев. Среди офицеров процент иностранцев был ещё выше, львиную долю их составляли уроженцы германских государств. Национально-психологическая составляющая морального духа европейской армии была минимальной. Подстать европейскому войску было и военное искусство, как теоретическое отражение космополитичности военной организации. По таким общеевропейским шаблонам Пётр собирался создавать российскую регулярную армию и учить её побеждать врага. Но если в части создания офицерского корпуса ему удалось приблизиться к среднестатистической европейской армии, то с рядовым составом было всё по-другому. В своей массе русская армия оставалась армией народной, мононациональной. Русский солдат сберёг национально-психологическую уникальность армии. Не побоимся патетики избитых выражений, армия оставалась плотью от плоти народа.

Вместе с тем, история петровских войн не сохранила привычных нашему читателю примеров массового героизма, как проявления внутренней духовной силы русского народа. Наоборот, историческая память воспроизводит картины массового бегства дворянского войска с поля брани. Да и регулярные части часто грешили малодушием, в панике разбегаясь перед грозным противником. Повальное «нетство» основной части нашего войска, служилых людей, заставляет задуматься о том, насколько ратные добродетели, воспетые отечественной патристически настроенной литературой, соответствовали истине. Что-то не чувствовалось у русского ратника духовного пре-

Рис. 23 Солдат стрелцкого приказа в праздничной одежде. По московской моде длинные рукава кафтана завязаны за спиной узлом. На груди металлический щиток, который обычно надевали в торжественных случаях, на боку богато украшенная сабля.

восходства, религиозно-нравственной силы перед протестантскими солдатами. Скорее, наоборот. Не проявлялась и хвалёная сплочённость русского общинного мира. Особенно, в первые годы войны.

Всё это требует объяснения. Попытаемся это сделать. Ну, во-первых, даже сильные черты национального характера могут проявляться, а могут и не проявляться. Всё зависит от того, созданы для этого условия или нет. История нашего Отечества знает примеры, когда оскорблённое иноземным вторжением национальное самосознание само-собой выплёскивалось энергией массового народного гнева. Северная война, как и все войны предшествующей эпохи не стали войнами отечественными. Не вставал вопрос о независимости Отечества, о сохранении православной веры, как это было в начале XVII века, в 1812, наконец, в 1941 годах. Цели войны, не смотря на их справедливый национальный характер, всё-таки оставались далёкими и непонятными для крестьянина-рекрута из глухой провинции.

А во-вторых, русский национальный характер имеет как сильные, так и слабые стороны. Анализ литературы, изучающей национально-психологический портрет нашего народа, позволяет выделить наиболее рациональный подход к описанию русского характера, предложенный Н.О. Лосским. Учитывая всю сложность и многогранность проблемы, он весьма оригинально подбирает путь к её решению. Во-первых, выделяет те основные нравственно-психологические свойства, которые реально присущи русскому народу. Во-вторых, выводит из каждого свойства пару противоположностей – положительных и отрицательных, на которые оно распадается. Это действительно помогает избежать односторонности в оценках национального характера русского народа – непомерного его восхваления либо принижения.

Анализ характера русского народа позволяет выделить следующие его черты: духовность, сложные отношения с властью, развитый нравственный опыт, доверчивость и легковерие, способность к высшим формам опыта, высокий творческий потенциал, недостаток среднего уровня культуры.

Духовность, как отмечали в своих трудах Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Н.О. Лосский, В.С. Соловьёв, проявляется в религиозности русского народа и связанном с ней поиском «абсолютного добра». Именно этим свойством характера нашего народа объясняется его неистовость, фантастическая нетерпимость и экстремизм. Воинственный атеизм большевиков есть не что иное, как обратная сторона духовности русского народа. Он никогда и ничего не делает пассивно, если поверит в идею. Ради неё он готов идти на любые жертвы. Об этом свидетельствуют и годы революционных потрясений, и годы строительства социализма, и ратные подвиги в годы Великой Отечественной войны, и трудовой энтузиазм восстановления разрушенного народного хозяйства и, конечно, неистовый энтузиазм при развале СССР.

Сложные отношения с властью связаны с тем, что Российское государство всегда выступало регулятором общественных отношений. Такая глобальная роль государства не могла не привести к тому, что пассивность и равнодушие к государственной власти, с одной стороны, и доходящая до рабской покорности в отношении к ней, с другой стороны, прочно отпечатались в сознании народа. Не желая брать на себя бремя политической власти, перепоручая её государству, он сохранял тем самым духовную свободу. Потребность же в сильной власти, вера в государство связаны в его сознании со стабильностью общества и собственной значимостью как великого народа. Наш народ по своей природе земледельческий. Духовный облик крестьянства во многом предопределил характер всего народа, воплотив в себе как лучшее, что в нём есть, так и негативные моменты. Многие исследователи подчёркивают в русском народе доброжелательность, сострадание, отсутствие национальных и религиозных предрассудков.

Но, оказалось, мало обладать возвышенными духовно-нравственными чертами, нужно заставить их проявляться в экстремальных условиях войны. Проявляться в виде морально-боевых качеств: стойкости в обороне, стремительности в атаке,

мужестве, дисциплинированности, исполнительности. В современной армии эта задача возложена на специальное морально-психологическое обеспечение боя. Это сложный комплекс разноплановых мероприятий, в ходе которых военнослужащего целенаправленно готовят правильно выполнять свои функциональные обязанности в бою. В XVIII веке русский служилый человек, ратник, солдат, может и преисполненный религиозно-нравственных добродетелей, не всегда психологически был готов к встрече с сильным опытным противником. К сожалению, о подобной подготовке тогда и речи быть не могло. Всё заменял накопленный боевой опыт, профессионализм, приобретённый ценой жизни тысяч солдат, годами лишений, походов, удачных и неудачных боёв.

Наиболее яркой чертой русского характера выступает общинность, в проявлении которой следует искать истоки и высокие и малопривлекательных качеств нашего народа. В общине имел место прочный дух коллективизма. Вместе с тем, там процветала уравнительность, круговая порука, да и коллективизм имел не только положительные стороны. «Исконный русский коллективизм, – отмечал Н. Бердяев, – всегда был враждебен культуре, враждебен личному началу, всегда тянул нас вниз, всегда мешал нам выйти к свету, в мировую ширь. Этот коллективизм парализовал у нас чувство личной ответственности и делал невозможной личную инициативу».

В условиях войны сама по себе общинность, как психологическая черта русского солдата, выступала категорией индеферентной, явлением нейтральным. Исполненный чувством коллективизма, солдат мог проявить недюжинную стойкость, а мог легко поддастся стадному паническому настроению. Общинный инстинкт приобретал боевую ценность только облеченный в строгие воинские формы: воинская дисциплина, исполнительность, сила приказа, отточенные до автоматизма строевые эволюции и т.д. Русская общинность, сплочённая строгим военным строем давала неоспоримое превосходство русским ратям. В петровское время, к сожалению, в полной мере гармонично-

го симбиоза европейской формы и национальной общинной сути достичь не удалось. Было положено только начало национальной военно-духовной школы воспитания. Внутренние глубинные инстинкты не были ещё усилены ярко выраженной национальной направленностью. Православное религиозное влияние не могло заменить целенаправленного военного воспитания с ярко выраженной национальной окраской. Всё это ещё будет в русской армии. Будет у нас плеяда замечательных полководцев-воспитателей. Но это было ещё впереди. А пока армия существовала в ареале традиционного московского менталитета, с его добродетелями и пороками. Русский крестьянин перенёс в полки и батальоны не только сплочённость и соборность, но и фатализм, отсутствие чувства собственного достоинства, правосознания, навыка к систематическому, дисциплинированному труду.

Особенно в советской литературе долгое время бытовали наивно-воспитательные попытки представить православное воинство в таком сплошь положительном слащавом образе, а наших противников, наоборот, – в отрицательном. Конечно же, это не отвечало истине. И с той и с другой стороны в военное время проявлялось в достаточной мере и доброе и злое. Обе стороны допускали варварские жестокости по отношению к пленным, к мирному населению. Хрестоматийным стал пример беспощадной расправы над русскими после Фрауштадтского разгрома. Их клали одного на другого на окровавленный снег и закалывали штыками и пиками. Так было казнено более 500 русских, многие из которых были пленены будучи тяжело ранеными. Вместе с тем, особую ненависть шведов к русским можно было объяснить. В составе королевской армии служило много уроженцев ливонских провинций. Целые полки были набраны из населения прибалтийского края. Именно там, где казаки и татары Б. Шереметева проносились опустошительным смерчем, оставляя после себя только смерть да обугленные развалины разорённых мыз. Чувство мести делало из прибалтов не только безжалостных убийц, но и самых дисциплинирован-

ных и преданных королю солдат. Даже по сравнению с природными шведами. Вопреки укоренившемуся в историографии мнению, что население Прибалтики встречало царские войска, как освободителей от шведского ярма, следует отметить, что архивные документы свидетельствуют иное. Осенью 1708 года губернатор Лифляндии докладывает Петру: «Пребезмерное нам чинят разорение латыши Копорского уезду и неприятелю как возможно чинят вспоможествление провиантом и лошадьми. И ходят по лесам близь дорог, побивают до смерти драгун и казаков, которые ко мне от конницы, также от меня к ним посылаются с письмом»⁹⁴. К тезису о лояльности латышей и эстонцев русской политике в Прибалтике нужно относиться с осторожностью.

Жестокость порождает ответную жестокость, порочный круг замкнулся, и не было силы, способной остановить ослеплённых ненавистью людей. Обвинять в этом, в первую очередь, очевидно, стоит войну, жестокие законы которой никто не в силах отменить. Вместе с тем, стихия войны такова, что здесь рядом соседствуют христианская добродетель и низменный порок, смиренная кротость и необузданное тщеславие, отчаянная храбрость и нечеловеческая жестокость, рыцарское великодушие и варварское насилие, трогательная забота о страждущих и бессовестное стяжательство. И эти черты обнаруживались одинаково как в православном ратнике, так и – в протестантском мушкетёре. Так что не будем оскорблять нашего ратника ложью, лакируя его под ангельский лик, он этого не заслужил. Надо видеть в нём не безжизненную парсуну, надуманно созданную вымыслами лжеисториков, а живого человека со слабостями и изъянами. Простого солдата на войне всё-таки старались не замечать. Военное искусство, понятно, было уделом полководцев. Она, само собой, разумеется, представлялась как вереница блестящих или бездарных тактических решений, замысловатых марш-маневров, беззаветных подвигов, героических боёв и штурмов. Однобокость таких историй очевидна. Черета неудержимых штыковых атак, дерзких стремительных рейдов, упор-

ных стойких, до последнего человека, оборонительных боёв – только вершина того айсберга, который стыдливо скрывает в пучине свою истинную сущность. Ослепительно сверкающая в лучах военной славы боевыми орденами и звёздами, разноцветными оттенками лацканов, обшлагов отворотов, блестящих пуговиц, галунов, шарфов, нашивок, плюмажей, она действительно может произвести неизгладимое впечатление. Но купиться на подобную мишуру могут только несведущие в военном деле, наивные новички. Потому что стихия войны – это не героика и романтика, а каждодневный, тяжёлый обыденный труд рядового солдата, изматывающие марши в дождь, слякоть, изнуряющую жару, в мороз. Лицо войны – это голод, массовые болезни, жестокость и несправедливость, борьба за выживание, когда верх берёт сильнейший. Это перепачканные кровью и человеческими испражнениями госпитальные палатки, это ивовые корзины, полные отпиленных пьяным немцем-хирургом солдатских рук и ног. Это пронзительный, почти человеческий, крик обозной лошади, у которой из распоротого осколком живота вывалились дымящиеся внутренности. И она ещё долго будет жить и страдать, биться в конвульсиях, давая свои же внутренности, смешивая их с дорожной грязью, пока измученные и потому равнодушные люди не подойдут и не прекратят её мучения, перерезав ей горло.

Жаль, что, часто бывало, наш полуголодный ослабевший солдат умирал от чумы или дизентерии, даже не увидев неприятеля, не выстрелив ни разу по шведам. В жидкой грязи по колено он рыл глубокие и продолговатые ямы около прибалтийских крепостей, которые учёными немцами мудрёно нарекались то шанцами, то апрошами, то, галереями. Он совершал многовёрстные марши и контрмарши, замерзал ночами на бивуаках. Его, бедолагу, насквозь пронизывали солёные балтийские ветра, среди финских елей заметало снежной круговертью. Под испепеляющим молдавским солнцем он умирал от жажды. Было ли ему до цвета его обшлагов и чулков. Вряд ли. Ему нужно было выжить. Не всем это удавалось, смертность была очень высо-

кой. Так называемые небоевые потери исчислялись десятками тысяч, они значительно превосходили потери русских войск, понесённые в ходе боёв и штурмов крепостей. Всё это и называлось войной, но стыдливо скрывалось под заумной военно-научной терминологией и блестящей мишурой подвигов. Простой русский солдат совершал беспримерный подвиг долготерпения и упорства, неприхотливости и скромности, покорности нелёгкой судьбе, преданности и преодоления. Ему от природы чуждо было какое-либо позёрство, он и жил и воевал скромно, умирал – неприметно. Молчат петровские реляции о том, что творилось в душе солдата после того, как угасало неистовство ожесточения битвы, и от усталости и нервного напряжения бесильно опускались руки. Выронив окровавленное оружие и окинув взглядом устланное трупами своих и врагов поле, чувствовал ли он восторг победы, гордость долгожданной виктории? Пройдут годы, прежде чем люди окрестят это поле как-нибудь высокопарно, вроде, поле русской боевой славы, или поле, где закатилось солнце безумно отчаянного Карла или ещё как-нибудь. А пока это было одним из многих неприметных полей, которые ему приходилось видеть на своём солдатском веку. Думал ли он здесь о спасённом им Отечестве и выполненном священном долге или всё это заслонялось смертельной усталостью, желанием наконец забыться или воздать хвалу Господу за то, что и на этот раз пронесло? А может солдат, уже огрубевший душой, равнодушно привычный к смерти, с профессиональной деловитостью обшаривал карманы ещё тёплых мертвецов, снимал перстни с коченеющих пальцев? На перстни эти солдат будет бражничать вечером с оставшимися в живых товарищами, поминать павших. Он будет радоваться, как умеет, ещё одному подаренному судьбой дню, потому что он может оказаться последним для него. Может, напьётся и будет по-волчьи выть навзрыд пока не забудется тяжёлым сном. Наверняка, бывало и такое. Именно такой русский солдат вынес на себе бранное лихолетье петровской эпохи и заложил красугольный камень в основании военного могущества Империи.

Регулярная армия, не смотря на изрядные «дозы европейских инъекций», являлась лишь более совершенной модификацией армии предшествующей эпохи. В её арсенале оставались такие методы умиротворения противника, как опустошения и грабежи. В принципе, узаконенный грабёж, право победителя на имущество побеждённого, на военную добычу были неотъемлемыми условиями ведения войны в ту эпоху. Разница заключалась в том, как осуществлялся этот грабёж – или стихийно, разнужданной перепившейся солдатнёй, с насилием, смертоубийствами, поджогами или же – с разрешения военного командования. Последнее называлось реквизициями: хотя местных жителей и обирали порядком, всё-таки иногда расплачивались кредитными билетами, чаще – обещаниями расплатиться после войны, главное, обыватель оставался жив, жилище – целым. Во многих армиях Европы право узаконенного грабежа было зафиксировано воинскими уставами и законами. В основном, это касалось взятых штурмом городов, крепостей, населённых пунктов. Как бы там ни было, в большинстве армий Европы прибегали к реквизициям, отдавали взятые города на два-три дня на разграбление, но, тем не менее, боролись с жестокостями войны, проявлявшимися, в первую очередь, в несанкционированных поборках и грабежах. Порой, правда, мирным жителям прифронтовой полосы трудно было разобраться, законному или незаконному грабежу подвергается их имущество. Иногда же само военное командование или правительство поступали хуже самого разнужданного воинства. Так, походы Валленштейна стали в военной истории типичными примерами содержания наёмной армии путём организованного разорения целых стран Европы. По приказу французского правительства широко известный Тюренн сжёг и разорил южногерманские провинции в 1674 году. В 1692 году французская армия огнём и мечом прошла по Эльзасу и Пфальцу с благословения Людовика XIV.

Русское правительство и командование, пытаясь разрушить сложившийся в Европе образ варварской России, упорно боролись с жестокими методами ведения военных действий. Уже во

время войны с Польшей в середине XVII века, по словам Н.С. Голицина «исполняя милосердный приказ благодушного царя, ... воевали уже не так, как обыкновенно прежде – всё предавая огню и мечу, по татарскому обычаю»⁹⁵. Алексей Михайлович часто обращался к войскам то с жёсткими требованиями, то с просьбами о милостивом отношении к населению. 31 марта 1655 года указом он предписывает воеводе Дмитриеву и наказному атаману Золоторенко идти на Могилёв. Им предписывалось принять строгие меры, чтоб в походе не повторились беспорядки предыдущего, когда ратные люди бесчинствовали в смоленском, могилёвском и других уездах Белоруссии. Виновников такого рода преступлений впредь царь приказал казнить смертью, а господ их, помещиков – подвергать торговой казни. 24 мая, выступая в поход из Смоленска, царь лично объявил войскам наказ: деревень не жечь, со службы не бегать, больными не прикидываться, не роптать, а кто будет повинен в этом – подвергнуть казни, кто же будет честно служить – получит милости⁹⁶. Но частный почин, пусть даже царя, не был в состоянии в одночасье пресечь вековой обычай. Право добычи оставалось одним из основных мотивов ратной службы. Если к этому добавить извечную проблему армии той эпохи – несовершенство системы обеспечения и довольствия войск, то станет ясным, почему, в целом, правительство и командование не могло справиться с варварскими методами ведения войны. Боевые действия русских армий в Белоруссии и Литве сопровождались насилием и грабежами. Стоило царю покинуть действующую армию и удалиться в Вязьму осенью 1654 года, по оккупированной территории прокатилась волна бесчинств. Походы войск князей Урусова и Барятинского к Ковно, Бресту в 1654–56 годах сопровождались жестокостями и опустошениями, не смотря на протесты царя. Если таковой картина была в начале войны, то что говорить о завершающих этапах, когда и казна пустовала, и запасов для действующих войск катастрофически не хватало. К тому же, неизмеримо возросла жестокость с обеих сторон. Русские войска жили, в основном, за счёт местного населения, прибегая к

контрибуциям и реквизициям. Особенно много нареканий было к малороссийским казакам, московским союзникам.

В этом отношении картина практически не изменилась и в первом десятилетии XVIII века. Военная переписка изобилует жалобами царю и первым лицам государства на действия войск. Так, весной 1706 года в главную квартиру русской армии в Брест прибыли с жалобой депутаты от коронного гетмана. Они «... жаловались на великие обиды и грабежи от воинов Великого Государя за Вислою бывших, а, особливо, калмыков и казаков, которые многие костёлы разграбили и одного ... ксендза Белгородской епархии бискупа изрядно пытали, потом – повесили. Также многих знатных и верных войсковых товарищей дома разграбили, жён били и ругали». Русское командование, в лице князя А. Волконского и самого А. Меншикова принимало меры к обузданию разнузданной солдатни: «... и им говорено, что Царское Величество войска свои от всяких грабежей и разорений жестокими указами под смертным страхом удерживать изволит, что присланы были генеральные и по бригадам комиссары, которые по жалобам могли чинить обиженным справедливость. Но они и по сей число по многим обещаниям того не исполнили». Депутаты коронного гетмана просили, чтобы «калмыков и казаков тех вывести или приказать добрым русским командирам, которые б их до грабежей не допускали»⁹⁷.

Сам Пётр требовал от своих генералов суровых мер против мародёрства. 5 октября 1708 года царь в письме генерал-адъютанту Фёдору Бартенёву повелел объявить драгунам, чтобы они «черкесам (украинцам – А.К.) обид не чинили; и ежели кто им учинит какую обиду, и таковых велите вешать без пощады»⁹⁸.

Во исполнение этого повеления фельдмаршал Б.П. Шереметев обнародовал указ, призывающий население не покидать сёл и деревень, «понеже жителям никаких обид и разорений, и грабительства, и прочего своеволия чинино не будет и заказано то в войске под смертною казнию».

А.Д. Меншиков, будущий Светлейший князь двух Империй, герцог и генералиссимус, а пока просто ловкий плут, не гну-

шался ничем ради удовлетворения своей алчности. Для таких как он, дерзких и отважных, война была удобным и лёгким путём не только для устройства головокружительной карьеры, но и для приобретения несметного богатства. Какими методами, становится понятно из хвастливого сообщения Меншикова царю об одной из удачных стычек: «Дальского (полка – А.К.) офицеровских, рейтарских, драгунских, торговых, мызниковых и приказчиковых жён и девок взято сорок и проданы тем ратным людям, которые их взяли». Таковы были нравы, право добычи никто не отменял⁹⁹. Для таких, как Меншиков, Петрова дубина была просто насущной необходимостью. К ней Пётр довольно часто и прибегал, когда его указы не исполнялись с положенной расторопностью. И даже тот, не раз поротый царём за воровство, пресекает любителей наживы: «А ежели кто сверх одного того конского корму хотя курицу или что денежное взять коснётся и те без всякого милосердия по указу его царского величества, лишены будут чести и живота»¹⁰⁰.

Ожесточение военного лихолетья не способствовало проявлению человеколюбия и добродетельности среди солдат. Вряд ли гуманностью руководствовались и московские генералы, преследовавшие случаи грабежей и мародёрства. Скорее, здесь был простой расчёт не раздражать и без того колеблющегося союзника. И они принимали решительные меры. Г.И. Головкин доносил царю из Почепа что Шереметев «учредил по майору» для наблюдения при пехоте и кавалерии, чтоб населению «ни от кого из войск обид и разорения чинено не было». Виновных ожидала смертная казнь¹⁰¹. Предусмотренные мародёрам кары не являлись пустой угрозой. 19 декабря 1708 года генерал Алларт донёс царю, что прибыв в Ромны, он стал свидетелем «наивящей конфузии: все дома во всём городе разграблены, и ни ворот ни одних не осажено, ни главного караула не поставлено, и ни малого порядку для унятия грабежу не учинено, и все солдаты пьяны». Царь велел расследовать случившееся. 4 января 1709 года он приказал виновных в бесчинствах «офицеров в Ромнах по розыску казнить смертию в страх другим, а рядовых, буде мень-

ше десяти человек, то казнить третьего, буде же больше десяти, то седьмого или десятого».

Иногда бывало, и представителей цивилизованной Европы «бес путал», ничуть не меньше, чем варварских москвитов. Они изрядно грешили, вызывая праведный гнев царя. Известно строгое внушение, сделанное Петром боевому генералу Р. Х. Боуру: «Сейчас прислан от вас дезертир шведский, с которого всё ружьё, и платье, и прочее обрано, а лошадь взял ты сам, что гораздо худо делаете; и как, на сие смотря, другим переходить. Чего для сие вели тотчас прислать, и впредь так делать не держайте. А кто после сего дерзнёт, тот бесчестно наказан»¹⁰².

Стоит быть объективным, русское командование принимало меры к воспитанию ратных людей в духе высокой добродетельности, нравственности и христианских идеалов человеколюбия. Все уставы и артикулы обязывают офицеров и нижних чинов следовать христианским заповедям. Воинский Устав 1716 года уделяет важное значение воспитанию ратных людей. Солдаты, прибыв в полк, давали перед товарищами торжественную присягу на верность. Например, 7 марта 1700 года проводили к присяге новоприборных драгун. С них были взяты круговые поручные записи. Как и простые солдаты «подлой породы» царедворцы, становясь драгунами, разбивались на группы по 50 человек. Одна группа драгун ручалась за другую в том, что «...Его Государеву Величеству дурна и хитрости никакой не учинять, строевое платье, лошадей и ружья не продавать, не терять, со службы не бегать, вином, табаком не торговать, зернью и в карты не играть, с воровскими людьми не знаться, пьяным не напиваться.

А будя, ...то на нас, порутчиках, пеня и жестокое наказание, а за потерянную лошадь и строевое платье взят цену вдвое».

Итак, создаваемая Петром армия была сродни дореформенной по многим позициям. Нравственный облик войска, характер ведения воинского промысла, как тогда говорили, управление, комплектование, боевое и тыловое обеспечение, как говорят военные сегодня, – всё носило на себе скромный отблеск

прошедшей эпохи. Особенно это явно просматривалось в первом десятилетии XVIII века. Признаки старой армии были настолько очевидны, что некоторые исследователи предпочитали не говорить о сколь-нибудь серьёзных преобразованиях в эти годы. По их версии, вообще реформа была свёрнута с вступлением в войну и была продолжена только после шведского разгрома. Мы не будем столь категоричными. Отметим лишь характерное для этого периода генетическое родство регулярной армии с московскими ратями. За это десятилетие противник был повержен, стратегические цели войны были достигнуты. Ещё более десяти лет продолжалась Северная война, в ходе которой оттачивалась тактика русской армии, совершенствовалась система военного управления, штатно-организационная структура, взаимодействие родов войск, улучшалась работа всех служб и ведомств. Всё это развивалось на основе опыта, приобретённого в первом периоде военного строительства. Кардинальными проблемами, стоящими перед Петром I и командованием, стало переустройство армии с военных на мирные условия, создание «правильной системы» довольствия и обеспечения, обобщение опыта более чем двадцати лет войны и реформы высшего государственного и военного управления.

Ситуация, в которой проходили преобразования, изменилась кардинально. Угроза национальной независимости была устранена, военная мощь Швеции – сломлена, неизмеримо вырос авторитет России на международной арене, Антишведская коалиция была не только восстановлена, но и пополнилась новыми участниками. Война отступила от российских границ, боевые действия шли в Померании и Финляндии.

В относительно спокойных условиях Пётр смог, наконец, заняться обустройством тыла армии. Система обеспечения действующей армии являлась её уязвимым местом. Пётр и раньше уделял ей внимание, постоянно работал над её совершенствованием. Он сам вмещивался в вопросы продовольственных поставок, фуражных заготовок, финансового и вещевого довольствия солдат и офицеров. В целом, система тылового

обеспечения оставалась на уровне XVII века. На театре военных действий по границам создавалась сеть магазинов, куда подрядчики сосредотачивали продовольствие и фураж. В основе обеспечения армии лежал натуральный налог с населения. В боевой обстановке часто прибегали к реквизициям. Иррегулярные войска, составляющие значительную часть русской армии, довольствовались частично казной, частично самообеспечением. Старый и надёжный способ выдержал испытание войной, кормил и поил армию в самый тяжёлый и напряжённый период. Тем не менее, он сложился в войнах XVI–XVII веков, когда войска делились на «русский» и «иноземный» строй, имевшие свою специфику комплектования и устройства. Теперь нужна была новая система обеспечения для содержания постоянной регулярной армии в мирных условиях. Пётр вновь обращается к европейскому опыту. После внимательного и детального анализа лучшей была признана система довольствия армии Священной Римской империи.

Заметим, что Пётр ещё задолго до Полтавы задумывался над реформированием этой важной стороны военной организации, но тогда было не до этого. К делу приступили, как только спало военное напряжение. Суть мероприятий реформы обеспечения будут подробно изложены в следующей главе. Здесь же стоит отметить, что введённая система была заимствована из практики большинства армий Западной Европы. В письмах приближённым царь неоднократно указывал на рациональность и простоту европейской, а особенно – австрийской системы тылового обеспечения. Реформы включали широкий спектр мероприятий: установление постоянных штатов воинских частей, табелей и норм снабжения личного состава продовольствием, амуническим и вещевым довольствием, упорядочение финансирования армии. Создавались штатные тыловые органы, учреждались новые службы, разрабатывались штаты должностных лиц, ответственных за обеспечение армии всем необходимым. Пётр лично работал над военно-правовыми документами, регламентирующими деятельность новых структур. В сущности, эти

меры и были военной реформой, попыткой принципиально улучшить содержание новой армии.

Вместе с тем, заметим, что попытки реализовать европейский опыт так и не прижились на Святой Руси. Как её громко называли, регулярная и постоянная армия, существовала только в военное лихолетье. Регулярная армия – это отмобилизованная армия, ведущая боевые действия, а при Петре войны велись постоянно. Это и даёт повод историкам заявлять о петровской армии, как о регулярной и постоянной. Как только наступал мир, новый регулярный принцип строительства неизменно пасовал перед традиционным поместно-поселенным. Здравый смысл подсказывал, что максимально облегчить государству содержание войск возможно только одним путём. За счёт частичной реанимации поместно – поселенной системы XVII века. При этом Пётр предостерегал, чтобы возрождение старых начал пагубно не отразилось на воинской дисциплине и боеспособности частей. Дедовский обычай «кормления от земли» воплотился в развёрстке солдатских и драгунских полков на содержание по вновь созданным губерниям. Поиск оптимального решения этих проблем занял всю первую четверть XVIII века. Нормы раскладки войск по губерниям и уездам неоднократно менялись, полномочия по тыловому снабжению переходили от центра к местным органам и обратно, изменялась степень самообеспеченности полков и батальонов.

Поместно – поселенный принцип самообеспечения в отдельных родах войск был реализован по-разному. Иррегулярные казачьи полки, национальные формирования полностью сохранили прежнюю организацию, систему комплектования и обеспечения. Близки к ним по устройству были появившиеся в 1711 году и размещённые на Украине ландмилицейские конные полки. В 1723 году в российской армии появляются гусарские полки, Офицеры и рядовые чины были наделены участками земли и поместьями на Украине и содержались в мирное время также «от земли». Курс на создание более дешёвых по сравнению с регулярными частями ландмилицейских и террито-

риальных драгунских полков, проводимый правительством после смерти Петра, подтверждает рациональность старых подходов к устройству тыла. Так, в 30-х годах XVIII века было сформировано 14 новых ландмилицейских полков. Общая численность войск, устроенных «дедовским обычаем», насчитывала около 120 тыс. человек¹⁰³.

Другим родом петровской армии, в содержании которого существенную роль играли старомосковские методы, стали гарнизонные войска. К концу царствования Петра их численность составляла 45 пехотных и 4 драгунских полка, 3 отдельных батальона и 1 эскадрон, всего 68 тыс. штыков и сабель¹⁰⁴. Их устройство и обеспечение немногим отличалось от устройства поселенных и жилых солдатских полков XVII века.

Ядром петровской армии стали полевые регулярные солдатские и драгунские полки, численность которых по штатам 1721 года составила 130 тыс. человек. Реформа тыла, в первую очередь, коснулась этой части войска. Попытки распространить старые методы обеспечения на них были оставлены, и полевые войска были предоставлены своему непосредственному предназначению – боевой подготовке.

Итак, старомосковский опыт организации обеспечения армии нашёл своё применение в послевоенном устройстве значительной части петровских войск. Естественно, командование с осторожностью относилось к рискованным экспериментам с переводом на самообеспечение полевой части регулярной армии. Полевые полки, опора независимости государства, поддерживались в постоянной боевой готовности. Зато с гарнизонными частями особенно не церемонились, самообеспечение в тех или иных масштабах стало обязательной чертой их организации. Хотя гарнизоны считались второстепенной составляющей армии, их нельзя недооценивать. Они являлись неотъемлемой частью регулярной армии. К тому же, чёткой грани между полевыми и гарнизонными войсками не было. Часто гарнизонные полки по указу выступали в поход в составе полевой армии или наоборот, регулярные части преобразовывались в

гарнизонные. В общей сложности, более 1/3 петровской армии содержалась методами, близкими к допетровским.

Таким образом, отечественный опыт и военные традиции сыграли существенную роль в создании регулярной армии в первой четверти XVIII века. На отдельных этапах военного строительства отечественная самобытность проявлялась в различной степени. Начальный этап характеризовался созданием формирований, по своим сущностным признакам являвшихся антиподом допетровскому войску. Пётр преследовал цель уничтожения старой военной системы и создания армии по европейскому образцу. Свои идеалы ему удалось воплотить в сравнительно небольшом контингенте войск – трёх дивизиях, которые вскоре были полностью разбиты шведами под Нарвой.

Посленарвский период войны характеризовался полномасштабными боевыми действиями, развернувшимися на нескольких военных театрах. Если «новоприборное» войско было представлено тремя десятками полков, то теперь обстановка требовала действительно массовой армии. В полную силу заработал десятилетиями отлаженный военно-государственный механизм, в войска хлынул поток «кратных людей старых служб». В Ингрии, Лифляндии, Литве, Польше, в Малороссии успешно действовали стрелецкие, рейтарские полки и дворянские сотни. На протяжении всей войны незаменимыми проявили себя казаки и национальные формирования. Армия унифицировалась постепенно и только к концу первого десятилетия XVIII века окончательно утратила черты старомосковских ратей. Регулярная пехота отныне представлена однотипными солдатскими, а конница – драгунскими полками.

Стратегия и тактика этого периода имеет много общего с традиционными методами ведения боевых действий XVII века.

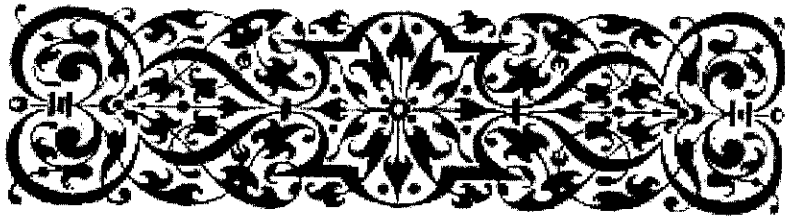
Общие тенденции военного искусства этого периода сказались и на отношении к иноземным специалистам. Всё настойчивее проводится политика, направленная на их ограничение, вытеснение из армии и замену национальными кадрами.

Безусловно, попытка Петра оторвать армию от национальных корней в начале Северной войны оказалась не более чем незначительным эпизодом, окончившимся неудачей. Это предопределило дальнейший ход преобразований. Победоносная петровская армия выросла не из нескольких полков, устроенных по западным стандартам и обученных европейскими офицерами, а из массовой армии, олицетворяющей «всеобщую земскую силу». Эта армия прошла более чем двадцатилетнюю боевую школу, накопив громадный опыт современной войны. Армия выступала носителем лучших традиций прошлого. Её высокий морально-боевой дух основывался на глубокой религиозности русского человека и православных добродетелях.

Третий период военного строительства – время обобщения накопленного опыта, преобразования тыла и военного управления. Всё второе десятилетие XVIII века прошло в поисках оптимального решения порядка устройства войск в условиях мира. Изучается европейский опыт. Много берётся и из практики содержания поместно – поселенных войск XVII века. В той или иной мере принцип самообеспечения нашёл применение в организации обеспечения регулярной армии.

- ¹ Андрей Буровский. Несостоявшаяся империя. – Красноярск. Бонус. – Москва. Омск-Пресс. 2001. С. 370.
- ² Военные уставы Петра Великого. Сборник документов. – М., 1946. С. 27.
- ³ В.О. Ключевский. Русская история. Полный курс лекций. Книга 3. – Москва. Мысль. 1997. С. 62.
- ⁴ РГАДА, ф. 210, оп. 8в, д. 28, л. 123–124.
- ⁵ ПСЗ. Т. 4. С. 2. № 1746.
- ⁶ РГАДА, ф. 210, оп. 12, д. 1890, л. 577.
- ⁷ Очерки истории СССР. – М., 1954. С. 420.
- ⁸ Перетяткович Г. Поволжье в XVII – начале XVIII века. – Одесса., 1882. С. 291.
- ⁹ РГАДА, ф. 138, оп. 3, д. 5123, л. 7–10.
- ¹⁰ Там же, ф. 210, оп. 12, д. 1890, л. 661.
- ¹¹ Калинычев Ф.И. Правовые вопросы военной организации Русского государства 2-ой половины XVII века. – М., 1954. С. 53.
- ¹² Н. Павленко. Пётр Великий. – М., 1990. С.
- ¹³ Очерки истории СССР. – М., 1954. С. 102.
- ¹⁴ Рабинович М.Д. Формирование регулярной русской армии накануне Северной войны.// Вопросы истории. – М., 1969. С. 221.
- ¹⁵ Голиков Н.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России. – М., 1838. Т. 3. С. 116.
- ¹⁶ Рабинович М.Д. Указ. соч. С. 222.
- ¹⁷ Епифанов П.П. Очерки из истории армии и военного дела России (2-ая половина XVII – 1-ая половина XVIII веков). Дисс... докт.ист.наук. – М., 1969. С. 112.
- ¹⁸ РГВИА, ф. 412, д. 43, л. 440–447.
- ¹⁹ РГАДА. Дела шведские. № 1. Л. 145.
- ²⁰ РГАДА. Приказные дела старых лет. 1701. № 42. Л. 11.
- ²¹ РГАДА, ф. 248, оп. 1, д. 43, л. 446–447.
- ²² Балашова Ю.П. Из истории Северной войны (от поражения под Нарвой и до взятия Орешка 1700–1702 гг.). – М., 1960. С. 83.
- ²³ РГАДА, ф. 210, оп. 11, д. 250, л. 257.
- ²⁴ ПСЗ. Т. 4. №№ 1413, 1447, 1978, 2090, 2098, 2111, 2112, 2197.
- ²⁵ Рабинович М.Д. Указ. соч. С. 17.
- ²⁶ РГАДА, ф. 1476, д. 52, л. 222–228.
- ²⁷ Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах военных действий. – СПб., 1893. С. 338–339.
- ²⁸ ПиБ. Т. IV. Ч. 1. С. 101–102.
- ²⁹ Чернов А.В. Вооружённые силы Русского государства в XV–XVII веках. – М., 1954. С. 235.
- ³⁰ Богословский М.М. Пётр I. Материалы для биографии. – М., 1948. С. 179.
- ³¹ Автократов В.Н. Управление Вооружёнными Силами России в начале XVIII века. – М., 1963. С. 193.
- ³² Бескровный Л.Г. Реформы армии и флота// Очерки истории СССР. – М., 1954. С. 346–347.
- ³³ РГАДА, ф. 210, оп. 8, д. 29, л. 5–5об.
- ³⁴ П.П. Епифанов. Указ. соч. С. 165.
- ³⁵ ДАИ. Т. VIII. № 40.
- ³⁶ Новохатко О.В. Записные книги Московского стола Разрядного приказа XVII века. – М., Памятники исторической мысли. 2001. С. 153.
- ³⁷ Автократов В.Н. Военный приказ// Полтава. К 250-летию полтавского сражения. – М., 1959. С. 230.
- ³⁸ Епифанов П.П. С. 166.
- ³⁹ ПСЗ. Т.4. № 2036.
- ⁴⁰ АМГ. Т. III. № 236.
- ⁴¹ Бескровный Л.Г. Строительство русской армии в XVIII веке. – М., 1959. С. 26.
- ⁴² ПСЗ. Т. 4. № 2065, 2095, 2103, 2104, 2113, 2115, 2136, 2138, 2143, 2325.
- ⁴³ Там же. № 2171, 2175.
- ⁴⁴ Письма и бумаги Петра Великого. Т. 7. № 410.
- ⁴⁵ Автократов В.Н. Указ. соч. С. 233.
- ⁴⁶ Клочков М.В. Население России при Петре Великом по переписям того времени. – СПб., 1866. Т. 1. С. 98.
- ⁴⁷ Гудима-Левкович Н. Указ. Соч. С. 222.
- ⁴⁸ РГАДА, ф. 1209, оп. 1, д. 4, л. 602–612.
- ⁴⁹ РГАДА, ф. 1476, д. 16, л. 4–6.
- ⁵⁰ Волынский Н.П. Указ. соч. Т. 1. С. 198.
- ⁵¹ Волынский Н.П. Указ. соч. С. 21.
- ⁵² РГАДА, ф. 9, оп. 2, кн. 3, л. 317–318.
- ⁵³ Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709–1711 гг.). – М., 1899. С. 54.
- ⁵⁴ РГАДА. Ф. Секретные дела 1700–1706 гг. № 2 (подмётные письма), Л. 1.

- ⁵⁵ РГАДА, ф. 9, оп. 2, ед. хр. 5, л. 772–776 об.
- ⁵⁶ Там же, ф. 9, оп. 2, ед. хр. 3, л. 397.
- ⁵⁷ РГАДА, ф. 9, д. 3, л. 253 об.
- ⁵⁸ Устрялов Н.Г. Указ. соч. Т. 4. С. 393.
- ⁵⁹ РГВИА, ф. 456, ед. хр. 4, № 9.
- ⁶⁰ Автократов В.Н. Управление вооружёнными силами России в начале XVIII века (по материалам Приказа военных дел). – М., 1963. С. 190.
- ⁶¹ РГВИА, ф. ВУА, д. 42535, л. 391–392 об.
- ⁶² ПСЗ. Т.4. № 2319.
- ⁶³ Там же. – Т. 4. С. 590–602.
- ⁶⁴ Устрялов Н.Г. Указ. соч. С. 355.
- ⁶⁵ Сборник императорского русского исторического общества. – СПб., 1881. Т. 34. С. 89.
- ⁶⁶ Епифанов П.П. Указ. соч. С. 187.
- ⁶⁷ Мещеряков Г.П. Из истории военно-теоретической мысли в России в 1-ой четверти XVIII века. // Вопросы военной истории России. – М., 1969. С. 22.
- ⁶⁸ Михневич Н.П. Основы русского военного искусства. – СПб., 1898. С. 22.
- ⁶⁹ Там же. С. 16.
- ⁷⁰ Голицын Н.С. Указ. соч. С. 45.
- ⁷¹ Михневич Н.П. Указ. соч. С. 24.
- ⁷² РГАДА, ф. 9, оп. 2, ед. хр. 3, л. 259.
- ⁷³ Там же, л. 268.
- ⁷⁴ РГАДА, ф. 9, оп. 2, ед. хр. 3, л. 269.
- ⁷⁵ Там же, л. 276.
- ⁷⁶ Там же, л. 320.
- ⁷⁷ Там же, оп. 2, ед. хр. 5, л. 568.
- ⁷⁸ Там же, оп. 2, ед. хр. 3, л. 1035.
- ⁷⁹ Письма и бумаги Петра Великого. Т. 5. № 1609.
- ⁸⁰ РГАДА, ф. 9, оп. 2, кн. 6, л. 1035.
- ⁸¹ Там же, кн. 10, л. 505.
- ⁸² РГВИА, ГВК, св. 15, д. 8, л. 9об.–13об.
- ⁸³ ПСЗ. Т. 4. № 1954, 1966, 1961, 1973, 1977, 2013, 1956.
- ⁸⁴ РГАДА, ф. 9, оп. 2, ед. хр. 7, л. 1114.
- ⁸⁵ РГАДА, ф. 1209, Столбцы генерального двора, д. 18664, л. 4.
- ⁸⁶ Там же, д. 16662, л. 16.
- ⁸⁷ Там же, ф. 396, Опись Викторова, д. 1030, л. 4.
- ⁸⁸ Там же, оп. 39, д. 52, л. 556.
- ⁸⁹ РГАДА, ф. 1209, Книги приказных дел, кн. 5157, л. 2–5.
- ⁹⁰ РГАДА, ф. 1126, д. 131, л. 24 об.–25.
- ⁹¹ РГАДА, ф. 9, оп. 2, л. 419.
- ⁹² Там же, ф. 210, оп.3, в.47, д.27, л.1 –2.
- ⁹³ Там же, ф. 1126, д. 131, л. 8 об.
- ⁹⁴ РГАДА. ф. 9, оп. 5, л. 127.
- ⁹⁵ Н.С. Голицин. Всеобщая военная история новых времён. Ч. 1, СПб., 1878. С. 183.
- ⁹⁶ Н.С. Голицин. Указ.соч. С. 190.
- ⁹⁷ РГАДА. Ф. 9. оп. 3. Л. 509–510.
- ⁹⁸ ПБ. Т. VIII. Вып. 1. С. 181.
- ⁹⁹ РГАДА. Ф. 9, оп. 2, Л. 1138.
- ¹⁰⁰ Труды РВИО. Т. III. СПб., 1909. С. 43.
- ¹⁰¹ ПБ. Т. VIII. Вып. 2. С. 749.
- ¹⁰² ПБ. Т. VIII. Вып. 1. С. 139.
- ¹⁰³ Очерки истории СССР. – М., 1954. Т. 4. С. 350.
- ¹⁰⁴ Там же.

ГЛАВА II: ЕВРОПЕЙСКОЕ ВОЕННОЕ ИСКУССТВО И АРМИЯ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

2.2 ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ СТРАН ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ В КОНЦЕ XVII – НАЧАЛЕ XVIII ВЕКОВ

В XV–XVI веках средневековое общество переживает небывалый хозяйственно-экономический подъём. Мятёжный дух протестантизма внёс в хозяйственную жизнь феодальной Европы деловитость и предприимчивость, расшевелил её, закосневшую в вековом оцепенении, наполнил свежим ветром перемен её обветшалые паруса. Оживление после векового застоя наблюдалось буквально во всём. Авантюрно-героическая эпоха географических открытий способствовала всплеску европейской и мировой торговли. Неистовая пассионарность, так же как и жажда добычи толкали португало-испанцев на беспримерные подвиги. Впереди купцов шли капитаны. Варфоломей Диас в 1486 г. огибает мыс Доброй Надежды, а Васко де Гама в 1498 г. достигает берегов Индии. В 1515 г. португальский флот уже затруднял мусульманским судам выход из Персидского залива в Индийский океан. Испанцы направляют в 1492 г. на поиски новых торговых путей экспедицию Христофора Колумба. И к 1545 г. они овладели уже всем американским материком. Фердинанд Кортес в Мексике, а Писарро в Перу захватывает сокровища, стоимостью более миллиарда золотых франков. От испанцев не отстают голландцы, англичане и французы. Эпоха рационализма по-деловому уве-

Рис. 25 Капра, вооружённый алебардой и длинной шпагой, 1-я половина XVII века. На голове фетровая шляпа, на ногах мягкой кожи сапоги, и кожаный колот под кирасой.

ренно входила в быт и хозяйственную жизнь европейских городов. В стремительном экономическом порыве отчётливо проявляются признаки европейской цивилизации, своей энергичной напористостью и деловым прагматизмом решительно отмежевавшейся от погрузившегося в вековую дремоту Востока.

Европейская торговля оживает. Барыши в 300% при торговле с колониями считаются нормальными. Капиталы растут невиданными ранее темпами. Вместо обычных в средневековье 12%, южно-германская фирма Фугтеров ежегодно зарабатывает с 1511 по 1527 г. от 54 до 92% и увеличивает свой капитал до двух миллиардов золотых франков. В Европе денежный оборот неизменно увеличивается, появляется товарное производство. Средневековый цех окончательно уступает место мануфактуре. Феодализм вынужден уступать шаг за шагом новой экономической формации, наречённой капитализмом.

Нараждающиеся абсолютистские государства неприминули использовать экономический прогресс в своих интересах, в целях укрепления своего хозяйственного, финансового, религиозного и, прежде всего, военного базиса.

В военном искусстве новый экономический фундамент сказался с молниеносной быстротой. Европейская армия стремительно трансформируется под воздействием хозяйственно-технического прогресса. Подогретый усиленными финансовыми инъекциями, он производит поистине революционные изменения в практике ведения войны. С холодной деловитостью он совершенствует механизм смерти и разрушения, внедряет в феодальное войско сотни технических приспособлений, помогающих легко и быстро убивать человека. Лицо и сущность армии постепенно видоизменяется. Из войска гордых и честолю-

бывых дворян-рыцарей она превращается в армию расчётливых солдат-профессионалов. В период первоначального накопления капитала война ведётся армиями, образованными из деклассированных любителей приключений, готовых дорого продать свою кровь и жизнь.

В качестве теоретической основы военного дела в XVI–XVII веках постепенно возрождается искусство античных народов. Военные апеллируют к полководческому авторитету выдающихся греков и римлян. В профессиональной среде всё чаще начинают рассуждать о войне, как о науке и искусстве. Военное искусство, военная наука, зарождаются в сфере профессиональной, т.е. там, где военная профессия становится основным средством для существования человека.

Труднейшим этапом на пути этой эволюции являлось воскрешение понятия о дисциплине, утраченного в период натурального хозяйства средних веков. Только кое-где в монашеских и рыцарских орденах имелось представление о начальнике и приказе. В религиозных распрях XVI века понятие о дисциплинированности и исполнительности воссоздаётся параллельно с профессионализацией военной службы. Широкое теоретическое обоснование дисциплины дал вождь католической контрреформации, создатель замечательного своей спайкой ордена иезуитов, Игнатий Лойола, требовавший не только низшую ступень – дисциплину поступков, но и дисциплину мысли и воли. Мощь скованной железной дисциплиной организации сразу почувствовалась в отпоре, который иезуиты сумели организовать натиску идей реформации, но в войска идеи дисциплины еще не имели доступа. Католические армии начального этапа религиозных войн представляли собой своеобразное сборище вольницы.

Нравственный облик европейской постоянной армии представлял собой причудливое сочетание рыцарского благородства и чести, алчности и неукротимой разнузданности ландскнехтов, испанского религиозного фанатизма, голландского прагматического расчёта и пуританской верности долгу. В от-

вет на католическую реакцию в XVI веке Реформация выдвинула боевое направление протестантизма – кальвинизм и пуританство. Сплыв процветающей торгово-финансовой экономики с суровыми протестантскими догмами стал основой нового военного искусства. Суровое учение Кальвина пустило корни в тех частях Европы, где мощным потоком била новая экономическая жизнь и складывался новый тип делового и промышленного европейца. Это – Женева – крупный торговый и биржевой узел, торговые и промышленные центры Франции, деловая, северная часть Нидерландов и восточные и южные промышленные графства Англии. Именно здесь появляются ростки нового военного дела. Каждому этапу европейского военного строительства соответствовал свой облик солдата. Каждая эпоха устанавливала свой неписанный моральный кодекс. И вот военное дело постепенно утрачивает черты сословной дворянской чести и рыцарского благородства, на смену которым приходят утилитарно-профессиональные качества.носителем новых тенденций, как ни странно, выступает не гордое, воспитанное на образцах долга, чести и мужества, исполненное высоких добродетелей дворянство, а отряды хищных корыстолюбивых кондотьеров, полудиких, спустившихся с гор швейцарцев, алчных до наживы немецких ландскнехтов. Это они избрали себе основным занятием войну, дело опасное, но столь же прибыльное, как и необходимое. Предводительствуемые своими вождами или капитанами, они, подобно цыганским таборам, с семьями и скарбом кочевали из одного края Европы в другой. Их скрипучие повозки, груженные оружием, амуницией, домашними пожитками, направлялись влекомые изменчивой авантюрной судьбой туда, где вспыхивали бесчисленные политические конфликты, династические дразги и внутрисемейные монархические склоки, грозящие разразиться очередной войной. Да, в войнах в Европе периода позднего средневековья недостатка не было. И спрос на солдатскую профессию оставался устойчивым и высоким. За наемной солдатнёй в поход следовало огромное число женщин, отягощённых продо-

вольствием, необходимым в походе нехитрым скарбом. За многими женщинами брели и дети.

Заготовка оружия, обмундирования, продовольствия лежала целиком на солдате, который должен был жить на получаемое жалованье. В случае болезни или ранения, на медицинскую помощь наемнику не приходилось рассчитывать. Чтобы обеспечить себе уход в случае ранения, чтобы было кому-нибудь позаботиться о приготовлении пищи, о приобретении продовольствия, наемник имел обыкновенно женщину.

Постепенно выработался механизм «трудоустройства» наёмных банд. Как правило, отряды нанимались на службу на срок от 1 до 3 месяцев, иногда и на больший. Чем определялись такие, небольшие сроки службы? Во-первых, наиболее удобным временем года для проведения военных кампаний. Обычно, боевые действия велись в летнее время, осенью войска распускались до весны. Во-вторых, солдатский труд оплачивался довольно высоко, и дорогим удовольствием было заполучить для личных нужд пусть небольшую, но – всё-таки армию, да ещё и на продолжительный срок. Обычная норма солдатского жалованья – 4 гульдена в месяц, лучшие солдаты получали двойное жалованье. Капитан имел жалованье 40 гульденов, полковник – 400 гульденов, кроме того, полковник и капитан имели право на казенный счет содержать драбантов, т.е. телохранителей. Для расчета жалованья месяц считался с 1-го числа до первого сражения. С каждого боевого столкновения или штурма города считался новый месяц. Важнее жалованья для солдата часто была возможность пограбить. Добыча шла в раздел, за исключением пушек и пороха, которые полностью поступали в распоряжение капитана.

Устройство наёмных войск было, в общем, следующее: монарх или чаще лицо, взявшее на себя формирование армии, поручало вербовку частным лицам меньшего масштаба – известным среди ремесленников военного дела полковникам. Последние выбирали 10–18 капитанов и поручали им формировать роты, до 400 человек в каждой. Над всеми этими ротами полковник учинял свой

регімент, свое правление. В ротах было очень небольшое количество офицеров.

Эпоха Реформации явила офицера наёмных войск, скупо одетого, никогда не улыбавшегося, вечно занятого, кальвиниста по своим убеждениям. У кальвинистов и пуритан жизнь – это непрерывное исполнение долга. Они вырабатывали в себе волю, были методичны, не тратили лишних слов, обдумывали выражения, не давали хода своей фантазии, работали сами, не покладая рук, и не терпели бездельников.

В драматический период религиозных войн в значительной степени под влиянием идеологии боевого направления протестантизма появляется новый тип солдата и офицера. Неуступчивость, воинственность, раздражительность, жадность к деньгам, педантизм, беспощадность к человеческим слабостям, преследование всего яркого и самобытного, высоко развитое чувство собственного достоинства – вот характеристика, которую дает пуританам современник. Этот идеал военного, к которому подошла протестантская Европа после ряда религиозных войн, очень далек от свирепого, буйного ландскнехта, имевшего отвращение ко всякому мирному труду и проводившего время в кутежах и игре в кости. Изменение внутреннего мира, характера и жизненной мотивации военного как в зеркале отразилось на развитии всего военного дела. В организации и обучении войск, в переходе к новым формам тактики в Европе сказалось торжество нового типа деловых людей.

Офицер новой формации резко выделялся на фоне надменных консервативных испанцев в их изысканных, уже выходящих из моды колетах с жёсткими накрахмаленными жабо, в хубонах и кальсонос. Он сторонился и французов в их живописных костюмах, украшенных золотым и серебрянным шитьём,

Рис. 26 Пикиёр, выполняющий строевой приём с пикой

мало приспособленных к трудностям полевой жизни. Он, человек без гражданства, без национально-патриотических предрасудков, без напыщенной рыцарско-дворянской фамильной спеси, которому чувство Родины вполне заменила верность контракту, готовый за приличное материальное вознаграждение строго и педантично выполнять условия договора, был и одет под стать своему рациональному складу ума. Грубый кожаный дублет с высокой талией и с разрезными басками, иногда скромно со вкусом декорированный, из-под которого выпускался кружевной отложной воротник тонкого фламандского полотна. Он предпочитал удобные штаны, то широкие, то узкие в зависимости от бытовавшей моды и сапоги из лосиной кожи, которые в строю кавалеристы меняли на тяжёлые ботфорты с тупыми носами, широкими раструбами и шпорами. Широкополая мягкая шляпа, щёгольски притянутая одним краем к высокой тулье, украшенная или страусиными перьями или разноцветными лентами, дополняла живописный портрет военного XVII века. Примерно так одетые молодые люди при шпагах и шпорах загадочно взирают на нас с пыльных полотен знаменитых Голландцев и Фламандцев.

Авторитет начальников в наемных полках страдал в значительной степени вследствие того, что солдатам было известно, что полковник показывал большую наличность солдат, чем она была в действительности, чтобы присвоить себе содержание мертвых душ. Весьма часто на бумаге численность наемного полка была вдвое многочисленнее, чем на самом деле. В случае смотра, для пополнения численности части, в строй ставились так называемые пасволанты, нанятые на прокат люди, обычно слуги, иногда даже переодетые женщины. Обычаи того времени не позволяли, в случае обнаружения такого мошенничества, вменить его в вину действительно виновным — полковнику и капитану, но устав требовал, чтобы статистику, изображавшему солдата был отрезан нос, чтобы он не мог продолжать работу подставного лица.

Постоянные армии Европы рождалась не на пустом месте. К XVI–XVII векам они накопила богатый опыт и создали свои

боевые традиции. Условия функционирования государств Западной Европы в эпоху XVI–XVII веков позволяли формировать удовлетворительную вооруженную силу только на условиях наемничества. Образец пехоты был дан швейцарцами, но подражать им было нелегко, так как у швейцарцев не было ни уставов, ни строевого учения. Техника подготовки солдата в XVI веке оставалась неразработанной. Первый раз вне Швейцарии задача образования регулярной пехоты, сколоченной в тактические единицы, была решена в Германии императором Максимилианом. Постоянных частей еще слабые в экономическом отношении государства держать не могли. Солдат вербовали сегодня, а завтра они уже выступали в поход. Литература XVI века не говорит ни слова об обучении и воспитании солдата.

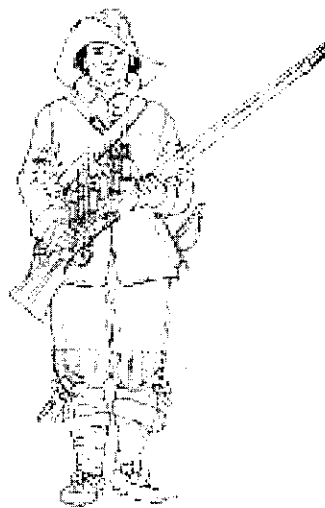

Рис. 27 Мушкетёр 1-ой половины XVII века. Мушкет — в положении «К заряданию». На перевязи — «12 апостолов», так между собой солдаты называли 12 деревянных футляров с мерами пороха, пороховница и мешочек с пулями. На другом боку — шпага на плечевой портупее.

Уставы не обязывали последнего к строевым занятиям. В этих условиях сплотить в несколько дней на вербованных наемников можно было лишь при условии, чтобы это были настоящие профессионалы, не имеющие вне военного дела никаких национальных, политических или религиозных интересов. В таких профессионалов и выработались созданные Максимилианом ландскнехты. В первый раз ландскнехты выступили в борьбе Максимилиана с бургундскими городами (1482–1486 гг.). Слово ландскнехт означало агента судебной власти, нечто среднее между жандармом и судебным приставом. Максимилиан, желая подчеркнуть, что он не ведет войну, а только ус-

миряет беспорядки, назвал вновь образованную пехоту ландскнехтами. В корпорации ландскнехтов слились в одно тактичес-

кое целое небогатое дворянство, рыцарство, и авантюристы из числа горожан и крестьян. Наконец, достойным предшественником европейского регулярного войска выступали испанцы, до 30-х годов XVII века оспаривавшие честь называться лучшей пехотой Европы.

Монархи и правительства давно осознавали преимущества постоянных, находящихся на государственной службе полков перед временными, нанимавшимися на период кампании. Французские короли, итальянские и германские князья не раз пытались поставить на военную службу национальное ополчение. Милиционный принцип в той или иной мере пытались реализовать то в одном, то в другом уголке Европы. Страстно проповедует против наёмничества Маккиавелли, Людовик XI создаёт корпус вольных стрелков, а Франциск I – милиционные формирования под амбициозным именем легионов. Всё было тщетно и обречено на неудачу. Слабость социально-экономической базы, скудность государственной казны не позволяли содержать постоянное войско. Денег не хватало даже для оплаты ополченцев, не то что наемных солдат. Голодные и возмущенные, они покидали позиции и шли грабить обывателей, превращая богатые торговые города в дымящиеся руины, цветущие провинции – в безжизненные пустыни. Часто, не имея возможности расплатиться с войском, полководец отдавал своим солдатам на 2–3 дня завоеванную провинцию на разграбление. Как правило, после взятия города, военачальник отдавал его в распоряжение солдатам на несколько часов. Таковы были неписанные законы войны.

Ужас наемничества состоял в том, что, когда война оканчивалась, деклассированный наемник не находил себе места. С приобретенными на войне навыками крестьянин уже не годился быть крепостным, в городе на демобилизованного смотрели с опаской. Демобилизация представляла непреодолимые трудности. Главный рынок наемничества в средневековье представляла Фландрия (особенно Брабант), так как в этом углу Европы было удобно вербовать и Германии, и Франции, и Англии. Уже

в 1171 г. между Фридрихом Барбаросса и французским королем Людовиком VII было заключено взаимное обязательство — не терпеть в своих государствах «бесславных людей, брабансонами или которелями называемых». Ни один их вассал не должен был допускать, чтобы такой человек (т. е. бывший наемник) женился на их земле или поступил на постоянную службу. За предоставление работы и угла демобилизованному епископ отлучал от церкви, а соседи силой принуждали выгнать демобилизованного. Через 8 лет Латеранский собор грозил сильнейшими карами против наемников всех категорий и национальностей, а в 1215 г. Великая Хартия Вольности вовсе запрещала наемничество¹.

В этих условиях наемники поневоле, как люди, которых демобилизация ставила вне закона, складывались в тесно сплоченные товарищества, в компании. В особенно трудном положении оказывалась Франция в перерывы Столетней войны. Чтобы дать отпор английским наемным войскам, французы были вынуждены завести и у себя многочисленные наемные части. Во время перерыва войны на территории Франции оказывались поставленные вне закона, но крепко сплоченные, английские и французские компании, которые обращались как бы в акционерные общества. Предводимая протопопом Арно-де-Серволь банда так и звалась – «общество для достижения прибыли». Они делили между собой страну и грабили каждая свой участок. При невозможности справиться с шайками наемников оружием, единственным средством избавиться от них был призыв их на новую войну – заманить их в крестовый поход против турок или отправить в Испанию поддерживать претендента на королевский престол. Демобилизация наемных войск связана была с тяжелыми переживаниями, как для государства, так и для населения. У Вальгаузена, переводом коего является первый русский устав, дан драматический очерк поведения демобилизованного воинства. Здесь и сведение счетов с нечистоплотным на руку начальством, и вызовы на дуэли, и массовые грабежи, и жестокие избиения. Вальгаузен находит, что было бы гораздо

правильнее не распускать вовсе полки с заключением мира. Но это требование, высказанное во втором десятилетии XVII века, обогнало историческое развитие на полвека – государственный аппарат еще недостаточно укрепился, налоговая система была недостаточно продуктивна.

Ватаги распущенной наемной солдатни производили страшные опустошения среди обывателей, проходя по их землям в поисках новой работы. Демобилизованные кучками бродяжничали и жили грабежом, пока не представлялся случай завербоваться вновь на выгодных условиях. В начале 30-летней войны курфюрст Бранденбурга даже издал особый эдикт, устанавливавший размер обязательной милостыни, которую каждый крестьянин должен был подавать демобилизованному.

Экономический подъём позволил государству разрешить, наконец, трудности, связанные с содержанием наёмных войск. Совершенствование мануфактуры, бурный всплеск торговли, активная колониальная политика ведущих европейских держав, упорядочение финансово-налоговой системы отразились на положении войск.

Считается, что первая постоянная наёмная армия появилась в буржуазной Голландии. Вновь созданная буржуазная военная машина требовала теоретического обоснования, передовой технологии, революции в области вооружения. Но насущнее всего ощущалась необходимость в звонкой монете. Вскоре всё это реализовалось во плоти. Деньги на армию дало богатое нидерландское купечество и банкиры, чьи экономические интересы и политические претензии она и призвана была отстаивать. Предводительствуемая знаменитым Морицем Оранским, она явила собой передовое явление в военном искусстве, открыв эру постоянных регулярных войск. Многие полководцы Европы начинали свою карьеру под знаменами нидерландской революции, став последователями нидерландской военной системы. Тем не менее, только после Тридцатилетней войны (1618–1648 гг.) Европа, пережившая ужасы грабежей и насилия наемной солдатни, приходит к пониманию необходимости замены

«сезонных» наемных отрядов постоянными войсками. Французы не замедлили последовать примеру своих противников, и после Деволуционной войны 1667–68 годов нашли возможным не распускать по обыкновению вернувшуюся из похода армию.

Армии повсеместно становятся постоянными. Комплектовались они, в основном, вербовкой. Правительство выдавало некоему частному лицу, будь то полковник королевской службы или вновь принятый на службу знатный иностранец, или просто ветреный куртуазный вельможа блестящего королевского окружения, патент или разрешение на формирование полка. Казна подкрепляла патент определенной суммой денег. Для вербовки полковник высылал своих капитанов по городам и весям. Условия службы солдата существенно изменились. Теперь она не ограничивалась походом, осадой города, короткой летней кам-

панией. Из высокооплачиваемой, связанной с риском для жизни авантюры служба превращалась в тяжёлый малопривлекательный непристижный труд. Она становится постоянной, иногда – пожизненной. Мрачные перспективы омрачались жёсткостями дисциплины, изматывающими физические силы бесконечными строевыми учениями. Нищенское существование дополняло удручающую картину жизни солдата. Государство, взяв на себя содержание солдата, присвоило себе и часть солдатского жалования. Солдату на руки выдавались лишь жалкие крохи. Условия существования солдата были просто невыносимыми. Денежное содержание британского

Рис. 27 Для предотвращения осечки перед выстрелом солдат обязан был раздуть тлевший фитиль. Опытный мушкетёр в левой руке всегда держал запасной кусок фитиля, тлевший с двух сторон. Так, на всякий случай. Для удобства прицеливания из тяжёлого мушкета применялась сошка.

Рис. 28 Процесс заряжания мушкета был настоящей наукой, требовал усиленных тренировок и твердых навыков. Заряжание производилось по разделенным в 95 приёмов. При этом нельзя было допустить, чтобы потух фитиль, правильно запыжевать заряд и натрусить порох на затравочную полку.

солдата составляло 8 пенсов ежедневно, в то время как даже наёмные батраки в деревне получали 10–12,5 пенсов в день. В итальянских городах на папертях костёлов нередко можно было лицезреть оборванных солдат, просящих милостыню, в мирное время им разрешалось христарадничать, чтобы не умереть с голода. К профессии военного относились с презрением и брезгливостью. Стоит ли говорить, что добровольцев служить побавилось. Вербовщики, как правило, не обременённые высокими нравственными добродетелями, не были разборчивы в средствах, часто используя обман и насилие. Стоило обречённому поставить свою подпись в контракте, он считался зачисленным в полк рекрутом со всеми вытекающими из этого последствиями.

Полковые и ротные предводители заставляли вступать в полк своих вассалов и крестьян, не смотря на то, что законом это не допускалось. Правительство, достоверно осведомлённое о подобных злоупотреблениях, предпочитало закрывать на них глаза, находя их не более чем забавными проделками. Тем более, что такими, пусть не совсем законными, путями пополнялись ряды королевской армии. Срок службы для солдата, например, во Франции в 1666 году составлял 4 года².

Вербовка надолго оставалась основным, но не единственным способом строительства войска. Почти во всех государствах продолжали обращаться к услугам национального военного сословия – дворянства. Дворянское ополчение продолжало заявлять о себе как о боеспособной единице, составляя постоянную часть феодальных войск. К середине XVII века с укреплением постоянных королевских армий дворянские рыцарские ополчения существенно поредели. Дворяне пополняли ряды офицерс-

кого корпуса постоянных армий. Удельный вес дворянского ополчения в европейских войсках постепенно снижается, а в некоторых - исчезает совсем. Так, во Франции дворянское ополчение созывается под знамёна последний раз в 1674 году³.

Постоянные наемные полки составляли костяк европейских армий 2-ой половины XVII века. Их численность всё-таки была недостаточной для ведения активных военных действий. И к концу XVII столетия всё отчетливее проявляется тенденция к неуклонному возрастанию численности вооружённых сил. Массовость армии обеспечивается за счёт принудительных наборов среди населения. Наборы были средством исключительным, и к ним прибегали, как правило, в военное время. Небольшие компактные наёмные армии увеличивались до внушительных масштабов принудительными наборами. Военная история знает две разновидности таковых: рекрутский набор и конскрипция. Разница между ними непринципиальная. Рекрутов или конскриптов набирали, как правило, на период войны. Их обучали и направляли на доукомплектование действующих полков. На Западе впервые опробовать рекрутскую повинность было суждено Франции. Первый опыт был предпринят ещё кардиналом Ришелье, но тогда он не прижился, и от него быстро отказались. Слишком слаба ещё была власть государства, слишком велико – сопротивление со стороны родовитых вельмож, влиятельной аристократии, особенно, принцев крови, членов королевской фамилии. Все они являлись частными владельцами рот, полков, отдельных армий. Они видели в армии форпост сопротивления крепнущему абсолютизму, всё увереннее попирающему дворянскую независимость и родовые привилегии. Они призывали рассматривать войско одним из немногих ещё сохранившихся осколков некогда могущественного дворянского влияния и не собирались допускать туда ничьей власти кроме своей. Но в этой исторической битве против Ришелье и Мазарини дворянству суждено было проиграть.

Классической армией Западной Европы 2-ой половины XVII – первой половины XVIII веков стала постоянная армия,

скомплектованная на основе найма, в военное время дополненная частично путем вербовки, частично – рекрутскими наборами. Рекрутский набор как способ создания массовой армии утвердился в эпоху Людовика XIV. Первый набор был проведен в 1688 году накануне войны с Аугсбургской лигой (1688–1697 гг.). Всего было призвано 25050 солдат, из которых было сформировано 30 полков. После Рисвикского мира 1691 года все они были распущены. Недостаток охотников перед войной за Испанское наследство (1701–1714 гг.) вынудил правительство прибегнуть к принудительным наборам по жребию. В ходе войны за Испанское наследство рекрутские наборы проходили ежегодно. После её завершения в 1714 году все рекруты, набранные во французской армии в ходе войны, были распущены по домам. Англичане пополняли армию, действующую на континенте, широко применяя как легальные, так и нелегальные методы набора. Укомплектовать действующие полки, постоянно тающие от кроворолитных боёв и опустошительных болезней, представлялось не такой простой задачей. В течение 12 лет войны за испанское наследство парламент Великобритании рассмотрел не менее 9 положений о рекрутах, стараясь разрешить неразрешимое. Для привлечения волонтеров широко использовалась популярность личности герцога Мальборо, главнокомандующего силами союзников во Фландрии. Но на подобные уловки попадались немногие. За каждого рекрута вербовщикам полагалось вознаграждение, которое неизменно повышалось с 2 фунтов стерлингов в 1703 году до 5 фунтов стерлингов в 1708 году. Но и это не решало проблемы. Часто прибегали к обману и откровенному насилию. Не даром большой популярностью в народе в те годы пользовались капитан Плам и сержант Кейт, персонажи пьесы Георга Форгуара «Офицер на вербовке». Находчивые плуты, они забавляли публику остроумными выходками и ловкими махинациями, заманивая простаков в королевскую армию. Условия содержания рекрутов были ужасные. В Лондоне до отправки на континент их месяцами содержали как преступников в печально известной «Савойской цитадели», крепо-

стным каземате, сыром и холодном, совершенно не приспособленном для проживания. Впрочем, от тюрьмы армейская казарма ушла недалеко. Хотя криминальные элементы в армию не допускались, в военное время парламентом разрешалось записывать в полки преступников, например, должников или растратчиков.

Создаётся впечатление, что командиру полка было всё равно, что за сброд находится под его знаменами. Главное, это количество рук, способных держать оружие. Морально-юридическая сторона вербовки, в результате которой численность батальонов доводилась до штатной, его совсем не интересовала. Дайте нам более-менее подходящий людской материал, и мы сделаем из него боеспособные части. Какими методами – этот вопрос никогда не являлся профессиональной тайной для общества. В ход шла каждодневная изнуряющая муштра, изощрённые наказания за малейшее нарушение, жестокая, не жёсткая, но именно жестокая дисциплина. Слепое повиновение своему командиру, постоянная угроза смерти за неподчинение должны были сделать из рекрута умелого дисциплинированного профессионального бойца.

Порядок набора войск в Германских государствах был примерно следующим. Перво-наперво, опубликовывались официальные указы властей о призыве в армию всех желающих. Вербовщики, назначенные командирами полков, на рыночной площади или у приходской церкви под барабанный бой зачитывали эти указы, приукрашивая от себя службу в императорской армии, полную приключений и подвигов, которые непременно ожидают счастливых кандидатов в солдаты. Без лицемерия в

Рис. 29. Мушкетёр. Солдат одет в жюстокор, длинный, до колен, кафтан, появившийся в 60-х годах XVII века во Франции и ставший основной военной одеждой почти на полтора столетия. В правой руке так называемое «шведское перо», симбиоз сошки и короткой пики для защиты от копья.

этом деле никак не обойтись. И так, как правило, желающих находилось немного. На удочку клевали люди или отчаявшиеся, окончательно запутавшиеся в жизненных проблемах, или находящиеся не в ладу с законом, пытающиеся скрыться от правосудия. Добровольно на себя ярмо никто надевать не спешил. Если у обывателя всё было более-менее благополучно, он и не задумывался над перспективами армейской карьеры. Следующий этап пополнения армейских рядов уж совсем не делал чести славной имперско-австрийской армии. Открывались мрачные тюремные застенки, и перед их обитателями ставился выбор: или дальше гнить за сырыми стенами данных учреждений или отдать жизнь, если конечно повезёт, за Императора. Нужно отметить, что свобода выбора перед узниками зависела от реальной ситуации. Городские и окружные власти в этом с удовольствием шли навстречу военному командованию, избавляясь таким образом от преступников, нищих, бродяг и прочих нежелательных элементов. Если государство находилось в состоянии войны, то, как правило, с обитателями провинциальных каталажек, сидящих за бродяжничество, попрошайничество, никто и не разговаривал. Их просто строили и под охраной жандармов отводили в расположение полка. Там они поступали в полное распоряжение педагогов-воспитателей, унтер-офицеров, капралов, главным орудием воспитания которых была трость или обыкновенная палка. Если же обстановка не требовала экстраординарных шагов, то обречённым давали подумать. Выбор был не из лёгких. В тюрьме было тоже не легко. Бедолага, скрепя сердцем, давал согласие, брал небольшой денежный залог, в чём и расписывался в официальной бумаге. Теперь он считался солдатом императорской армии и нёс всю полноту ответственности за возможные нарушения, будь то побег, дезертирство, измена.

Строительство армии в Бранденбурге-Пруссии имело свои особенности. Прусские полки комплектовались преимущественно вербовкой. Причём, вербовка порой принимала самые циничные безобразные формы. Инструкция 1708 года указы-

вала – хватать без огласки людей, незначительных по социальному положению, родные которых не в силах поднять большого шума, наблюдая при этом, чтобы они соответствовали требованиям военной службы, отводить их в крепость и там передавать в руки вербовщиков. Такие распоряжения поощряли откровенную охоту на людей. Крестьяне стали отказываться возить свои продукты на городские рынки, так как на дорогах им угрожали засады вербовщиков. Офицеры организовывали настоящую торговлю людьми. Один офицер отпускал пойманных им людей за приличный выкуп и покупал у другого избыток удачного улова. Особенно рьяные вербовщики вызывали эмиграцию и запустение целых районов. При этом страдали помещики; в иных государствах протест землевладельцев против воинской повинности, которая их лишала необходимых для обработки полей рабочих рук, был достаточен, чтобы положить предел самоуправству агентов государства, но прусское правительство, действуя в своей стране, как в завоеванной области, не считалось даже с интересами господствующего класса. Впрочем, прусскими королями поощрялась вербовка иностранцев. Позднее, королем Фридрихом-Вильгельмом вербовка в прусских землях была законодательно запрещена. При нём же была создана система округов-кантонов, на которые была разделена территория королевства, закреплённые каждый за своей воинской частью, в пределах которого командир полка мог вести вербовку и пополнять полк рекрутами-конскриптами.

В Швеции основу армии составляли национальные формирования, устроенные по поселенному принципу. С середины XVII века вся территория страны была поделена на участки, называемые «индельта». Крестьянские дворы, составлявшие индельту, в случае войны обязаны были выставить одного солдата, и содержать его семью. В случае ухода солдата на войну индельта представляла на его место нового; из таких рекрутов формировался второочередной, третьочередной и т. д. полки индельты. Между тем, наемные полки составляли изрядную долю шведской армии,

Рис. 30 Французский мушкетёр. 80-е годы XVII века. Одет в широкий удобный кафтан. Укороченные рукава с широкими обшлагами, из под которых выпущена собранная в заплатах сорочка. Правое плечо венчает пучок декоративных цветных лент, на шее – небрежно завязанный батистовый галстук. Длинные до плеч волосы и борода «а ля мужи».

значительно возраставшую во время войн. Наёмники набирались как в Германии, так и в Прибалтике. Во время Тридцатилетней войны в кампаниях 1630–32 годов пехота Густава-Адольфа включала в себя 22 шведско-финских полков, 11 немецких и 21 англо-шотландских наёмных полков. Во время похода в Россию в 1708 году, из 27 конных полков 8 были вербованными, причем, 6 драгунских полков набирались в Германии, 2 – в Лифляндии⁴.

Для становления регулярных армий во 2-ой

половине XVII века характерными чертами являлись упорядочение военного управления, централизация военных органов, создание стройной иерархии военных званий, должностей, чиновпроизводства, обеспечения и содержания, установление единообразной формы одежды и т.д. Инициатива в военном деле в рассматриваемое время исходила от Франции Людовика XIV. Все функции по организации Вооруженных Сил во Франции сосредотачиваются в Военном министерстве, во главе которых стояли талантливые государственные деятели Мишель Летелье и Франсуа де Лувуа. Высшие военные учреждения появляются и в других странах: в Австрии – Гофкригсрат, в Швеции и Дании – Военные коллегии, в Бранденбурге – Генералкригскомиссариат. Вопросы централизации военного управления были, в основном, окончательно решены в европейских странах к концу XVII века. Например, в Австрии Военный совет при императоре или Гофкригсрат был создан в 1693 году. Во Франции во-

енное управление войск, размещенных в той или иной провинции, сосредотачивалось в руках губернатора, который подчинялся военному министру.

При Лувуа, возглавившем Военное министерство Людовика XIV в 1661 году, был принят Табель о рангах, определивший военную иерархию чинов и званий, функциональные обязанности всех должностных лиц в армии, порядок прохождения службы нижними и офицерскими чинами. Этот документ отражал веяния новой эпохи военного строительства, армии постоянной, массовой к тому же остававшейся профессиональной. Вместе с тем, в передовой иерархии чиновпроизводства проявлялась тесная связь с военно-феодальными традициями прошлой эпохи. Главную роль продолжало играть происхождение офицера, его «порода». Знатность фамилии продолжала давить над опытом и заслугами в военной карьере. В очередной чин во Франции могли произвести также или по старшинству или по милости короля. Основные же чины – капитана и полковника – покупались. Так, полковником мог стать только состоятельный вельможа. Полк стоил 30–40 тысяч ливров, а так называемый «старый», т.е. более привилегированный, – даже 75 тысяч ливров.

Массовые регулярные армии стран Европы требовали правильного устройства обеспечения. Усилия военного аппарата были направлены на организацию устойчивой системы снабжения войск оружием, обмундированием, амуницией, продовольствием и фуражом. Уроки предшествующих войн, когда коррупция и казнокрадство, невыплаты жалованья и голод превращали солдат в грабителей и насильников, заставляли уделять этим проблемам пристальное внимание. В эпоху Тридцатилетней войны довольствием подчиненных полностью заведовал владелец полка или его командир, полковник или капитан. Роль высшего командования сводилась к выдаче положенной для довольствия суммы денег на полк. Капитаны сами определяли размеры норм, суточные дачи продуктов и фуража нижним чинам и т.д. Тем самым создавалась благоприятная почва для всевозможных злоупотреблений. По самым оптимистичным оценкам, 40–60% денежных

Рис. 31 Европейский мушкетёр. 70–80-е годы XVII века. Подобный головной убор, приспособленный к суровому холодному климату, как правило, носили солдаты стран Северной Европы: Швеции, Дании, Пруссии. В армии Петра I он назывался «карпус».

средств не доходило до солдата, а оседало в карманах капитанов, полковников и владельцев полков. Иначе и быть не могло. Полк и рота негласно рассматривались как источник благосостояния командиров. Проявлением коррупции верхних эшелонов власти было, например, на шумевшее в своё время «дело Фуке» во Франции. В 1661 году Людовик XIV приказал арестовать самого сюринтента финансов Фуке за гигантские хищения государственных средств. Тогда на скамью подсудимых попало множество связанных с ним крупных и мелких финансистов⁵.

Во 2-ой половине XVII века войсковой тыл претерпевает решительные преобразования. Государство отказывается от посредников в лице непосредственных полковых и ротных командиров и само берётся за снабжение армии. Определяется военный бюджет государства, составляются штаты армии, регистрируется количество людей и лошадей, которых необходимо прокормить, одеть, вооружить, обеспечить. Вырабатываются единые нормы довольствия всем необходимым, табели, сроки носки обмундирования, ведомости учёта материальных средств, амуниции и снаряжения. Создаётся разветвлённый бюрократически-чиновничий аппарат, который строго следит за этим сложным хозяйством. Необходимость действенного контроля за военными расходами и обеспечением войск повлек за собой учреждение военно-финансовых и фискально-контролирующих служб. Во Франции, например, с этой целью создаётся знаменитый институт интендантов. Он призван стать непреодолимой преградой злоупотреблениям и хищениям в армии, порокам, которые во все времена были

Рис. 32 Военный лагерь. На рисунке современник точно отобразил будни полевого лагеря XVII века: командиры отдают распоряжения, льётся рекой вино, солдаты коротают время, играя в кости и карты.

раковой опухолью войск. Перед интендантством была поставлена почти неразрешимые задачи. Под стать им были и неограниченные полномочия, которыми чиновников наделил Военный министр Франсуа де Лувуа. Сам Людовик XIV благоволил интендантскому корпусу. Вездесущие чиновники рьяно выполняли возложенные на них функции. Пользуясь высочайшей поддержкой, они позволяли себе многое. Инспекции в войсках в военное время было положено проводить три раза в год. Войска, расположенные внутри Франции подвергались проверкам ежемесячно⁶. Интенданты проверяли полноту доведения до солдата положенных норм довольствия, расход денежных средств, отпущенных казной на армейские нужды. Они сосредотачивали в своих руках всю полноту власти, как судебной-полицейской, так и военно-административной. Они безжалостно преследовали любителей наживы за счёт военных статей бюджета, выявляли должностные преступления, случаи казнокрадства. Они добивались доведения полновесных порций и норм довольствия до рядового солдата. Зачастую они вмешивались и в оперативные вопросы, хотя это им было строго запрещено.

Существенных улучшений в конце XVII века удалось добиться в войсках Священной Римской империи. Ордонансы и патенты императора Леопольда I 1672, 1677, 1681, 1689 года вводили стройную систему довольствия армии. Эта система постоянно совершенствовалась в ходе непрекращающихся войн, которые Империя вела во второй половине XVII века. С учетом боевой практики система снабжения австрийской армии уточнялась ордонансами 1697 и 1699 годов⁷. Начальникам вменялось в обязанность прочитывать указы о довольствии войск перед личным составом на смотрях, квартирах, в крепостях. Денежное жалованье чинам австрийской армии в конце XVII века выплачивалось в соответствии с патентом 1684 года. В других документах определялись вычеты из солдатского жалованья на обмундирование, конкретизировались обязанности воинских начальников и обывателей при размещении солдат на постое и квартирах.

Система установленных норм продовольствия и фуража была закреплена в так называемых рационах и порциях. В мирное время нижние чины и офицеры получали их деньгами, в военное время или на марше – частично натурой. Зимний порцион равнялся 4 флоринам 30 крейцерам, летний – 3 флоринам. Каждому чину было определено количество рационов и порционов, установленное императорскими патентами. Подобная система со временем появилась в войсках практически всех европейских государств. Целая армия военных и штатских чиновников строго следила за доведением всего положенного до солдата. В конце концов, централизация и регламентация облегчили жизнь рядового солдата европейской армии. Этим был нанесён ощутимый, но отнюдь не смертельный удар всевозможным злоупотреблениям и казнокрадству. И война в эпоху Людовика XIV остаётся важным средством сколачивания состояния для всевозможных ловких дельцов как из числа окружения короля, так и из числа военного командования. Окончательно преодолеть трудности обеспечения армии так и не удалось. Недоведение до солдата всего положен-

ного, а также казнокрадство стали родимым пятном европейской армий данной эпохи. Войска нищенствовали, дезертиры и доведенные до отчаяния солдаты опустошали села и города в районах боевых действий.

Реформа тыла повлекла за собой подвижки в остальных звеньях сложного военного механизма. Впредь армия государства обеспечивалась самим государством. Она уже не являлась собственностью частных лиц, высших сановников, состоятельных вельмож, военачальников, членов монаршей семьи. Армия становилась неотделимой частью абсолютистского государства. Правда, теперь оно всемерно зависело от состояния государственной казны.

Отказ от реквизиций и расчёт только на казённое обеспечение наложил свой отпечаток на весь образ ведения войны. Канули в прошлое стремительные марши небольших наёмных армий Тилли, Мансфельда. Решительные походы через всю Европу Валленштейна, стремительные, напоминающие больше налёты, рейды пылкого Папенгейма и других вождей Тридцатилетней войны становятся достоянием истории. Лёгкие на подъём сборища наёмников и авантюристов, не заботясь о своём тыле, легко передвигались, кормясь за счёт обывателей. Теперь многое изменилось. Во-первых, многократно увеличились армии. Во-вторых, изменился сам солдат. Доброволец-наёмник постепенно вытеснялся подневольным рекрутом. Рекруту и платили-то в несколько раз скромнее. Зачем ему больше? Солдат Тридцатилетней войны сам обеспечивал себя практически всем: приобретал на заработанные гроши коня, шпагу, мушкет с пистолетом, одежду и снаряжение, кормил себя и лошадь. За всё приходилось расплачиваться звонкой монетой. Солдат второй половины века был на полном государственном обеспечении: фузея со штыком, платье, бельё, шляпа, порох, свинец – всё поставлялось теперь казной.

По мере того, как военная служба становилась принудительной, появилась возможность формировать всё более многочисленные армии, довольствие которых местными средства-

ми уже становилось затруднительным. За рекрутом, обманом или насилием взятым на службу, нужен был глаз да глаз, того и гляди сбежит. Такой армии позволялось минимум самостоятельности, зато уделялось максимум контроля, всё решало за неё государство: кормило, поило, одевало, разрабатывало планы кампаний. Военное искусство этой эпохи насковзь проникнуто чрезмерной осторожностью. Осмотрительность и методизм, возведённые в принцип, стали основными характеристиками многочисленных войн этого периода. Чтобы голодный солдат не вздумал искать себе пропитание, чтоб не покинул лагерь и не сбежал, хлеб ему привозили прямо к столу. Войска получали хлеб вполне регулярно со складов-магазинов. Последние становились всё более необходимым звеном военного механизма.

Продвигаясь вперёд, действующая армия принимала меры для обеспечения своего тыла. Её пройденный путь был отмечен устроенными магазинами и складами, где подрядчики сосредотачивали хлебные запасы, муку, сухари, мясо, солонину, вино, водку. Как правило, магазины закладывались в крепостях, городах, укреплённых пунктах. Благодаря магазинам, например, французская армия получила значительные выгоды. Коалиционные армии, действовавшие против Франции Людовика XIV, только в течение войны за испанское наследство полностью перешли на довольствие из магазинов. До этого же, рассчитывая преимущественно на местные средства, противники Франции могли начинать кампанию очень поздно – лишь в конце мая или в начале июня, когда подрастали подножный корм и посева, и можно было довольствоваться многочисленную конницу зеленым кормом. Французы же, получавшие сухой фураж из магазинов, не были связаны его отсутствием. Их армии могли сосредоточиваться и приступать к операциям на месяц раньше противника, что давало французам в руки неоспоримые преимущества.

Постепенно выработалась так называемая пятипереходная система, при которой армия получала регулярное довольствие при удалении не свыше, чем на 5 переходов от магазина. Не

далее, чем в трех переходах от магазина закладывались полевые хлебопекарни и организовывался мучной транспорт для подвоза муки из магазина в хлебопекарни. Армия удалялась не свыше 2 переходов от хлебопекарен: между армией и хлебопекарней работал хлебный транспорт, с подъемной силой на 6 дневных дач хлеба, по расчету двух суток пути в один конец, двух – на возвращение и двух суток на нагрузку, разгрузку, задержки и отдых. В общем, мучной и хлебный транспорты рассчитывались каждый по 1 парной повозке на 100 человек, что при двухфунтовой даче хлеба позволяло поднимать на 9 дней муки и на 6 дней хлеба. Так как солдат нес на себе на 3 дня хлеба, и хлеб съедобен летом только в течение 9 дней, то увеличение хлебного транспорта сверх 6-дневной подъемной силы не имело бы смысла. Сотни повозок осуществляли перевозки продовольствия от магазина к пекарням, от пекарен – к действующим войскам. Армия в 60 000 человек, располагая 600 повозками для муки, 600 повозками для хлеба, вместе с 3-дневным носимым запасом, поднимала всего 18-дневный запас, что позволяло устанавливать правильный кругооборот на 5 переходах удаления от базисного магазина и, в крайнем случае, с перебоями, растянуть на короткое время операцию до 7 переходов.

Такая система совершенно изменила образ действия войск. Войска обременили себя бесконечными обозами. Тыл армии многократно возрос. Тыловой обоз вёз за армией всё необходимое для обеспечения войска: провизию, фураж, порох, оружие, снаряжение, амуницию и всё необходимое для ведения войны многотысячному войску. Следом за маршировавшими полками пылили полевые пекарни, телеги с мукой и всем необходимым для выпечки хлеба. Погонщики гнали целые стада скота для забоя на мясо. Например, при одном только эскадроне полагалось иметь 1200 обозных и вьючных лошадей⁸. Помимо этого, каждую роту, эскадрон на марше сопровождало множество гужевых лошадей, телег, повозок с жёнами, семьями. При армии в походе сохранились вездесущие маркитанты со своим хозяйством, всевозможные поставщики, ремесленники, мастеровые

со своими походными мастерскими и т.д. и т.п.

Очень скоро европейские государства переняли у французов магазинную систему снабжения. В 1721 году в Пруссии имелся 21 магазин военного ведомства, в которых хранились хлебные запасы, достаточные для довольствия в течение одного года 200 тыс. человек (т. е. в пять раз большего числа, чем в тогдашней прусской армии). Постепенно вопросы довольствия получили решающее значение в стратегии.

Магазинная система, дававшая вначале полководцу большую свободу, совершенно связала его в направлении и размахе операций. Теперь при планировании кампании изучались маршруты выдвижения армии, расстояния до конечной цели похода, делался расчёт закладки магазинов и пекарен, из которых будут довольствоваться войска, учитывались расстояния между ними с таким расчётом, чтобы он был не более пяти переходов. Военные действия приобретали методический характер. Привязанные к магазинам, войска лишились былой стремительности и быстроты. Теперь войско осторожно продвигалось вперёд, устраивая себе обеспеченный тыл, укрепляя его, распыляя свои силы на мелкие гарнизоны для тылового усиления.

Теперь полководцы избирали в качестве стратегической цели не столько цель впереди себя, сколько магазин, питающий свою армию. Действуя против неприятеля, прежде всего, обращали внимание на безопасность своей операционной ли-

Рис. 33 Опытный мушкетёр мог на вкус определить качество пороха. Достаточно было бросить щепотку пороха на язык, чтобы узнать его зримость и точность соблюдения в нём пропорций селитры и серы.

нии и тыловых магазинов. Цель операции сводилась к недопущению выхода противника на свои коммуникации и пересечение таковых неприятелю. Боевые действия утратили решительность и динамичность. Возобладали такие методы, как маневрирование, выжидание на укрепленных позициях, рассредоточение войск по гарнизонам пограничных крепостей с целью прикрытия возможных путей маневра противника. А полевое сражение, разгром вражеской армии потеряли своё значение в планах ведения кампании. Для войн между Францией и европейскими коалициями решительные столкновения отнюдь не стали характерной чертой. Совершенно необязательно было вступать в кровопролитный бой, итог которого был порой непредсказуем. Успеха можно было достичь, захватив город или крепость, где противник неосторожно разместил свои магазины, или ловким маневром перехватив пути подвоза продовольствия и боеприпасов. Добиться этого означало вынудить вражескую армию к отступлению. Вытеснение неприятеля из определенной области одним маневрированием и овладение последней считалось верхом военного искусства. На полевой бой стали смотреть как на досадный просчёт, тактическую ошибку, допущенную военачальником, недостатком планирования кампании. Вынудить противника вступить в сражение с целью его разгрома никогда не входило в замысел кампании или войны этого периода. Тем не менее, совершая маневр, противники зачастую встречались, иногда совершенно внезапно. Как правило, подобные столкновения не имели решительных последствий. Например, война за испанское наследство изобиловала кровопролитными сражениями: битва при Гохштедте (1704), при Турине и Рамильи (1706), при Оудернаде (1708 г.), при Мальпьяке (1709 г.). Из них только сражение при Турине не было случайным, а «предварительно рассчитанным, победа была достигнута в результате как предварительного расчета, так и тактическими действиями. Все остальные складывались по воле случая да тактических соображений»⁹. Поэтому, бой редко имел важное для исхода кампании значение.

Существенно изменилась тактика. Совершенствование огнестрельного оружия и почти полное вытеснение им холодного - повлекло за собой преобладание огневого боя. Стремление использовать в бою как можно больше мушкетов привело к уменьшению глубины пехотного строя и удлинению боевого порядка по фронту. Впервые такой боевой порядок был применен шведами в 30-летней войне. В сражениях под Лейпцигом (1632 г.) и при Люцене (1634 г.) он доказал свое неоспоримое преимущество над неуклюжими глубокими «терциями» немецкой пехоты. К концу войны линейный боевой порядок шведов стал достоянием почти всех европейских армий. В последующем наблюдается устойчивая тенденция к сокращению глубины построения полка и батальона. Сначала пехота строилась в 8 шеренг. Тюренн, выдающийся полководец Людовика XIV, и его противники перешли к 6-шереножному боевому порядку. В конце столетия повсеместно применялся 4-шереножный строй пехоты. Наконец, пруссаки при Фридрихе-Вильгельме ввели 3-шереножный батальонный боевой порядок, который просуществовал до наполеоновских войн. Насыщение огнестрельным оружием постепенно сводит на нет значение рукопашного боя. Пикинеры еще сохраняются в батальонах, но их роль теперь сводится к защите мушкетеров от атак конницы. У Тюренна в батальоне пикинеры составляли 1/3 личного состава. В бою они занимали центр боевого порядка батальона, на флангах выстраивались мушкетеры. Наконец, изобретение во Франции штыка привело к полному вытеснению пики. В 1684 году пики отменены в австрийской армии, в 1689 году от этого оружия отказались прусские войска. Вместо пика солдаты получили мушкеты со штыком¹⁰. Сами изобретатели, французы, перевооружили свою армию штыками только в 1703 году.

Пуля мушкета в начале XVII века весила 1/8 фунта. Она могла поражать на расстоянии до 600 шагов и наносила чрезвычайно тяжелые ранения; но стрельба была возможна только с сошки, а зарядание — чрезвычайно сложно и кропотливо, включая до 95 приемов. Фитильный замок действовал в сухую погоду без

отказа, но стрелку приходилось оперировать с порохом, имея 2 зажженных фитиля — один в руке, другой — в курке, и преждевременные выстрелы и несчастные случаи бывали весьма часто.

Мушкет оставался очень тяжелым, и пехотинцы стремились обзаводиться не мушкетом, а более легким ружьем охотничьего типа, меньшего калибра и с кремневым замком. Ружье было несравнимо легче, обхождение с ним гораздо проще, но дальность выстрела сокращалась в полтора раза, убийность была слабее, кремневый замок капризничал и давал значительный процент осечек. Эти качества кремневого ружья объясняют позицию Лувуа в вопросе перевооружения пехоты; кремневое ружье признавалось не боевым, а спортивным и охотничьим, не допускалось в войска; инспектора получали указание — уничтожать найденные на вооружении ружья и заставлять капитанов приобретать из складов вместо них мушкеты.

Тем не менее, к концу XVII века кремневое ружье было усовершенствовано настолько, что им сочли возможным заменить фитильный мушкет. Среднее количество осечек кремневого ружья в хорошую погоду достигало 15%, что считалось вполне сносным для того периода. И в XVIII столетии мушкет был уже повсюду вытеснен кремневым ружьем, с которым велись последние войны эпохи Людовика XIV, войны Фридриха и Наполеона. В это же время был введен бумажный патрон (1670), позволявший перестать размеривать количество пороха, необходимое для зарядания, и несколько позже (1718) был изобретен железный шомпол, что позволяло довести скорострельность до 2–3 залпов в минуту.

Переворужение европейских армий менее метким и менее дальнебойным кремневым ружьем отвечало общему характеру развития военного искусства в XVIII веке. В конце XVII и особенно XVIII веков на индивидуального меткого стрелка смотрели, как на пережиток средневековой анархичности; боевое действие должно было являться результатом работы солдатского коллектива; лозунги «все по команде» и «шаг в ногу» — перешли и на организацию стрельбы. В XVIII веке прицельная индивидуальная стрельба подавлялась, солдаты обучались быст-

ро заряжать и давать дружные залпы. Стремление научить солдата производству меткого выстрела признавалось мирным ухищрением, бесполезным в бою. В бою солдат волнуется, и его пуля значительно уклоняется от того направления, которое он хотел бы дать; тщательное прицеливание только задерживает скорость стрельбы. Расчет при массовом огне в XVIII веке шел только на картечное, дробовое действие залпов плутонгов (взводов). Не все ли равно, куда уклонится отдельная дробинка или картечь – масса выпущенных кусков металла создаст впереди поражаемое пространство. Ружейный огонь в XVIII веке приобрёл автоматический, фабричный характер; монотонно-механическое действие ружейных залпов должно было увеличивать сомкнутость и коллективное чувство у пехотинцев, подверженных разлагающему влиянию боя. Едкий на слово Фридрих Великий цинично замечал, что высокий темп залповой пальбы, доведённое до автоматизма зарядание и движение в ногу не имеет никакой иной цели, кроме как занять солдата в бою, отвлечь и, тем самым, притупить в нём инстинкт самосохранения. Так пренебрежительно скептически полководец оценивал не столько морально-психологическое состояние своего войска, сколько – боевые качества кремневого мушкета. Быстро, хотя и неметко стрелявшее ружье являлось идеальным оружием для линейной тактики XVIII века. Тем не менее, эффективность массового огня из кремневых ружей была довольно значительна. Она достигала по развернутому кавалерийскому строю: на 100 шагов – 40,3%; на 300 шагов – 14,9%; на 400 шагов – 6,5%¹¹. Уставы настойчиво рекомендовали дистанцию в 100 шагов, как выгоднейшую для ведения решительного ружейного огня, и советовали, по возможности, раньше огня не открывать. Эффективность залпового неприцельного огня объяснялась ещё и плотностью боевых порядков как пехоты так и конницы. Поэтому полевые бои этого периода отличались кровопролитностью, боевые потери достигали 10% и более. И на этом военачальники не собирались останавливаться, так как совершенствование тактики продвигалось по пути дальнейшего

увеличения эффективности огня за счёт повышения скорострельности мушкета, ружья, орудия. Будущее сулило всё более и более кровопролитные сражения. Эти неутешительные прогнозы, а также трудности рекрутирования, относительная дороговизна солдата – всё это в совокупности подвинуло военных теоретиков на мучительный поиск новых методов вооружённой борьбы. Стихия кровавого сражения, как ветреная женщина, как дразнящая и изменчивая судьба, не поддающаяся аналитическому расчёту, часто оборачивалась непредсказуемыми для полководца последствиями. Так реалии современного развития военного строительства материализовались практически в отказе от полевого боя, как метода достижения успеха кампании. Теоретически бой был заменён бескровными формами, основным из которых был признан маневр.

Снабжение войск мушкетами первоначально лежало на обязанности капитана: командир роты или вербовал наемника с исправным мушкетом, или давал ему свой мушкет и погашал стоимость его вычетами из жалованья. По мере того, как в XVII веке пришлось расширять вербовку вне круга профессиональных наемников, начальству приходилось все более и более брать на себя заботы о вооружении. На помощь капитанам пришли полковники, закупавшие партии пригодных мушкетов, на помощь пришло и государство, начав отпускать капитанам оружие по заготовительной цене из своих арсеналов и цейхгаузов. Последние получили свое начало из-за необходимости иметь мобилизационный запас мушкетов для вооружения милиции, так как с началом военных действий быстрое приобретение больших партий оружия было нелегко. Артиллерия и запасы мушкетов, пик, шпаг и т. д. начали накапливаться в государственных арсеналах и цейхгаузах. В конце XVI века во Франции было уже 13 арсеналов. Государство становилось все требовательнее к годности и однообразию состоявших на вооружении мушкетов.

В 1666 году Летелье установил для всех мушкетов во французской армии единый калибр. С 1681 года государственная помощь в деле вооружения развилась и приняла форму снабже-

Рис. 34 Унтер-офицер пехоты в строю вооружался алебардой. Чтобы отличить своих от чужих в бою через плечо или по поясу повязывался шарф определённого цвета: белый, красный, оранжевый и т.д.

Боевой порядок шведов выработался еще при Густаве Адольфе и практически не менялся до конца Северной войны. Рота сохраняла деление на дивизионы пикинеров (48 рядовых) и мушкетеров (84 рядовых). Пикинерные дивизионы занимали центр боевого порядка батальона, мушкетеры строились на флангах. Как ни странно, уменьшение глубины боевого порядка, обусловленное повышением роли огнестрельного оружия в бою и потому являющееся общепризнанным признаком военного прогресса на рубеже XVII–XVIII веков, у шведов уставной догмой так и не стало. Сторонник решать дело стремительным ударом холодным оружием, который наиболее эффективен при глубоких построениях, Карл XII часто практиковал 6-шереножное построение. Впрочем, шведы применяли с успехом и 4- и 3-шереножные строи. Вообще, Карл XII, как военачальник, слыл большим оригиналом, а шведское военное искусство данной

ния войск ручным огнестрельным оружием, изготавливаемым на государственных заводах. Производство холодного оружия сохранялось дольше в руках ремесленников и концентрировалось в определенных районах.

Некоторые полководцы, военные теоретики предостерегали от чрезмерного увлечения пальбой, выступая за решительные тактические формы боя. Но в Европе их взгляды не встретили понимания. Исключением, пожалуй, являлась шведская армия Карла XII, у которого преклонение перед атакой холодным оружием оборачивалось другой крайностью – явной недооценкой огня. Не зависимо от обстановки, Карл XII бросал свои войска в решительные штыковые атаки, требуя от командиров активных и стремительных действий.

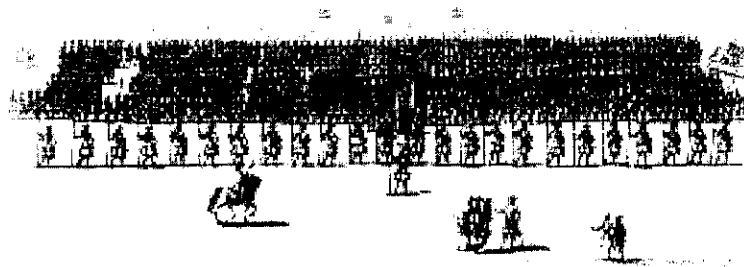

Рис. 35 Боевой порядок пехотного полка. Конец XVII – начало XVIII века. Мушкетёрские роты выстроены в 4 шеренги, на правом фланге – роты гренадёр, офицеры с протазанали – перед фронтом полка, унтер-офицеры с алебардами – за фронтом. Полковник – на коне, перед строем полка – командир 2-ого батальона.

эпохи стало исключением из общепринятых в Европе правил ведения боя и войны¹².

Нормальным для пехоты был разомкнутый строй с дистанцией между шеренгами 4 шага. Для пальбы он смыкался, для атаки холодным оружием – удваивался. Для удобства передвижения и маневра на поле боя удваивались ряды, для стрельбы удваивались шеренги.

Во 2-ой половине XVII века конница не уступала по численности пехоте. Но к началу XVIII века соотношение меняется в пользу пехоты из-за изменившегося образа действия войск, заключавшегося, главным образом, в осадах и оборонах крепостей. Конница составляла половину, а затем и четверть армий.

Строй конницы делается менее глубоким и к концу XVII века уже вся кавалерия принимает 3-шереножное построение. В бою, как и в пехоте, главное внимание уделялось залповой стрельбе. Приблизившись к противнику, эскадроны давали залп из карабинов, и затем следовала атака рысью или медленным галопом.

На поле боя европейская конница обычно строилась в три шеренги на флангах боевого порядка. Сначала эскадроны в линиях перемешивались с батальонами мушкетеров. К концу XVII века конные массы стали сосредотачивать на флангах, а пехоту – в центре боевого порядка армии. Между шеренгами выдерживалась дистанция до 6 шагов. Интервалы между эс-

кадронами равнялись фронту эскадрона. Такое пространство оставлялось в первой линии для того, чтобы эскадроны второй линии могли через эти промежутки пройти для поддержки первой линии. Пальба велась залпом сразу тремя шеренгами, затем следовала атака рысью. Иногда, сблизившись, всадники стреляли из пистолетов и только потом атаковали холодным оружием. Драгуны обучались вести бой как в конном, так и в пешем строю, нередко в искусстве строевых эволюции они опережали мушкетеров. Драгуны начинали свою боевую летопись во французской армии как пехота, посаженная на лошадей для быстроты передвижения. Вскоре они становятся самостоятельным родом войск, совместившим в себе черты как пехоты так и конницы. Эта двойственность сопровождала драгун на протяжении почти всей истории существования. В одних странах, например, в Австрии, драгуны ещё долго будут ездящей пехотой, в других, например, в Англии, Пруссии, они будут причислены к коннице. На особом привелегированном положении находились драгуны во французской армии Людовика XIV. Проявив высокую боеспособность в многочисленных войнах, французские драгуны были причислены к элитным частям. Количество драгунских полков в конце XVII столетия быстро увеличивалось. Двойственность проявлялась и в их экипировке. Драгуну-мушкетёру полагался мушкет, правда, укороченный, со штыком и обычным комплектом для стрельбы. Пикинёр возил с собой пехотного образца пику. В конном строю солдатам полагался палаш и амуниция кавалериста. Но в отличие от конника, они носили кожаные гетры, которые одевались прямо на башмаки и которые легко можно было сбросить для пешего строя. Драгунскому полку полагались знамёна пехотного образца, полотнища которых были гораздо шире кавалерийских штандартов. Иногда, когда драгуны применялись как конница, им выдавались штандарты. Французские драгуны имели знамёна, по форме отличные и от кавалерийских, и от пехотных, чем подчёркивали свою исключительность.

Примерно полтора столетия прошло, как из кавалерийской тактики были отринуты естественные черты конницы. Стремительность и решительность лихих атак, сокрушающий удар закованной в железо конной массы – всё это кануло в прошлое. С детских лет учившийся мастерски владеть холодным оружием, искусно управлять конём, профессионал высокого класса, рыцарь представлял собой воина, аристократическое происхождение которого не совсем гармонировало с военной дисциплиной массовой армии. В бою он предпочитал действовать в одиночку, так как строй, толпа оскорбляли его высокое происхождение. Время вынесло свой безжалостный приговор мужественному, гордому, но малоуправляемому в бою рыцарству. В сражениях это профессиональное воинство было разгромлено и уничтожено. Победителями их стали рейтары, посаженные на простеньких лошадок, вчерашние крестьяне, ремесленники, обедневшие дворяне, не только не имевшие устойчивых навыков фехтования, но и с трудом державшиеся в седле. Глубокие, пусть неповоротливые колонны рейтар оказались на редкость устойчивыми против атак рыцарской конницы, строй которой представлял собой тонкую и редкую линию. Основным оружием рейтар стал недавно изобретённый пистолет. Вооружённый этими пистолетами, рейтар с приличной дистанции расстреливал атакующих рыцарей, поражая, в первую очередь их коней, оставаясь практически неуязвимым. Рейтары могли вести и наступательный бой, хотя наступательным его назвать можно было с большой натяжкой. Построенные в колонну глубиной до 20 шеренг шагом или рысцой рейтары приближались к противнику на расстояние прямого выстрела. Галопом эта громоздкая масса всадников передвигаться просто не могла, не рискуя поломать строй, да и умелыми всадниками их назвать было нельзя, на быстрых аллюрах половина рейтар могла запросто оказаться на земле. Да, в принципе, особой выучки и не нужно было. Приблизившись к противнику, рейтары начинали методично расстреливать его из пистолетов. Разрядив пистолеты, первая шеренга уезжала за строй, где заряжала своё оружие. Стреляла

вторая шеренга, затем – третья, четвёртая и так далее. Не смотря на примитивность, подобная тактика оказалась достаточно эффективной, что она и доказала в ряде войн второй половины XVI века. Рейтарская конница отличалась относительной дешевизной, не требовала хорошо выезженного, дорогостоящего конского состава, высокой индивидуальной выучки всадников. Рейтара вполне можно было подготовить из обыкновенного крестьянина в течение 3 месяцев. Вскоре вся европейская кавалерия переняла эту тактику, отказавшись от шпага, пик и палашей и полагаясь больше на мушкеты и пистолеты. Так началась эпоха господства огнестрельного оружия и медленных аллюров в тактике кавалерии.

Не смотря на протесты многих кавалерийских начальников, уставы XVII–XVIII веков требуют от конницы ведения огневого боя. Атака холодным оружием считалась делом второстепенным, ей не уделяли должного внимания. В стремительности атак и искусстве рубки западноевропейская кавалерия безнадежно уступала восточной: венгерской, польской, русской и, особенно, шведской. Шведские короли, особенно, неистовый Карл XII, боготворил свою кавалерию. Шведская конница в рассматриваемый период состояла из драгун и рейтар. По своей численности она составляла больше половины армии. Во время похода на Украину в 1707–1709 годах почти 60% шведского войска было представлено кавалерией. Рейтарские полки делились на два эскадрона четырехротного состава, в роте по штату было 125 человек¹³. Карл XII требовал от своих драгун и рейтар атаки на полных аллюрах без какой-либо стрельбы. «Атака в штыки – пехотою, с саблей наголо – конницей была его идеалом. Шведская кавалерия передвигалась и маневрировала на поле боя с невиданной быстротой. Карл XII отменил всякое предохранительное вооружение в своей коннице и тем самым значительно увеличил ее быстроту и подвижность. Кавалерия Карла XII ходила в атаку полным карьером, с одинаковой стремительностью бросалась не только на неприятельскую конницу и пехоту, но и даже на укрепления»¹⁴. Впрочем, смелыми и пылки-

ми атаками отличались в ту эпоху кавалерия Кромвеля, а позднее, конница Мальборо и некоторые элитные дворянские кавалерийские полки Людовика XIV.

Преобладание оборонительных тенденций привели к забвению главного достоинства кавалерии, стремительного удара холодным оружием, в армии Священной Римской империи германских государств. Подобная тактика была выстрадана австрийцами в беспрестанных войнах с турками, прекрасная и многочисленная конница которых не давала никаких надежд на успех европейцам, коли дело доходило до рукопашной. Порыв неудержимых атак конных масс австрийцы отражали, полагаясь на плотный строй пехоты, засевавшей за «испанскими» рогатками, ошетилившейся длинными пиками и огрызавшейся мушкетными залпами. Тяжёлые кирассирские полки формировали неподвижные каре, огнём отбиваясь от турок и татар. Главное достоинство тяжелой кавалерии видели не в способности к наступательным действиям, а в отражении атаки врага. Австрийская конница в бою жалась к пехотным полкам. Имперскими уставами разрешалось кавалерии атаковать противника только по эскадронно на дальность не более 60–100 шагов. Оторваться от пехоты для неё означало погибнуть под кривыми, острыми, как бритва, саблями турецких спаги. Атака допускалась только в случае наступления противника на соседний батальон.

В тактических взглядах возобладала идея «подвижной линии огня», в которой сохранялась связь всех элементов боевого порядка армии. С целью поддержки друг друга батальоны пехоты и эскадроны конницы в линиях часто смешивались. Состоящий из длинных тонких линий боевой порядок имел вид живого укрепления. «Цель такого построения заключалась в том, чтобы возможно большим числом выстрелов поражать противника. В случае наступления же главная задача состояла в том, чтобы не расстраивать общей связи в линиях. Даже конница в движении не должна опережать стоявшую по соседству пехоту»¹⁵.

Тактическое устройство войск в рассматриваемое время приобрело стройную организацию благодаря повсеместно вве-

дённным в европейских армиях постоянным штатам кавалерийских и пехотных частей. Основной тактической и хозяйственной единицей большинства армий оставался полк. В Священной Римской империи полк состоял из трех батальонов и включал 1800 солдат и офицеров по штату. В 1701 году к этим батальонам прибавился еще один, увеличив численность полка до 2400 человек¹⁶.

Коль скоро война стала сводиться к осаде и обороне крепостей, возникла необходимость и в особо подготовленной пехоте. Лопата и кирка стали для неё оружием не менее важным, чем мушкет со шпагой. Но развитие пехоты приобрело не только инженерно-сапёрную направленность. Отражением новых тенденций развития военного искусства стало появление в европейской армии в середине XVII века гренадёр. Эти солдаты, шедшие на штурм в первых шеренгах атакующих колонн, имели задачу забросать засевших за укрытием защитников гранатами и тем самым ослабить оборону. Наиболее рослых и сильных солдат, гренадёров, можно было сразу отличить по массивной сумке на боку, в которой хранились гранаты, увесистые чугунные ядра, начинённые порохом. Мушкет имел специальный ремень, и гренадёр закидывал его себе за спину, чтоб удобнее было метать гранаты. Привычное для нашего современника положение ружья за спиной для XVII века было в новинку. Пехотинец носил его только в положении на плечо. Гренадёр для удобства вместо обычной шляпы носил шапку с меховой опушкой. Австрийцы одели своих гренадёр в меховые шапки с разноцветным шлыком. Немцы предпочитали суконный колпак с кисточкой. Вскоре спереди гренадёрскую шапку стал украшать декоративный налобник, красиво украшенный шитьём. На этом изыски военных щёголей не исчерпались. Суконный колпак укрепляют изнутри каркасом из китового уса, от чего он делается жёстким и высоким. Наконец, вышитый налобник заменяют медным со штамповкой государственной символики. Французы же проявили несвойственную им скромность, и на протяжении почти двух столетий их гренадёры носили ничем не примечательную солдатскую треуголку. Эффек-

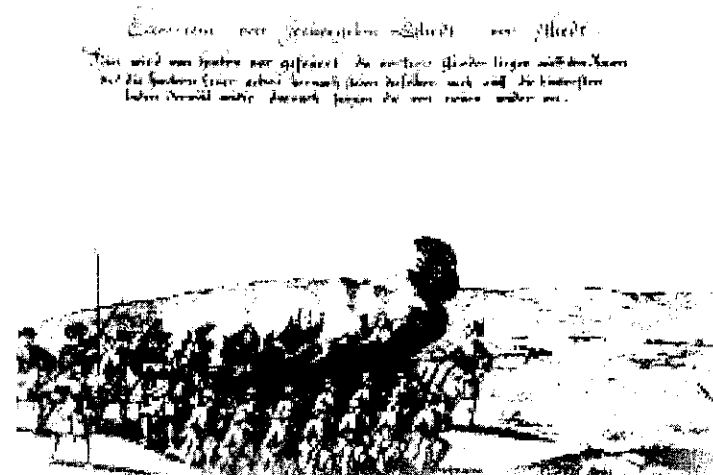

Рис. 36 Стрельба «индерфален» (падением). Наутонг (возвод) ведёт огонь в четырёхшеренговом строю. Последняя шеренга, отстрелявшись, заряжает мушкеты, третья даёт залп, первые две – на колени в готовности к стрельбе. Уттер-офицеры на флангах с алебардами на изготовку. Офицер – в последней шеренге с барабаничком-сигналистом.

тивность гренадёр при осаде и обороне укреплений была велика, и количество гренадёр в армии быстро росло. Вскоре из них комплектуются отдельные роты. Так, австрийский полк состоял из 10 рот, одна-две из них были гренадерские. Гренадёры становятся настоящей элитой пехоты. В линии полка гренадёрская рота занимает почётный правый фланг.

Во французской армии численность полков была самой разнообразной. Они состояли из четырех, трех, двух и даже одного батальона. В конце XVII века полк, как, боевое тактическое звено, уступает место батальону, оставаясь, в то же время, основной административно-хозяйственной единицей.

Французский батальон состоял из 500–600 человек. В прусской армии полк состоял из 8 рот по 125 человек в роте. Основной тактической единицей выступал полуполк в составе 4 рот, делившихся на 4 дивизиона. Позднее, по примеру Франции, в ходе войны за Испанское наследство, в прусских войсках тоже появились батальоны. Постоянных войсковых соединений выше полка в европейских армиях не было.

В ходе войны, как правило, из нескольких полков формировали временные соединения – бригады. Впервые они появились в армии Густава-Адольфа. Бригада Тюренна состояла из двух пехотных полков под началом бригадира. Впрочем, количество воинских частей в бригаде могло варьироваться по решению старшего начальника. 2–6 бригад вверялось под команду генерал-лейтенанту. Все наличные войска на отдельном театре войны поступали под начало военачальника. Столетие спустя, в наполеоновскую эпоху, появится корпус, как объединение частей различных родов войск для решения самостоятельных задач. А пока этот организационный пробел при значительной численности войск порождал неразбериху и беспорядок при управлении частями. «Раздробленность армий (бригады – самые большие подразделения), несовершенство, медлительность и беспорядок движений – причина того, что чем многочисленней армия, тем труднее ею управлять, тем менее она была способна к элементарному маневру. И французские армии были мало способны к маневру, а германские – того меньше»¹⁷. Впрочем, в бою даже при наличии совершенной организационной структуры войск трудно было осуществить гибкое непрерывное управление и обеспечить слаженные действия частей. Читателю достаточно представить себе полевое сражение XVII–XVIII веков, чтобы понять, насколько нелегко было полководцу руководить армией, реагируя на изменение боевой обстановки. Представьте себе поле или участок местности, пересечённый ручьями, участками леса, насаждениями, оврагами, с деревнями и даже крупными городами. На этой местности в несколько десятков квадратных километров разворачивается армия в несколько тысяч или десятков тысяч воинов, говорящих почти на всех европейских языках.

Во все концы снуют ординарцы и адъютанты с бесконечными указаниями и распоряжениями. Вот проходящий мимо рысью драгунский полк поднимает тучи пыли и на время скрывает от нас всё происходящее вокруг. Задыхаясь от пыли, мы только в состоянии слышать отрывистые звуки команд, храп и

ржанье лошадей да бряцанье снаряжения, в нос бьёт острый запах лошадиного пота. Мы пытаемся отворачиваться, но это мало помогает, воздадим хвалу господу, что нас просто не затоптали. Нелегкий труд разместить это разноязыкое воинство. Каждому генералу нужно указать своё место в боевом порядке, ориентиры на местности. В этом деле без топографической карты местности не обойтись. Карты, конечно же, есть, но изобилуют значительными погрешностями. Моста через болотистую речушку, который указан на плане, на деле может не оказаться, а деревня на самом деле на полмили ближе к опушке леса. При командующем назначается генерал-квартирмейстер, предшественник начальника штаба, должностное лицо без чётко определённого круга обязанностей. Или с очень широким кругом обязанностей, если угодно. Он совмещал функции управления армией, составлял схемы местности, организовывал разведку, тыловое обеспечение, размещал на постой войска, и т.д. Герцогу Мальборо, например, план окрестностей Бленхейма, где им была одержана одна из его громких побед, составлял полковник Джон Армстронг, старший устроитель полевых лагерей и инженер. Вот такая топографическая безупречность в век Людовика XIV, Карла XII, Петра Великого и Августа Сильного. Всё приблизительно, на глаз. Армейские топографические службы появятся спустя примерно полтора века. Штабные службы – через столетие.. Пока же генералы прибегают к услугам лазутчиков и сами составляют планы местности непосредственно перед делом.

Сутки, а то и больше, полководец и его окружение бьются над решением непростой задачи – развёртыванием боевого порядка. При создании ордер-де-баталии наряду с оперативной целесообразностью приходится обязательно учитывать неписанные законы, пережитки средневековой рыцарской старины. На почётном правом фланге должен занять место самый старый и заслуженный полк. Во французской армии такой привелегией обладал Наваррский или Пиккардийский пехотные полки. Далее и влево от них выстраивались полки по старшинству, самый

Рис. 37 Шведский гренадёр метает гранату. Мушкет в положении «за спину», налобник гренадёрской шапки украшен воишской арматурой, верх шапки венчает жёлтая гарусная кисть, на крышке сумы – медная бляха с вензелем Карла XII.

молодой полк занимал левофланговое положение. Если обстановка не позволяла реализовать привилегии полков, и они вынуждены были строиться произвольно, то полковники часто затевали совсем не к стати свары. Вот и сейчас, разгорелся спор за места между французским полковником и командиром баварской бригады, и никто не желает уступать. Придётся вносить изменение в общий порядок и передислоцировать кое-какие части, иначе союзник может обидеться. Наконец спор улажен, все на своих местах.

Ещё сутки пехоте нужно окопаться, артиллерии – подготовить ог-

невые позиции, разместить на постой по окрестным деревьям войска, интендантам – накормить всю армию, заготовить фураж для десятков тысяч лошадей. Вот что, приблизительно, предшествует столкновению двух армий.

Непосредственный бой тоже представить нетрудно. Командный пункт, расположенный, как правило, на возвышенности, господствующей над местностью высоте, должен обеспечивать командующему обзор местности и руководство войсками. Теоретически всё верно. Но реальное сражение редко разворачивалось по трактатам о военном искусстве. Не всегда можно было найти подходящую для командного пункта возвышенность. Не со всякой горки можно окинуть взором расположение войск, раскинувшееся на многие километры, скрытое складками местности, перелесками, населёнными пунктами. Вопросы управления войсками старались учесть по возможности полностью в диспозиции к сражению. В этом документе помимо боевого порядка, ордер-де-баталии, указывалось, как действовать войскам в том или ином случае. Говоря современным языком, это

был типичный боевой приказ с указанием конкретных задач каждому командиру, обороняться ли, удерживать позицию или наступать. Если наступать, то объект атаки, в каком направлении, каким рубежом овладеть, кто оказывает поддержку. Но даже самая подробная диспозиция не могла предугадать всех перипетий боя, учесть всех изменений оперативной обстановки. Бой ежеминутно требовал от командующего оперативного вмешательства. Средств управления в арсенале командующего армией XVII–XVIII веков было негусто. Первое – это адъютанты и ординарцы, представители отдельных отрядов, иногда – полков, находящихся в бою рядом с командующим и готовых по первой команде доставить по адресату приказ или донесение. Второе – управление по линии полков. Если была необходимость отдать циркулярное распоряжение, касающееся всех войск, то оно сначала отдавалось ближней части. От неё влево и вправо по линии полков приказ распространялся устной молвой. В австрийской армии в полках специально назначался офицер, ответственный за доведение полученного таким способом приказа до соседей. Часто этот способ использовался как дублирующий. Совершенно ясно, что надёжность подобного управления была номинальная, за точность информации никто ни ручался, гарантировать доведение приказа до адресата точно и в срок – тем более. Ординарца дорогою могли убить или ранить, до отрезанных или заблокированных противником частей армии он вообще мог не добраться. Живая линия связи вообще напоминала детскую игру в «сломанный телефон». Вообще роль адъютантов в армии была исключительно высока. Гораздо выше, чем роль простых посыльных. Видный полководец той эпохи, герцог Мальборо, многие свои победы причислял на счёт именно героизма, сообразительности и инициативы своих адъютантов. В число последних он лично отбирал молодых офицеров. Отбор был весьма строг, с должным пристрастием и придирчивостью. Даже если команда всё-таки доходила до непосредственных исполнителей, командиров полков, это совершенно не означало, что она будет быстро и всрок исполнена. Хорошо,

если полк стоял в резерве, в готовности выдвинуться в указанном направлении и выполнить поставленную задачу. А если полк уже находился в деле. Кругом кипит бой, стонут раненые, звучат команды, пальба. Мечутся целые табуны лошадей, потерявших своих всадников. В чёрном пороховом дыму поредевшие роты и батальоны ведут ожесточённый бой. Кровь, страдания властвуют над людьми, свистят пули и ядра, находя себе всё новые и новые жертвы. Смерть ежеминутно собирает свою страшную жатву. Почти невозможно в этом хаосе обезумевших людей и животных сохранять спокойствие и невозмутимость, тем более – найти рациональное решение, с помощью которого можно привести в порядок и послушание тысячи людей. Исследователь европейской военной истории М. Голицын отмечает, что немногие войска могли похвастаться управляемостью своих частей в бою. Почти все европейские войска могли сохранить порядок пока оставались на месте, но как скоро приходилось двигаться или перестраиваться, то неудача была почти верной. Кроме хладнокровия и самообладания они должны были обладать высочайшей дисциплиной и порядком, над которыми не властна стихия боя. Только такие части могли выполнять в бою одну задачу за другой, следуя обстановке. После таких открытий становится очевидным организаторский талант, например, Кромвеля. Его кавалерия стяжала славу непобедимой только за то, что, разбив противника, она не рассеивалась, а оставалась на поле боя компактной массой в готовности к выполнению следующей задачи. Отличную подготовку и дисциплину демонстрирует на полях европейских сражений молодая прусско-бранденбургская армия. Всё чаще слышны слова восхищения и признательности в адрес пруссаков и их молодого вождя, графа Ангальт-Дессау. В основном же, при том уровне организации, европейскую армию, вступившую в дело, перенацелить было почти невозможно.

Французская кавалерия являлась дворянским родом войск. Она еще долго сохраняла старые привилегии рыцарских времен. Законы феодально-рыцарской кастовости, относительная

независимость, неотделимая от понятия дворянской чести, препятствовала процессу унификации армейских частей, введению единой организации и численности. Роты являлись частной собственностью того или иного вельможи или крупного дворянина, зачастую комплектовались из его вассалов. Капитаны рот ревниво охраняли право на свою «вотчину». Первые попытки Людовика XIII объединить кавалерийские роты в полки потерпели неудачу именно из-за этого. Капитаны, привыкшие к неограниченной самостоятельности, не желали терпеть над собой ничьей власти¹⁸.

Раздробленность французской кавалерии сохранялась вплоть до конца XVII века. В ее организации наблюдалось большое разнообразие. Встречались полки по 8, 6, 4, 3 роты. Состав рот также колебался от 20 до 60 всадников. Только в 1678 году была установлена постоянная и единая численность кавалерийских рот. В нее входили следующие чины: капитан, лейтенант, вахмистр, два бригадира, трубач и 34 солдата. Основной боевой единицей в кавалерии оставался эскадрон пятиротного состава. В военное время могли создаваться временные воинские объединения. Так, в 1693 году во французской армии появились бригады для карабинеров по 100 рот в бригаде.

Существенные изменения происходят в области артиллерии. Первый шаг в реорганизации этого рода войск сделали французы. Частное предприятие, наследство феодальной цеховой организации являлось характерной чертой артиллерии. При Людовике XIV артиллерист оставался не столько специалистом, техником, сколько частным предпринимателем, имеющим монополию на артиллерийскую стрельбу. Его услуги оплачивались звонкой монетой по установленной таксе. За устройство и вооружение осадной батареи он получал – на первой параллели за пушку калибром 18–24 фунта 300 ливров, за мортиру – 200 ливров, на брешь-батарею (венчающей гласис) – за пушку 400 ливров, за мортиру на гласисе – 300 ливров, за суточную работу осадной батареи-с пушки, в зависимости от калибра,

10–20 ливров, с мортиры 16 ливров; снаряды, порох и шанцевый инструмент – королевские; для работ по устройству и обслуживанию осадной батареи артиллеристу предоставлялось нанимать пехотных солдат с уплатой им 20 су за 12-часовую дневную или ночную работу.

В 1671 году вся артиллерия была сведена в полк в составе роты канониров, роты саперов и двух рот рабочих. Артиллерийский полк пользовался особой благосклонностью короля и имел различные льготы. В 1693 году он получил почетное звание королевского артиллерийского полка. В это время его численность равнялась около 5 тысяч человек. В 1684 году во французской армии появился бомбардирский полк для обслуживания осадной артиллерии¹⁹.

Артиллерия Империи получила организационное закрепление в 1698 году в лице артиллерийского батальона. Подобным образом была организована артиллерия Саксонии. Устройство прусской артиллерией ограничивалось сначала ротной организацией, всего существовало 10 артиллерийских рот, позднее они были сведены в батальон.

Дольше всех феодально-цеховую организацию артиллерии сохранили британцы. Артиллерия вместе с инженерным корпусом составляли самостоятельную часть армии, во главе которой обычно назначался старый заслуженный генерал. Командующему полевой армией этот генерал фактически не подчинялся. Поразительное взаимодействие пехоты, кавалерии и артиллерии, благодаря которому британцы одерживали громкие победы на полях войны за испанское наследство, удавалось добиться из-за того, что талантливый Мальборо одновременно занимал пост главнокомандующего и командующего артиллерией. Эти уроки были учтены, и в 1716 году король Георг I учреждает королевский артиллерийский полк в составе армии. В артиллерийский полк была включена вся артиллерия королевства совместно с инженерным корпусом.

Важную роль в подготовке кадров для артиллерии начинают играть специальные военно-учебные заведения. Первые ар-

тиллерийские школы появились во Франции в 1674 году в Дуэ и Монтезана. Примеру Франции не замедлили последовать другие европейские державы. Французская военная теория задавала тон в артиллерийском и военно-инженерном деле. Существенный вклад в их развитие сделал крупнейший полководец и военный теоретик маршал Вобан. Разработанный им способ постепенной атаки крепости путем устройства параллелей с методичным приближением их к крепостным стенам позволил быстро и без больших потерь брать укрепленные пункты, считавшиеся раньше неприступными. Вобан теоретически обосновал и практически применил так называемую «артиллерийскую атаку» крепости, рикошетную стрельбу. Вобан считается основоположником минно-подрывного дела, в 1676 году были сформированы первые саперные и минные роты, положившие начало корпусу военных инженеров. Усовершенствовалась теория артиллерийской стрельбы²⁰. На основе теории баллистики французом Блонделем создаются первые правила для стрельбы бомбами.

Вместе с тем, вполне оформившись как род войск, артиллерия продолжала сохранять некоторые недостатки, присущие ей в предшествующую эпоху. Существенную сложность для эксплуатации представляло чрезмерное разнообразие калибров и разновидностей орудий. Во французской армии на вооружении состояли 30-, 24-, 16-, 12-, 8-, 4-, 2-фунтовые пушки и гаубицы. У австрийцев артиллерия была представлена еще разнообразнее.

Наряду с гаубицами и пушками в армиях Европы на вооружении оставались такие старинные виды орудий как фальконе-ты, картауны, органные орудия. В основной массе орудия этого периода тяжелы и неповоротливы. Несовершенные лафеты делали и без того тяжелые орудия малоподвижными и маломаневренными.

Способы применения артиллерии в бою не отличались разнообразием. По существу, в тактику не было привнесено ничего нового, орудия располагались равномерно перед фронтом боевого порядка пехоты и кавалерии, очень редко меняя пози-

ции в ходе боя. Специально назначенные фузилерные подразделения прикрывали ее от атак противника²¹.

Массовое введение огнестрельного оружия в пехоте и кавалерии, разделение родов войск на подвиды, появление мушкетеров, пикинеров, гренадеров, в кавалерии – линейной или тяжелой конницы, легкой конницы: гусар, кроатов и т.д. привели к усложнению общевойсковой тактики боя. Военное дело все больше приобретает вид искусства. Современная война требовала профессиональной подготовки как нижних чинов, так и военачальников. Характерной чертой регулярных войск 2-ой половины XVII века стало введение систематической боевой подготовки. Сложность строевых эволюции, умение действовать в бою слаженно и единообразно, держать равнение в длинных по фронту линиях, вести на ходу залповый огонь требовало от солдата и офицера устойчивых практических навыков, которые приобретались только в ходе регулярных занятий.

Для того, чтобы ввести известный порядок и единообразие в подготовку и обучение войск, Лувуа создал инспекторов пехоты и кавалерии, которые объезжали гарнизоны, осматривали оружие и заставляли командиров частей заводить исправное, вместо негодного, указывали начальникам на пробелы в организации и обучении их частей, давали Лувуа подробные отчеты о результатах своих осмотров. Инспектора налаживали правильный ход занятий. Требования Людовика XIV были очень скромными, как скоро пехотная часть обучена, она должна раз в неделю выводиться на учение. Кавалерийской части редписывалось выезжать два раза в месяц в поле и производить учение со стрельбой из пистолетов, чтобы лошади не пугались звука выстрелов. В каждом гарнизоне инспектора должны были назначать способного к строю офицера, который ежедневно принимал бы развод караулов и, пользуясь разводом, производил бы небольшое учение. Прусский король Фридрих II, заботясь о системе народного военного обучения, требовал проводить занятия с провинциальной и городской милицией один раз в неделю, кроме периода жатвы. По словам немецкого историка, «... у пруса-

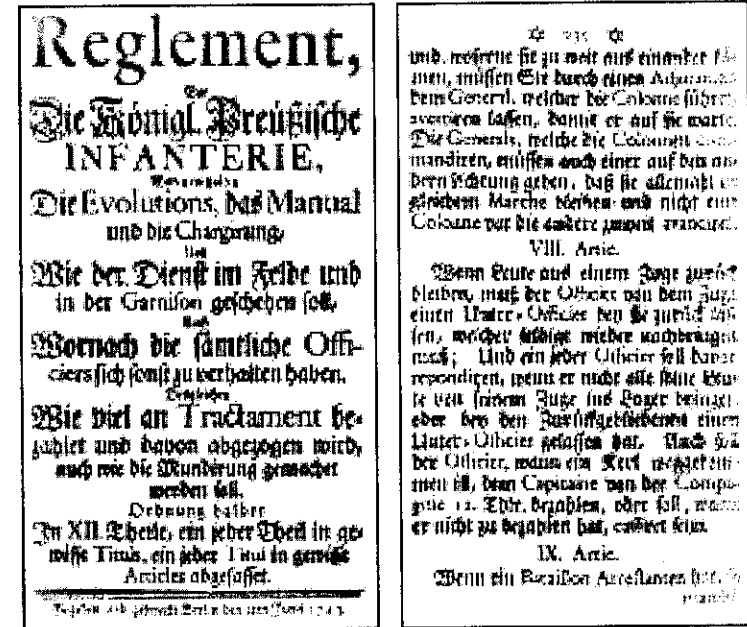

Рис. 38 Прусский пехотный регламент 1743 года. Пруская военная система к середине XVIII века была признана лучшей в Европе и копировалась многими европейскими армиями. Прусский устав переводится на русский язык и становится основой для подготовки русской пехоты накануне Семилетней войны (1756–63 гг.)

ков учение производилось изо дня в день, и служба занимала непрерывно как офицеров, так и солдат»²².

Строевые эволюции не ограничивались только боевой необходимостью. Именно в это время они начинают все больше и больше приобретать плац-парадную направленность. На рубеже XVII–XVIII веков законодательницей моды на плац-парадные увлечения выступала армия Людовика XIV. «Система военного обучения этого периода была более сложной, чем когда-либо и никому, кроме служащего всю жизнь солдата, не удалось бы достичь при ней хотя бы малейшего успеха»²³.

Такое обучение не имело ничего общего с боевой подготовкой. «С первого взгляда кажется невероятным, чтобы могла существовать такая невероятная запутанность в поворотах, смыканиях и размыканиях шеренг и рядов, удваивании линий и про-

чее... Каждое подразделение делилось на несколько частей и соответственно этому произносилась двойная или тройная команда, которая относилась к различным частям роты, например: «Полушеренгами и четверть шеренгами во фронт, вперед и назад, а также назад и вперед сомкнись»²⁴.

По словам военного историка XIX века Рюстова, тактико-строевая подготовка этого периода являлась ничем иным как «бесполезным фокусничеством». Так в армии Людовика XIV закладывались основы известного вахт-парада XVIII века, которым спустя полвека прославится Фридрих Великий. Быстрое и четкое исполнение сложнейших команд, умение солдат перестраиваться в самые причудливые фигуры являлось лучшей аттестацией офицеров французской армии, строевая выучка которой признавалась образцовой. Стремясь подготовить резерв для кадровой армии, во Франции и германских государствах вводится военное обучение для милиции и конскриптов. При Людовике XIV в приходах из ополчения формировали роты, занятия с которыми проводились еженедельно. Отлучаться с них разрешалось только с ведома приходских властей²⁵.

Впрочем, настоящие навыки и умения войска могли получить только в ходе боевой практики, недостатка в которой в данную эпоху не было. Войны шли непрерывно, разгораясь то в одном конце Европы, то в другом. Основными причинами войн были напряженные отношения между абсолютистской Францией и соседними государствами. На севере Европы шла борьба за гегемонию на Балтике. Основными соперниками выступали Швеция, Дания, Россия и Польша. На юге не утихала борьба христианских государств против агрессии Турции. Во все войны готов был вмешаться Брандебург, если участие сулило ему приличные барыши. Характеризуя шведскую армию, военный историк пишет: «Для образования офицеров не существовало каких-либо заведений и учреждений; почти непрерывные войны были лучшей школой. Значительная часть шведского дворянства служила также в иностранных армиях, преимущественно, во французской»²⁶.

XVII век с усложнившимися методами ведения войн занял в военной истории особое место. Он дал мощный импульс строительству Вооруженных Сил и развитию военного искусства. Изменившиеся социально-экономические условия, совершенствование материальной базы войны повлекло за собой развитие стратегии и тактики. В ходе многочисленных войн современные взгляды на военное дело приобретали новые очертания, окончательно оформлялись в виде военных теорий, правил, методов. XVII век дал военной истории и истории военного искусства выдающихся полководцев и теоретиков: Морица Оранского, Густава-Адольфа, Тюренна, Конде, Вобана, Монтекуолли, Люксембурга, Мальборо, Евгения Савойского. Почти все они оставили после себя обширные сочинения, в которых были разработаны принципы военного искусства армий феодально-абсолютистских государств.

Важным шагом в организации регулярных армий стало приведение военного законодательства в соответствие с требованиями военного прогресса. Значение военно-юридических вопросов для организации регулярных полков было трудно преувеличить. Не только мужество и героизм, долг и честь, самопожертвование и благородство олицетворяли воюющую армию. Выросшие из наемных войск молодые регулярные армии многое унаследовали от них. Остались представления о войне, как о средстве наживы. Войска, пополнявшиеся подчас обманом, подкупом, насилием, отбросами общества, преступниками, являлись в буквальном смысле средоточием греха и порока. В полках процветала преступность. По воспоминаниям участника войны за испанское наследство можно судить о моральном духе британцев: «Армия маршировала через Фландрию, ужасно злословя и ругаясь». В английской армии образовался целый класс так называемых bounty-jumpers. В качестве рекрутов они записывались в полки, чтобы получить денежный задаток и тут же исчезнуть. Спустя какое-то время операция повторялась. Нравственный уровень британских офицеров был также неоднороден, как и их солдат. На офицерскую вакансию

взирали не иначе как на средство обогащения. Торговля офицерскими патентами как и раньше была общепринятой практикой, для чего их выпускали сверх всякой меры. В полках процветала торговля должностями, ссоры, дуэли. Высшее командование нередко сколачивало баснословные капиталы на махинациях с денежными суммами, положенными на снабжение армии униформой, снаряжением, амуницией. На рекрутской повинности злоупотребляли офицеры. В городских магистратах были зафиксированы случаи, когда офицеры вынуждали своих подчинённых идти на тяжчайшие преступления, включая похищение детей с целью выкупа.

Для управления таким военнотружущим нужны были адекватные методы воспитания. Среди солдат насаждались жестокие порядки. Дисциплина держалась только на страхе наказания. В английской армии бытовало правило: «Пороть, вешать, расстреливать». А ведь дисциплина в ней не считалась такой строгой, как, например, в прусско-бранденбургских войсках. В прусской армии процветали изуверские наказания из арсенала испанской инквизиции. Шпицрутены и фухтеля, пожалуй, были самыми безобидными. Колесование, отсечение рук и ног, сажание на кол, пытки водой, «испанские сапоги» – ничем не гнушались для того, чтобы внушить солдату послушание и покорность. За преступления солдата могли расстрелять, повесить, посадить на кол. Если прусский солдат не выдерживал муштры и бежал из полка, объявлялась тревога на всю округу. Звонил специальный колокол. Не только солдаты, но и жители окрестных деревень под руководством старост, мобилизовывались на поиски сбежавшего. Если дезертира удавалось поймать, задержавший его получал премию в размере 30 крейцеров. За дезертирство виновного приговаривали к смертной казни. Если солдату удавалось бежать, то деревня, где размещался на квартирах полк, обязана была выставить вместо дезертира нового рекрута. Стоит ли говорить, что в таких условиях солдаты не могли питать к своему командиру никаких чувств кроме страха и ненависти. То, что в американской армии Джорджа Вашингтона было из-

вестно как «fragging», имело давнюю историю и уходило корнями в нашу эпоху, эпоху Мальборо, Евгения Савойского, когда закладывались основы регулярного воинского порядка, основанного на жестокости и страхе. «Fragging» – это когда офицер получал в бою пулю в спину от своих солдат, что не было такой уж редкостью.

По отношению к противнику, населению, пленным проявлялась жестокость, доведенная до крайних пределов. Продолжали практиковаться варварские обычаи награждать войска добычей посредством разграбления взятого приступом города. Жестокие уголовные наказания за преступления в военное время не могли остановить бесчинств и безобразий, производимых солдатами на оккупированных территориях.

Опустошения, грабежи, бесчеловечное отношение к пленным омрачали самые выдающиеся подвиги великих полководцев. Жестокость французских солдат на Рейне и в Палатинате уподобляют их походы нашествию гуннов и монголов. Блистательные победы французов при Флерусе (1690 г.), при Неервиндене (1692 г.), при Марсалине (1693 г.) сопровождалась резней, бесчинствами, грабежами незащитных жителей, не смотря на присутствие в армии целой фаланги администраторов и чинов, призванных стоять на страже закона.

Русский военный историк в связи с этим пишет: «Что касается жестокости, с которой велась война, то ее можно изобразить не иначе как самыми мрачными красками. По причине всеобщего религиозного и политического ожесточения и непрерывных войн нравы огрубели, одичали, ожесточились до крайности. И войска, и полководцы этого времени носят на себе отпечаток этой грубости, этой дикости, этого ожесточения и представляют собой странное сложение блистательных военных доблестей с самыми гнусными пороками»²⁷. Другая проблема, с которой пришлось столкнуться регулярной европейской армии, – это ужасающих размеров дезертирство. Рекрутская повинность и конскрипция создали массовые армии, но они имели и обратную сторону – в случае задержки жалования или

неудовлетворительного довольствия, а иногда из-за жестокого обращения насильно мобилизованный солдат бежал из армии. Особенно угрожающих размеров приобретало дезертирство в Пруссии и Франции. Маршал Вильяр вспоминал, что фуражировка около Нейбурга в 1703 году стоила французской армии больше людей, чем разгром при Гохштедте. В войсках Мальборо к «большой фуражировке» (*grand forage*) готовились как к важной операции: район предстоящей фуражировки оцеплялся конными дозорами, перед каждой деревней выставлялись заградительные отряды из наиболее преданных отрядов, отряженные войска отправлялись на заготовки под усиленной охраной. Это помогало только отчасти. С дезертирством боролись, с другой стороны, активизируя военно-юридическую работу. К сожалению, эта деятельность не давала осязаемых результатов. Введение комиссариатских и интендантских органов, жесткий контроль за обеспечением солдат всеми видами довольствия только временно улучшал их материальное положение. В армии процветали взяточничество и злоупотребления. Резкий контраст между утопающим в роскоши высшим офицерством и прозябающими в крайней бедности нижними чинами достиг угрожающих размеров. Когда солдаты от голода разбегались, комиссары, поставщики провианта тратили миллионы на увеселение в Париже и забавы.

Вновь созданный военно-юридический аппарат с трудом справлялся с пороками, имевшими место в европейских армиях. На законах об ответственности военнослужащих за преступления отразилось влияние изуверской Каролины – немецкого военно-уголовного положения императора Карла V 1532 года. Право носит ярко выраженный карательный, но не воспитательный характер. Продолжалась культивироваться жестокость при наказаниях. Порки и шпицрутены заменили членовредительские наказания. В военное время широко применялась смертная казнь за измену, трусость, сопротивление офицеру, возбуждение к мятежу. За преступления целых частей, бегство с поля боя прибегали к децимации (казнь каждого десятого по жребию).

Измена во всех военно-уголовных кодексах квалифицировалась как самое позорное преступление.

Созданные специально для надзора за выполнением закона в частях генерал-аудиторские службы, военные суды способствовали определенному улучшению дисциплины и правопорядка в войсках, но полностью карательная система наказаний не могла заменить нравственного воспитания солдата, поддержания в нем высокого чувства долга и гражданской ответственности, дисциплинированности и патриотизма.

Таким образом, развитие производительных сил и социально-экономических буржуазных отношений дало мощный импульс развитию военного искусства в XVII веке. На строительство армии, их организационную структуру большое влияние оказало развитие военной техники: повышение маневренности артиллерии, создание ружья с кремневым замком и бумажным патроном. Насыщение войск огнестрельным оружием превратило его в решающее средство вооруженной борьбы. В самостоятельный род войск выделяется артиллерия. В соответствии с этим совершенствовалась тактика боя и стратегические взгляды на ведение войн. Развивались способы применения в бою пехоты и кавалерии. Усложнение тактики и вооружения поставили вопрос о систематическом военном обучении, а постоянные войны – о подготовке резервов и создания массовых армий. Основным методом комплектования оставалась вербовка. В военное время все чаще прибегают к рекрутским наборам с населения.

Появление постоянных регулярных армий требовало принципиальных изменений вопросов тылового обеспечения войск. Создаются постоянные органы тыла, внедряется централизованная система обеспечения и довольствия армии.

Существенные изменения претерпела юридическая сторона военной организации. В европейских армиях создаются военные уставы, артикулы, инструкции.

В комплексе все эти изменения в военном деле явили на свет качественно новую военную организацию и военное искусство, отвечающую требованиям современной войны.

- ¹ Свечин А.И. Эволюция военного искусства. – М., Полигон. С.223
- ² Бобровский П.О. Переход России к регулярной армии. – СПб. 1885. С.54.
- ³ Пузыревский Д.В. Развитие постоянных и регулярных армий в век Людовика XIV и Петра Великого. – СПб., 1889. С. 65.
- ⁴ Васильев А.А. О составе русской и шведской армии в Полтавском сражении // Военно-исторический журнал.1989. № 7. С. 67.
- ⁵ Всемирная история.Т. 5. С. 123.
- ⁶ Бобровский П.О.Указ.соч. С. 51.
- ⁷ Бобровский П.О.Указ.соч. С. 48
- ⁸ Пузыревский Д.В.Указ.соч. С. 33.
- ⁹ Голицин Н.С. Великие полководцы истории. – СПб. 1875. Ч. 2. С. 103.
- ¹⁰ Cordier A. Turenne et l'armee... , S. 54.
- ¹¹ Свечин А.И. Указ.соч. С. 230.
- ¹² Васильев А.А. Пехота Шведской армии Карла XII под Полтавой // Орел.1992. № 1. С. 24.
- ¹³ Васильев А.А. О составе русской и шведской армий в Полтавском сражении. С. 65.
- ¹⁴ Сахаров В.Указ.соч. С. 95.
- ¹⁵ Сахаров В. Указ.соч. С. 93.
- ¹⁶ Бобровский П.О. Указ.соч. С. 51.
- ¹⁷ Голицин Н.С. Великие полководцы истории. – СПб., 1875. Т. 2. С. 103.
- ¹⁸ Денисон. История конницы. – СПб., 1894. С. 67.
- ¹⁹ Пузыревский Д.Ф. Указ. соч. С. 92.
- ²⁰ Советская военная энциклопедия. – М., 1976. С. 166.
- ²¹ Пузыревский Д.Ф. Указ. соч. С. 91–92.
- ²² Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. М.: 1938. Т. 4. С. 238.
- ²³ Энгельс Ф. Избранные военные произведения. 1940. Т. 1. С. 165.
- ²⁴ Рюстов. История пехоты. – СПб., 1876. Т. 2. С. 129–130.
- ²⁵ Пузыревский Д.Ф. Указ. соч. С. 4.
- ²⁶ Денисон. Указ. соч. С. 136.
- ²⁷ Голицин Н.С. Указ. соч. С. 47.

2.2 РОЛЬ ЕВРОПЕЙСКОГО ВОЕННОГО ДЕЛА В СОЗДАНИИ РЕГУЛЯРНОЙ РУССКОЙ АРМИИ

С отроческих лет восторженные взоры Петра были устремлены на Запад. Все его юные забавы так или иначе были навеяны рассказами о чудесной загадочной Европе, о жизни в заморских странах, полной соблазнов приключений и военных подвигов. Сонная тишина кремлёвского терема, затхлая атмосфера матушкиной половины дворца приводила в уныние неугомонного сорванца. Пострела тянуло в чисто поле, где бранная потеха в почтительном окружении московских воевод и погодков, детей окольных и дворни, усладой отзывалась в венценосной детской душе. Победный гром пушек, хлопанье наполненных западным бризом парусов, вой ветра в корабельных снастях будили воображение впечат-

лительного царевича. Ловкие, веселые, не лишённые знаний и талантов иностранцы вскоре потеснили в окружении царя представителей русской знати. Под их влиянием складывалось мировоззрение молодого Петра. Они предопределяли во многом направленность его интересов и симпатий. В обществе галантного дамского угодника, неистощимого на выдумки Лефорта, сурового, повивавшего на своём веку Гордона, в волнующей атмосфере диковинных рассказов моряков и военных, в табачном дыму задушевных бесед, за бокалом пива и чаркой рейнского незаметно пролетели отрочество и юность царя. С возмужанием, когда детские грёзы обернулись серьёзны-

ми делами, а потеха – государственными заботами, всё это оформилось в замысел военных преобразований. Прозападническая направленность первых мероприятий задуманной реформы не вызывает сомнений.

Рассуждая над истоками российского регулярного войска, вновь и вновь возвращаясь к вопросу, что же всё-таки доминировало в его становлении, отечественное или европейское начало? Некоторый опыт знакомства с историографией петровских реформ подсказывает нейтральный вариант решения этой дилеммы – незамысловатая, удобная формула. Она вполне укладывается в стандартное выражение о тесном сплаве европейского и отечественного, как источнике наших военных побед. Что это – снисходительная дружеская ирония вежливых западников, не желающих обидеть коллег-историков, патриотов-славянистов, мол, они и так все извелись со своими радениями за расейское равноправие перед Европой? Или плод ожесточённой политической борьбы, культурно-идеологическое наследие эпохи пролетарских вождей? Или историческая правда, основанная на неопровержимых фактах? Или просто удобный компромиссный приём нерадивого историка, не желающего докопаться до истины и нашедшего удобное для всех, простое решение?

Вполне возможно и - то, и - другое. Но только не для нашего читателя, чья патриотично настроенная душа не приемлет убаюкивания, а мучительно жаждет действительного подтверждения значимости нашей военной самобытности. Она, эта душа, истомившаяся незавидной исторической ролью Отечества, этого вечного аутсайдера, искренне радуется любому нашему достижению в европейской гонке, имя которому общественно-экономический прогресс. Конечно, здесь разговор идёт не о технологическом, информационном, а о военном развитии. И на этом поприще мы ревниво перебираем факты, бережно отбирая ростки нашей самобытности, робко пробивающие себе путь сквозь толщу наносной чужеродной почвы. Были ли наши ратные обычаи благодатной почвой, на которой взращены великие победы русского оружия? Или же они сравнимы лишь с жалки-

Рис. 39 Шведский офицер армейской пехоты. Начало XVIII века. Скромный тёмно-синий кафтан с жёлтыми обшлагами, подкладкой и отложным воротником. На офицерском знаке – горжесте монограмма шведского короля.

ми, слабыми ростками увядающих растений. Да простит нас российский крестьянин за легковесные, может не всегда уместные аналогии. Чуть выше, с этих страниц уже звучали пафосные восклицания и про чужеродную толщу, и про самобытную почву да про мощные вековые пласты, которые сами по себе где-то там проступают... и т.д. и т.п. Если читатель питает к земле больший интерес, чем к военной истории, он отметит эти аграрные авторские фантазии, хотя сомневаюсь, что они вызовут в его душе хоть какой-то отклик. Разве что дружескую снисходительность профессионала-агрария к жалким крестьянским потугам историка-любителя. И надеюсь, что искреннее внимание к теме у терпеливого читателя сочетается со здоровым чувством юмора и сопричастности.

Мы же с присущей самонадеянностью замахнёмся на более нам знакомое. Нам всё же ближе не агротехника, в которой мы мало чего смыслим, а философское видение проблемы. Когда читатель рассуждает об особенностях армии, он наделяет её национальной душой и характером. От армии неотделимо её прошлое, закреплённое в боевых традициях, обычаях, её неповторимая история. В этом заключается духовная сущность армии. Заимствованное же мы связываем с формами и организацией, что вполне сопоставимо с внешними проявлениями. Что здесь важнее, что – весомее? Ни форма без содержания, ни сущность без явления никогда врозь не существуют. И то, и другое – в постоянном развитии. Только сущность консервативнее, менее подвержена изменениям, форма,

Рис. 39 Русский мушкетёр. С 1708 года русская армия вооружается мушкетами со штыком. На солдатских кафтанях начала XVIII века пуговицы пришивались до пояса, чуть ниже, а карманные клапаны, наоборот, стали поднимать выше.

явление – подвижнее. Если рассуждать над судьбами русской армии XVIII столетия с позиции соответствия формы и содержания, то получается следующее. Внешность русского человека изменилась в одночасье. Сняты тягилы и охабни, забыты колпаки и горлатые шапки, сбриты бороды. Московские служилые люди, дворяне да дети боярские обрядились во французские жюстокоры, в парики да треугольные шляпы с позументом. Но сословная ментальность в сущности не изменилась. Она сформирована вековой враждой с «погаными» и латинством, непрерывными войнами за истинную веру и православную Русь. Общественное самосознание сформировано православной культурой, сцементировано общинно-родовой порукой. Оно же развращено крестьянско-казацкими войнами и княжеско-боярскими родовыми счётами. Его деформирует недавно вспыхнувшая религиозная смута, нарождающееся крепостное рабство и крепнувший молодой самодержавный абсолютизм. Всё это определяло общественную психологию российского воинства в петровскую эпоху.

Но, как и любые психические образования, она находится в постоянном движении. Она, трансформируясь под влиянием внешних и внутренних факторов, накрепко связана с официальной идеологией государства. Основной стержень её, идея освободительной борьбы, отстаивания и защиты Отечества, круто замешанная на православной вере, теряет свою актуальность. Лозунги, когда-то сплотивавшие земскую силу Москвы перед угрозой потери независимости, к петровскому времени утратили свой былой пафос. Рядовые ратники имели смутное представление о стратегии современных войн и походов, цели которых всё дальше и дальше удалялись от родных границ: то польская Украина, то немецкое порубежье, то – швейцарские замки, то – дикие степи. В конце концов, династические интересы царя загнали русские полки в самую сердцевину Европы. Ну что забыл там православный? Невдомёк было неискущённому ратнику, за какие-такие грехи его туда гонят? Далее, всё ощутимее становился социальный компонент общественной психологии.

Процесс социального расслоения общества, поляризация его по классовому признаку не могли не отражаться на настроениях войска. В таком перманентном состоянии находились московские рати, когда их застала европеизация.

Мобилизующая сила формы и организации, к этому времени доказала свою жизнеспособность на Западе. Люди, не озарённые особо светлыми идеями, а движимые одной вульгарной страстью к добыванию денег, показывали чудеса стойкости и мужества. Почему? Потому что их сплачивала система во всех своих проявлениях: дисциплина, исполнительность, ответственность, профессионализм, регулярная боевая подготовка, страх наказания, наконец. Вот эта организация во всех её формах и привнесена была Петром в Россию и реализована в наших ратях. Православный ратник был поставлен в жёсткие рамки новой организации. Русское военно-сословное общественное сознание в ходе реформ было разбавлено европейскими свежими психическими образованиями. Национальный духовный настрой русского воина был дополнен морально-психологическими качествами европейского солдата. У гордого московского дворянства, у разношерстного служилого люда, у вчерашних холопов и забитых крепостных новые требования формируют несвойственные ему морально-боевые качества: исполнительность и дисциплинированность, требовательность и ответственность, честь мундира и верность долгу.

Далее армия развивается в русле общеевропейских тенденций. Идёт непрерывное совершенствование формы: круговерть штатно-организационных изменений, тактических форм, регламентации, вооружения.

И вообще, правомерно ли европейскую тенденцию считать явлением, а отечественную составляющую – сущностью преобразования русской армии. Что было сутью, а что – лишь декором. По большому счёту всё сводится к традиционному вопросу, что обладает неоспоримым приоритетом в военном деле: духовный фактор или технический компонент? Этот вопрос всегда являлся актуальным для военных теоретиков, и не толь-

ко отечественных. Он отнюдь не является риторическим, не смотря на видимую очевидность. Очевиден он разве что для поколений россиян, воспринявших упрощённо-лубочные сталинские идейные клише. Они-то уверены, что идейно-нравственное превосходство русского и других братских народов всегда выступало главным источником всех наших побед во всех войнах, естественно, справедливых и освободительных. Войны петровской эпохи стоят в списке наших славных побед особняком. Но ведь вполне весомые аргументы и у сторонников противоположной точки зрения: военное дело – чисто техническая проблема. Техническая – и производные от неё – точные расчёты, математическое ожидание, а в более поздние времена – прогнозирование, моделирование, компьютерные и информационные технологии и т.д. – всё то, на чём основывается современное военное искусство.

Духовный же фактор по мере развития военного прогресса всё больше и больше зависит от других факторов, в первую очередь, от военно-технического. История показывает, что российская армия действительно была практически непобедима в эпоху, когда военно-технический прогресс только разворачивал свои стальные плечи. Но по мере развития военной техники слава российского оружия постепенно меркла.

Чем менее совершенно было оружие, тем заметнее был вклад духовной составляющей в общем боевом потенциале русской армии. Может быть, в славном былинном прошлом, когда свободолюбивые русичи отстаивали свои отчины с дубьём, мечами и рогатинами, православное слово и поднимало наших предков над коваными ратями немцев, над свирепыми ордами кочевников, и дарило им трудные кровавые победы, как награду за богоизбранность. Может быть. Апогей нашей военной славы пришёлся на суворовскую эпоху, когда русский дух да ещё русский штык безраздельно господствовал на бранных полях Востока и Запада. Но с течением времени, когда технический прогресс всё веселее ощущался на полях брани, военное дело практически полностью свелось к военно-техническим вопро-

сам. Духовность из основы превратилась в обеспечение военного дела. Одухотворённость, нравственность теперь имели ценность только трансформированными в дисциплинированность, исполнительность, точное исполнение своих функциональных обязанностей. Сейчас в боевых уставах это называется морально-психологическим обеспечением боя.

И вообще правомерно ли рассуждать о высокой духовности солдата, будь он русский или немец, француз или поляк. Мушкетные залпы, гром пушек и пороховой дым затмил от Господа человеческие страдания, горе и мучения, всё то, что несёт с собой война. Найдётся ли место высокой идее и нравственным убеждениям в таком богопротивном деле как война, смертоубийство, пусть даже под благовидным предлогом. Сколько варварства, насилия и гнусностей творил человек, осенённый высокими идеалами, окрылённый справедливыми целями. Во имя Заступника человеческого истреблялись народы, сжигались целые города, разорялись цветущие страны, творились низости и подлости. Солдаты освободительной армии Девы Орлеанской вели себя на освобождённой французской территории, как завоеватели. Суровое пуританское войско Кромвеля, осеняя себя крестом, вырезало население ирландских городов. Строгое протестантское воспитание совсем не препятствовало шведам бесчинствовать во всех войнах рассматриваемого периода. Французы Бонапарта под знамёнами Свободы, Равенства и Братства обирали до нитки бедную Италию, да и не только её. О нравственности католических и протестантских войск в религиозных распрях XVI–XVII веков и говорить не приходится. Вопрос в следующем – что такое нравственность на войне, не химера ли, от которой стоит раз и навсегда отказаться и поставить на её место воинские добродетели: чувство долга, послушание, дисциплинированность, исполнительность. Пруссаки Фридриха Великого, воспитанные именно в таком духе, вписали в военную историю Европы не одну замечательную страницу, демонстрируя мужество, отвагу и самопожертвование. Не говоря уж о блестящих примерах тактического мастерства. Таким об-

разом, сторонники технократического взгляда настаивают на том, что война и добродетельная чистота – понятия практически несопоставимые. И история своими живописующими примерами это вроде бы подтверждает. Конечно же, в такую теорию реформа Петром отечественной военной системы вписывается не иначе как механическое заимствование продуктов европейского военно-технического прогресса. Продуктов прогресса с их атрибутами: тактикой, дисциплиной, уставами, военными школами и т.д.

Итак, во второй половине XVII века русские Вооружённые Силы представляли собой целостный, действующий по своим специфическим законам механизм. Существующая система мобилизации войск складывалась десятилетиями, неоднократно проверялась в насыщенном военными событиями XVII веке. Может быть и справедлив упрек в её архаичности, проявлявшейся порой в излишней медлительности, неповоротливости. Но мобилизация являлась только звеном в сложной системе военной организации. Она выступала её неотъемлемой частью и не могла не отражать как её изъяны, так и достоинства. Для того, чтобы заработал весь этот сложный разветвлённый механизм, главнокомандующему, в роли которого выступал сам царь, достаточно было дать указание на развёртывание войск. Указ царя, как правило, издавался в письменной форме. Через Разрядный приказ воеводам указывалось всё необходимое: командующий, цель, место и сроки сбора войск. Кроме того, в указе определялись категории ратных людей, подлежащих призыву.

В преддверии войны со Швецией за выход к Балтике, Пётр приступает к формированию многочисленной армии. Но при этом он решительно отказывается от старых механизмов и традиционного порядка сбора войск. Новизна чувствовалась практически во всём. Комплектованием новой армии ведает вновь созданный орган – Генеральный двор. Как и многие прочие нововведения, Генеральный двор произошёл из круга близких сподвижников царя по его ратным забавам. С мужанием Петр и его окружение стали претендовать на реальную власть и всё ре-

шительнее вмешивались в работу официального военного ведомства. Качественного прорыва Генеральный двор в механизм управления армией не привнёс. Ощутимых новшеств в работе этого ведомства не наблюдалось. Руководили им опытные в военном деле начальные люди. Указ гласил: «и на Москве тот збор велено ведать в Преображенском на генеральном дворе боярину и адмиралу Федору Александровичу Головину, думному дьяку Автоному Ивановичу Иванову, генералу Адаму Адамовичу Вейде». Укомплектован Генеральный двор московскими чиновниками: «... и у того дела быть дьякам Осипу Татаринovu, Ивану Золотухину, Ивану Козлову, Нефеду Кормилицину, Андриану Ратманову». К этой комиссии было прикомандировано 13 старших подьячих, 17 подьячих средней статьи, 44 молодых, 4 целовальника и по капральству солдат Преображенского полка». Эти чиновники, в сущности, и сделали основную работу по набору первых петровских полков. Работа предстояла привычная, а опыта им было не занимать.

Итак, вроде бы всё оставалось по-старому. И, вместе с тем, многое было предпринято, чтобы подчеркнуть новизну происходящего. Во-первых, амбициозно непривычное для московского уха название – Генеральный двор. Во-вторых, место расположения штаб-квартиры как бы специально подчёркивало дистанцирование от старины: располагалось оно не в сонной Москве, а в колыбели регулярной армии, где зарождалась новая, не привычная для размеренной столичной обыденности жизнь. Отсюда же, из Преображенского, начали свой славный боевой путь первые гвардейские полки, начало регулярной армии, гордость нашей военной биографии.

Положившие начало «новоприборным» полкам указы Петра от 8 до 17 ноября 1699 года не содержали привычных повелений к «служилым людям»: дворянам и детям боярским, солдатам и рейтарам, стрельцам и «служилым людям пушкарского чину». В «новоприборные» полки приглашались «охочие люди» из числа незакрепощенных, лично свободных, вольных людей, а так же отпущенных на волю холопов¹. Без особого труда в

происходящем просматривались все признаки типичной вербовки, на манер западноевропейских армий. Указ от 8 ноября приглашал охотников, обещая им высокие денежные оклады – 11 рублей в год, а так же снабжение продовольствием и обмундирование наравне с солдатами Преображенского полка. Денежное жалованье за службу почти в 2 раза превышало жалованье самого привилегированного рода ратных людей старых служб – стрельцов.

Некоторые историки, рассуждая о строительстве армии в преддверие Северной войны, отмечают обратное: «... Петр прибегал к обычным и до него способам набора: вольных и даточных»². На этой же точки зрения стоит крупный исследователь русской армии XVII–XVIII веков П.П. Елифанов: «Набор солдат в регулярные полки (до введения рекрутской системы в 1705 году) производился на старых основаниях: путем вербовки «вольницы» и призыва даточных»³.

Действительно, как вербовка, так и даточные наборы имели место в истории военного строительства до Петра. Но здесь нельзя путать создание армии заново и пополнение уже действующей армии. Как отмечалось ранее, крупные мобилизационные мероприятия, сопровождавшиеся кардинальными преобразованиями, проводились московским правительством в XVII веке только дважды: перед Смоленской войной (1632–1634 гг.) и перед войной за Малороссию (1654–1667 гг.). Тем не менее, не смотря на внешнюю схожесть, они отличались от набора петровской эпохи в главном. Вербовка перед Смоленской войной была первой действительно серьезной попыткой создания регулярных воинских частей по западноевропейскому образцу. Попыткой ограниченной и неудачной. Были наняты на службу каких-то 6 солдатских и 2 рейтарских полков, мизерная часть, которая буквально тонула в общей массе русского войска. После войны эти полки, следуя той же, европейской практике, были распущены. Приглашение на службу нескольких иноземных полков и создание целой армии – факты несопоставимые по масштабам, хотя, бе-

зусловно, они имеют общее, в обоих случаях широко применялась вербовка.

В массовом количестве полки «нового строя» стали создаваться накануне войны 1654–1667 годов. Вновь активно заработал механизм найма. Причём, как найма целых полков из-за границы, так и – своих соплеменников. Так была создана новая армия. С этого времени солдатские и рейтарские полки составляли постоянную часть русского войска. Эта часть её постоянно увеличивалась, вытесняя старые формирования. После войны часть их была распущена, часть существовала в сокращённом кадровом составе, часть полков, оставленных на границах, несла службу в полном составе. Вербовка применялась только эпизодически для «прибора на убылые места», т.е. заполнения появившихся вакансий, когда на место старого или увечного солдата не мог заступить его родственник: сын, брат, племянник. В большей степени вербовка получала применение на юге государства для комплектования гарнизонов порубежных крепостей. Зато старомосковская наследственная военная повинность нашла широкое применение для содержания вновь созданной части армии. Пожизненная служба в полках, передаваемая по наследству, поименный учет всех служилых людей воеводских списках – стали краеугольными камнями отечественной системы комплектования армии.

Так проходила мобилизация российской армии во всех крупных военных конфликтах и войнах второй половины XVII века: перед Чигиринскими походами 1678 и 1679 годов, перед Крымскими и Азовскими походами, для подавления волнений на Украине, для отражения многочисленных набегов крымских и ногайских татар и т.д.

Пётр отказался от традиционной мобилизации войска, решив начать с чистого листа. Время как будто повернулось вспять. Всё напоминало события полувековой давности. Были преданы забвению годы поиска, проб и ошибок. Пётр решительно отбрасывает накопленный опыт и выбирает вербовку. Поэтому, вряд ли можно квалифицировать комплектование армии нака-

нуне Северной войны как «обычное» для русского военного строительства. Скорее наоборот, формирование «новоприборных» полков подчеркивало, что новая армия задумана как антипод старой.

Вербовка широко практиковалась ещё задолго до крупномасштабных мобилизационных мероприятий. Весной 1698 года Апраксин по указу Петра нанимает на русскую службу лифляндских «немцев». Его смущает то, что многие из вновь набранных солдат и офицеров не понимают ни слова по-русски. В ответ на его вопрошание Пётр настаивает: «Извольте приложить тщание, пусть даже по-русски не понимают, если уж нанял – пусть служат, но больше таковых не брать». Пётр весь без остатка поглощён предстоящей войной с турками. Поэтому прибалтийские подданные Швеции вполне устраивали Петра как солдаты. Он предпринимает энергичные меры по активизации коалиционных усилий на турецком фронте. Но поездка Великого посольства обнажит двурушничество и лицемерие европейской дипломатии в этом вопросе. Планы Петра, связанные с прорывом к южным морям, на воплощение которых было затрачено столько усилий, внезапно рассыпаются прахом. Жертвы оказались бесполезными, старания – тщетны, а главное – зря потеряно драгоценное время. Но разочарование Петра общеевропейскими планами на юге будет недолгим. Его неудержимая энергия не даёт ему долго прозябать в унынии. В ходе дипломатических раутов, дружеских встреч европейских суверенов начнёт складываться новая политическая комбинация с участием России. Постепенно вызревает иное направление её устремлений. Её внешнеполитический и военный курс перенацеливается с Юга на Север. И только тогда от вербовки в шведских провинциях пришлось отказаться. Впредь решено нанимать своих, русских, а не шведов и немцев, как при его царственном деде. Впрочем, когда в 1710 году Б.П. Шереметев взял Ригу, Пётр позволил ему принять на русскую службу целые подразделения из состава сдавшегося на капитуляцию шведского гарнизона крепости.

Что касается даточного набора, санкционированного указом от 17 ноября 1699 года, то на данном этапе он играл второстепенную роль.

Первоначально предполагалось создать новую армию в составе 80 полков⁴. Эти царские намерения подтверждаются тревожными сообщениями некоторых иностранцев. Так, австрийский дипломат Глейер, хорошо осведомлённый о преобразовательных планах Петра, рапортует в Вену: «Здесь набирают 60 или, как говорят некоторые, 80 полков, каждый по 1000 человек»⁵.

Этой точке зрения придерживается и В.Н. Автокартов. На основании углубленного изучения архивов Генерального двора в Преображенском и Поместного приказа, он утверждает, что Петром предполагалось набрать 6 дивизий по 10–20 полков. Одна дивизия формировалась в Поволжье, две – в Москве, по одной в Пскове, Новгороде и Смоленске. Эти факты показывают, насколько грандиозны были планы преобразователя по созданию армии по новому европейскому образцу. В материалах Генерального двора имеются списки 55 командиров полков, 51 из которых уже имели подчиненных им солдат⁶. Всего было установлено 5 цветов кафтанов – для каждой дивизии – свой: красный, темно-зеленый, зеленый, голубой и вишневый⁷. Такое разноцветье армии могло обескуражить знатока эпохи, так как оно не совсем вписывалось в теорию копирования современных европейских армейских порядков. Основные ведущие государства Европы к этому периоду обмундировали свои армии уже одноцветной униформой. Лет эдак 10–20 назад вещевое снабжение ещё полностью зависело от прихоти полковников и капитанов. Армии были одеты одинаково пёстро. Но к концу столетия государственные службы сумели взять под свой контроль основные виды довольствия войск, оттеснив от этой кормушки частных лиц. Шведская и бранденбургская армии нарядились в синее платье, британцы и саксонцы шеголяли в красных кафтанах, французы, испанцы и австрийцы предпочитали светло-серые тона. Теперь полки отличались только цветом отдельных элементов формы: обшлагами, подкладкой, чулками,

формой карманов и т.д. Всё это определялось командирами частей. Почему петровские планы не предполагали единого национального цвета мундира, сказать трудно. Можно только сослаться на традиционные экономические трудности, неразвитость суконной промышленности, которая остро ощущалась даже после смерти преобразователя. Впрочем, Пётр не считал выбор цвета принципиальным вопросом регулярного обустройства армии. Эпоха мелочной регламентации элементов униформы для русской армии ещё не наступила. Пока верх берёт практичность и удобство солдатской униформы.

Недостаток призывного контингента, особенно, «вольницы» заставил ограничить планы формирования тремя дивизиями. «Новоприборных» солдат сводили в тысячные полки по цвету кафтанов. Так, в полк Томаса Юнгора были влиты «зеленые» новобранцы из полков Ивана Дельдена, всего 202 человека, из полка Лесли – 199 человек, из полка Виллима Дельдена – 205 человек, из полка Андрея Шневенца – 390 человек⁸. Полковник фон Верден сдал «красных» новобранцев Николаю Балку, а сам получил людей от А. Больмана. Так формировались дивизии в Москве. Всего на Генеральном дворе было скомплектовано 9 полков.

При наборе солдат предпочтение отдавалось вольным людям, особенно это видно по составу полков, скомплектованных в Поволжье, Новгороде и Смоленске. Так, в Казани А.И. Репнин набрал 10720 человек, из них «вольница» составляла 93–95%⁹. К августу 1700 года в Новгородском разряде на службу было взято 1120 человек, из них 761 вольных и 359 даточных¹⁰. В Смоленске к июлю 1700 года набрано 260 вольных и только 33 даточных людей.

В Москве, где формировались дивизии А.И. Головина и А.А. Вейде, первая укомплектовывалась «вольницей», вторая – даточными. Из-за недостатка «вольницы» А.И. Головину с Генерального двора поставляли даточных. Всего им было набрано, примерно, 9 тысяч челок, набранные составляли 75–80%. Дивизия А.А. Вейде также была «разбавлена» охотни-

ками. Вскоре после начала работы комиссии к нему было направлено 246 «вольных охочих людей».

Таким образом, уже в начале строительства новой армии, первоначальные планы приходилось корректировать с учетом реальных возможностей мобилизации. Недостаток «вольницы» покрывался даточными солдатами. Сделав ставку на вербовку, как основной инструмент комплектования армии, петровское правительство пытается обеспечить её социальной базой. Комплектованию первых полков способствовал указ 1697 года об освобождении семей добровольно записавшихся в солдаты от крепостной зависимости. Указ был подтверждён в 1700 году. Эти меры упорно продолжали прозападническую политику военного строительства, несмотря на их явное противоречие всё более усиливающейся тенденции закрепощения российского крестьянства. Решение, настолько заманчивое для помещичьих крестьян, насколько непопулярное для поместного дворянства, их владельцев. Оно вызвало серьезное недовольство дворян, так как значительная часть крепостных изъявляла желание записаться в полки, подрывая и без того слабое хозяйство служилого дворянства. В своём преклонении перед Западом Пётр готов был жертвовать даже интересами широких слоёв поместного дворянства, основной опоры самодержавной власти, ядра русского войска. Правда, вскоре от этой меры пришлось отказаться. Крепостной общественно-экономический уклад угрожающе и мощно ворохнулся под нажимом ботфорта европолюбивого царя. Именным указом дальнейшая запись в солдаты помещичьих крестьян была прекращена. Обнаруженные среди добровольцев записавшиеся крестьяне и дворовые люди подлежали возвращению помещикам. Но это было уже потом, а пока попытка построить армию на западный манер не вызывает сомнения.

В отношении же «вольных охочих людей» в течение 1701 и 1702 гг. никаких особых решений не принималось. Их без ограничений записывали и принимали в новоприборные полки. Например, в октябре 1701 года «вольницей» была укомплектована бомбардирская рота Преображенского полка, позже

принимали «вольницу» и в Семеновский полк.

Московское правительство и военное руководство часто прибегало к услугам наёмных иностранцев. В основном, это были военные специалисты артиллеристы, инженеры, минёры, строители. Первая проба сил молодого Петра, тяжёлые Азовские походы, первое горькое разочарование и первая радость победы, не были в этом исключением. Под Азовом русским значительные услуги оказали австрийские и бранденбургские специалисты. 3 июля 1696 года царь сообщает Виниусу и Кресту в Москву: «Приезжие бранденбуржцы непрестанно трудятся в бросании бомбов. Цесарцы ещё не прибыли». Цесарцы, а именно, «пушечный полковник Казимир Краге и 2 инженера, Лаваль и Буркшторф с иными прочими подкопщиками и минными мастерами» прибыли через неделю 10 июля. Иностранцы не замедлили подтвердить свою высокую квалификацию. Не будем преувеличивать их заслуг. Общеизвестно, что решающую роль в овладении крепости сыграл молодой российский флот, блокировавший Азов с моря и воспрепятствовавший подвозу подкреплений и материальных припасов. И всё-таки через неделю после их прибытия, 17 июля 1696 года Азов пал, совпадение интересное, не правда ли? Пётр в письме искренне благодарит курфюрста Фридриха за двух присланных инженеров, Георга Эрнста Резена и Давида Генриха Голсмана, за 4 человек «огнестрельных художников». С гордостью сообщая императору Лепольду об одержанной победе, Пётр благодарит и его за австрийских инженеров, помогавших при осаде Азова.

Первые регулярные полки русской армии обучались и возглавлялись почти исключительно иностранцами. В генеральстве А.И. Головина полками командовали полковники И. Иваницкий, И. Трейден, М. Трейден, П. Девгерин, И. Мевс, А. Больман, М.Ф. Фливерк, Я. Бильс, А. Шневенц. В генеральство А.А. Вейде входили полки Е. Гулица, В. Швейде; М. Дельдена, Н. Балка, Т. Юнгора, М. Вердена, А. Гордона, Ф. Балка и Ю. Лима¹¹. Сам по себе этот факт не подтверждает европейскую ориентацию строительства регулярной армии перед вой-

ной. Почти все из перечисленных старших офицеров являлись так, называемыми иноземцами «старого выезда», т.е. давно находились на русской военной службе. Многие из них, И. Ивановичий, И. Трейден, И. Мевс принимали участие в Азовских походах, а А. Больман, М. Фливерк, Е. Гулиц, М. Верден – даже в Крымских походах¹². Посвятив себя службе вновь приобретенному Отечеству, они командовали частями и обучали солдат еще в дореформенной армии.

Что касается среднего и младшего офицерского состава, то здесь картина несколько иная. Значительная часть его была представлена русскими дворянами. Тем не менее, перед войной в Преображенском полку иноземные офицеры составляли 27%, в Семеновском – 28%¹³. В армейских частях процент иноземцев был выше. Например, в полках, формируемых на Генеральном дворе, иноземцы составляли 40%. Даже великий Пушкин отмечает факт засилья иноземного элемента в новоиспечённых полках. Очевидно, устав от пылких признаний и страстных вздохов, от наполненных любовным томлением строк, от тонкой иронии и едкого сарказма фривольных эпиграмм, он иногда спускался с лирического Олимпа и обращал свой взор на весьма прозаические вещи. В своей истории Петра I, например, упоминая о 8 регулярных полках, комплектовавшихся в Москве летом 1700 года, Александр Сергеевич сокрушается по поводу значительного некомплекта офицеров. Из 264 офицеров, положенных по штату, в наличии было только 78. Из них 33 были иноземцами, что составляло, ни много ни мало, 42%¹⁴.

Готовясь к большой войне, российское правительство предпринимало активные меры к укомплектованию штатов новой армии опытными специалистами. Стоит ли говорить, что акцент в этом вопросе делался на наём иноземцев. Правительство пригласило на военную службу около 700 офицеров и специалистов из разных стран Европы. Только в Голландии во время заграничной поездки Пётру поступило около 1000 предложений от различного рода мастеров и военных, в основном, от мо-

ряков. Если принять во внимание тот факт, что по штату в трех вновь формируемых дивизиях должно было быть 1156 штаб- и обер-офицеров, то остается предположить, что офицерский корпус новой армии более чем на 60% должен был состоять из иноземцев¹⁵.

Первые партии приглашенных стали прибывать в Россию задолго до начала войны. Так, в июне 1698 года группа, состоящая из 26 капитанов и 35 поручиков, сошла в Архангельске с голландского корабля. Партии нанятых офицеров прибывали и позже. Тем не менее, основная масса нанятых не спешила в далекую загадочную Россию. Войну пришлось начинать в условиях острого дефицита офицерских кадров.

Имевшиеся в наличии офицеры «старых служб» были признаны неудовлетворительным материалом для «новоприборных» полков. Для замещения вакансий офицерских должностей из стольников, московских и городских дворян были выбраны немногие. В мемуарах И. Желябужский вспоминает, как 26 июня 1699 года Петр со сподвижниками «...смотрели стольников, которые были в учении пехотному строю, и разбирали на три стороны ... досталось каждому генералу по 70 человек»¹⁶. М.Д. Рабинович упоминает о 690 дворянах, отобранных весной 1700 года кандидатами на офицерские должности¹⁷. Тем не менее, «...те начальные люди не довелись быть в московских полках за старостью, а иные за худостью и ведено им быть у городских полков»¹⁸.

Не лучше было положение дел с офицерами-иноземцами, числившимися в Иноземном приказе. Почти половина их была забракована. А.М. Головин сообщал царю 23 марта 1700 года: «... а которые присланы из Иноземного приказу, трудов к ним много положено, а иные и ныне за мушкет не могут взяться»¹⁹.

Тем не менее, все командиры полков, почти половина штаб- и обер-офицеров вновь формируемой армии были иноземцами. Необходимо отметить, что иностранные офицеры служили в российской армии и до Нарвы, и после нее, но при этом их удель-

ный вес в офицерском корпусе не превышал 1/3. Такого высокого процента иноземных офицеров, как накануне Нарвского похода, в армии никогда не было.

Строительству новой армии предшествовал скрупулезный сбор сведений об устройстве вооруженных сил в европейских государствах. Путешествуя по Европе в 1697–1698 годах, Петр живо интересуется военной организацией Англии, Голландии, Саксонии. Он изучает артиллерийское дело в Бранденбурге, присутствует на маневрах саксонской армии, знакомится с устройством войск Священной Римской империи.

О своих наблюдениях Петр сообщает в Москву. Ф. Ромодановскому он пишет «о стрельбе и строении полков», из Амстердама шлет «посылку» А. Голицину, которая «надлежит к солдатскому строю». Очевидно, это были правила обучения пехоты. Даже такая мелочь, как «которые перевязи солдатские», увиденные ненароком в Митаве, не ускользают от любознательного Петра. Они немедленно пересылаются в Москву. Из Риги он пишет о жалованье солдатам, сержантам и капралам.

Из Берлина один из волонтеров, В. Корчмин, посылает царю список всех чинов армии от фельдмаршала до фендриха, их жалованье и «какое обмундирование и довольствие солдатам» положено. Я. Брюс сообщает в Москву «описание чинам у английского короля у артиллерии на войне и во время миру такожде о их жалованьи поденном». В 1696–1697 годах в Европу направляется с миссией «Преображенского выборного солдатского полку майор» Адам Вейде. С собой майор везёт к Римскому императору и к немецким курфюрстам сопроводительные грамоты. В них царь просит разрешения для майора «...быть при дворе и в войсках Цесарского величества... некоторое время... для присматривания новых воинских дел и поведений». С той же целью в войска Венецианской республики выехала группа дворянских отпрысков. «Дворяне урождённые Алексей Иванов, Александр Матвеев, Юрий Фёдоров ... со товарищи», всего 19 человек, должны были «охотно и тщательно... во Европе присмотреться новым военным искусствам и поведением».

В Европу направляются учиться не только недоросли - выходцы дворянских и боярских фамилий, но и уже «зрелые мужи». Среди них Б.П. Шереметев, П.А. Толстой. Практика стажировки в европейских войсках продолжалась и в дальнейшем. Уже в разгар войны, в 1702 году в австрийскую армию, действующую против французов в Северной Италии, направляется Пётр Голицын. К сожалению, многие из этих русских дворян никоим образом больше не запечатлены в исторических документах. Зато Адам Вейде оставил весьма заметный след в истории становления регулярной армии. Исполнительный и работоспособный майор плодотворно провёл время за границей. Добросовестно исполняя повеление государя, он кропотливо изучил быт и жизнь австрийской армии. Он вникал не только в обстановку солдатской казармы и постигал правила строевого плац-парада. В составе штаба Евгения Савойского в действующей армии он участвует в кампании против турок, становится участником победоносного сражения при Зенте. В Москву из длительной командировки Вейде привёз самый полный и подробный отчёт о порядках, введённых в европейских армиях. Наблюдения, сделанные им, легли в основу первого российского устава. Наиболее пристальное внимание Вейде уделял тактическим вопросам и организационно-штатному устройству войск: «Рота пехотная есть часть людей в 100 и 120 человек, как у цесарцев употребляется, у французов же не более 60–70 человек берца»²⁰. Батальон определялся в 3–4 роты, как в большинстве армий. Полк включал 2–4 батальона. Вейде подчеркивал роль бригад, как высшего тактического соединения: «... у цесарцев нет бригадного чина, но сводят 3–4 полка под командой генерал-майора, ... у нидерландцев и у французов есть сей чин зело знатен и в употреблении»²¹.

Подробно Вейде останавливается на должностных обязанностях и правах воинских чинов: полковник «имеет у цесарцев полную мочь, что он в своем полку на открытой воинской думе солдата может повесить». Полковой квартирмейстер «не имеет в прусской земле столь много дела, как в иных землях».

Параллельно с Вейде собирал сведения об устройстве европейских армий и сам Петр. Систематизированный материал лег в основу строевого положения для обучения «новоприборных» полков. Первый устав получил название «Краткое обыкновенное учение».

Время становления регулярных армий в военной истории отмечено всемерным повышением требовательности к тактико-строевой подготовке войск. Выше уже обращалось внимание на усложнение требований к одиночной подготовке солдата и к слаженности батальона, роты. Боевая выучка европейских армий ковалась на строевом плацу в ходе изнурительных упорных тренировок под руководством опытных офицеров и унтер-офицеров. Плац-парадная муштра, набирающая обороты, становится визитной карточкой эпохи. Ещё до выезда Великого посольства Пётр обратил внимание на низкую выучку войск московского гарнизона. В эти дни его можно часто видели на лугу в Преображенском. С упоением царь муштровал стрельцов московских приказов, солдат выборных полков. Эта сцена была вполне привычна для времяпрепровождения какого-нибудь европейского монарха, но никак не московского царя. В строевом рвении он больше походил на кого-нибудь из плеяды бранденбургских или баварских курфюрстов, биографии которых похожи: многие из них в молодые годы непосредственно командовали полками в армии своих государств, с большим или меньшим усердием отдаваясь этому занятию. Во всяком случае, Пётр был первым из Российских царей, вышедший из душных кремлёвских палат на импровизированный плац и лично занимающийся строевой выучкой своих солдат. Иван Голиков, один из прилежных биографов и преданных почитателей Петра, приводит воспоминания очевидца. Во время одного из учений Пётр «повелел стрелецкому Торбеева полку обучаться перед дворцом по всем правилам военного отца своего артикулу, а сам с боярами, смотря на учение оного и имея перед собой тот артикул, поправлял ошибки их. По окончанию же учения их сказал боярам, что много излишнего в артикуле написано и что надобно

оной исправить»²². «Учение и хитрость ...», пехотный устав Алексея Михайловича действительно был сложен в выполнении, с его хитрыми перестроениями, тактическими «фигурами» пехоты, квадратами, крестообразными построениями, 6-ти и 8-миугольными комбинациями пикинёров и мушкетёров. Пётр критически оценивает старый устав и чтобы доказать свою правоту упорствующим боярам здесь же принимается командовать подразделением стрельцов. Он командует по-новому, гораздо проще и понятнее, стрельцы споро выполняют его команды, Пётр доволен и смыслёнными стрельцами и собой.

«Краткое обыкновенное учение» уделяло важное значение тактико-строевой подготовке солдатских полков. Являясь сколком с европейских военно-уставных документов, «Краткое обыкновенное учение», тем не менее, не носило характер бездумной компиляции. Оно было свободно от плац-парадных тенденций, нараставших в европейских армиях этого периода. В отличие от западных прототипов русский устав предполагал упрощенные строевые приемы. Перестроение рядов и шеренг были просты и необременительны. Устав ориентировал на подготовку к бою, а не к парадным вольгам. Он включал такие строевые приемы, как вздваивание шеренг и рядов для стрельбы, каре, ружейные приемы для мушкетёров и гренадеров. Для стрельбы подавалась команда: «заряжай», «прикладывайся», «стреляй». Устав определял различную методику для обучения солдат-рекрутов и ветеранов.

Молодая регулярная армия овладевает основами линейной тактики, принятой в европейских войсках. Для полка устав устанавливал шестишереножные построения для боя. Боевой порядок представлял собой линию пехотных полков, на флангах которой выстраивалась конница. Особое внимание уделялось залповой стрельбе – главному средству достижения успеха в бою по канонам линейной тактики. «Краткое обыкновенное учение» определяло следующие виды огня:

- стрельба плутонгами (взводами) – наиболее передовой способ ведения огневого боя. В своем уставе А.А. Вейде упоминает о том, что стрельба плутонгами совсем недавно введена

во французской армии, откуда она была заимствована австрийцами и пруссаками. Стрельба велась следующим образом: роты в батальоне делились на plutonги – по 4 plutонга в роте. По команде командира батальона залп давал первый plutонг батальона, затем – 3, 5, 7, 9. Затем – 2-ой plutонг, 4, 6, 8 ... и т.д. Таким образом, достигался непрерывный беглый огонь.

- стрельба «нидерфален» (падением) являлась сравнительно устаревшим методом. А.А. Вейде сообщает, что «... сие уже не в какой земле не употребляемо, кроме саксонцев, ... а ужо цесарцы зело много такоже не применяют»²³. При стрельбе «нидерфален» огонь велся пошереножно. Сначала стреляла задняя шеренга, остальные при этом опускались на колено. Затем – предпоследняя, следующая и т.д. Первая шеренга давала залп последней, в упор по атакующему неприятелю.

- стрельба залпом, как правило, велась в составе полка. Для этого часть выстраивалась в 3–4 шеренги. Первая шеренга стреляла с колена. Третья шеренга подходила вплотную ко второй. Четвертая шеренга стреляла в промежуток между второй и третьей.

На данном этапе военного строительства влияние европейской военной-тактической мысли проявилось в чрезмерном увлечении залповой стрельбой. Стрельба, скорая и неприцельная, считалась главным мерилом солдатской выучки и основным воздействием на противника в бою. Ловкому обращению с мушкетом, быстрому заряданию и исправной стрельбе уделялась изрядная доля строевых занятий. Переоценка значения бесполезной неприцельной пальбы постепенно приобретает вид устойчивой тенденции в обучении европейских войск. Этим же путём шла петровская армия. Обучение молодых солдат новой армии стрельбе велось с явным превышением установленных для этого норм боеприпасов. Согласно справки от 20 апреля 1700 года, на солдата в месяц полагалось 1 фунт пороха и 3 фунта свинца. Реально же дело обстояло иначе. 12 мая командир полка Т.Юнгор докладывал, что на учение солдат стрельбе израсходовано 57 пудов 20 фунтов пороха, т.е. по 2 фунта пороха на человека. Для обучения стрельбе пороха не жалели. В се-

Рис. 40. Русский драгун. Вооружение типично: фузль, пара пистолетов и шпaga. Настоящей бедой русской кавалерии был неудовлетворительный конский состав драгунских полков. Небольшие подслепные и неприхотливые лошади были незаменимы в разведке и в походе. Но в полевых сшибках со шведскими рейтарями на рослых немецких конях русским драгунам приходилось несладко.

редине мая Пушкарским Приказом на полки Юнгора и Фливерка было отпущено по 85 пудов 24 фунта пороха, т.е. по 3 фунта пороха на человека²⁴. В пехоте эта тенденция сохранилась и в более позднее время. Это не могло не обратить на себя внимания военных специалистов. Генерал Алларт в донесении царю 12 сентября 1706 года сообщает, что «... нигде на свете не тратят столько пороха для учения, трата бесполезная, порча ружья. Надобно учить стрелять в цель».

Первый российский военный устав уделял внимание и штыковому бою. «Учение...» предписывало приемы с багинетом в 4 оборота. При этом подавалось команда «Кол!» из положения ружья «на руке». Но обучение активным наступательным формам в первые годы существования молодой армии должного значения не имело. Упражнения со штыком рассматривались исключительно как оборонительное действие. В те времена штык вообще не рассматривался как на оружие атаки. Напомним, что он и появился в войсках на замену пики, чисто оборонительного оружия пехоты против кавалерии. Вся активность развёрнутого в линию батальона ограничивалась методичным медленным продвижением вперёд с частыми остановками для производства залпа. Это подтверждает приверженность Петра и военного командования идеям европейского военного искусства. На данном этапе преобладали оборонительные шаблоны европейской тактики, холодному оружию предпочитался залповый огонь по массовой цели.

Еще существеннее западноевропейское влияние сказывалось на подготовке кавалерии. Пётр упорно стремится привести беспокойную своенравную дворянскую вольницу в лоно европейской военной науки. В первые годы Северной войны драгунская конница училась наступать медленными аллюрами, держать ровные линии строя. Основное внимание, как и в пехоте, уделялось ведению мушкетного огня с коня. После залпа, сблизившись с противником, разрешалось атаковать холодным оружием. Атака производилась на небольшие дистанции. Тактическое преследование, по канонам линейной тактики, не проводилось.

Для Петра, ратовавшего за железную воинскую дисциплину, против засилья местнических отношений, аристократического чванства и гордыни, эти требования были наполнены особым смыслом. В требованиях европейского военного искусства Петр видел альтернативу старой, «азиатской», тактики московской конницы, когда она на полном скаку, нестройной массой с криками, свистом, под завыванье труб и свирелей, бросалась на противника. Невероятный шум должен был психологически сломить неприятеля. Естественно, в такой атаке управление конными массами терялось. Если атака успеха не имела, то отход зачастую превращался в паническое бегство. Если противника удавалось сломить, то войско бросалось захватывать добычу, пленных для выкупа, грабить обоз врага.

Пётр настойчиво прививает русской кавалерии навыки регулярного боя. Азиатской безрассудной удали он пытался противопоставить европейскую дисциплину монолитно сплочённых конных масс. Лихому наскоку толпы он предпочёл методичное движение стройных линий конницы под постоянным контролем начальников.

Уже первые инструкции запрещают драгунам «мерзкой крик», мешавший командовать подразделением в бою. Голос имел право подавать только офицер. Это требование содержали многие документы того периода. Так, выступая против шведского отряда Кронгиорта в июле 1703 года, А. Меньшиков изда-

ет для подчиненных драгунских полков «статьи во время воинского походу», в которых строго внушает своим необузданным подчинённым: «Варварский мерзкий крик весьма отставлен быти имеет, понеже в нем не только что доброва мочно учинить, но ниже слов и повеленье начальника невозможно слышать. За преступление сие, в которой роте станут кричать, без всякой милости оные начальные казнены будут смертно, высшие и нижшие, а солдаты – половина с жеребья»²⁵.

Жестокость по отношению к драгунам объяснялась тем, что основная их масса еще недавно состояла в поместных и рейтарских полках, в которых царила атмосфера дворянского своенравия. Ещё не изжиты были сословные обычаи, оставшиеся в наследство от старомосковских поместных ратей, вольности, пренебрежение к дисциплине. С возмущением пишет Огильви Петру о неудачной стычке со шведами в январе 1706 года. Драгунские полки Горбова и Штольца им были посланы в поиск. На отряд внезапно напали шведы. Штолец в беспорядке бежал, потеряв около 80 человек. «Вот плоды не порядка, к которому привыкли драгуны: им только в деревнях сидеть, доброй стражи не иметь, с мужиками водку пить, кур и гусей воровать и все государство неприятелям себя чинить», – жалуется царю старый фельдмаршал²⁶.

Низкая дисциплина и своеволие драгун стали причиной поражения русских при Мур-мызе 15 июля 1705 года. Поддавшись военной хитрости шведов, один из драгунских начальников, полковник Кропотов безрассудно бросился с полком в атаку. Не дождавшись распоряжения главнокомандующего Б.П. Шереметева, самостоятельно вступили в бой остальные драгунские полки. Так нечаянно завязалась битва. Отбросив шведов, драгуны по обыкновению принялись грабить обоз, чем дали передышку противнику. Воспользовавшись этим, Левенгаупт переходит в контрнаступление. Парировать этот удар Шереметеву было нечем. Потери русских были существенны, среди убитых оказались и виновники поражения: полковники Кропотов, Игнатьев, Сухотин.

После битвы при Мур-мызы Петр строго-настрого запрещает преследовать отступающего противника, покидать строй без команды: «Без указа ничего не брать». В инструкции Б. Шереметеву от 1 августа 1705 года он требует от драгун «отнюдь не скакать за нерпятелем, хотя оной бежать будет, но шагом или по нужде малой грудью». Драгунская конница учится действовать «фрунтом», то есть в линейном боевом построении. Стараясь беспощадными мерами поставить своевольных дворян в рамки железной воинской дисциплины, Петр впадает в другую крайность, ограничивая инициативу и тактический маневр конных масс на поле боя. Эти требования вполне отвечали господствующим в европейском военном искусстве взглядам, предпочтению пассивно-оборонительным форм полевого боя, медленному маневрированию, отказу от тактического преследования противника с целью его решительного разгрома. Разгром шведского корпуса Мардефельда драгунами А.Меньшикова в 1706 году свидетельствовал о возросшем искусстве российской кавалерии.

Московский «пушечный наряд» всегда был традиционно сильнейшим родом войск. Он отличался многочисленностью и разнообразием орудий, организованностью материальной части, боевым опытом прислуги. Артиллерия являлась предметом особой заботы московских царей. Но в основе устройства «наряда» по-прежнему лежали ремесленно-цеховые отношения, что, безусловно, ослабляло его. Артиллерия делилась на городской «наряд» (крепостная артиллерия, большой (осадная артиллерия), полевой «наряд» (полевая артиллерия). В составе большого и полкового «наряда» входили орудия различных калибров, выполнявших задачи

Рис. 41 Русский артиллерист. Красный или красно-коричневый кафтан и синие обшлага отличали его от пехотинца. В комплект обмундирования входили также чулки и кожаные башмаки с пряжками.

как полевой, так и осадной артиллерии. Это затрудняло боевое применение этого рода войск, усложняло обеспечение его боеприпасами и вносило путаницу в организацию.

Детищем петровского войска стала бомбардирская рота при Преображенском полке. До формирования артиллерийского полка она обслуживала весь «пушечный наряд», принимала участие в осаде Азова в 1695–96 годах и Нарвы в 1700 году.

Рост численности орудий полевой артиллерии и усложнение в связи с этим ее управления как в мирное, так и в военное время, потребовали объединения артиллерии в определенные организационные единицы. В 1701 году в России появляется первый артиллерийский полк. В большинстве европейских армий к началу XVIII века уже сложилась структура организации артиллерии. Как правило, вся артиллерия объединялась в составе артиллерийского полка, единственного в армии. В сущности, термин полк в данном случае обозначал не организационную единицу, а всё сложное артиллерийское хозяйство, включая материальную часть, орудия, фурштадт, подразделения охраны и обеспечения. Он объединил в своем составе всю полевую артиллерию. В ведомости бомбардирской роты Преображенского полка осталась только осадная артиллерия. Полк имел четкую структуру: 4 пушкарские роты, понтонную и инженерную роты, 4 бомбардирские команды. Необходимо отметить, что прототипом для артиллерийского полка послужила шведская организация артиллерии, наиболее передовая к началу XVIII века. Во Франции артиллерийский полк включал в себя всю артиллерию без разделения по тактическому назначению. Только в ходе войны за испанское наследство в составе артиллерийских полков европейских государств появляются отдельные артиллерийские подразделения по боевому назначению. В 1706 году по примеру тех же французов в баварской армии появляется бомбардирская рота, в 1715 эта рота разворачивается в артиллерийскую бригаду. В Пруссии до Семилетней войны артиллерия была сведена в артиллерийский батальон, не более того. Такое же положение дел было в Австрии, Саксонии

и других странах Европы. Русская артиллерия, по примеру шведской, в новой организации закрепила разделение на полевую, полковую и осадную²⁷. Произошло это раньше, чем в других армиях. Во всяком случае, шведскую войну русская артиллерия встречала сведённая в передовые структуры.

Интересно, что по штатам 1701 и 1712 годов в полку числились не священники, а пасторы. Отсюда можно было сделать вывод, что как офицеры, так и солдаты артиллерийского полка, в основном, были иноземцами протестантского вероисповедания²⁸.

Прогрессивные веяния в военной сфере были связаны с превращением её в своеобразную науку, которую нужно было постигать с прилежанием и усидчивостью. Военная наука требовала обычных для такого дела атрибутов, таких как школы, академии, учебный процесс и т.д. Всё это не преминуло явиться на свет. Впервые школы для подготовки кадров для артиллерии появились во Франции. Россия не долго оставалась в стороне от военной науки. В период подготовки к войне при бомбардирской роте Преображенского полка Петр учреждает первую артиллерийскую школу. Она комплектовалась из солдат Преображенского и Семеновского полков. Окончившие школу получали звание унтер-офицер и направлялись в войска. В 1698 году в Москве на пушечном дворе открылась другая артиллерийская школа. Учеников обучали русскому языку, арифметике, геометрии и артиллерии.

Таким образом, для первого периода строительства регулярной русской армии характерными чертами являются:

- следование лучшим образцам западноевропейского военного искусства. Основное внимание уделялось проблемам комплектования армии, организационному устройству родов войск, созданию системы подготовки военных кадров. В решении этих вопросов ориентация на европейский опыт была наиболее заметной. Реорганизация артиллерии шла путем, проторенным европейским военным искусством;
- недооценка традиционной национальной военной школы.

Параллельно с формированием «новоприборных» полков шла ломка старой армии. Служилым людям «старых служб» запрещалось записываться в полки новой армии. Иностранцы специалисты вытеснили русских почти со всех ключевых постов в армии. Это был короткий период в русской военной истории, когда иноземцы пользовались почти безграничным доверием царя, они составляли почти половину офицерского корпуса.

Второй этап, начавшийся после Нарвской битвы и продолжавшийся около десяти лет, характеризовался сменой акцентов в военном строительстве. Особенно заметна роль национальной самобытности русского военного опыта в 1700–1705 году, в так называемый Ингерманландский период Северной войны. Русское военное искусство в 1700–1710 годах складывалось и совершенствовалось под воздействием следующих факторов:

1. Отечественный опыт и традиции;
2. Текущий боевой опыт;
3. Западноевропейское военное искусство.

Западноевропейское влияние на военное искусство регулярной русской армии уступает место традиционным взглядам на создание армии и способы ведения войны. Тем не менее, оно продолжает играть заметную роль во многих вопросах военного строительства. На рассматриваемом этапе в применении родов войск наблюдается переход от пассивно-оборонительных взглядов, выдержанных в духе классической западноевропейской линейной тактики к активно-наступательным действиям. Наряду с традиционно-отечественным опытом налицо влияние шведского военного искусства и, прежде всего, тактики ведения боя.

На отношении Петра к искусству противника следует обратить особое внимание. Шведское военное искусство XVII – начала XVIII века стояло особняком в западноевропейском военном деле. Оно имело богатейший боевой опыт, славные военные традиции, корнями уходившие в годы Тридцатилетней войны (1618–1648 гг.). Военная слава Швеции зиждилась на полководческих дарованиях таких полководцев, как Густава-Адоль-

фа, Горна, Баннера. Именно тогда сложились основы шведской военной системы, которую старались копировать в Европе. Соперник Петра – Карл XII был достойным преемником своего великого предка – Густава-Адольфа. Как современниками, так и военными историками, он признавался выдающимся полководцем, давшим военной истории блестящие образцы решительных активных наступательных действий, стремительной ударной атаки, личного мужества и хладнокровия. Под стать своему королю были и шведские военачальники: фельдмаршалы Реншильдт, Стенбок, генерал Левенгаупт и другие.

Шведская армия была армией национальной, что выгодно отличало ее от наемных войск стран Европы. Это позволяло ее

Рис. 42 Драбант Карла XII. Униформа телохранителей (драбантов) отличалась высоким качеством сукна и изысканностью отделки. Преданные своему королю, они всегда сопровождали его в самых рискованных авантюрах. Многие из них погибли, спасая Карла XII, в Полтавском бою.

полководцам не сковывать свои действия господствовавшими тогда в военном деле принципами кордонной стратегии и линейной тактики. Когда требует обстановка Карл XII и его генералы смело отступают от этих шаблонов. Не смотря на локальные успехи, достигнутые в первые годы войны благодаря дедовским методам, Петр рассматривает их как вынужденное отступление от генеральной линии преобразования военного дела. Как только военная активность противника вблизи русских рубежей спала, с присущей ему настойчивостью Петр продолжает «европеизацию» Вооруженных Сил.

Ставка делается на классическую линейную тактику. Стремительному штыковому удару вымуштрованных шведских батальонов противопоставлена европейская идея «подвижной линии огня». Главной задачей развернутой в боевой порядок армии, независимо от рода войск, являлось веде-

ние возможно частого огня по противнику. Другим, не менее важным условием, обеспечивающим успех в полевом бою, было использование защитных свойств местности и фортификационное обеспечение боя. По канонам линейной тактики боевой порядок армии флангами должен был упираться в естественные препятствия – лесные массивы, болотистые поймы рек, холмистые участки местности. Фронт войска усиливался искусственными препятствиями – окопами, валами, палисадами, волчьими ямами.

Следование шаблонам европейской тактики обрекало войска на пассивное ведение боя, отдавая инициативу противнику. Так действовали русские войска под Нарвой (1700 г.), Головчино (1708 г.), русско-саксонско-польские войска под Ригой (1701 г.), Клишовым (1703 г.), Фрауштадтом (1706 г.), Гродно (1706 г.). По мнению Петра, шведам, сильным своей дисциплиной, сплоченностью, неустойчивостью в атаке, можно было противопоставить ту же дисциплину и сплоченность плюс плотный залповый огонь, но никак не удалую лихость многочисленных, но плохо организованных толп дворянской конницы.

Необходимо отметить, что линейная тактика с ее преклонением перед огнестрельным оружием в западноевропейских армиях XVII–XVIII веков была вполне оправдана. С одной стороны это объяснялось насыщением армий огнестрельным оружием, его усовершенствованием, желанием максимально использовать всю мощь огня. С другой стороны, господство линейных форм обуславливалось пестрым в национальном отношении составом войск. Вот состав классической армии XVIII века - прусской армии Фридриха II. Согласно инструкции короля от 2 марта 1763 года кирасирская рота должна была состоять из 42 пруссаков, 30 иностранцев; драгунский эскадрон включал 34. пруссака и 60 иностранцев. Гусарский полк фон Белинга состоял из 532 пруссаков и 768 иностранцев: 84 австрийца, 5 французов, 15 венгров, 410 поляков, 3 датчанина, 15 шведов, 9 курляндцев, 93 саксонца, 26 брауншвейгцев, 31 ангальца, 77 мекленбуржцев²⁹. Наемные части, значитель-

Рис. 43 Шведская пехота на поле боя отличалась стойкостью, сплочённостью и мужеством. Не ввязываясь в долгое огневое противостояние, она решительно атаковала противника холодным оружием, штыками, прикладами и штыками прокладывая себе путь к победе.

ная часть которых состояла из иностранцев и деклассированных элементов, требовали постоянного жесткого контроля над каждым солдатом в бою. Это достигалось уменьшением глубины строя, когда на виду был практически каждый солдат, и расположением обер- и унтер-офицеров на флангах и за последней шеренгой батальона. Порядок мог поддерживаться только в таком построении. Когда дело доходило до рукопашного боя, управление подразделениями терялось, и каждый солдат был пред-

оставлен сам себе. Не надеясь на моральный и боевой дух наемного воинства, командование старалось до рукопашного боя дело не доводить.

Залповый огонь оставался мерилем боевой подготовки. В апреле 1700 года Головин сообщает Петру: «Солдаты зело меня обвеселили и стрельба была изрядная». Несколько позднее он же пишет: «...было учение и стрельба всем полком»³⁰. Многочисленные инструкции и наставления этого периода требуют уделять стрельбе неустанное внимание. Из наказа смоленскому воеводе П.С. Салтыкову от 5 августа 1701 года: «Будучи ему в Смоленску ... приказать солдат учить на дому строю, всегда чтоб были в ученьи исправны к воинскому случаю, также и велеть учить их стрелять в цель и ружья у тех солдат пересмотреть»³¹.

«Статьи во время воинского походу» 1703 года предписывали: «Во время стрельбы не спешить, шеренга за шеренгою, но высматривать, чтоб могли исправиться стрельбою и гораздо

смотрели, чтоб ружье держали ниже, нежели выше под наказанием смерти»³². «Непрестанно тому учить, как в бою поступать, т.е. справною стрельбою и неспешным добрым прицеливанием ... и прочим оборотом и подвигом воинским», – требует «Учреждение к бою», увидевшее свет в мае 1708 года³³.

Необходимость преодоления отставания в военном деле, с которым у Петра ассоциировались старомосковские методы ведения боя, проходит красной нитью сквозь всю переписку царя. Сообщая Петру о блестящей победе под Калишем (октябрь 1706 года), А.Д. Меньшиков подчеркивает именно то, что так хотел услышать его августейший друг: «Такая сия прежде небываемая баталия была, что радостно было смотреть, как с обеих сторон регулярно бились».

И наоборот, после неудачи при Головчино (июль 1708 года) именно в пережитках старины Петр видит причины поражения: «... многие полки в конфузию пришли ..., а которые бились и те казакским, а не солдатским боем». Инструкции, выпущенные в свет после Головчино, требовали от командиров всех степеней ужесточить спрос за порядок и дисциплину строя: «Также кто место свое оставил ..., оной будет лишен живота и чести»³⁴.

Активным формам ведения боя, технике действия холодным оружием уставы этого периода должного внимания не уделяют. Но по мере накопления боевого опыта становится очевидным, что активно-наступательная тактика противника обладает неоспоримыми преимуществами. В данном отношении четко просматривается, как под воздействием европейского влияния меняются взгляды Петра на отдельные стороны тактики. Особенно интересна эта динамика касательно вооружения армии пиками. В начале XVIII века пика как оружие пехоты уже считалась анахронизмом. На замену ей в европейские войска повсеместно поступал багинет, а спустя некоторое время появился и штык. А. Вейде в своём отчёте о стажировке в европейских армиях отмечал, что пики «в нынешнее время едва не все отставлены, и в то место фузея с багинетом употребляются, дабы больши огня имети». По поводу того, состояла ли на воо-

ружении молодой российской армии старая добрая пика, мнения историков расходятся. Военные историки дореволюционного периода, в частности В. Бобровский считает, что пика состояла на вооружении вплоть до 1721 года. С ним вполне солидарен знаток истории европейской пехоты К. Рюстов и даже пролетарский вождь и по совместительству военный историк Ф. Энгельс. Вместе с тем, советские историки, работавшие в сталинскую эпоху, отрицают этот факт, считая, что он дискредитирует российское военное искусство, как самое передовое и прогрессивное. Они отрицают это, уповая на то, что ни в одном уставе петровской эпохи нет описания приёмов с пикой. Мы же исходим из того, что в армии, развёртывавшейся по военному времени на территории громадной страны, существовали полки, сильно отличавшиеся друг от друга как качеством вооружения, так и уровнем подготовки. Принимая это во внимание, а также то, что Российское государство с неразвитой экономикой испытывало дефицит во многом, а в вооружении – особенно, присоединим своё скромное мнение к первой группе. Наверняка, только вооружение полков, набравшихся в Москве, соответствовало современным требованиям. Полки, сформировавшиеся по отдалённым волостям, уездам и погостам, конечно же, были вооружены, кто чем придётся. И пиками, и рогатинами, и саадаками. Не тактическая целесообразность диктовала вооружение ратников пиками и рогатинами, а известная хозяйственная отсталость государства. Кстати, мемуарная литература оставила нам воспоми-

Рис. 44 Шведский пикир в готовности отразить конную атаку. Роль надёжной доброй пики вновь возросла, когда шведским батальонам приходилось отбивать отчаянные атаки нестройных, но многочисленных дворянских сотен, казацкой и татарской конницы.

ния английского посла Ч. Уитворта, наблюдавшего проходивший через деревню русский полк. Англичанин сообщает об офицере, обмундированном в немецкий кафтан и солдатах, одетых в платье русского покроя, имевших бравый вид и вооружённых рогатинами. Было это в 1705 году. Как мы видим, были пики на вооружении, во всяком случае, пока Пётр и правительство не решило окончательно проблему с массовым производством современного оружия. А уставы, как правило, ориентировались на последние достижения военной теории и практики. Поэтому в них ничего о пиках и не упоминалось. И всё-таки вновь вернёмся к уставам. «Краткое обыкновенное учение», по которому учились воевать первые регулярные полки, было создано в 1700 году на основе записок Вейде. Хотя в нём не было конкретных статей, касающихся подготовки пикинёров, он не мог не отражать этих элементов в трактовке общетактических вопросов. Устав стал отражением европейской военно-теоретической мысли, где требования к подготовке пикинёров ещё нет-нет, да и встречались. Процесс вытеснения пики окончательно ещё не завершился, хотя и подходил к финалу. В 1702 году новый французский устав окончательно зафиксировал перевооружение своей пехоты. Со страниц, наконец, исчезают приёмы обращения с пикой. Уставное творчество молодой регулярной армии реагирует немедленно. В этом же году выходит усовершенствованная редакция «Краткого обыкновенного учения». В. Бобровский тесно связывает эти два факта воедино. Исследователь военных реформ начала XVIII века акцентирует именно на отражении в петровских уставах новшеств, появившихся на Западе. Но на этом эпопея с пикой в петровской армии не закончилась. То, что диктовала нам «продвинутая» в военном отношении Европа, не всегда подтверждалось боевой практикой. Боевой опыт требовал иногда совершенно обратного. Всё насущнее становится необходимость заимствования положительных сторон шведской тактики.

Предпочтение решительной атаке перед малоэффективным в то время залповым огнём повлекло за собой то, что в 1707

году Карл XII вооружает 1/3 пехотных батальонов пиками – оружием таранного удара. Как уже говорилось выше, во Франции пики и пикинеры были упразднены в 1702 году. Еще раньше пика была отменена в армии Священной Римской империи. В отличие от них шведская армия, часто решавшая исход боя стремительным ударом холодным оружием, вновь возвращается к испытанной пике. Всё чаще в бою шведы делают ставку именно на неё. Не ввязываясь в продолжительную перестрелку с противником, оцетинившись пиками и штыками, шведские батальоны стремительно бросались в атаку. Как правило, противник не выдерживал мощного удара, его порядки были опрокинуты, линии прорваны.

Пётр без раздумья реагирует на этот новый зигзаг европейской тактики. Теперь образцом для подражания выступают не умозрительные европейцы, французы или австрийцы, а реальный противник, который в многочисленных схватках утверждал своё превосходство. Пётр делает соответствующие распоряжения. Уже 24 февраля 1707 года губернатор Смоленска сообщает ему: «... по твоему Великого Государя указу повелено в Смоленске выковать по присланному образцу копейных желез пять тысяч ... и те копы велел я, раб твой, готовить с поспешанием»³⁵. В то же время по указу из Москвы было прислано 9300 копий. В марте изготовленные в Смоленске пики были розданы в полки.

5 мая 1707 года в послании из Смоленска Петру вновь упомянуты пики «...изготовленные в Смоленске указанное число 5 тысяч копий к господину генералу Меньшикову посланы, а затем высылаю еще в Смоленске таких же копий сделанных да отобранных их старых толикое же число»³⁶.

Весной 1707 года в предверии наступления шведов русская армия усиленно перевооружается пиками. Из послания Петра генералу Репнину: «учреди в пехоте во всяком батальоне осьмую долю солдат с копьями»³⁷. Это было верным симптомом смены взглядов Петра на тактику ведения боя, что нашло своё отражение в «Учреждении к бою» 1708 года. Статьи устава оп-

ределили место пикинерам в строю. Они должны были стоять в первой шеренге, через одного чередуясь с мушкетёрами с прижатыми штыками. Пики, вновь введённые в обращение, оказались страшным оружием в руках русских солдат. Шведы, участвующие в русском походе 1708–1709 годов вспоминали потом о действиях пикинеров в сражениях при Лесной и под Полтавой. В судьбоносном Полтавском сражении пикинеры отличились при разгроме и пленении шведской колонны Рооса.

Эти меры являлись верным симптомом намечавшейся смены тактических воззрений русского военного руководства. Окончательный выбор, бесспорно, был сделан в пользу активных видов боевых действий. Все чаще российские войска прибегают к наступательным операциям. В бою исход, как правило, решался решительным огневым и штыковым натиском. Таковы сражения при Лесной (1708 г.), Полтаве (1709 г.), Фридрихштадте (1713 г.), Лапполо (1714 г.), на реке Пелкиной (1713 г.).

Таковы же тенденции развития тактики конницы. Победы, одержанные дворянско-казачьей конницей в Лифляндии в первые годы Северной войны не отвратили интереса Петра от западноевропейского военного искусства. Он требует от начальников учить драгун действовать как принято в европейских странах: соблюдать порядок при маневре, держать равнение в линиях, преимущественно полагаться на стрельбу с коня. Кроме того, драгуны учились действовать в пешем порядке. Для русской конницы эта наука давалась нелегко еще и потому, что «... из начальных людей нет никого, кто бы знал строй драгунский», – сообщал Б.П. Шереметев царю в июле 1701 года³⁸.

«Варварский» образ действия искоренялся безжалостно. Запрещалось без команды покидать строй, захватывать добычу. Чтобы сохранить порядок в бою ограничено было тактическое преследование: «... не надобно, чтобы наша кавалерия гораздо далеко за неприятелем гналась, но потребно, чтоб она, разбив его, паки в шкvadроны собиралась», – предписывают кавалерийским начальникам «Правила сражения». А.Д. Меньшикову, командующему русской кавалерией, строго указывается:

«Сказать всем,... отнюдь бы не скакать за неприятелем, хотя оный бежать будет»³⁹.

Карл XII считал кавалерию любимым родом войск. Он решительно отбросил каноны линейной тактики: медленные аллюры при маневрировании, стрельба с коня, методические атаки на ограниченные дистанции, отказ от тактического преследования. Его идеалом становится атака с палашом наголо. Драгунам и рейтарам категорически запрещалось использовать огнестрельное оружие. Атака производилась на полном скаку сомкнутым строем. Опрокинутый противник преследовался безостановочно и энергично. В Польше Карл XII с двумя конными полками 9 дней гнался за 10-тысячным саксонским войском фельдмаршала Шуленбурга. Нагнав его у Сагницы, Карл не раздумывая, атакует саксонцев и рассеивает их.

Рис. 45 Унтер-офицера шведской гвардейской пехоты можно было узнать по серебряному шитью по бортам тёмно-синего кафтана и по клапанам карминов. В бою его основным оружием была алебарда

Пример более опытного и удачливого противника незамедлительно был воплощён в боевую практику русской кавалерии. По мере накопления боевого опыта огневая тактика уступает место атакам с холодным оружием. Эти новшества получили закрепление в уставах и наставлениях. Так, инструкция 1706 года указывала: «...коннице отнюдь из ружья не стрелять прежде того, пока с помощью божьей неприятеля в конфузию приведут, но с едиными шпагами наступать на неприятеля»⁴⁰. «Регулы» к сражению при Фридрихштадте (1713 г.) предписывали коннице действовать наступательно, «искать неприятельскую инфантерию, во фланг атаковать ... друг друга секундовать, и когда неприятель пойдёт на одно крыло, то другому крылу неприятеля с тылу и во фланг атаковать»⁴¹.

Впрочем, Петра, как полководца, отличал творчески гибкий подход к выбору методов ведения войны и боя. При этом учитывались все возможные факторы, влияющие на исход боевой тактики: конкретные условия погоды, местности, время года, противник, его боевые возможности, опыт и т.д. В преддверие войны с Турцией Петр указывает Б.М. Голицину: «... учить драгун огнем, как пеших так и конных, а палашам покой дать, с турками дело иначе надлежит воевать как со шведами и больше пехотою утверждаться с рогатками, а в прочем отдаем на ваше рассуждение и совет воинский».

Таким образом, понимание сущности и особенностей современной войны подталкивало Петра и российское командование к упорному поиску путей совершенствования военного искусства. Под влиянием текущего боевого опыта военное искусство русской армии эволюционировало от подражания западноевропейскому опыту к заимствованию элементов шведской стратегии и тактики. В тех же областях, где шведское военное искусство разнилось с западноевропейским, оно имело много общего с русским боевым опытом допетровского периода. Особенно это касается тактики боевых действий. Заимствуя опыт своего противника, Петр объективно возвращался к национальному военному искусству, но уже на более высоком уровне регулярного устройства и организации.

Идея единоначалия, как основного звена сложного механизма управления армией, оформилась не сразу. В войну армия вступала, находясь под единым командованием. Сначала во главе войска находился генерал-лейтенант Де Кроа, затем – фельдмаршал Б.П. Шереметев. Позднее Петр принимает решение разделить армию на две части: пехоту и кавалерию под началом разных командующих. П.О. Бобровский утверждает, что в данном случае царь руководствовался как личными соображениями, так и обычаем Запада.

Часть его соратников была против подобного решения. В частности, довольно резонно царю возражал А.Д. Меншиков: «... за раздвоением оных в настоящем деле великое б было раз-

личие и препятствие понеже была б ныне у одного конница, а у другого – пехота, то под завистью у обоих фельдмаршалов без контры бы за то было. Ежели когда которому из них понадобится для чего, а паче для сбора провианту иметь при себе конницу или пехоту, то за тем несогласием будет немалая в том остановка потому, что один другому помогать не будет. А паче большая в здешних пределах зависимость и нужда в коннице, которая в непристанных всюду бывает высылках, и провиант везде выбирают они. А если б их не было, то б одной пехоте за скудностью провианта весьма б трудно было, который им не суть легко збирать»⁴².

Очевидно, подобные аргументы не убедили царя, и в начале 1705 года в армии утвердилась новая форма управления: пехотой командовал Огильви, конницей – Шереметев. Не внял Петр и настоятельным убеждениям Огильви, ратовавшего за единоначалие в своих витиеватых, но не лишенных здравого смысла обращениях: «...но если Ваше Величество не намерены всемилостивейшее уверение к одному командующему полевому генералу воспринять и оному по всем воинским обыкновениям и воинскому рассудку...самовластно свои войска в поле и квартирах командовать дать..., то поистине опасно будет»⁴³.

На решение Петра, безусловно, оказал влияние пример как союзников, так и противника. В допетровской военной истории отдельные группировки, как правило, не разделялись на самостоятельные корпуса по роду войск. Во всяком случае не сохранилось сведений о подобной практике. Были достаточно болезненные проблемы в среде высшего командования, но они были совсем иного свойства. Выражались они в неподчинении старшему начальнику на театре военных действий, выяснении отношений с равными по службе, даже в откровенном саботаже, граничившим с изменой. Но это были лишь обычные старомосковские разборки из-за «мест», отрывка княжеско-боярского чванства и заносчивости. С принятыми оперативно-тактическими правилами они ничего общего не имели. О том, что у саксонцев, и у шведов «за обычай» было включать в состав круп-

ных войсковых группировок части одного рода войск, говорят многочисленные донесения русских представителей при короле Августе II. Г. Долгорукий в декабре 1704 года сообщает царю: «Саксонская пехота от Вислы и Варшавы назад отступила. Король шведский за оною от 8 до 9 тысяч, с конницею на саксонцев пошел. И тако королевский польский у той пехоты командующий генерал – поручик фон Шуленбург»⁴⁴.

Отступая от Варшавы, «...принужден был Королевское Величество полки свои разделить для поспешания итти за рубеж чрез Силезию в Саксонию...». С пехотой он «отпустил двор свой и тягости,...с частью своей кавалерии для легкости изволил итти...к Кракову». Поняв, что за Августом не угнаться. Карл XII, «...поворотя, пошел за саксонское пехотою, и в пять дней оную дошел близко к силезской границе в Великой Польше с одною кавалерией...»⁴⁵. По такому же принципу формировались соединения войск в войне за испанское наследство (1701–1714 гг.). С одной стороны, видно, что решения обоих противников о разделении армии на пехоту и конницу принимались в сложных условиях. Они были вызваны создавшейся оперативной обстановкой. Необходимость быстрого отхода при непосредственной угрозе полного уничтожения – для саксонцев, стремительное преследование с целью решительного разгрома – для шведов. Но история этого периода имеет достаточное количество примеров подобного дробления армий и в благоприятных спокойных условиях. То есть, деление на отдельные группировки по роду войск, конницу и пехоту, было признано нормой военных действий. Можно во многом обвинять Петра, но только не в отсутствии здравого смысла, природной сметки. Если бы речь шла только о слепом копировании чьего-то опыта, то вряд ли он укоренился в боевой практике русской армии. К подобному решению подталкивали обстоятельства, оперативная обстановка. Какая? Петровские резоны заключались в следующем: армия не искала генерального сражения со шведами, придерживаясь стратегии «малой войны». По мнению царя, в условиях, когда боевые

действия сводились к рейдам, набегам и другим маневренным акциям, мобильность кавалерии не должна была ограничиваться пехотой – «пеший конному не товарищ». И подобная практика надолго возобладали в русской армии. Решение на расчленение армии на пехотный и кавалерийский части повлекло за собой разделение власти на две самостоятельные ветви. Фактически единоначалие на главных оперативных направлениях было свёрнуто. Чем можно было оправдать решение Петра? Тем, что стратегические решения всегда оставались за ним, хотя формально он не являлся главнокомандующим? Это – слабая аргументация. Действительно, трудные и опасные моменты войны Пётр, как правило, разделял с войсками. Находясь при армии, своей царственной персоной он восполнял отсутствие единоначалия. Но управление громадной державой часто вынуждало его покидать армию. И с убитием царя из главной штаб-квартиры в среде командования начинались разногласия и споры. Зачастую анархия угрожала обернуться настоящей катастрофой и потерей армии.

Тем не менее, в начале 1705 года верховную власть в полевых войсках мы находим поделенной между Б.П. Шереметевым и Огильви. Позднее, когда Б.П. Шереметев был отправлен подавлять астраханский бунт, его место занял А.Д. Меншиков. В декабре 1705 года ему был присвоен чин генерала от кавалерии, и он был назначен главнокомандующим над всеми кавалерийскими полками «ради лучшего управления»⁴⁶. Пехотой продолжал командовать Огильви. После увольнения последнего из русской армии в 1706 году, пехотой стал управлять Б.П. Шереметев. Подобная практика имела место и в частях армии, находившихся под командованием отдельных воевод или губернаторов. Так, Ф. Апраксин, оборонявший от шведов северные провинции, докладывает Петру летом 1708 года, что он «приказал над конницей команду держать бригадиру Фрезеру, понеже я никого здесь на сие дело лучше его не сыскал. И дело ему со своей конницей неприятно предварять и в прочих удобных местах чинить препятствия...»⁴⁷.

Рис. 46 Богато украшенный золотым галуном и позолоченными пуговицами тёмно-синий мундир отличал офицера лейб-гвардии Карла XII. В строю он, как правило, вооружался полупикой и шпагой

Единоначалие, как принцип управления войсками, утвердился несколько позднее. Разделения на конницу и пехоту в бумагах царя и его генералов в последние годы войны мы не встречаем. Главкомандующим армией назначаются кто-нибудь из испытанных генералов. Отдельными русскими корпусами в Германии командуют Б.П. Шереметев и А.Д. Меншиков. Армией на Украине и в Прутском походе командует Б.П. Шереметев. Финляндию завоёвывают войска под руководством М.М. Голицына. В Ингрии главнокомандующим является Ф. Апраксин. Но почти всегда за спиной военачальников

маячила исполинская фигура истинного самовластного хозяина – Петра. Это не означало, что царь остерегался пошатнуть свой самодержавный престиж, разделить всю меру ответственности в случае нечаянных военных неудач. Ответ держать ему было не перед кем, разве что перед самим Всевышним. Престижем он всегда дорожил и оберегал авторитет, не столько свой, сколько Державы. А неудачи случались, например, Прутская катастрофа. И перенёс её Пётр достойно, сумев найти выход из почти безвыходной ситуации, сделав определённые выводы, проанализировав причины поражения.

В ходе войны неустанно совершенствуется организационно-штатная структура войск. Выше уже говорилось о штатном составе пехотных полков накануне Северной войны. Количество рот в полку неоднократно менялось. В связи с этим, фельдмаршал Огильви настоятельно советовал царю: «...дабы все Ваши учрежденные полевые полки конные и пешие сколь скоро как

возможно умножить. Во всех Ваших драгунских полках по 12 рот, а в роте по 120 человек, а в пехотных ротах (кроме полков от гвардии, которые многолюднее могут быть) во всех по 150 человек совершенно к службе, ... по иноземному основанию учредить, дабы батальоны и шквадроны тем по последней мере той же силы, а не слабее неприятельских учреждены быть могли»⁴⁸.

Итак, опытный и дотошный Огильви настаивает на усилении пехотных рот. Их штатная численность, по его мнению, слишком малочисленна, по сравнению с европейскими армиями. Если к этому добавить, что реальное количество людей почти всегда было меньше штатного, то опасения фельдмаршала можно понять. Его сентенция – русская рота слишком слаба перед европейской, австрийской или прусской. Петр не разделял опасений пришедшего фельдмаршала и не внял этому совету. Он не только не увеличивает штатную численность роты, но, наоборот, поступает противно мнению Огильви. Количество пехотных рот в полку сокращается. Ранее в полку числилось по штату 9 рот. Но в 1708 году в пехоте закрепляется 8-ротная организация. Штаты пехотных полков 1711 года документально закрепили эту структуру воинской части. Отныне фузилерный полк состоял из 2 батальонов 4-ротного состава. 7 рот в полку являлись фузилерными (их солдаты имели на вооружении кремневые фузеи) и 1 рота – гренадерская. В состав пехотной роты входили: капитан, поручик, прапорщик, унтер-офицер, 150 капралов и рядовых. Всего в полку числилось 1120 человек⁴⁹. Интересно то, что спустя много лет Петр все-таки пришел к численности роты и полка, на которых настаивал фельдмаршал. Устав 1716 года устанавливал численность роты в 150 человек. По штатам 1720 года полк включал около 1500 человек вместе с нестроевыми⁵⁰.

Почему Петр не прислушался к советам Огильви усилить пехотные полки? Возможно, на решение царя уменьшить количество рот в полку повлиял пример шведов. Начав войну с 12-ротной полковой организацией, Карл XII в 1708 году реорганизуем свою пехоту. Количество рот в мушкетерских полках

уменьшилось до восьми. Перед русским походом пехотный полк армии Карла XII состоял из 8 рот по 150 строевых чинов (6 капралов, 144 рядовых). Итого, в полку было 1200 солдат. Нетрудно заметить аналогию в организации и численности русских и шведских полков.

Следует отдельно остановиться на гренадерских подразделениях и частях. Гренадеры, как солдаты, предназначенные для метания ручных гранат, появились в войсках в середине XVII столетия. Позднее из гренадеров формировались отборные ударные отряды. Особенно их роль была заметна во время штурма крепостей и укреплений. Во время Деволюционной войны (1667–1668 гг.) во французской армии гренадеры в полках сводятся в отдельные роты. В бою они действуют во главе атакующих колонн. Для преодоления инженерных заграждений и рубки палисадов они снабжались топорами. Во Франции к концу XVII века в каждом мушкетерском полку была рота гренадер. В 1701 году в австрийской армии в каждом полку было по 2 гренадерские роты⁵¹. В начале XVIII века гренадерские роты в европейских армиях часто сводят в единые формирования. Мальборо из своих гренадеров организует отдельные гренадерские полки. Датчане устраивают сводный гренадерский корпус, прославившийся на полях сражений Северной войны.

У шведов гренадеры так и не получили организационно-тактической обособленности. Они были распределены по мушкетерским ротам по 8 гренадер в роте. В бою они занимали место на флангах роты. Часто прибегая к атакующей тактике, Карл XII не видел смысла в выделении гренадер в отдельное ударное подразделение, как это практиковалось в европейских армиях. Как правило, в атаку бросался весь полк, как мушкетёры, так и гренадеры. Тем не менее, боевое предназначение гренадер выходило за рамки задач, решаемых в бою обычной пехотой. Пожалуй, исключение составлял батальон лейб-гвардии пехотного полка, составляющий отборную часть элитарной пехоты.

Перед войной в русской армии гренадеры были сведены в роты в составе полка. Это позволяло ставить им в бою отдель-

ные тактические задачи. Гренадёры представляли собой наиболее надёжную и стойкую часть русской пехоты. Как правило, в бою им ставилась задача по усилению правого фланга батальона. Русская тактическая мысль этого периода шла в фарватере европейского опыта. Это проявилось и в отношении формирования гренадерских полков. Во время реорганизации штатов в 1708 году гренадерские роты были выведены из состава полков и сведены в отдельные гренадерские полки. Эти нововведения подтверждают факт о пересмотре Петром практики применения родов войск в полевом бою и переходе к активно-наступательной тактике, для этого и были укрупнены ударные воинские части – гренадерские полки.

Новые тактические решения повлекли за собой необходимость разработки вопросов применения гренадерских полков в бою, а также их управления. Из докладной полковника Буша Петру от 14 июля 1708 года можно сделать вывод, что штатным реорганизациям предшествовало бурное обсуждение этих вопросов, их целесообразности с привлечением полкового командования. По мнению Буша, эффективность применения гренадерских полков будет во многом зависеть от «добрых» опытных командиров. Профессиональная безграмотность и невежество офицеров приведут только к неоправданным потерям и срыву боевых задач. Только при таких условиях можно добиться успеха, «... понеже в их доброй атаке большее надлежит ...», т.е. роль гренадерских частей в бою гораздо выше, чем обыкновенных пехотных. Поэтому ими должны командовать наиболее подготовленные командиры. Применять же их целесообразно, «... где армия пушью нужду имеет употреблять», т.е. на наиболее важных участках. Если же эти условия выполнены не будут, то реорганизация только навредит боеспособности армии, так как выделение гренадерских рот в отдельные части ослабит полки: «Вашему Величеству в том утрата, а неприятелю надежа»⁵².

Всего в 1708 году было сформировано 4 гренадерских полка (полковников Буша, Бильса, Энсберга и князя Репнина). Возник-

ли определенные трудности с обеспечением полков всем необходимым. Каждая рота продолжала довольствоваться от пехотного полка, из которого она была выведена. Таким образом, в вопросах снабжения гренадерский полк почти полностью зависел от 8 формировавших его частей. О трудностях с выплатой жалования гренадерам вновь учрежденного полка докладывает царю все тот же полковник Буш: «Понеже гренадерская рота Каргопольского полку мне отдана в полк, а Вашего Величества Государя жалование на них из Петербурга в старый полк...присылается,...прошу помянутой роте...жалование от комиссара ко мне в полк равно другим гренадерским ротам (присылать А.К.)»⁵³.

Гренадерские полки имели общепехотную организацию. Командование применяло их, в основном, компактно, на наиболее угрожаемых направлениях. При Лесной (1708 г.) и при Фридрихштадте (1713 г.) гренадеры составляли тактическую поддержку для придания устойчивости линейному боевому порядку армии. На Пруте гренадерские полки занимали место в общей линии на наиболее уязвимом южном фланге лагеря. Опыт показал эффективность нововведения, и в 1710 году был сформирован еще один гренадерский полк князя Барятинского. По штатам 1711 года в армии числилось 5 гренадерских полков⁵⁴.

Полк являлся высшей единицей организации армии, выступая относительно самостоятельным тактическим звеном. Постоянных войсковых соединений над ним не было. Временно для разрешения возникающих боевых задач несколько полков объединялись в бригаду под командой бригадира – наиболее опытного командира одного из полков. Впервые бригада, как войсковое соединение, появилась в шведской армии в период Тридцатилетней войны (1618–1648 гг.). Маршал Тюренн ввел в армии двухполковые бригады, при этом была введена должность бригадира. Бригада как соединение из нескольких полков, была постоянным элементом организационной структуры европейских армий. В русской армии бригады появились в первые годы Северной войны. А.Д. Меньшиков, направленный царем инспектировать Большой полк, расквартированный в литовских

городах зимой 1705 года, нашел там кавалерию «расписанную» по-бригадно, по 3 драгунских полка в бригаде⁵⁵. В 1709 году действующая на Украине армия организационно состояла из 10 бригад по 2–5 полков в каждой. Русская армия имела национальный опыт войсковых соединений в виде допетровских разрядных, боярских и генеральских полков. В отдельных частях армии это устройство сохранялось в начале войны и окончательно уступило место европейской военной структуре к 1705 году. То есть, основным фактором развития организационно-штатной структуры русской армии являлся пример Запада и военная целесообразность.

В главе I настоящей работы уже обращалось внимание на неоднозначное отношение Петра к иноземным офицерам и генералам. В отношении русской высшей администрации к иностранцам сквозила двойственность: с одной стороны, молодой армии жизненно необходим был опыт, с другой стороны, некоторая часть наемников на деле проявили низкие морально-боевые и профессиональные качества. Не надежность наемников, религиозно-культурная отчужденность русских и иноземцев создавали атмосферу подозрительности вокруг последних. Чтобы преодолеть духовную отчужденность, правительство поощряет ассимиляцию иноземцев в России, их переход в православие, вводит свободу вероисповедания не только в Москве, как это было раньше, но и в других губерниях.

Безусловно, иностранные военные специалисты оставили заметный след в военной истории России петровской эпохи. Их вклад в военное строительство был настолько очевиден, что даже в наиболее одиозный период идеологического противостояния

Рис. 47 Русский grenадёр производит выстрел из ручной «мортирцы». Сильная отдача не позволяла вести стрельбу с упора в плечо без специальной подушки. Дальность стрельбы гранатой достигала 150–170 метров.

с Западом советские историки не оспаривали этого факта, ограничившись его замалчиванием. Пожалуй, единственным, кто заслуживал положительный отклик в петровской историографии, был Р.В. Брюс, да и тот был иноземцем «старого выезда», предки которого переселились из Шотландии в Москву в 1646 году. Обойдены вниманием такие военачальники, как Огильви, Алларт, Паткуль, Ренне и некоторые другие иноземцы русской службы. Сдержанно советская историография отзывалась и о первом ратном наставник Петра, Патрике Гордоне. Внимание предпочитали акцентировать на его наёмной службе «в семи странах семи королям».

Оправившись после Нарвского поражения и переломив ход войны в Прибалтике в свою пользу, Петр вновь возвращается к освоению западноевропейской модели армии. Строить новую армию без опытных офицеров было практически невозможно. И в 1702 году он издает Манифест «О вызове иноземцев в Россию с обещанием им свободы вероисповедания», который был распространен по всей Европе. Манифест не сыграл той роли, которая ему отводилась, недостаток в искусных офицерах ощущался довольно остро. По свидетельству Устрялова, это был один из самых существенных недостатков молодой армии. В некоторых полках было всего по пять офицеров. Многие офицеры из русских совершенно не знали службы, в полках распоряжались сами солдаты.

Зимой 1703 года в Священную Римскую империю был откомандирован генерал русской службы барон фон Розен. Он был уполномочен вербовать в Российскую армию офицеров и генералов. Им были установлены довольно высокие оклады: полковнику – 50 рублей, подполковнику – 30 рублей, капитану – 18 рублей, поручику – 8 рублей в месяц. Летом 1704 года фон Розен с группой набранных офицеров прибыл в Киев. С ним следовало 2 полковника, 2 подполковника, майор, 13 капитанов, 6 поручиков и др. военные чины⁵⁶. До сентября 1704 года в Москву прибыло еще 59 иноземных специалистов. Естественно, такое количество офицеров было каплей в море и не могло

улучшить положение с укомплектованностью армии. К приглашению иноземных офицеров прибегали и позже. Особенно, на этом настаивал фельдмаршал Огильви, более двух лет стоявший во главе русской армии. Он доказывал царю необходимость призыва из Европы офицеров и, особенно, генералов: «...без чего здешними немногими генералами, из числа которых немного искусных, невозможно управлять войсками, тем менее противостоять неприятелю»⁵⁷.

Советской историографией генерал Иоган Ренгольд Паткуль изображается не иначе как «международный авантюрист», известный более своим двуличием по отношению к России и циничными заявлениями по поводу боеготовности ее армии. Между тем, он долгое время являлся полномочным представителем Петра в Европе. Человек необузданной энергии, неуравновешенного характера и взрывного темперамента, он, вместе с тем, был опытным офицером. Его военная карьера типична для западноевропейского наемного солдата: капитан шведской армии, полковник армии Августа II, генерал русской службы. Звание генерала было присвоено Паткулю в 1702 году Петром Великим. В 1704 году он командовал вспомогательным русским корпусом в Саксонии.

Будучи в Москве в 1702 году, Паткуль подает Петру докладную записку со своими соображениями о «приведении в лучшее состояние войск». Он обращает внимание Петра на слабость офицерского корпуса, на необходимость реорганизации военного ведомства, введение военной коллегии по примеру Швеции, специальной службы по привлечению на русскую службу офицеров из-за рубежа. Генерал горячо отстаивал преимущества конницы драгунского типа и настоятельно советовал царю остановить свой выбор именно на этом роде войск. Аргументы Паткуля весомы и понятны Петру. Это – относительная дешевизна и удобство боевого применения драгунской конницы на театрах войны. Особое внимание Паткуль уделял низкому профессиональному уровню офицеров русской армии. Он предлагает направлять их на стажировку в армии немецких государств:

Пруссию, Саксонию и др. Для обучения офицеров фортификации и артиллерии им предлагается в полках ввести должности инженер- и штык-юнкера. Центральной фигурой в армии он считал командира роты – капитана и предъявлял им высокие требования. На эту должность он предлагал назначать офицеров, выдержавших экзамен. Офицеров, показавших свою некомпетентность, Паткуль советовал увольнять из армии, независимо от из национальности.

Генерал барон Людвиг-Николай Алларт, выходец из Саксонии, находился на русской службе более десяти лет. Он занимал различные посты в войсках, в начале войны стоял во главе армии. Наиболее концентрированно его предложения нашли свое выражение в донесении Петру от 12 сентября 1706 года, о некоторых из которых в данной работе уже упоминалось. В частности, Алларт советует ввести единоначалие в армии, включать в состав отдельных отрядов подразделения всех родов войск. Алларт отмечает слабость офицерского корпуса: «...мало инженеров и искусных офицеров». Он обращает внимание царя на необходимость технического переоснащения армии, введения единого калибра мушкета: «... иногда в полках по 6 калибров». Ценны его предложения по переустройству службы тыла: «... великий недостаток в провиантском устройстве, солдаты несут хлеб и бросают его от изнеможения. Нужен корпус хлебников по 600 человек». Алларт был одним из строителей системы регулярного воинского обучения и поборником высокой воинской дисциплины в войсках. Постоянный участник всех «воинских консилиев», он непосредственно принимал участие в выработке стратегических планов ведения войны в 1700–1705 годах. Вышеупомянутое донесение содержит предложения по развертыванию армии на предстоящую кампанию и группировке войск в Польше, Литве и Финляндии.

Фельдмаршал Георг Бенедикт Огильви находился на русской службе сравнительно короткий срок, но в силу занимаемой им высокой должности он оказал заметное влияние на становление военного искусства молодой регулярной армии. Им

был представлен царю наиболее подробный, всеобъемлющий план реорганизации армии и приведения ее в соответствие с требованиями современной войны. Конкретные направления были им сформулированы в многочисленных письмах и докладных на имя Петра. Его деятельность на посту главнокомандующего не ограничивалась рекомендациями и советами. Огильви проявил себя неплохим организатором и администратором. По поводу же его заслуг, как военачальника, существует несколько мнений, подчас диаметрально противоположных. Ряд русских исследователей, в частности Марченко, приписывает ему честь спасения русской армии в сложной обстановке зимой 1706 года. Под командованием Огильви армия совершила хитроумный марш-маневр от Гродно к Киеву, выскользнув из кольца блокады⁵⁸. Советские историки и часть русских в своих интерпретациях гродненского «дела» акцентируют на то, что фельдмаршал выступал в роли исполнителя воли и плана Петра. Спасение армии шло не благодаря деятельности Огильви, а вопреки ей, так как фельдмаршал долгое время выступал противником отвода войск из гродненского укрепленного лагеря. Этот негативный портрет дополняется обвинениями в адрес Огильви в двурушничестве и секретных отношениях с саксонцами.

В связи с этим необходимо отметить, что поведению фельдмаршала имелось серьезное оправдание. На протяжении более чем двухлетней службы в России ему приходилось работать в обстановке тотальной подозрительности и недоверия к собственной персоне. Генерал А.И. Репнин, выполнявший при нем роль соглядатая, докладывал Петру о каждом шаге Огильви. Естественно, это не способствовало сохранению атмосферы взаимопонимания при штабе армии и в частях между русскими и иностранцами. Далее, Огильви имел непримиримого врага в лице властолюбивого и мстительного А.Д. Меншикова, который, пользуясь благосклонностью царя, усиленно интриговал против главнокомандующего. Взаимными жалобами царю, обвинениями в невежестве и измене наполнены отношения между этими видными военачальниками петровской эпохи.

Как бы там не было, Пётр не отрицал роли Огильви в спасении армии. Когда обиженный недоверием, оскорблённый непониманием фельдмаршал попросил об отставке, он был уволен с почетом, с сохранением всех почестей и воинского звания. Фельдмаршал уезжал из России, награжденный солидным денежным пособием и осыпанный царскими милостями. Правда, причиной этому было не столько высокое признание его заслуг. Вызывало обоснованное опасение то, что Огильви отплатит негостеприимной Москве, очерняя в Европе русские обычаи и порядки. Разгоравшийся скандал замяли, фельдмаршала задобрили, умиротворив его ожесточение богатыми подарками. Впоследствии фельдмаршал сожалел о том, что ему пришлось раньше срока покинуть хоть и негостеприимную, но щедрую Россию и оставить высокооплачиваемый пост в русской армии.

Многоопытный Огильви на посту командующего армией ратовал за жесткую дисциплину и порядок. Один из его первых указов по армии, расположенной лагерем у Нарвы, гласил: «...против всех воинских обычаев и порядков... некоторые офицеры и солдаты в поле и в шанцах, и в подъездах, на работах и в посылках генералам, полковникам, подполковникам и прочим подначальным верховым офицерам достойного послушания ... не показывают и ... должности против неприятеля не исполняют, повеления прекословят». Огильви требует от командного состава повисить спрос с подчиненных «под потеряннем тела и живота»: «Генералам и верховым офицерам и солдатам ... против неприятеля послушным быти, покорным быти ... особливо на боях и приступах, в службах и осадах ...»⁵⁹.

Фельдмаршал принимает все возможные меры к повышению боеспособности подчинённых войск, его беспокоит состояние вооружения, снаряжение и амуниция солдат. Он неоднократно обращает внимание Петра на необходимость унификации вооружения пехоты: «Всей Вашей пехоте ружье равного калибра изо всех крепостей и ружейных домов выбрать и раздать»⁶⁰.

Особым предметом его попечения стала артиллерия: «И о том постараться надо бы учреждению полевой артиллерии со

всеми принадлежащими и обученными артиллерийскими офицерами ... по воинскому обычаю благо учредить. И ту артиллерию всякими потребностями удовлетворить, и сильные лошади под оную изготовить повелеть в подпряжку»⁶¹. Для обеспечения «скорых переходов» при артиллерии он предлагал учредить понтонно-переправочный парк.

Важное место в организации регулярной армии Огильви уделял правильно устроенному тылу и системы обеспечения действующей армии. Он настаивал на введении сети магазинов «во всех пограничных местах, ... которые им надлежит высокопотребной амуницией и к оборонительной и наступательной осаде потребными вещами, також и довольным провиантом во всех пограничных местах ... наполнить». Опираясь на свой богатый опыт войн с турками, он советует царю «отставку при войске безмерного множества телег», предлагая свою организацию походного обоза. Непоследнюю роль Огильви сыграл в становлении организационно-штатной структуры русской армии. До него она носила случайный характер: отряд, полк, команда. Огильви ввел бригады 4-полкового состава и дивизии 2–3-бригадной организации.

Главкомандующего беспокоит неукомплектованность армии офицерским составом. Он предлагает решить эту проблему путем найма офицеров в Европе. Вместе с тем, Огильви выступал против огульной вербовки, требуя от кандидатов на офицерские вакансии поручительные грамоты. От негодных офицеров он решительно избавлялся. Почти каждое послание царю упоминает об этом: «Ежели Ваше Величество своей полевой силы в порядочное и лучшее состояние учредить не изволит и таких искусных офицеров к оному не призовет, неискренних же, какова они народу не будут, не отпустит, ... то поистине опасно будет»⁶². Впрочем, фельдмаршал никому не открыл глаза на армейские трудности. Царь был хорошо осведомлён о проблемах, поднимавшихся настойчивым иноземцем. Но их было легче обозначить, нежели разрешить. Советчиков при дворе всегда хватало, зато всегда ощущался дефицит исполнителей,

опытных, высококвалифицированных, не гнушавшихся черновой работы. Сложность как для самого фельдмаршала так и для армейского командования исходила из вздорного независимого характера Огильви, который ни терпел рядом ни любимца царя Меншикова с его необузданным тщеславием, ни гордого своей древней боярской родословной Шереметева. Его высокомерно-презрительное отношение к русским офицерам скоро восстановило против него весь генералитет. Взаимное недоверие русских и немцев, интриги и доносы друг на друга практически парализовали управление реформированием. Энергичности и деловитости царя, в целом, претила его высокомерно-менторская манера поучать всех и вся, сквозившая в его обращениях и поведении. Вместо того, чтобы решительно устранять неустроенность фельдмаршал по малейшему поводу строчил в Москву нудные мелочные жалобы. По характеру переписки между вельможами и царём чувствуется, что своими назойливыми великоречавыми назиданиями-жалобами он порядком надоел Петру. Вскоре царь отмахивался от него с его советами и рекомендациями, как от назойливой мухи.

По настоянию фельдмаршала Петр приглашает на русскую службу генералов и офицеров союзной саксонской армии. О прибывших под Нарву офицерах Огильви немедленно сообщает в Москву: «И Ваше Величество изволит несколько генеральных особ из войска Его Королевского высочества сюда призвать, из которых некоторые уже сюда явились...». Огильви решительно добивался введения единоначалия в войсках, выступал против разделения армии на пехоту и кавалерию под командой разных начальников.

В компетенцию Огильви входили не только административные и организационные вопросы строительства вооруженных сил. Умудренный многолетним военным опытом, он активно участвовал в оперативном управлении подчиненными войсками, проведя кампании в Литве и Польше. Так, 30 августа 1705 года фельдмаршал докладывает Петру о том, что шведы переправились через Вислу. В письме предлагается конкретный обо-

ронительный план: «... чтоб Ваше Величество между Митавою и Бауском войско поставили, сделав линию, чтоб оные и шансовались. Также подход к Друе укрепить,... добрые мосты через Двину сделать, а с остальным войском немедля к Ковне идти». В другом послании он просит ускорить сосредоточение войск под его началом, «... понеже наша сила зело рассеяна есть так, что если до бою дойдет, я тогда при немногих полках в батальонах 350 человек в шеренгах найду...».

Итак, роль иноземных офицеров и генералов в становлении русской армии начала XVIII века была весьма заметна. Не смотря на то, что некоторые иноземцы рассматривали службу в русской армии через призму голого меркантильного интереса, преследуя, в первую очередь, цель наживы, многие из наемных офицеров честно выполняли условия контрактов. Основная масса нанятых специалистов были не более чем рядовыми исполнителями повелений командования, Петра и его окружения. Их заслуги заключались в педантичном исполнении должностных

Рис. 48 Солдат в «карнусе» довольно необычной формы. Чаще «карнус» представлял собой суконный колпак, к тулье которого снизу пришивалась опушка, к тулье которой снизу пришивалась опушка. Опушка отворачивалась наружу, по бокам были разрезы. На тулью иногда пришивали пуговицы.

обязанностей, независимо от поста, который им пришлось занимать: от скромного артиллерийского мастера до главнокомандующего армией. Но и среди этого окружения были видные деятели, принимающие стратегические военные решения и формирующие политику в военном строительстве. Их деятельность в качестве военных советников и боевых практиков стала существенным фактором, посредством которого западноевропейский опыт оказывал заметное влияние на развитие военного искусства русской регулярной армии.

Примерами не только умелого управления войсками, но и личного бесстрашия и находчивости, проявленные иноземными офицерами, изобилует история Северной войны. Вот только самые известные из многочисленных образцов честного выполнения своего долга иноземных офицеров и генералов на русской службе.

С именем полковника Вердена связана первая морская победа, когда под его руководством были захвачены шведские суда, подвозившие припасы к Нотебургу. Позднее, за оказанные заслуги ему было присвоено звание генерала.

С именем уроженца Курляндии генерала Карла-Эвальда фон Ренне связана не одна блестящая победа петровских войск. В послужном списке этого генерала успешные действия под Нарвой в 1704 году, что способствовало взятию крепости, умелое командование войсками в 1707–1709 годах, участие в Полтавской битве, стремительный рейд и захват Браилова в 1711 году. Шведский военнопленный, Эренмальм, много лет проведший в русском плену, вел дневник, в котором подробно описывал жизнь шведов в неволе. Его записи интересны нам тонкими наблюдениями быта русского общества XVIII века, в которых, может, чересчур сарказма и колкости. Он язвительно проходит по обычаям и нравам столичного бомонда. Будучи приближенным к Петербургскому двору и военному командованию, он был посвящен в дворцовые тайны, находился в курсе придворных интриг. В своих записках швед не гнушался сомнительными слухами, пикантными подробностями, составлявшими неотъемлемую сторону жизни любого европейского двора. Впрочем, от пересказанных сплетен, острого языка и критического отношения к стране-противнице, историческая ценность его воспоминаний нисколько не умаляется. Эренмальм даёт интересную, не всегда лицеприятную, может быть, пристрастную, характеристику многим соратникам и приближенным Петра. Среди них мы узнаём и видных офицеров русской армии.

Вот перед нами барон Карл Ренне, «среднего роста, худощавый, за время пребывания в стране совершил несколько удач-

ных походов, слывёт одним из лучших и знатнейших генералов в России. . . . Но опыт, порядок и добрый природный разум весят у него больше, чем само сердце, Царь доволен курляндским бароном и не скупится на пожалованья. Он наградил своего любимца большим владением в Лифляндии. Рене пользуется большим доверием у Меншикова. Рене «...добивается большего, находясь под командою других, нежели когда сам командует и имеет всю ответственность», – в конце добавляет ложку дёгтя в бочку мёда автор.

Больше симпатий у автора вызывают военные, не входящие в круг любимцев Меншикова. Это генералы, не терпящие подхалимства, подбодрения и низкопоклонства, люди прямые и благородные, чуждые недостойных интриг. Вот, например, отчаянный рубака, кавалерист, генерал Боур. Генерал-лейтенант Бауэр (Боур), сын ротмистра из Нижней Померании. Служил многим монархам, но везде своей отвагой приобретал репутацию отважного офицера. Единственный среди находящихся в России генералов, прошедших все ступени от рядового кавалериста, по праву имеет огромный опыт. Важные дела, частые ответственные поручения венчают его послужной список. Немалодушен, охотно рискует жизнью, часто едва её не лишается. Кавалер ордена Святого Андрея Первозванного. Добился бы большего, но не ладит с Меншиковым. По складу ума не расположен к угодничеству, притворству, прочим низостям. Зато ему приписывают корыстолюбие, грубость и развратность, хотя последнее автор связывает с влиянием местных обычаев.

Среди генералов не только завзятые служаки, огрубевшие в походах, опаленные огнём сражений. Среди них есть и тонкие интеллектуалы, культурные и просвещённые личности, делающие честь молодой российской науке. Таков, например, генерал-фельдмаршал Яков Брюс. Брюс из иноземцев «старого выезда», родился в Москве. Прошёл всю войну, один из близких приближённых и доверенных лиц Петра, удостоен высшей государственной награды Российской империи – ордена Святого Андрея Первозванного. Артиллерист и инженер по военной

квалификации. Начальник артиллерии с 1700 по 1726 год. Генерал-фельдцейхмейстер русской армии. Кроме того, крупный деятель науки и культуры. Математик, астроном, картограф, Брюс переводил, писал и издавал научные книги, переписывался с учёными Запада, собрал замечательную библиотеку, кабинет с физическими и астрономическими приборами, музей редкостей, коллекции монет и медалей. . . . «Прилежным чтением и тягой к наукам» завоевал особую благосклонность государя.

Менее известен читателю генерал-фельдмаршал фон Гольц. Но именно о нём у Эренмальма, автора этих записок, остались самые высокие и уважительные оценки. Генерал-фельдмаршал Г. фон Гольц отмечен им как высокий профессионал, обладающий редкими качествами и достоинствами. К сожалению, подобно Огильви, он не мог влезть в хомут царского фаворита. И подобно старому фельдмаршалу, он стал жертвой интриг Меншикова. По ложному навету был оговорён, повергнут аресту и суду, признан невиновным, но, в конце концов, вынужден был бежать из страны. Случилось это в 1710 году.

Видный след в героической истории Северной войны оставил полковник Ренцель. После катастрофы под Фрауштадтом в 1706 году союзного войска русские полки были брошены саксонским командованием на произвол судьбы. Оставшимися в живых солдатами командовал полковник Ренцель. Только благодаря его железной воле и твёрдому характеру разгромленный русский корпус сохранился как боевая единица. Он сумел сплотить вокруг себя оставшихся в живых, поддержать павших духом. Среди личного состава поддерживалась железная дисциплина, организованность и высокий боевой дух. На предложение главнокомандующего бежать в Австрию Ренцель ответил гордым отказом. Решено было пробиваться с горсткой солдат и стрельцов через вражескую территорию в Россию. Ренцель с полком прошел «через Цесарскую и Брандербургскую земли разными трактами» и соединился с русской армией в Польше.

Не обходилось без казусов, заканчивавшихся иногда совсем не смешно. «...в том же году знаменитый прусский артиллерист

Слундт (генерал-майор Шлюндт)» ехал определяться на русскую службу, однако в Нарве впервые обеда у одного русского, распрощался с жизнью после того, как из 6 проведённых в городе дней 4 – пропьянствовал ...». Пётр даёт распоряжение детально разобраться с причиной гибели, сделав всё необходимое, вскрытие и т.д., с честью похоронить генерала в Нарве.

На некоторых приезжих военных авторитетов местный колорит действовал удручающе. Не все были готовы приспособиться к обычаям русского двора ради приличного вознаграждения. Многие честь, благородство и независимость ставили неизмеримо выше материальных благ. Зимой 1710 года в Россию приехал императорский генерал от артиллерии Эрсберг, но «из-за своего прямодушия он не ужился среди русских и следующей зимой уехал восвояси». Во всяком случае, так объясняет его отъезд вездесущий швед.

О своеволии и буйстве поместного дворянства на этих странах говорилось уже неоднократно. Служилое дворянство со сложившимися веками традициями, социально-психологическими особенностями еще долгое время оставалось основным контингентом петровского войска. Природная удаль и храбрость соседствовали с пренебрежением к дисциплине, холопская покорность – с дворянской кичливостью, когда подчинение воспринималось как унижение родового достоинства. Высшие эшелоны командования даже в рассматриваемую эпоху были поражены вирусом местничества. Все это, в целом, препятствовало воинской дисциплине и правопорядку, основанному на осознании долга перед Отечеством, чести мундира, здоровом тщеславии и желании сделать карьеру.

Заменить заскорузлые, складывавшиеся веками обычаи и нравы были призваны ценности, проникшие в Россию с новыми европейскими веяниями. В речах царя всё чаще звучат со «смутных» времён не слыханные воззвания послужить Отечеству. К этому близкому и понятному русскому человеку призыву добавляются незнакомые слова о воинском долге, о служению государству. Нечто новое, невиданное чувствовалось в тре-

бованиях Петра к офицерскому составу регулярной армии. Эти процессы объективно совпадали с социальным обособлением служилых людей в новое корпоративное сословие. Обособление дворянства стало одной из тенденций складывания русского общества этой эпохи. Новизна ощущалась в попытках возвысить его над иными слоями русского общества, привить понятие чести, благородства и достоинства этому сословию, составлявшему костяк офицерского корпуса. Благородное европейское дворянство со своим рыцарским кодексом чести служило Петру прототипом для подражания. Завершенности в достижении этой цели Петру достичь не удалось. Но основательное начало процессу перерождения служилого класса в благородное сословие было положено именно в его правление. Фактически, на Руси не существовало социального класса, тождественного европейскому дворянству. Те классы в переводе с европейского на русский язык звучали бы как «благородный», «высокий», «почётный». И только в русском обществе это сословие имело унижительное однокоренное общее со словами «дворяня», «при дворе», «дворовой». Русское служивое сословие по своему положению в общественной иерархии действительно мало чем отличалось от двора князей и бояр, от их холопов и крестьянства. Унижение просматривалось уже в названии. Таковы уж были исторические судьбы русского общества, даже верхних его социальных эшелонов, испытывших на себе многовековой татарский гнёт, деспотическую жестокую власть московских царей, формировавшую только рабскую психологию, не терпящую никакой вольности. И вот ему Пётр намерился прививать благородство души, поступков и помыслов, понятие святости долга перед Родиной и престолом, офицерской чести и личного достоинства. А также – великодушия и душевной красоты, трудолюбия и терпения, упорства и целеустремлённости, здорового честолюбия и карьеризма. Вся воспитательная работа в армии была направлена на искоренение рабских инстинктов и замену их сознательным отношением к воинскому долгу. Прототипом военно-правовой и воспитательной сис-

темы русской армии стало западноевропейское военное законодательство.

В мае 1705 года на просьбу Огильви дать новый «указ об обидах», Петр резонно замечает, что войска полностью доверены им (Огильви и Шереметеву), «им самим и чинить суд и расправу». Так появился «Устав прежних лет», наиболее полный военно-уголовный кодекс русской армии периода Северной войны. В нем был представлен перечень воинских преступлений, подробно расписаны обязанности военно-полицейских и судебных чинов. «Устав прежних лет» регламентировал жизнедеятельность армии до Воинского устава 1716 года. Параллельно с «Уставом прежних лет» в войсках действовали также другие инструкции и наставления, в которых также находили отражение военно-правовые вопросы.

Система судопроизводства зарождалась вместе с первыми регулярными полками накануне Северной войны. Вся полнота административно-хозяйственной и судебной власти сосредоточивалась в руках вновь учрежденного генерал-пленипотенциара. На эту должность был назначен князь Долгорукий. Его заместителем стал второй судья Приказа Военных дел окольничий П. Стрешнев. Отражая суровые нравы того времени, военно-уголовное законодательство носило ярко выраженное карательное направление. Оно совершенствовалось в течение первой четверти XVIII века, но наиболее законченные формы приобрело после Полтавской битвы. Подробно военно-юридические вопросы изложены в работах известных авторов П.О. Бобровского и Д.В. Пузыревского. Мы же лишь повторим окончательный вердикт, вынесенный видными военными историками: военно-правовая система русской армии являлась прототипом европейской⁶³.

Впрочем, на начальном этапе войны дальше введения немецкой терминологии дело не пошло. Ряд писем А.Д. Меньшикова царю летом 1706 года позволяет сделать вывод, что к этому времени в частях стройной системы судопроизводства еще не было. Меньшиков выказывает сожаление по поводу отсут-

ствия в полках полевых судов: «...а буде ж... сие дело вдаль отложено будет, то что далее, то хуже, с чем паче в своем сумнении, нежели в настоящем воинском рассуждении будет пребывать... Зело потребно дабы Ваша милость изволили мне всемилостиво поверить здесь... кригсрехт⁶⁴ учинить...»⁶⁵. Из письма от 26 июля 1706 года становится очевидно, что это деле незнакомое, и главнокомандующий, в основном, полагается на опыт иноземных офицеров. В своем успехе Меньшиков не сомневается: «...здесь есть к тому довольно заобычные (офицеры-А.К.), как генерал-майор Генский и прочие. И если не против немецкого обыкновения и не против воинских прав и истинной правды тот кригсрехт учиню, то впредь мне изволь ни в чем верить»⁶⁶.

Учрежденный Петром военный суд имел несколько уровней. Высший или генеральный военный суд рассматривал уголовные дела высших чинов армии и государства. На заседаниях полковых судов разбирали жалобы и «обиды» офицеров и нижних чинов полка. В боевой обстановке по решению командира полка созывался «скорорешительный» суд для рассмотрения внезапно возникших дел. Часто административно-хозяйственные вопросы решались самим полковником без лишней волокиты. Тот же Меньшиков предлагает Петру: «...и которые офицеры будут в чем винны и за те вины велю вычитать по рассмотрению..., чтоб не за всякую вину кригсрехт чинить».

Широкое распространение в войсках получил суд «общества офицеров», апеллировавший к общественному мнению офицерского состава полка. В основном, он занимался вопросами недостойного поведения офицеров в быту. Виновные в поступках, как правило, приговаривались к «нарушению чести», имущественным наказаниям, штрафу или разжалованью в солдаты. Так, по докладу Б.П. Шереметева, в январе 1712 года к штрафу были приговорены гренадерского полка поручики Ф. Салтыков, К. Клементьев и адъютант И. Ергольский. Кроме штрафа «...Ф. Салтыков за то, что своей роты капитана С. Томашевского зазвал к себе в гости, бил кулаками, за волосы взял, повалил на землю, топтал ногами... написать в солдаты на год,

К. Клементьева...на полгода, И. Ергольскому...быть в солдатах две недели».

Военно-полицейская служба выделяется в это же время в ведомство генерал-аудитора. С 1712 по 1718 год эту должность выполнял А. Кикин. Его помощником, обер-аудитором долгое время был саксонец Эрнст К. Кронен. Им и были составлены «Артикулы воинские», свод военно-уголовных законов, и «Краткое изображение процессов или судебных тяжб», военно-процессуальный кодекс. «Артикулы...» вобрали в себя богатый опыт строительства армии за 15 лет изнурительной войны. В композиционном построении и сути 12-ти глав «Артикулов...» усматривается влияние шведского военного законодательства Густава-Адольфа и Карла XI. От оригиналов «Артикулы...» отличаются более сжатой формой почти всех статей о воинских преступлениях и расширенной детализацией глав об общих преступлениях. Кроме того, «Артикулы...» пополнены новыми статьями, юридическими нормами с разъяснениями к ним. Некоторые толкования и добавления заимствованы из датских и голландских уставов.

«Артикулы воинские» не были слепой компиляцией. П.О. Бобровский насчитал 76 поправок, сделанных рукой Петра на проекте «Устава воинского», который «... своей полнотой и определенностью превосходит все военно-законодательные памятники современной Европы». Военно-процессуальный кодекс составлен по духу и подобию саксонских законов о судопроизводстве, лучших в Европе начала XVIII века.

«Артикулы воинские» и «Краткое изображение процессов...» вошли в состав «Устава Воинского» 1716 года в виде 1 и 2 глав. Военно-правовая база новой армии совершенствовалась в ходе всей войны, но венец этой деятельности, работа над «Уставом Воинским» пришлась на начало второго десятилетия XVIII века. Главное заключалось в том, чтобы не растерять, не растратить накопленный боевой, административный и управленческий опыт. Человеческая память так коротка, а опытные воины старели, уходили в отставку, на покой, израненные,

искалеченные в боях, изнемогшие душой и телом от пережитого. Нужно было торопиться, пересмотреть наработанный за два десятилетия теоретический материал: все эти артикулы и регламенты, статьи и указы. Бережно, по крупицам собрать всё то, что было накоплено, кровью и потом простого солдата выстрадано. Не всё из них прошло испытание войной, многое безнадежно устарело, сыграло свою роль, и его можно предать забвению. Итогом кропотливой работы стал Воинский устав, без существенных изменений служивший русской армии без малого два столетия. Наряду с обобщением и кодификацией боевого опыта, главным вопросом данного периода стало приведение войскового тыла в соответствие с боевыми возможностями и административно-структурными изменениями, произошедшими в армии.

Тыловое устройство армии Священной Римской империи немецких государств давно вызывало неподдельный интерес у Петра и его военачальников. Целая продуманная система, основанная на точном учёте и постоянном контроле количества частей, их штатной численности, распределении положенных норм довольствия, обеспечения и снабжения, играла важную роль в становлении регулярных армий Европы. Первые попытки организовать снабжение действующей армии по примеру западных соседей были предприняты ещё в разгар боевой страды. 15 декабря 1707 года в Минске Меншиков на «консилиии» генералов поднимал вопрос о распределении войск по квартирам, раскладке провианта и фуража на население района, предназначенного для расквартирования. Это был установленный порядок, к которому обычно прибегали при размещении войск на зимние квартиры. Но именно на этом совете, пожалуй, впервые прозвучало решение командования активнее осваивать австрийский опыт. Внезапное вторжение шведов помешало дальнейшей разработке и осуществлению этих планов. На повестку дня встали совсем другие вопросы. Задумки с претворением в армейскую действительность иноземных наработок были отложены на неопределённый срок. Некоторое время командование

было полностью поглощено отражением шведского вторжения и оперативным управлением войсками. Как известно, эти усилия увенчались известными событиями среди полей и перелесков Полтавщины.

Правильное устройство армии, задача стратегического государственного масштаба, решение которой выходило далеко за рамки только армейской компетенции. Работу, которая будет занимать царя всё следующее десятилетие, практически до самой кончины, трудно переоценить по её значению для новой регулярной армии. До данного момента все преобразовательные потуги Петра – суть только реагирование на смену оперативной обстановки или затыкание образовавшихся брешей в обороне. До сих пор преобразования носят стихийный, более интуитивный, чем продуманный и осознанный, характер. За реформаторским процессом чувствовался характер преобразователя, с его нетерпеливостью, нервной торопливостью и неумной жадностью деятельности. Все эти бесконечные эксперименты со штатами, количествами рот и батальонов, эскерциями, упорными поисками совершенной организации, тактическими формами носили вынужденный характер. Темп и общий ход нововведений диктовала военная необходимость, инициатива сильного предприимчивого противника, судорожные поиски средств и ресурсов для поддержания армии.

После Полтавы, наконец, создалась благоприятная обстановка для выполнения давно намеченных планов. Процесс приобрёл более спокойный, целенаправленный характер, если вообще можно говорить о плановости в деятельности Петра. Отныне заботы об устройстве войска лежали не в области собственно военной, но в большей степени – в сфере хозяйственно-экономической. Так оно было всегда, но теперь эта зависимость была ощутимее, заметнее. Примечательно, что некоторые военные историки именно этот этап в деятельности Петра потом назовут военной реформой начала XVIII века. Потуги же дополтавского периода останутся ими, просто-напросто, проигнорированы. Пётр осознавал, что ему предстоит преобразо-

вать не только хозяйственные, но и социальные устои, чтобы обеспечить современный уровень военной организации государства. Преобразование армии им было возвышено до уровня всеобщей земской цели. Все социальные сословия и прослойки были призваны отдать свой долг служению Отечеству. Не просто служению, а именно – нуждам обороны государства. Кто-то непосредственно проливал пот и кровь в составе действующей армии, как, например, дворянство, главное служилое сословие, крестьянство, комплектовавшее рекрутами значительную часть армейских полков. А кто-то вынужден вливаться в состав податной части населения и тяжёлым трудом содержать численно возросшую армию: кормить её, поить, одевать. В разгар военного лихолетья область преобразований затрагивала преимущественно тактику, вооружение, организацию рот, батальонов и полков. Петра занимали бесконечные нужды пехоты и кавалерии, их платье и обувь, а больше – чем их накормить и откуда брать жалованье – офицерам, фураж – лошадям. Теперь же он ломал голову над созданием экономического и бюджетно-финансового фундамента вооружённой силы государства, повышением эффективности хозяйства, пополнением государственной казны, собираемостью податей и пошлин, вовлечением в активную хозяйственную деятельность ранее не привлекаемых слоёв населения. Всё это должно было создать крепкий тыл новоиспечённой армии.

Непосредственным толчком к реорганизации служб тыла послужили беспорядки со снабжением и довольствием войск во время Прутского похода. 31 июля 1711 года в лагере на берегу Днестра Петр подписывает указ об учреждении службы кригс-комиссариатства. 10 декабря 1711 года им утверждён регламент кригс-комиссару, в котором указывалось: «учредить комиссарство, понеже генерал-кригс-комиссар в Сенате будет пребывать, а для управления войска надобно выбрать обер-кригс-комиссара, к чему представляется Г. Чириков, придав ему добрых 3 или 4 человека кригс-комиссаров с принадлежающей канцелярией, дабы непрестанно в войске были, ведать всего войска жалованием и

смотреть над губернаторскими комиссарами в даче и вычете денег; мундир, ружье, рекруты, лошади, порции и рационы расписывать, кроме меня и генерал-кригс-комиссара ни у кого под командою не быть»⁶⁷. В корреспонденции более раннего периода неоднократно встречается упоминания о военных комиссарах, которые ведали финансовыми, продовольственными и другими хозяйственными проблемами. Заимствованные из европейских армий, комиссары являлись не столько хозяйственниками, сколько ревизорами с расширенными полномочиями, сосредоточив в своих руках как административную, так и судебно-полицейскую власть. К этому времени комиссариатские органы в Европе уже прочно утвердились в армейских структурах. Законодателем в этом выступала армия Людовика XIV. Большинство военных законов, изданных Петром Великим, почти с фотографической точностью отражают современное ему законодательство Запада. Мы иллюстрировали быт наемных армий на Западе выдержками из нашего переводного устава «...о хитростях ратного строения пеших людей...», и мы могли бы точно также иллюстрировать творчество военного министра Людовика XIV Лувуа регламентами Петра Великого. Некоторые военные историки прошлого настаивают, что в законодательстве эпохи Петра Великого отражается не русская, а иностранная действительность. Мы знаем, например, что развитие торгового капитализма на Западе позволило Лувуа ввести в феодальную армию буржуазный контроль в лице комиссаров и интендантов. В петровских инструкциях русским полковникам и комиссарам мы часто сталкиваемся с описанием типичных для европейской войсковой обыденности ситуаций. В «Уставе прежних лет» (1702–1711 гг.) в воинских статьях мы находим:

Глава 87. «Никоторый полковник от полку, также и иные начальные люди от батальонов и рот да не дерзают противиться себе и людям своим смотр учинить и оные досмотрети позволят в кое время и час с ведома вышшаго командора в поле, в становищах и осадах, как-то от воинского комиссара нас ради прошено и желанно будет, под извержением чина их».

Глава 89. «Никто на смотре ложным именем записываться да не дерзает или с нанятой лошадейю и оружием на том явиться, или оное иным в заем на смотр давать, под отнятием в заем данной сбруи и под телесным и чести наказанием по судному приговору».

В вышеупомянутых «Регуламентах Кригс-Комиссариату», учреждённых в 1711 г. Петр требовал:

Ст. 1. «Над определенными полками, которые будут у обер-кригс-комиссара, надлежит иметь осмотрение такое, чтоб командиры подавали ведомости к даче жалованья истинные и умерших, беглых и отлучных в наличное число не писали. И по тем ведомостям полки должно осмотреть в парате, и по осмотру дать указ комиссару, присланному из губернии, дабы на положенные ему полки давали заплаты».

Ст. 3. «Господин обер-кригс-комиссар должен прежде заплаты, проверить снаряжение, и если окажется, что одна из частей против других «во всех тех вещах худое состояние имеет, а в услугах и в фатигах были в равенстве, и о том должно разыскать и жалованье у не сохраняющих офицеров удержать по валеру учиненного убытка».

Ст. 24. «Обер-кригс-комиссары и протчие им подчиненные ни у кого должны быть под командою, кто бы какой высокой шаржи не был, кроме Его Сиятельства Генерала Пленипотенциара-Кригс-Комиссара князя Долгорукого и генерал-майора и Обер-Штер-Кригс-Комиссара Чирикова, и имеют такой авторитет, что всех генералов, штаб и обер-, и ундер-офицеров, и рядовых могут в казне Царского Величества или на квартирах в порциях и рационах, кто за кого зайдет, считать и начтенныя в жалованье зачитать»...

Таковыми цитатами можно было бы заполнить целую книгу. В этих строках без особого труда угадываются знакомые приемы, которыми ещё Лувуа насаждал во Франции комиссарство. Петр Великий принадлежал к следующему за этим министром Людовика XIV поколению и, «не мудрствуя лукаво», списывал его инструкции. Естественно, Долгорукий, глава комиссарско-

го ведомства, не был Луваа, а русское купечество не было французской буржуазией. Если гвардейские сержанты запросто заковывали губернаторов в цепи и с ведома царя присматривали за фельдмаршалами, если Меншиков отказывался даже Сенату представить какой-либо отчет в произведенных по военному ведомству расходах, то занятен был бы комиссар, устроивший действительно петровским полкам придирчивый смотр и обложивший начальство начетами. Дьяки московских приказов, вероятно, были гораздо авторитетнее петровских комиссаров и лучше защищали интересы государственного фиска...

Для реформирования тыла необходимо было контролировать бюджетный баланс государства, доходы и расходы казны, учитывать численность налогоплательщиков. Точных сведений о государственных доходах России до сих пор не было. Отсутствие в стране единой приходно-расходной системы, централизованного фискального механизма, распыление податей и налогов по десяткам различных ведомств препятствовали составлению единого государственного бюджета. В одночасье создать бюджетно-финансовую систему государства не представляло возможным. Предстояла серьезная реорганизация государственного управления, устройство настоящих контрольно-финансовых органов. Нужно было обучить и подготовить сотни чиновников. На всё это требовалось как минимум деньги и время. И без того бедной стране, десять лет ведущей разорительную войну с сильным противником, решить эти государственно-управленческие задачи было нелегко. Реформа государственного управления только набирала темпы, а войско содержать, обучать и кормить нужно было сейчас. Поэтому пока решено было обойтись без основательных финансовых реформ. Нужна была цифра, от которой можно было оттолкнуться при составлении военной статьи расходов. Такой усреднённой денежной суммой, взятой за основание всех начислений и операций, был принят приблизительный среднегодовой доход страны за 1705–1707 года. Он составлял 3 133 879 рублей⁶⁸.

Естественный ход податно-налоговых преобразований требовал точных данных о налоговых возможностях разорённой войной страны. С присущей ему энергией Пётр принялся за уточнение численности податных единиц. Почти десять лет понадобилось для составления данных о податной ёмкости государства. Десять лет правительство считало и пересчитывало количество дворов, которые служили основной податной единицей на Руси. Темпы и методы были под стать военному времени. Операция была проведена с обычной для эпохи торопливостью и заняла всего два года. Результаты Петра не удовлетворили, была назначена ревизия, одна, затем – другая. Даже после этого за точность переписи никто ручаться не мог, её результаты постоянно уточнялись, но начинать преобразования можно было и с этими черновыми подсчётами. Также впопыхах осуществлялся переход на новую податную основу – на подушную, которой суждено стать основным прямым налогом в Российской империи.

1711 год стал переломным в планах реорганизации войскового тыла. Было установлено фиксированное количество регулярного войска: генералов, офицеров, нижних чинов. В 1711 году вводятся постоянные штаты драгунских и солдатских полков, в 1712 году – артиллерии. В армейском пехотном полку по штату полагалось иметь 3 штаб-офицера, 3 офицера полкового штаба, 32 обер-офицера, 80 унтер-офицеров и 1120 рядовых чинов. Были установлены единые оклады денежного содержания для всего личного состава армии. Рядовой в пехоте и артиллерии получал по 10 рублей 8 копеек в год, драгун – 12 рублей, капитан – 100, полковник – 300 рублей в год.

Кроме окладов жалованья существовал еще один вид денежного довольствия – рационы и порции. Рацион определял стоимость фуражного довольствия одной лошади. Число рационов назначалось по чинам, как в австрийской армии: «Кавалерийских и инфантерийский полков штабу и обер-офицерам рационы давать по цесарскому уставу. А которых чинов в цесарском уставе не обретается и тем чинам давать по предложению генерал-

майора господина Чирикова». Рационы были существенной добавкой к жалованью офицера. 14 января 1712 года Б.П. Шереметев обращался к Петру: «Прошу, государь, о ведомости, как мне быть о рационах господина генерал-поручика Гольца, который на время отпущен восвосяи, ибо некоторые начальные люди кормят оных лошадей, покупаячи фураж на свои деньги, и меня вельми о том докучают». «Цесарские» нормы рационов в русской армии сохранились до 1719 года и дольше. 10 марта 1719 года велено «...генералам, штаб- и обер-офицерам гвардии велено рацион давать по цесарскому уставу против кавалерийских полков одним рангом выше»⁶⁹.

После установления единых штатов и норм денежного и кормового довольствия окончательно был отменен порядок, унаследованный от старорусской поместной организации, сохранившийся в первом десятилетии XVIII века. Если раньше денежное жалованье зависело от поместного оклада офицера или солдата-дворянина – часто офицеры, имевшие приличное хозяйство, вообще денежного жалованья от казны не получали, то после указов 1711–1714 годов денежный оклад офицера определялся только его званием и занимаемой должностью, независимо от поместья. Тем не менее, некоторые элементы поместной организации еще долго сохранялись. Так, офицерам, поверстанным поместным окладом, рационов не полагалось. Существенная разница сохранялась в денежных окладах русских и иноземных офицеров. Иноземцы, как правило, поместий не имели, поэтому их оклады были выше, чем у русских. Это неравенство сохранялось до 1731 года, когда появились новые штаты, закрепившие единые оклады денежного жалованья. Кроме того, в походе офицерам полагались так называемые порции. Суточный порцион равнялся солдатскому пайку и состоял из двух фунтов хлеба, фунта мяса, двух чарок вина и одного гарнца пива. Офицер получал порцион в зависимости от звания.

В январе 1711 года Пётр указал чиновникам Ближней канцелярии: «Приехав к Москве, разделить по губерниям полки,

сначала – армейские, потом – гарнизонные по данным табелям, потом – флот». Эти указания были приказом, безапелляционным, не терпящим иносказаний и кривотолков. Московская чиновничья машина немедленно откликнулась на царское повеление. Бюрократический механизм со скрипом провернул пудовый маховик. И в приказных кельях суетно заскрипели перья, живо закипела работа. Специальная комиссия определяла нормы довольствия, раскладки воинских частей и подразделений по губерниям. Суть задуманного и заключалась в том, чтобы «...определенные полки годовою дачей и дополнюкою указанно-го числа рекрутами и мундиром и военными и полковыми припасами и лошадьми исправлять в губерниях». Содержание войска всеми видами довольствия переключивалось на плечи губерний. На все про всё Петром были установлены жёсткие сроки. До декабря 1711 года губернаторы должны были принять полки и разместить их в своих уездах. В каждый полк назначался комиссар, представитель местной администрации. И с 1 января 1712 года армия должна была окончательно перейти на новое обеспечение. Впредь воинские части избавлялись от хозяйственных забот и получали возможность посвящать все время боевой подготовке. Губернские власти поставляли деньги на жалованье чинам полков и тыловое обеспечение, военная коллегия снабжала войска «мундиром» и вооружением. Центральное место в решении тыловых вопросов занимала система подрядов. Указом от 11 марта 1712 года Пётр предписывал губернаторам и губернским комиссарам «... всякие к мундирному делу и военные и артиллерийские припасы, также провиант, вино и иное когда что к Его государя делам понадобится, подряжать самим»⁷⁰. Тут же был указан порядок поставки и приема от подрядчиков материальных средств по установленным нормам и образцам. Общее руководство и финансирование подрядов осуществлял кригс-комиссариат. С 1715 года подрядным делом в комиссариате ведал гвардии капитан Кошелев⁷¹.

Как говорится, гладко было на бумаге, да забыли про овраги. Перевод войска на новое содержание задерживался на нео-

пределённое время. То затухала, то вновь занималась отдельными очагами шведская война, к ней добавлялись конфликты с Турцией, Персией. И армия, послушная верховной воле Петра, маршировала то по брусчатым мостовым Северной Германии, то – среди фиордов и замёрзших озёр заснеженной Финляндии, то – по выжженным бессарабским степям. Мирное устройство армии откладывалось на будущее.

Как только выпадало урочное время, вопрос о расквартировании вновь вставал на повестку дня. Расквартирование становится навязчивой идеей царя, постоянно подогреваемой кредиторами, челобитчиками и постоянными поисками денег на содержание своего детища – регулярного войска. Как только забрезжила очередная надежда на скорый мир, Пётр разразился новым грозным указом на сей счёт. 26 ноября 1718 года, с Аландского конгресса, где шли мирные переговоры со Швецией, он с обычной торопливостью и небрежным лаконизмом писал: «Взять скаски у всех, дать на год сроку, чтоб правдивые принесли, сколько у кого в которой деревне душ мужеска пола, ..., расписать, на сколько душ солдат рядовой с долею на него роты и полкового штаба, положа средний оклад». Далее, как всегда, в мрачных тонах расписывались жестокие кары, которые постигнут каждого, не исполнившего его монаршей воли. Обещаны были и царский гнев, и разорение, даже смертная казнь. Но всё оказывалось тщетно. Как и многие предыдущие, а впрочем – и последующие, этот указ стал обычным административно-правовым долгостроем. Процесс становления тыла развивался довольно противоречиво. В принципе, всё новое, что вводил в армейскую обыденность Пётр, было вещами само собой разумеющимися. Здравый рассудок самого непосвященного в военные дела обывателя после недолгих размышлений подсказал бы такой же выход. Что может быть проще и логичнее: распределить войска равномерно по всей пространной территории государства для их достойного содержания и всестороннего обеспечения. Идея не была такой уж оригинальной. Нечто подобное в размещении войск имело место и в допетровской армии. Но её

оказалось проще сформулировать, чем осуществить. Когда дело дошло до реализации задуманного, до конкретных мероприятий, идея уже не казалась примитивной и простой. Её реализация повлекла за собой коренное обновление всего хозяйственно-экономического и общественного уклада жизни государства. Чем больше конкретным смыслом наполнялись замыслы и планы, тем с большими трудностями приходилось сталкиваться, тем чаще приходилось обращаться к зарубежному опыту. В первую очередь, к опыту австрийской армии. Ссылка на австрийские порядки, на «цесарский устав» рефреном звучит во многих письмах и указах царя этого периода.

Для усвоения передового опыта Европы титанических усилий одного человека, пусть великого реформатора, было явно недостаточно. Запад стоял на пороге буржуазных революций, в Англии и Голландии социально-экономические преобразования шли полным ходом. В большинстве стран Европы к этому времени уже утвердился бюджетно-финансовый механизм, основанный на преобладании денежных налогов над натуральными. Большинство расчётов с армией сводились к денежным выплатам из центрального или местного бюджетов. В России с господствующими феодально-крепостническими порядками и натуральным хозяйством эти новшества уживались с трудом. Вековой уклад жизни русской деревни стоял труднопреодолимым препятствием на пути реформ. Вскоре становится ясно, что правительство поторопилось с переводом войск на товарно-денежные отношения. Русская деревня оказалась к этому неготовой. Реально собранные подати катастрофически не дотягивали до прогнозируемых. Недоимки росли и не погашались из года в год. К этим проблемам следует добавить субъективные трудности, не понаслышке известные русскому человеку. Новое предприятие мгновенно обрастало чиновниками, кормившимися от новой кормушки. Злоупотребления и воровство, «посулы и татьба» расцвели буйным цветом на ниве нового устройства войск. Но чиновничий мир довольно легко мог освоиться с нововведениями. Казнокрадство, воспринимавшееся как обыч-

ное для России дело, не представляло для приказного дьяка серьёзного препятствия. Основное препятствие заключалось в невероятной сложности и запутанности общей социально-правовой реальности России переходного этапа. Переходного от допетровской Руси, с её запутанным законодательством, обслуживающим архаичные сословно-податные формы к имперской России с амбициозно заявленной фискально-налоговой правовой системой.

Попытка переложить бремя военных расходов на плечи провинции и сократить военные статьи бюджета сразу же обернулись затруднениями в снабжении войск. В связи с этим, закон от 11 февраля 1721 года являлся вынужденной мерой. Он вновь возвращал войска к натуральному способу довольствия. Подряд и денежная повинность были заменены системой натурального обеспечения от земли в самых широких размерах. В Манифесте 1721 года была сделана попытка уравнять поставку провианта и фуража, установив нормы и расклад натуральных повинностей. Для облегчения населения войскам разрешалось самим принимать провиант. За недостачу взимались деньги. Манифест немногим улучшил содержание войск, которые столкнулись с несовместимыми с боевой подготовкой хозяйственными заботами. Трудность контроля, всевозможные злоупотребления, проблемы со снабжением частей, отдаленных от хлеборобных губерний – все это активизировало дальнейшие поиски совершенствования устройства содержания регулярной армии.

Логика военно-законодательной деятельности царя вполне объяснима. Попытки обустроить армию на уровне современных требований сталкивались с известными социально-экономическими препятствиями. Это заставляло Петра вновь обращаться к отечественному опыту, переосмысливать и приспособлять его к передовой европейской практике. Следующий, 1722 год ознаменовался переходом от старой подворной налоговой системы к подушной. В иерархии коренных преобразований начала XVIII века податная реформа занимает одно из первостепенных мест. Фундаментальность её заключалась в

отказе от архаичного феодального податного порядка и переходе на более передовой способ взимания налогов, давно принятый в Европе. Распределение полков по губерниям несколько изменилось. Роспись осуществлялась из расчета «на каждого пешего солдата 35,5, на конного – по 50,25 мужского полу душ». Подушный налог устанавливался в размере 80 копеек с души. Поэтому в 1722 году на содержание пехотинца приходилось 28 рублей 4 копейки, на драгуна – 40 рублей 25 копеек в год. Уплатив подать, население было совершенно свободно от всяческих поставок фуража, подвод, нарядов на работы и т.д.

Следующий петровский документ, касающийся обеспечения войск, так называемый «Плакат» от 26 июня 1724 года⁷², являлся симбиозом старорусских и европейских начал в организации тыла. С одной стороны, натуральные виды снабжения вновь уступали место денежной подати, с другой стороны, войска широко привлекались к взиманию назначенного для их содержания налога. Были даны особые инструкции полковнику и земскому комиссару о правилах и порядке сбора налогов⁷³. Такой порядок просуществовал также недолго. Официально он был отменен в 1725 году. На смену ему пришла «вольная покупка» хлеба и фуража по распоряжению генерал-провиантмейстера и частично самими войсками. Губернские власти, а также военные получали полную свободу действий в снабжении войск всем необходимым. Таким образом, основным содержанием петровских реформ послепоплавского периода была организация материального обеспечения регулярной армии. Упорные поиски оптимального решения этой задачи привели к своеобразному сочетанию традиционных и западноевропейских начал.

Наряду с совершенствованием организации тылового обеспечения и содержания армии внимание Петра в послепоплавский период было приковано к военному управлению. Эти вопросы тесно увязывались с реформой административно-государственного аппарата.

Общая для петровской реформы тенденция централизации в полной мере проявилась в преобразовании военного управле-

ния. К 1711 году сложилась довольно устойчивая военно-управленческая структура. Вершину иерархической пирамиды занимал сам царь с ближним окружением, ниже – основные исполнительные ведомства – приказы, количество и состав которых менялся неоднократно. Главную роль играли Приказ военных дел, который с 1706 года стал называться Ближней канцелярией, Поместный приказ, Приказ артиллерии, Провиантский приказ. Где-то между верховным командованием и ведомствами-исполнителями находилось основное координирующее звено – Разрядный приказ. Стоит ли здесь упоминать о патологической ненависти, которую питал реформатор к старомосковской Руси и всему что так или иначе было с ней связано. С 1706 Приказ военных дел поменял своё старорежимное название на новое европейское. Росчерком пера он был переименован в Ближнюю канцелярию. Недолго суждено было сохранять прежнее обличье и другим приказам.

Вплотную этими проблемами Петр занялся после того, как были, в основном, решены вопросы содержания армии. По его разумению, приведение войска в «добрый порядок» было первоочередным делом. «Нынче, управля оное, и о земском правлении не пренебрег, но трудиться и сие в такой же порядок привести, как воинское дело»⁷⁴. Активность царя в организации коллегий падает на 1715 год. В августе 1715 года он рассматривает донесение генерала А. Вейде, занимавшегося за границей наймом «ученых и в правостях искусных людей для отправления дел в коллегиях». Затем следует почти трехлетний перерыв. «Марсова утеха» вновь заслоняет собой все иные заботы. Петр это время был поглощен подготовкой и редактированием основного военного документа – Устава Воинского. Только в 1718 году он вновь обращает свой взор к вновь учреждённым коллегиям.

Петр усиленно изучает европейский опыт государственного управления. 12 сентября 1715 года он повелевает послу в Копенгагене В.Л. Долгорукому добыть «весь аншалът экономии королевства Датского», а также «чинов звания и должность каждой коллегии и каждого в оной». Устройство органов уп-

равления Дании интересовало Петра, прежде всего потому, что «мы слышны, что и шведы от них взяли»⁷⁵. Не ограничиваясь данными о датском устройстве высших административных органов, Петр обращается к опыту Швеции. Скандинавы в это время поднаторели не только в ратных экзерцициях, но и в государственном строительстве. Сильная, рационально устроенная государственная машина уверенно вела Швецию к господству в Северной Европе. Хотя пик величия Швеции был уже позади, у неё многому можно было поучиться. Но из-за продолжающейся войны это было сопряжено с определенными трудностями. Но и это не останавливает реформатора. Разворачивается настоящее шпионское действо, которое в наш легкомысленный век могло стать сценарием для неплохого остросюжетного боевика. Петр прибегает к услугам тайной агентуры. 13 декабря 1715 года он повелел В.Л. Долгорукому снабдить паспортом датского двора только что нанятого на русскую службу камералиста Г. Фика. Как подданный Дании, Г. Фик в Швеции должен был собирать сведения, интересующие царя. Эти данные прежде всего касались государственных учреждений враждебной страны⁷⁶.

Одновременно шел набор специалистов, которыми предполагалось заполнить штаты вновь формируемых органов управления. Нужны были как руководители среднего звена, так и рядовые исполнители монаршей воли: чиновники, писари. Нужны были служащие, имеющие опыт канцелярской работы в государственных учреждениях. Посол в Вене А.П. Веселовский получает указ о найме людей «не горазд высоких чинов и приказных людей». Они должны были понимать по-славянски и иметь опыт работы в коллегиях австрийского императора. Не довольствуясь наймом иностранцев, Петр заботился о подготовке отечественных канцеляристов. Указом от 10 ноября 1721 года он предписывает Сенату организовать школу для подъячих, которым предстояло служить в коллегиях. Им предстояло изучить «арихметику, формы книгам, табели, штиль письма и прочее»⁷⁷.

После внимательного анализа государственного аппарата европейских стран Петр останавливает свой выбор на Швеции. Вместе с тем, он неоднократно предупреждает чиновников против слепого копирования и механического заимствования европейских стандартов. В указе от 9 мая 1718 года он рекомендует использовать для составления регламента коллегиям два источника: Уложение 1649 года и «законы шведские». Работа над кодификацией русских законов началась ещё до войны. В начале 1700 года была создана Палата об уложении. Целый сонм высокопоставленных сановников должен был провести работу по пересмотру и приведению в порядок русских нормативно-правовых актов, изданных после утверждения Уложения Алексея Михайловича 1649 года. В состав палаты вошли 12 думных чинов, 50 стольников, трое дворян. Работа предстояла грандиозная, трудоёмкая и кропотливая. Ведь за последние полвека было издано великое множество разнообразных указов, многие из которых явно противоречили основному кодексу, другие носили частный характер и требовали отмены. Третьи просто-напросто затерялись в многочисленных московских приказных канцеляриях. И эта работа началась, но внезапно была приостановлена. Что остановило импульсивного царя, то ли предстоящая война, то ли его предубеждение перед приказными чиновниками и московской чиновничьей волокитой. Ведь палата и работать собиралась по-старому, не чувствовалось в ней европейского свежего порыва. За основу нового кодекса было положено всё-то же Уложение полувековой давности. Приказные намеривались просто изменить и дополнить отцовский нормативно-правовой кодекс. Палата придерживалась старой структуры Уложения вместо того, чтобы заново составить юридический сборник.

Теперь, когда отгремели пушки, Пётр вновь возвращался к законодательному обустройству Империи, в целом, и армии, в частности. От Сената он требовал сопоставления представленных на утверждение регламентов и инструкций с русскими обычаями, «что может быть по-старому и что

Рис. 49 «Французский» мундир в армии стал вводиться с 1702 года. Это был типичный для Европы «жюстакор» (*just au cor*), длиной до колен, приталенный в поясе, расширяющийся к низу, с боковыми разрезами.

переменить». Указ от 11 июня 1718 года еще раз обращал внимание законодателей: «...шведский регламент во всех коллегиях с русским сводить, ... которые пункты в шведском регламенте неудобны или с ситуацией сего государства не сходны и оные ставить по своему рассуждению». В связи с учреждением в 1711 году Правительствующего Сената архаичная приказная система приказала долго жить. Управление армией изменилось. Может быть, действительно революционного в стиле работы нового ведомства было не так уж и много, но непривычных немецких терминов в высшем эшелоне власти действительно прибавилось. Сенат занимался комплектованием армии. При Сенате был образован Комиссариат, который финансировал войска, снабжал их провиантом, об-

мундированием и вооружением. Во главе Комиссариата стоял генерал-кригскомиссар Я. Долгоруков⁷⁸. Вопросами артиллерии ведал по-прежнему Приказ артиллерии, получивший особый штат в 1712 году⁷⁹. В связи с перемещением правительственных учреждений в Петербург Приказ артиллерии разделился на две части. Московская часть продолжала называться Артиллерийским приказом, в 1720 году она была переименована в Артиллерийскую канцелярию, а в 1722 году в Артиллерийскую контору. Петербургская часть получила название Артиллерийской канцелярии, преобразованной в 1722 году в Главную артиллерийскую канцелярию.

Впервые упоминания о Воинской коллегии встречается в записке Петра, датированной от 23 марта 1715 года. Вместе с пятью другими коллегиями она становится основным органом

государственного управления. В общем, Воинская коллегия представляла собой ведомство с четко очерченными границами, ей были уготованы военные дела, не более того. Но в управлении государством роль её трудно переоценить, как и роль армии в становлении молодой империи в целом. Россия в новом качестве рождалась с сильно выраженным военизированным уклоном. Её мучительное появление на свет, безрадостное отрочество и суровое возмужание проходили в условиях непрекращающихся войн. Её общество было обществом служилых ратных людей и сословий, работающих на войну. Её государственная система была ориентирована на всестороннюю подготовку к войне. 70% государственных расходов приходилось на обеспечение армии и флота. Петровская Россия – это военизированное государство, но без милитаристского угара. В сильной регулярной армии виделся залог независимости и процветания. Впрочем, не только в России, политический вес государств в Европе в рассматриваемую эпоху во многом определялся совершенством их военных структур.

Указом от 15 декабря 1717 года президентами Воинской коллегии были назначены фельдмаршал А.Д. Меньшиков и генерал А.А. Вейде, Адмиралтейской коллегией руководил адмирал Ф.М. Апраксин. Военная коллегия подчинялась Сенату и должна была заниматься всеми военными делами страны. На нее возлагалось наблюдение за деятельностью Артиллерийской канцелярии, находившейся в ведении генерал-фельдцейхмейстера. Военная коллегия имела в Москве три конторы: артиллерийскую, мундирную и счетную. Так в конце первой четверти XVIII века в русской армии зародилась новая система управления.

Избирательное, взвешенное отношение к процессу европеизации проявилось и в отношении к офицерам-иноземцам. Русские уже не выглядели дилетантами в военном деле. За плечами русской армии стояли десять лет войны с сильнейшим в Европе противником, блестящие победы и кампании. Требования к профессиональной пригодности и моральному облику

иноземцев становится все жестче и жестче. За невыполнение приказа, что обернулось окружением русских войск на Пруте, увольняется из армии генерал Я. фон Эберштедт. Много нареканий на иноземцев было за их корыстолюбие и мздоимство. В 1710 году посол в Польше князь Г.Ф. Долгорукий писал канцлеру Головкину: «Со всех сторон, особенно же на Гольца (генерал-фельдмаршал фон Гольц, главнокомандующий русской армией в Польше, – А.К.) великие жалобы и слезы, что сам человек очень корыстолюбивый и своевольных не унимает. Безмерная мне тяжесть от жалобщиков на наших людей... и больше всего на иноземцев»⁸⁰. Весьма видное место в армии этого периода занимал генерал-квартирмейстер фон Шиц, про которого генерал В. Долгорукий писал Петру: «Весьма корыстный человек этот Шиц и никакого стыда в корысти не имеет: говорил, что он для того только в службу Вашего величества пошел, чтобы идучи через Польшу, сумму денег себе достать»⁸¹.

Иностранцев на русской службе, желавших уволиться, без сожаления отпускали восвояси. На вопрос А.И. Репнина, командовавшего армией в Померании, что делать с штаб- и обер-офицерами иноземцами, которые «некоторые желают апшитов (увольнения – А.К.) и впредь будут некоторые просить, давать ли?» Петр накладывает исчерпывающую резолюцию: «Писать»⁸². В 1714 году было принято решение о переэкзаменовке всех иностранных офицеров. Не выдержавших проверку со службы безжалостно увольняли. Наконец, в 1720 году Военная коллегия издала указ о запрещении приема иноземцев на военную службу: «Велено, чтоб приезжающих из чужестранных государств офицеров, которые будут приезжать и просить о принятии в службу Его царского величества и оных не принимать, а отсылать их в прежние места, кто откуда приедет»⁸³. В 1721 году было указано в артиллерийские офицеры производить только русских и повышать их «по достоинству и заслугам»⁸⁴. Один из указов 1722 года повелевал: «...ежели которые иноземцы в службы его царского величества похотят быть временно и таковых против российских рангов унижить»⁸⁵.

Рис. 50 Сержант армейской пехоты. В ходе Северной войны цвет мундира русской пехоты установлен не был, он полностью зависел от импортных поставок мундирного сукна. С 1720 года основным цветом пехоты становится зелёный.

Таким образом, на заключительном этапе войны строительство армии осуществлялось преимущественно отечественными кадрами. Протекционизм по отношению к русским офицерам становится основой кадровой политики.

В последнем десятилетии войны наблюдается обратное воздействие русского военного искусства на боевую практику европейских союзников. Особенно это проявилось в области тактики, стратегии, боевого обеспечения войск. Трудно сказать, что подтолкнуло на уступчивость союзников в этом вопросе.

Не то, чтобы в Европе, только что умиротворившейся, не было опытных стратегов, способных довести до победного конца затянувшийся

северный конфликт. Но командовать союзным войском, при котором постоянно пребывали кто-нибудь из монархов, а то и все вместе, должен был один из них. И датчане, и саксонцы вынуждены были считаться с волей Петра, который пользовался в Европе авторитетом победителя Карла XII.

В течение нескольких месяцев Петр выступал во главе союзной русско-датско-саксонской армии в Северной Германии. Это был единственный момент в полководческой карьере царя, когда он официально и, вместе с тем, реально занимал пост главнокомандующего войсками. Не стоит напоминать, что Пётр не был новичком в управлении войсками. За его плечами были годы суровой войны, победоносные и проигранные кампании, поражения и успехи. Но тогда, руководя русскими войсками, он никаких официальных военных постов не занимал. Сейчас была иная ситуация. Предстояло координировать действия трёх

союзных армий, и только твёрдое руководство главнокомандующего могло обеспечить решительное поражение противника и завершение войны. В этом качестве им было издано несколько важных документов, касающихся стратегического планирования операций в Голштинии в 1712–1713 годах, в Померании в 1713 году, указания для боевого обеспечения союзных войск, приказание по применению родов войск в полевых сражениях против шведских войск генерала Стенбока. Именно этот период характеризуется наиболее активными наступательными действиями. Предводительствуемые Петром войска разгромили противника под Фридрихштадтом в январе 1713 года. Спустя некоторое время блокированные в крепости Теннинг шведы вынуждены были сложить оружие. Группировка противника в Северной Германии прекратила свое существование.

Стратегические воззрения Петра этого периода, оформились в таких документах, как «Резолюции и поправки на ответы генералов союзных армий о воинских действиях в Голштинии» от 12–15 января от 1713 года, письмах датскому королю Фредерику IV⁸⁶. Тактические взгляды Петра изложены в материалах, основными из которых можно считать «Указ союзной армии» от 27 января 1713 года, инструкцию офицерам союзной армии, чертежи боевых порядков, сражений, «Мнение» о военных действиях под Фридрихштадтом и т.д.⁸⁷. Требования к службе войск, воинской дисциплине и внутреннему устройству и организации союзной армии, полевому и зимнему расквартированию частей красной нитью проходят в «Резолюциях» на проект Я.Г. Флеминга и И. Шолтена о командовании союзной армией, многочисленных письмах и указах различным воинским начальникам и должностным лицам⁸⁸.

Успехи союзной армией под командованием Петра резко контрастировали с неудачными действиями датско-саксонских войск. В декабре 1712 года они потерпели сокрушительное поражение от шведов под Гадебушем. Командовал союзниками датский король Фредерик IV. В эту же кампанию войсками Петра шведы

были разбиты под Фридрихштадом, чуть позже армией А.Д. Меншикова был взят Штеттин, важный стратегический пункт и мощная шведская крепость. Эти факты, как и многие документы этого периода свидетельствовали о возросшем мастерстве русской армии, что безусловно признавалось и европейскими военными. По сравнению с общеевропейской военной школой русское военное искусство этого периода обладает неоспоримыми преимуществами.

Итак, подведём некоторый итог. В конце XVII – начале XVIII веков российская армия становится первым и основным объектом преобразований Петра Великого. Реформа войска повлекла за собой фундаментальные преобразования, трансформировавшие хозяйственно-экономический и социально-культурный уклад российского общества. В военном строительстве отразились общие тенденции и приоритеты петровских реформ. Рядом указов вооруженные силы были освобождены от некоторых традиционных элементов военного устройства, так как, в понимании Петра, они ассоциировались с отсталостью в военном деле.

В начальный период строительства (До Нарвской битвы 1700 года) значительный вес и влияние в армии приобретают иноземные советники и вельможи в окружении царя. В комплектовании, организации, военно-законодательной базе, воспитании и обучении личного состава, вопросах тактико-строевой подготовки господствует ориентация на западноевропейские стандарты. Для армии донаревского периода характерен необычайно высокий процент иноземных офицеров в частях. Процесс заимствования приобретает характер огульного подражательства. «Немецкое» засилье стало характерным признаком первой фазы строительства новой армии.

Нарвская катастрофа положила конец бездумной европеизации вооруженных сил. Последующие события послужили серьезным испытанием западноевропейским элементам, перенесенным на русскую почву. Период с 1701 по 1710 года отличался наивысшей военной напряженностью. Многие заимство-

ванные взгляды и стандарты не выдерживали испытания боевой практикой и были отвергнуты, уступив место отечественному опыту. Национальные боевые традиции властно потеснили иноземный опыт в области стратегии, тактики, боевого применения родов войск, управления войсками. Не оправдала себя проевропейская система комплектования. Все настойчивее правительство старается ограничить численность и влияние иностранцев в управлении армии. Вместе с тем, активно осваивается передовой опыт противника. Наиболее заметно его влияние на тактику родов войск и организационно-штатную структуру. В конце данного периода русское военное искусство уже опережает европейское по многим показателям и начинает оказывать обратное воздействие на тактику и теорию военного строительства западноевропейских армий.

Третий период военного строительства (1710–1725 годы) проходил в условиях спада военной активности воюющих сторон. Это дало возможность Петру вплотную заняться вопросами обустройства армии мирного времени, преобразованием системы обеспечения, организации тыла и управления вооруженными силами. Кодификация богатого боевого опыта получила окончательное оформление в лице Воинского устава 1716 года. Пётр вновь обращается к опыту строительства военного управления и тыла армий Австрии, Франции, Швеции, Дании и других европейских стран. Но бездумное подражательство на сей раз уступает место критическому отбору и взвешенному анализу. Тыловые органы русской регулярной армии многое переняли от австрийской и французской армий. Новая структура военно-управленческого аппарата, утвердившегося во втором десятилетии XVIII века, была создана аналогично военно-административным органам Швеции и Дании. Тем не менее, реформа в полной мере учитывала свой опыт, самобытность, традиции.

Весьма заметна роль европейских военных специалистов и офицеров в создании национального военного искусства. Они выступали не только как советники и теоретики, но и как боевые практики, командуя частями и соединениями. Их вклад в

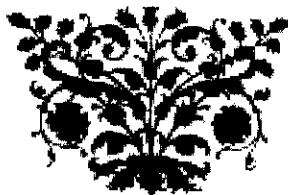
победу в Северной войне трудно переоценить. Заметно западноевропейское влияние в развитии стратегии и тактики молодой российской армии, в вопросах управления и боевого обеспечения, организации внутреннего порядка и службы войск, в воспитании и обучении личного состава и военно-юридическом обеспечении.

Итак, рубеж XVII–XVIII веков стал переломным этапом в судьбе России. Самим ходом исторического процесса Россия была поставлена перед трудным выбором. И он был сделан. Туманные представления о модернизации, давно витавшие в русских просвещённых верхах, овладели помыслами решительного деятельного царя. Навязчивые желания не преминули перерасти в масштабные программные установки его беспокойного царствования. Реформа проходила противоречиво и сложно. Практически все уклады государства и общества претерпели серьёзные изменения. Простых решений не существовало. Подобно наскоро отстроенному фрегату, ведомому к тому же неопытным, но амбициозным рулевым, с опасным креном входила Россия в лоно европейской культуры. Менялся социально-политический облик государства, заново создавались многие отрасли экономики. Но главную роль в общем преобразовательном процессе играла всё же военная реформа. Ценой колоссальных усилий народа создавалась новая армия, основной инструмент активной внешней политики и гарант внутренней стабильности. Армия строилась по европейскому примеру и при помощи той же Европы. Западноевропейское военное искусство сыграло заметную роль в становлении русской регулярной армии. Оно органично дополнило естественное развитие национального военного дела, приобщило его к передовым достижениям европейской военной теории и практики и обогатило разносторонним боевым опытом. Творчески переработанное и переосмысленное, частично взятое на вооружение, европейское военное искусство легло в основу военного строительства Российского государства XVIII века. Русская регулярная

армия, созданная по лучшим образцам европейских армий, своими громкими победами на полях брани во многом обязана европейской военной школе. Победы, одержанные русским оружием, способствовали превращению России в реальный и мощный фактор мировой политики. Ещё недавно, казалось, отгороженная на века от Европы своими внутренними смутами, занятая извечным соперничеством с южными и западными соседями, Россия вдруг оказалась не только участником европейской политики, но и активным её творцом.

Петром Великим был заложен мощный военный фундамент Российской империи, на который государству приходилось не раз опираться на крутых поворотах европейской политики. Военный потенциал был крайним методом в ведении активной политической линии, но он был и самым убедительным доводом в сложных дипломатических играх той эпохи. Указав своим наследникам стратегические направления внешней политики России и обеспечив её будущее механизмом реализации этих планов, в первую очередь, регулярной армией, Пётр предпринял великое будущее державы. Без Петра ей суждено было пережить трудные, но славные времена. Это будет эпоха безвременья, ожесточённой борьбы за престол, дворцовых переворотов и закулисных интриг. Но это будет и эпоха славных ратных подвигов. Громом пушек Россия утвердит своё превосходство на полях брани в Пруссии, в причерноморских степях и бессарабских перелесках, в снегах Финляндии и лесах Польши. Впереди её армию ожидают походы Б. Миниха, П.П. Салтыкова, Г.И. Румянцева, Г.А. Потёмкина, А.В. Суворова. Возглавляемая этими великими полководцами российская армия создаст себе ореол непобедимой и на недостижимую высоту поднимет международный престиж Российского государства. Боевые русские знамёна будут гордо реять над залитом кровью полем Кунерсдорфа и над покорённым Крымом, на валах неприступного Измаила и фортами мятежной Варшавы. Русский солдат пронесёт их по обласканной щедрым солнцем земле Ломбардии и через непроходимые горные перевалы седых Альп. Недаром

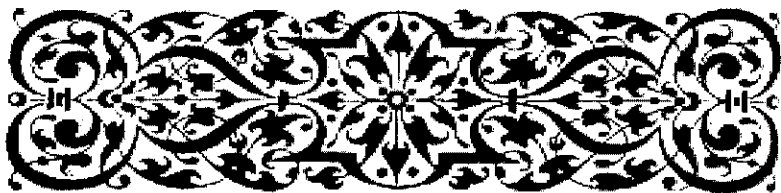
эта эпоха войдёт в анналы истории как золотой век русского оружия. Эпоха ратных подвигов, начало которой положил, выдающийся полководец и солдат, военный теоретик и практик, созидатель и творец, основоположник российской регулярной армии Пётр Великий.

- ¹ Автократов В.Н. Военный приказ/ Полтава.К 250-летию битвы. – М., 1959. С. 228.
- ² Бобровский П.О. Указ.соч. С. 45.
- ³ Епифанов П.П. Очерки по истории военного дела в России. – М., 1960. С. 393.
- ⁴ Рабинович М.Д. Указ. соч. С. 140.
- ⁵ Устрялов Н.Г. История Петра Великого. – СПб., 1866. Т. 3. С. 125.
- ⁶ РГАДА, Столбцы генерального двора, д. 18664, л. 12, с. 643.
- ⁷ РГАДА, Столбцы генерального двора, д. 18671, л. 202–204.
- ⁸ Там же, ф.– 1209, оп. 1, д. 5032, л. 182–220.
- ⁹ Там же, Столбцы генерального двора, д. 18665, л. 75.
- ¹⁰ РГВИА, ВУА, Д. 1433, л. 2–4.
- ¹¹ Волынский Н.П. Постепенное развитиеКн. 1. С. 7.
- ¹² Устрялов Н.Г. Указ. соч. С. 219.
- ¹³ Устрялов Н.Г. Указ. соч. Т. 1. Приложение 7.
- ¹⁴ Пушкин А.С. Соч. – М., 1938. Т. 10. С. 297.
- ¹⁵ История СССР. Период феодализма. Т. IV. С. 345.
- ¹⁶ Записки Ивана Афанасьевича Желябужского. – СПб., 1840. С. 144.
- ¹⁷ Рабинович М.Д. Указ. соч. С. 226.
- ¹⁸ П и Б. Т. 4. С. 212.
- ¹⁹ П и Б. С. 814.
- ²⁰ Епифанов П.П. Воинский устав Петра Великого.// Петр Великий. М-Л., 1947. С. 172.
- ²¹ Бобровский П.О. А.А. Вейде и его Воинский устав. // Досуга Марса. – Казань., – № 1. 1887. С. 16.
- ²² Военные уставы Петра Великого. Сборник документов. – М., 1946. С. 20.
- ²³ Епифанов П.П. Указ. соч. С. 178.
- ²⁴ Рабинович М.Д. Формирование регулярной русской армии..., с. 224.
- ²⁵ РГВИА, ф. 412, д. 34, л. 234.
- ²⁶ Голиков И.И. Деяния Петра Великого ..., т. 2, с. 539.
- ²⁷ История отечественной артиллерии...т. 1, с. 59.
- ²⁸ Соловьев Н.И. Указ. соч. С. 37.
- ²⁹ Gottberg В. Die preussische kavallerie 1648 bis 1871. – В. 1990. S. 105.
- ³⁰ Пиб. Т. 1. С. 814–815.

- ³¹ РГВИА, ф. 456, ед. хр. 4, № 9.
- ³² Военные уставы Петра Великого. – М., 1946. С. 52.
- ³³ Мещеряков Г.П. Из истории военно-теоретической мысли России в первой четверти XVIII века // Вопросы военной истории России. – М., 1969. С. 34.
- ³⁴ ПиБ. Т. 8. С. 533.
- ³⁵ РГАДА, ф. 9, оп. 5, л. 1191.
- ³⁶ Там же, л. 1198.
- ³⁷ П и Б. Т. 5. № 1557.
- ³⁸ РГАДА, ф. 9, д. 63, оп. 2, л. 65.
- ³⁹ П и Б. Т. 2. С. 210–211.
- ⁴⁰ Кочетков А. Развитие тактики русской армии в начале XVIII века. Военный вестник. 1948. № 5. С. 28.
- ⁴¹ Михневич Н.П. Основы русского военного искусства. – СПб., 1898. С. 28.
- ⁴² РГАДА, ф. 9, оп. 2, д. 56, л. 152.
- ⁴³ РГАДА, ф. 9, оп. 2, ед. хр. 3, л. 152.
- ⁴⁴ Там же, ед. хр. 3, л. 393.
- ⁴⁵ РГАДА, ф. 9, оп. 2, ед. хр. 3, л. 389–390.
- ⁴⁶ П и Б. Т. 3. С. 772.
- ⁴⁷ РГАДА, ф. 9, ед. хр. 5, л. 83.
- ⁴⁸ РГАДА, ф. 9, оп. 2, ед. хр. 3, л. 145–146.
- ⁴⁹ Соловьев Н.И. Исторические очерки устройства... С. 4.
- ⁵⁰ Бобровский П.О. Указ. соч. С. 68.
- ⁵¹ Cordier A. Turenne et l'armee francaise en 1674. – P., 1895. P. 77.
- ⁵² РГАДА. ф. 9, ед. хр. 7, л. 191.
- ⁵³ РГАДА. ф. 9, оп. 2, ед. хр. 7, л. 193.
- ⁵⁴ Соловьев Н.И. Указ. соч. С. 8.
- ⁵⁵ Волынский Н.П. Указ. соч. С. 44.
- ⁵⁶ Волынский Н.П. Указ. соч. Т. 2. С. 45.
- ⁵⁷ Устрялов Н.Г. Указ. соч. Т. 4. С. 366.
- ⁵⁸ Марченко. Генерал-фельдмаршал-лейтенант Огильви... – СПб., 1897. С. 68.
- ⁵⁹ РГАДА, ф. 9, оп. 2, ед. хр. 3, л. 429–430.
- ⁶⁰ Там же, оп. 4, ед. хр. 6, л. 146.

- ⁶¹ Там же, л. 147.
- ⁶² РГАДА, ф. 9, оп. 4, ед. хр. 6, л. 148.
- ⁶³ П.О. Бобровский. Военные законы Петра Великого. – СПб. 1887.
- ⁶⁴ Kriegsrecht – военный суд (нем.).
- ⁶⁵ РГАДА, ф. 9, оп. 2, л. 364 об.
- ⁶⁶ Там же, л. 417.
- ⁶⁷ ПСЗ Т.4. № 2412.
- ⁶⁸ ПСЗ Т.1. № 2218.
- ⁶⁹ ПСЗ № 3440. РГВИА, ф. 456, ед. хр. 13, л. 224.
- ⁷⁰ ПСЗ Т. 4. № 2448.
- ⁷¹ Масловский Д.Ф. Строевая и полевая служба..., с. 76.
- ⁷² ПСЗ Т. 4. № 4533.
- ⁷³ ПСЗ Т. 4. № 4534, 4536.
- ⁷⁴ Н.А. Воскресенский. Законодательные акты Петра 1. – М.-Л. 1945 С. 66.
- ⁷⁵ Павленко Н.И. Петр Великий. – М., 1990. С. 443.
- ⁷⁶ Воскресенский Н.А. Указ. соч. С. 46.
- ⁷⁷ Воскресенский Н.А. Указ. соч.. С. 47–48.
- ⁷⁸ ПСЗ Т. IV, № 2328 и 2456.
- ⁷⁹ Там же, № 2480.
- ⁸⁰ Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра Первого. – М., 1984.
- ⁸¹ РГАДА, ф. 9, д. 32, л. 565.
- ⁸² П и Б Т. 5 № 5529.
- ⁸³ РГВИА, ф. Воинских комиссий, св. 14, д. 12, л. 11.
- ⁸⁴ Бескровный Л.Г. Реформа армии и создание флота.// Очерки истории СССР. XVIII век. – М., 1954. С. 359.
- ⁸⁵ РГВИА, ф. ВУА. оп. 1, ч. 4, св. 126, д. 1, № 29.
- ⁸⁶ П и Б Т. 13. № 5804, 5794, 5798; Т.12. № 5659, 5660, 5397.
- ⁸⁷ П и Б Т. 13. № 5806, 5824.
- ⁸⁸ П и Б Т. 12. № 5329–5516; Т. 13. № 5795–6001.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Над этой работой автор трудился несколько лет. Нет, не сочувствия и признания ищет он у читателя, упоминая об этом. Просто хотелось объяснить, что за это время концепция книги значительно изменилась. То было время, когда на прилавках магазинов теснились пёстрые книжки маститых историков, политиков и литераторов про наше мрачное прошлое. Ужасные исторические открытия сменялись зловещими прогнозами. Сенсационные разоблачения открывали глаза простым наивным гражданам на коварное лицемерие и нечеловеческую жестокость наших вождей, покорность судьбе и рабское безразличие нашего народа. Книжки смущали нас диким варварством обычаев и вгоняли в краску разнузданностью нравов. Собранные за триста лет исторические анекдоты, слухи и сплетни заставляли нас краснеть за наших предков.

Что греха таить, хотелось своего открытия и автору. Неприкрытой без прикрас правды о нашей армии, нелюбимой истории её создания, о её первых вождях, жестоких и беспощадных, необузданных и развратных. Об истинных скромных, а не мнимых, героях военного возрождения. С таким замыслом и пустился он в путь. С тем и окунулся с головой в историческое небытие. И вот что интересно, чем дальше, тем меньше грязи и пошлости оставалось на историческом полотне этой работы. Всё меньше самодурства, низости человеческой, несурзностей. А если и было что, то было оно вполне объяснимо, понятно и закономерно. А что на поверхности оставалось, так это самопожертвование и энергичность, упорство и самоотверженность, настойчивость и трудолюбие. Первоначальные за-

думки со временем утратили привлекательность, кое-что развеялось под спудом сомнений. Наверное, так бывает, когда надуманная гипотеза не выдерживает упрямого сопротивления исторических фактов и лопаётся, как мыльный пузырь. В творческом усердии, как утопающий за соломинку, хватаешься за размышления, ставшие в одночасье жалкими, в надежде оставить и опереться хоть на что-то. Оттачиваешь это что-то, шлифуешь, смакуешь всяко, а потом, всё одно, забраковываешь. В общем, такой вот созидательный процесс. И броского эффектного вывода не получилось, и сенсационных разоблачений не вышло. Ни тебе «нового видения» исторического пути, ни одного полого над страшными тайнами века не приоткрыто. Вроде бы, работа не состоялась. Заключение какое-то старорежимное, итоги стандартные, мысли однообразно серые, бездарное цитирование чьих-то крылатых высказываний, не помнишь точно, чьих. В довершение всего в запасниках одной из библиотек в книге в потёртом переплёте, из тех, что повергают в благоговение от простого прикосновения, внезапно находишь точную и исчерпывающую формулировку, и это тебя в буквальном смысле подкашивает. Ту, над которой так долго и мучительно ломал голову. В ней всё – и внутренний глубокий смысл, который так долго и незримо от тебя ускользал, и ясность выражений без делитантской неуклюжести и смутной неопределённости, и эпитеты-то какие, всё русские, почти пушкинские. Оказывается, всего-то делов, нужно было давно полистать эту покрывную слоем пыли монографию. Столько времени было сэкономлено. Разочарование, апатия, усталость, отчаяние. И ощущение собственной ущербности перед величием мастера.

А потом тебя осеняет. Ведь вот она, изюминка. Ведь старые истины так хрупки и беззащитны на современном рынке всего и вся. Не смотря на фундаментальность, неизбежность, каковыми их наделили классики жанра. Те, чьи имена делают честь отечественной и мировой исторической науке. Их идеи и сегодня свежи и нетривиальны. А главное, они опять востребованны временем. Потому что величие и слава Отечества, померкшие под слоем нелепых обвинений и псевдоразоблачений, полуправды и домысла, требуют честной апологетики. И её необходимо защитить от злобных нападок,

очистить от струпов всех этих псевдосенсаций конъюнктурной писательской братии. И это «расследование» – посильный вклад в это дело. Сам того не сознавая, сейчас ты сделал эту непустяшную работу. Только ради этого стоило копаться в благословенной пыли архивных запасников, мучиться и завидовать. И не страшно, что тезисы эти уже века полтора-два назад стали достоянием России. В более изысканной художественной форме, талантливее и точнее выраженные, но по сути – те же.

Так определился общий вектор работы – от модных попыток ниспровержений через тернии крепнувших сомнений к чётко выраженной апологетике традиционных взглядов. Что повлияло на такую трансформацию авторских взглядов? Поверьте, ничего, кроме всё более глубокого погружения в эту проблематику. Зря всё это. И то, что реформы надуманы, и то, что армия ещё до Петра была во всеоружии. Зря стараются перевести внимание с эпохальных свершений на паталогическую жестокость, врождённую ксенофобию, семейные неурядицы и неуравновешенность характера, шокирующее поведение и дикость нравов. Всё это, даже если и случалось в нашей истории, никогда не затеняло величия народного подвига. И реформа была, самая что ни на есть серьёзная, и преобразила она лицо страны кардинально. А дореформенная страна действительно была погружена в вековой сон, и место её было на задворках истории, и динамика развития была прямо-таки угрожающая. И не на пустом месте реформа проходила, всё было подготовлено предшествующим ходом истории, подготовлено до такой степени, что некоторые лишают Императора права быть истинным реформатором. Всё это было. Из истории ничего не выкинешь, но и забывать ничего не следует. Была упорная многолетняя борьба, был героизм и мужество, терпение и смиренность, самоотверженность и стойкость, насилие и жестокость. Было титаническое напряжение народных сил, горькие поражения и славные победы, торжество и триумф нации. Были вписаны героические страницы в славную летопись нашего Отечества. Страницы, которые мы, потомки, и поныне с благоговением перечитываем, извлекая для себя поучительные примеры верности Долгу, уважения к нашей Истории и любви к Отечеству.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Русские воинские традиции в военно-реформаторской деятельности Петра Великого	14
1.1 Вооружённые Силы дореформенной России	14
1.2 Отечественный опыт и строительство регулярной русской армии	124
Глава 2. Европейское военное искусство и армия Петра Великого	252
2.1 Вооружённые Силы стран Западной Европы	252
2.2 Роль европейское военного дела в создании регулярной русской армии	310
Заключение	404
Содержание	407